Записки фельдмаршала графа Миниха

Государственная публичная
историческая библиотека России

ЗАПИСКИ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ
В XVIII СТОЛЕТИИ

ЗАПИСКИ фельдмаршала ГРАФА МИНИХА

Перевод с французского

Редакция и примечания С. Н. Шубинского

Москва
2017

УДК 94 (47)
ББК 63.3(2) 46
М 62

Печатается по изданию: Записки фельдмаршала графа Миниха. С прил. портр. графа Миниха: пер. с фр. /Б. Х. Миних; ред., примеч. С. Н. Шубинского; [предисл. К. Н. Бестужева-Рюмина].— СПб.: тип. В.Безобразова и комп., 1874.— 406 с., XXIX, 1 л. фронт. [портр.] — (Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т II).

Миних Б. Х.

М 62 Записки фельдмаршала графа Миниха: пер. с фр. / ред., примеч. С. Н. Шубинского; [предисл. К. Н. Бестужева-Рюмина]; предисл. А. В. Сазанова, Т. Г. Бородинской; Гос. публ. ист. б-ка России.— М., 2017.— 384 с.: ил.— (Записки иностранцев о России в XVIII столетии).

ISBN 978-5-85209-397-4

Фельдмаршал граф Б. Х. Миних (1683–1767) занимает одно из самых видных мест в ряду государственных деятелей XVIII в. Его записки впервые были изданы в 1744 г. в Копенгагене на французском языке под заглавием «Очерк, дающий понятие об образе правления Российской империи». В них описываются события с конца XVII в. до воцарения Петра III, характеры государей и их придворных. В русском переводе «Записки...» появились лишь спустя столетие, отдельной книгой изданы в 1874 г. и были дополнены материалами историков XIX в.

УДК 94 (47)
ББК 63.3(2) 46

ISBN 978-5-85209-397-4

© Государственная публичная историческая библиотека России, 2017
© Сазанов А. В., предисловие, 2017
© Бородинская Т. Г., предисловие, 2017
© ООО «Микрографтех, оформление, 2017

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ШУБИНСКИЙ И ЕГО «ЗАПИСКИ ГРАФА МИНИХА»

Сергей Николаевич Шубинский происходил из древнего дворянского рода, восходящего к началу XVII в. Его предки состояли на военной службе, но до больших чинов не дослужились. Сергей Николаевич Шубинский родился в Москве 2 июня 1834 г. от брака отца Николая Петровича с Клавдией Николаевной Новосильцевой. Отец в ту пору состоял директором Московского воспитательного дома* в чине действительного статского советника. У отца было пять сыновей, включая Сергея, и четыре дочери, из которых старшая, Анна Николаевна, была замужем за князем Николаем Ивановичем Оболенским. Сергей рано осиротел, воспитывался сначала в родственном доме князей Оболенских, затем учился в Московском дворянском институте**, где считался лучшим учеником по русскому языку. В 1852 г. он зачисляется на службу в московское губернское правление, а в 1854 г., во время Крымской (Восточной)

* Московский воспитательный дом — благотворительное закрытое учебно-воспитательное учреждение для «приёма и призрения подкидышей и бесприютных детей», учрежденный в 1763 г. Дети 7—11 лет обучались чтению, письму, рисованию, ремёслам. С 1774 г. воспитанников отдавали в город для обучения на фабриках и в мастерских; при Воспитательном доме были организованы столярные, слесарные и другие мастерские. Часть воспитанников Воспитательного дома посылалась для дальнейшего обучения в Московский университет, Академию художеств и другие учебные заведения. В XIX в. на территории Воспитательного дома жили и работали до 8 тыс. человек.

** Московский дворянский институт, образованный в 1833 г. из 1-й московской гимназии, был закрытым сословным учебным заведением для детей российских дворян (преимущественно Московской губернии) с целью их подготовки к продолжению образования в университете. Институт просуществовал до 1849 г.

войны, определился на военную службу подпрапорщиком в лейб-гвардии гренадерский полк, где в 1855 г. производится в прапорщики*

Тем временем произошло событие, определившее дальнейшую служебную карьеру С.Н. Шубинского. 12 апреля 1859 г. на должность генерал-кригскомиссара** Военного министерства был назначен граф Валериан Егорович Канкрин. Причина назначения была банальна — семейное родство. Как свидетельствовал в своих мемуарах будущий военный министр и реформатор русской армии Дмитрий Алексеевич Милютин, «Канкрин был сын нашего знаменитого министра финансов, этим только и можно объяснить выбор его на должность «генерал-кригскомиссара». Он отличался чрезвычайною тучностью, славился как bon vivant и ничем не проявлял своих административных способностей. Комиссариатский департамент был самый расстроенный во всем министерстве и более других озабочивал генерала Сухозанета, который журил и пилил Канкрина; но совершенно тщетно, так как ни граф Канкрин, ни сам генерал Сухозанет не были в силах привести в порядок запутанные дела обширной комиссариатской части»***

В 1860 г. генерал-кригскомиссар граф В.Е. Канкрин пригласил молодого военного С.Н. Шубинского на работу в комиссариатский департамент чиновником особых поручений. Его обязанностью стало составление т.н. «всеподданнейших отчетов». Так назывались отчеты губернатора государю («непосредственно на Высочайшее воззрение») о состоянии вверенной ему губернии. Карьера С.Н. Шубинского пошла в гору. В 1861 г. он получает чин штабс-капитана, в 1864 г. — капитана, в 1867 г. — майора, в 1870 г. — под-

---

* Глинский Б.Б. Сергей Николаевич Шубинский (1834—1913). Биогр. очерк. СПб., 1913. С. 6.

** Комиссарство при войсках под управлением генерал-кригскомиссара было Указом Петра I от 31 июля (11 августа) 1711 г. В XVIII в. генерал-кригскомиссар ведал вопросами снабжения, вещевым и денежным довольствием личного состава и др. По Воинскому уставу 1713 г. был начальником комиссариатского управления; впоследствии — начальником комиссариатского департамента. Однако в 1800 г. была введена должность генерал-интенданта, которому и перешло верховное руководство снабжением армии. Генерал-кригскомиссар превратился во второстепенного распорядителя, своего рода зам. начальника тыла.

*** Воспоминания генерал-фельдмаршала Д. А. Милютина. 1860—1862. М.: Рос. арх., 1999., С. 26.

полковника, в 1876 г. — полковника. Последовали и ордена. В 1873 г. С.Н. Шубинский был удостоен ордена Св. Анны 3-й степени, 1879 — Св. Станислава 2-й степени, 1883 — Св. Владимира 4-й степени, в 1886 г.— Св. Анны 2-й степени. Наконец 28 марта 1887 г., непосредственно перед увольнением, «согласно прошению», был произведен в генерал-майоры*.

Вполне достойная успешная карьера сопровождалась и устройством личной жизни. 11 июля 1865 г. С.Н. Шубинский женился на Екатерине Николаевне Боровской, дочери инженер-полковника Николая Яковлевича Боровского, дворянина Курской губернии**

Но деятельность чиновника Военного министерства не была для С. Н. Шубинского главной. Делом всей жизни стали литература и собирательство старых книг. Н.А. Энгельгардт в восторженных словах характеризует деятельность С.Н. Шубинского как книжного коллекционера: «О, то был старинный коллекционер-антикварий, тип, который воспроизведен еще Вальтер Скоттом в его романе «Антикварий». Это страстный искатель книжных редкостей, странствующий по лавочкам и подвалам букинистов, по рынкам, толкучкам, аукционам, трепетно обретающий порыжелый волюм, редкостную брошюру, гравированный лист»***

Пожалуй, никто лучше литератора не расскажет о своей литературной деятельности. Поэтому предоставим слово самому С.Н. Шубинскому. «Литературная деятельность моя началась в 1860 г. и литератором я сделался случайно. В числе моих знакомых был некто В.П. Василько-Петров (преподаватель декламации в театральном училище), писавший воскресные статьи в «Русском инвалиде». В июне месяце 1860 г. Василько-Петрову понадобилось ехать по какому-то экстренному делу в Орловскую губернию...он, вероятно, за неимением под рукой другого, более подходящего человека, предложил мне написать вместо него несколько воскресных фельетонов в «Инвалиде»****

«В это время (через 20 лет — *А.С., Т.Б.*) я сошелся с двумя лицами, уже подвизавшимися на поприще истори-

---

* Глинский Б.Б. Сергей Николаевич Шубинский. С. 6, 7.

** Там же. С. 6.

*** Там же. С. 18.

**** Там же. С. 7.

ческой литературы, М.И. Семевским* и М.Д. Хмыровым**, из которых к последнему сохранил до самой кончины самые дружеские чувства. Слушая их рассказы о вычитанном в документах и книгах, я пристрастился к русской истории и увлекся преимущественно XVIII в., столь обильным разными трагическими, комическими и анекдотическими эпизодами. Умерив себя, насколько хватало характера, во всех привычках, чтобы сохранить лишнюю копейку, я почти ежедневно начал ходить на толкучий рынок, где в те времена в беспорядочно сваленных грудах книжного хлама можно было найти и приобрести по дешевой цене что-нибудь редкое. Мало-помалу у меня начала составляться по обдуманному плану библиотека, исключительно из сочинений русских и иностранных, касавшихся отечественной истории прошлого столетия, заключающая в себе теперь более 1500 названий. По мере накопления источников и знакомства с ними я писал и помещал в разных периодических изданиях небольшие исторические очерки и рассказы, принимавшиеся редакциями весьма охотно, так как анекдотическая сторона нашей истории была тогда еще мало известна и очень нравилась невзыскательной публике, да и обработка подобных тем не представляла особенных трудностей и более всего подходила к способностям и знаниям автора. В 1869 г. эти очерки и рассказы были изданы книгопродавцем Плотниковым отдельной книжкой и имели такой успех, что через год потребовалось второе издание»***

«Нам легко было работать тогда. Пойдешь на рынок, купишь случайно какую-нибудь брошюру XVIII в. или журнал того времени, перефразируешь здесь содержание,

---

* Михаил Иванович Семевский (1837–1892) — историк, журналист и общественный деятель, с 1877 г. — гласный Петербургской городской думы, в 1883–1885 товарищ городского головы. Впервые опубликовал мемуары А. Т. Болотова (1870), Я. П. Шаховского (1872), Эрнста Миниха, сына фельдмаршала (1891), а также мемуары и письма декабристов. Литература: Кох О.Б. Михаил Иванович Семевский: (Опыт аналит. биогр.): дис.... д-ра ист. наук: 07.00.02 СПб., 2005. РГБ ОД, 71:07-7/20

** Михаил Дмитриевич Хмыров (1830-1872) — историк, публицист, библиофил. Обладатель большой библиотеки, частично переданной в Государственный исторический музей в Москве. Библиотека Хмырова считается первым поступлением в его фонды.

*** Глинский Б.Б. Сергей Николаевич Шубинский. С. 10.

и вот готов любопытный исторический рассказ.Читателям все было внове, да и писателям-историкам сподручно»*

Как отмечал друг и коллега С.Н. Шубинского по изданию журнала «Исторический вестник» Б.Б. Глинский, Хмыров, Семевский и Шубинский распределили между собою по особой системе даже процесс собирания на книжном рынке литературного материала, и на долю Сергея Николаевича выпало именно собирание пособий и источников для истории XVIII в. Отсюда и специальный характер его библиотеки — библиотеки исключительно по эпохе Петра, Елизаветы, Екатерины, от какового характера он не отступал и до конца своих дней, когда к нему поступали те или иные из вышедших книг**

Но вернемся к воспоминаниям С.Н. Шубинского, имеющим уже непосредственное отношение к переиздаваемой книге. «В это же время, имея в виду зарекомендовать себя чем-нибудь более серьезным, нежели легкие исторические рассказы, я задумал перевести и издать с ученой обстановкой наиболее интересные мемуары иностранцев о России XVIII столетия. На первый раз я остановился на «Записках фельдмаршала графа Миниха» и на «Письмах леди Рондо», жены английского резидента при русском дворе в царствование Петра II и Анны Иоановны»*** Предприятие мое было встречено очень сочувственно лицами, с которыми я о нем советовался. Профессор К.Н. Бестужев-Рюмин согласился написать предисловие, Е.П. Карнович вызвался посмотреть и проверить перевод, П.А. Ефремов изъявил готовность составить указатели. Я усердно принялся за обширные примечания и скоро отыскал издателя, книготорговца Я.А. Исакова. В 1873 г. были изданы «Письма леди Рондо», а в следующем году «Записки графа Миниха». Но книги эти продавались так туго, что мой издатель скоро охладел, и я должен был покинуть мечту о продолжении этого издания»****

«Тогда мы с Суворинym решили основать новый исторический журнал. Я составил программу, в которую, соображаясь с вкусом публики, ввел исторический роман и повесть и иностранную историографию, а Суворин придумал,

---

* Глинский Б.Б. Указ. соч.. С. 16.

** Там же. С. 16, 17.

*** Там же. С. 11.

**** Там же С. 13.

нельзя сказать, чтобы очень удачно, название «Исторический вестник»* Первый 1880 г. «Исторический вестник» находился с моей на нем подписью, как «редактора-издателя», но через год обстоятельства переменились, и Суворину без всяких затруднений разрешили подписываться издателем, которым он и был в действительности»**

Так появилось основное детище С.Н. Шубинского — журнал «Исторический вестник». Целью его было «знакомить читателей в живой, общедоступной форме с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе». Журнал до революции выходил с 1880 по 1917 г. (всего 147 томов)*** Структура была следующей. Каждый том состоял из трёх ежемесячных выпусков, имел свою нумерацию страниц, оглавление, список иллюстраций.

Наиболее обширный отдел «Исторического вестника» составили воспоминания, среди которых были: «Дневник В.И. Аскоченского», «Записки К.А. Полевого», «Из семейной хроники Л.Н. Павлищева», «Воспоминания А.Я. Головачевой» и др. В отделе истории литературы печатались исследования М.И. Сухомлинова, А.И. Кирпичникова, В.Я. Стоюнина, А.И. Незеленова, А.П. Пятковского, А.Д. Галахова и мн. др. Немало исследований и статей было помещено по политической и церковной истории России, в обработке И.Е. Забелина, Д.И. Иловайского, Д.А. Корсакова, М.И. Дубасова, С.Н. Шубинского и др. В отделе оригинальной беллетристики печатались произведения гр. Е.А. Салиаса, Д.Л. Мордовцева, Г.П. Данилевского, Н.И. Костомарова, Н.С. Лескова, С.Н. Терпигорева, В.П. Буренина и мн. др. Другие отделы «Исторического вестника» включали библиографию произведений русской и иностранной исторической литературы, некрологи, новости, исторические материалы и документы, «имеющие общий интерес»****

---

* Глинский Б.Б. Указ. соч. С. 14.

** Там же. С.15.

*** Журнал был возобновлен в 2012 г. в Москве под редакцией А.А. Горского с продолжением общей нумерации томов. В 2014 г. был издан 157-й том, посвященный монгольским завоеваниям и Руси.

**** Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.— СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890—1907. Исторический Вестник. http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/46504/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9. Дата обращения 18.03.2016.

Журнал приобрел устойчивую популярность среди читателей, заняв прочное место в «триумвирате» русских исторических журналов наряду с «Русским архивом» и «Русской стариной», опережая их по количеству подписчиков. Отличием «Исторического вестника» было то, что он не помещал на своих страницах необработанных, сырых материалов. С другой стороны, журнал приближался по своему типу к журналам общелитературного образца, сочетая в себе коммерческий успех и доступное изложение материала*

При этом С.Н. Шубинский не считал себя историком. Как писал Б.Б. Глинский: «Слыша отовсюду одобрение этих работ, он никогда не преувеличивал их значения, не зачислял себя в разряд первых богов и всегда сам лично отводил себе скромное место популяризатора и компилятора»** «В этом служении просвещению он видел задачу и обязанность своей жизни, на страже которых он и продолжал стоять до последних дней»***

Несомненная ценность работ С.Н. Шубинского заключается в том, что «всякое сведение, им преподанное читателю, строго проверено, обосновано фактическим материалом и не вызывает ни малейшего сомнения в своей достоверности»****

С.Н. Шубинский как в воду глядел, когда в свое время предложил Б.Б. Глинскому: «Вы бы написали мой некролог при моей жизни. Все-таки было бы приятно посмотреть, как тебя хвалят. Пожалуй, что захвалите, вот я бы карандашом и прошелся по статье. Заодно можно было бы оплатить ее авансом»***** С.Н. Шубинский скончался в Санкт-Петербурге 28 мая (10 июня) 1913 г. В газетах и журналах появились многочисленные некрологи с описанием его заслуг.

Архив С.Н. Шубинского и журнала «Исторический вестник» хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

---

* Глинский Б. Б. «Исторический вестник» за 35 лет: (Портретная галерея) // Ист. вестн.: Т-ва А. С. Суворина.— Пг., 1915. Т. CXXXIX, № 1. С. 180—207.

** Глинский Б.Б. Сергей Николаевич Шубинский. С. 28.

*** Там же. С. 33.

**** Там же. С. 19.

***** Там же. С.3.

* * *

> Миних, ежели и не почесть его одним из творцов Российской империи, то уж к сынам оной он причтен быть может...
>
> *Екатерина II*

Дневник будущего российского фельдмаршала Бурдхарда-Христофа Миниха начинается со слов: *«1683. Мая 9/20. Я, Бурхард, Христофор фон-Мюнних родился в вотчине моих родителей Нейенгунторфте в графстве Ольденбургском*. Отец мой был Антон Гюнтер фон-Мюнних, владетель вотчины Нейенгунторфта княжеский Ост-Фризский тайный советник и дросте** в Эзенсе, в нынешнем же году бывший графств Ольденбурга и Дельменгорста в службе его королевского величества Короля Датского. Мать моя была София Катерина фон-Мюнних, урожденная фон-Эткен».*

Родина Минихов (Мюннихов) издавна называлась «страной маршей»: плодороднейшие земли, марши (Marschland), тянулись вдоль побережий рек и Северного моря, покрывали низины, защищенные плотинами от наводнений. Род Минихов был крестьянским, предки из поколения в поколение занимались строительством гидросооружений, плотин и каналов, так необходимых в покрытых реками и озерами заболоченных землях. Отец фельдмаршала, Антон-Гюнтер Миних, служил в датской армии в чине подполковника. Учитывая его опыт и мастерство в строительстве, датский

---

* Óльденбург (Oldenburg) — историческая область в Северной Германии, графство с XII в. В 1667 г. графство Ольденбург перешло во владение датского короля Христиана V. В 1773 г. правление датских королей закончилось, и в 1777 г. Ольденбург стал самостоятельным герцогством. В 1810–1814 гг. Ольденбургское герцогство было оккупировано войсками наполеоновской Франции. В 1815 г. Ольденбург имел статус великого герцогства. Его столицей был город Ольденбург. В 1871 г. Ольденбург был присоединен к Германской империи, сохранив формальный статус великого герцогства. В 1918 г. он получил статус земли в составе Веймарской республики, а в 1946 г. включен в состав земли Нижняя Саксония на правах округа.

** Дрост *(нем. drost, drossart, drossete)* — должностное лицо, ответственное за управление определённой местностью в военном, юридическом и полицейском плане и представляющее интересы землевладельца.

король назначил его главным надзирателем над плотинами и водяными работами в графствах Ольденбургском и Дельменгорстском и предоставил ему дворянское достоинство. Отец, как специалист по фортификации и гидравлике, передавая свой опыт сыну, поручал ему копировать планы, чертежи, читать описания плотин и шлюзов. Бурдхард-Христоф получил основательное образование, овладев инженерным и чертёжным искусствами, освоив математику, латынь и французский язык, а также получив опыт в области гидротехники. В 1700 г. отец отправил его в Париж, который считался тогда центром европейской цивилизации. Юноша, неплохо владеющий французским языком, вскоре получает предложение занять должность инженера в Эльзасской дивизии французских войск.

Начавшаяся война между Германией и Францией за испанское наследство заставила 18-летнего юношу сделать выбор: он отказался служить против соотечественников по приглашению маршала Виллеруа на французской службе, а определился капитаном в гессен-дармштадтскую* армию. В Дармштадте он обрел и свое личное счастье: здесь он в 1703 г. *«июня 29-го обручился при Дармштадтском дворе с гоф-дамою ее светлости Ландграфини, с благородною фрейлиною Христиною Лукрециею фон-Вицлебен». 28 апреля 1705 года он был обвенчан «с дражайшей невестой своей.<>Венчание происходило в аудиенц-зале ландграфского замка в Дармштадте и было совершено с надлежащим церемониалом его светлости придворным священником и инспектором Клауде».* Опережая события, скажем, что Христина-Лукреция Вицлебен (р. 1685, умерла в феврале 1727 г. в Петербурге) двадцать два года составляла счастье его жизни и была матерью всех его тринадцати детей, из которых выросли три дочери и сын.

В 1700—1721 гг. молодой честолюбивый Бурхард-Христоф Миних служил инженером во французской, гессен-дармштадтской, гессен-кассельской и польско-саксонской армиях, фактически став «наемником» или, говоря современным языком, контрактником, «солдатом удачи». Он строил каналы и участвовал в сражениях, был ранен и

---

* Ландгра́фство Ге́ссен-Да́рмштадт *(Landgrafschaft Hessen-Darmstadt)* — немецкое княжество Священной Римской империи, существовавшее с 1567 по 1806 г. со столицей в Дармштадте.

освобождался из плена, дрался на дуэлях и продвигался по службе. Он получил значительный боевой опыт под знаменами принца Евгения Савойского и герцога Мальборо, участвуя в Войне за испанское наследство, освоил организацию военных походов в Европе. В Германии он заслужил чин полковника, в Польше получил от Августа II чин генерал-майора и руководство военной инспекцией. Однако интриги при дворе Августа заставили его принять решение покинуть Польшу.

Познакомившись в Варшаве с князем Григорием Долгоруким, верным соратником Петра I, долгие годы выполнявшим его поручения на дипломатической службе, в 1720 г. Миних получил от него предложение поступить на службу к русскому царю на должность генерал-инженера с последующим повышением в чин генерал-поручика. С большим интересом относящийся к победам и преобразованиям Петра, он решился ехать в Россию. Да и сам 64-летний Долгорукий собирался на родину: уладив конфликт между Августом II и сторонниками кандидата на королевский престол Станислава Лещинского, ставленника Карла XII, в 1721 г. просил царя отозвать его из Варшавы.

Еще до окончательного решения вопроса Миних через князя передал для Петра свое сочинение о фортификации и своеобразное «резюме» — записку с перечнем предметов, вовсе ему неизвестных, малоизвестных и тех, в чем он был сведущ. К первой категории он относил морскую и кавалерийскую службы, ко второй — гражданскую архитектуру и артиллерию, с оговоркой, что умеет распоряжаться ею при атаке и обороне крепостей и в сражениях, но не знает «в подробностях». К знаниям, которыми он владел профессионально, Миних отнес пехотный строй, военную архитектуру с атакою и обороною крепостей, отметив, что математику, фортификацию и военное искусство он мог бы преподавать великому князю, внуку Петра I (будущему императору Петру II). «Определяюсь в службу его царственного величества не на три или четыре года, но на всю остальную жизнь мою, и в свидетельство сего, поселю в государстве его величества довольно многочисленное семейство, которое всемилосердный Бог поручил на мое попечение. <> Все сие, однако, повергаю на всемилостивейшее благоусмотрение его величества и всенижайше уверяю его, что за единственное счастие почитаю посвятить всю жизнь

мою службе столь великого государя»*,— уверял Петра Миних. Выехав из Варшавы 23 февраля, он прибывает в Петербург «в добром здравии» 14 марта 1721 г.

Как писал Николай Иванович Костомаров, «с этого времени Миних стал всецело принадлежать России, и его имя вступило в ряд имен знаменитых деятелей в русской истории. Ему было 37 лет от роду. Он был высок ростом, чрезвычайно статно сложен, красив лицом; его высокий открытый лоб и быстрые проницательные глаза с первого раза выказывали то величие духа, которое заставляет любить, уважать и во всем повиноваться. Но вместе с тем он показался очень моложавым по своим летам. Многие в русской службе, отличавшиеся в войне против шведов, были старее нового пришельца летами и временем службы и оставались в генерал-майорском чине. Особенное предпочтение новопоступившего было бы для них оскорбительно».

Петр не спешил с назначением. Желая убедиться в профессионализме Миниха, Петр приказывал ему сопровождать его в Стрельну, в Петергоф, Ораниенбаум, Кронштадт. Император внимательно выслушивал мнение Миниха, показывая ему строящиеся доки и укрепления, новые российские корабли и повергнутые шведские, поручил немецкому инженеру начертать новый план для укрепления Кронштадта, говорил с ним при смотре войск о военных действиях. Весна была на исходе, а этот своего рода экзамен все еще продолжался — назначения на должность, обещанную князем Долгоруким, не было. В апреле—мае 1721 г. Миних сопровождал Петра I в Ригу. Там 10 мая 1721 г. от удара молнии загорелась церковь Св. Петра. Потушить пожар не удалось — почти полностью выгорел шпиль башни, который, к счастью, не рухнул на город и не причинил дополнительных разрушений. Легенды приписывают это молитвам Петра I, который сам принимал участие в тушении пожара. Тогда очень кстати пришлось умение Миниха рисовать: для восстановительных работ пригодился рисунок сгоревшей башни, выполненный им ранее «от нечего делать». Миних оказался нужен Петру, а значит и России — тогда и последовал приказ самодержца о назначении его на службу.

---

* Записка, поданная Минихом перед вступлением в русскую службу // Рус. вестн. 1841. № 1. С. 135—139.

«Дневник Миниха» сообщает:

«22-го Мая/2-го Июня в то время, когда Его Царское Величество хотел поехать из Риги в С.-Петербург, тайный советник граф Толстой и генерал-майор Ягушинский объявили мне резолюцию, что в силу универсала, изданного год тому назад, все иностранные офицеры, поступив в русскую службу, должны по крайней мере год прослужить в прежнем чине, и что на этом основании Его Величество соизволил принять меня в свою службу с чином генерал-лейтенанта. Вследствие сего мне тогда же выдали патент за собственноручною подписью Его Величества числом следующего года, следующего содержания:

«Божиею милостию, Мы Петр первый Царь и Самодержец всея России и проч. и проч.

Объявляем сим всем и каждому, что приняли на свою службу генерал-майора Мюнниха и за рекомендованную нам его опытность и ревность определили его генерал-лейтенантом нашей армии; сим же мы повелеваем всем Нашим подданным признавать и уважать означенного генерал-майора как подобает нашим генерал-лейтенантом. За сие Мы уповаем, что он в жалованном ему Всемилостивейше чине будет служить Нам верою и правдою, как следует доброму и верному офицеру и слуге. В засвидетельствование чего мы сие скрепили собственноручною подписью и приложением Нашей военной печати. Дано 22-го Мая 1722 года».

Патент был подписан годом вперед, что означало получение чина генерал-лейтенанта ровно через год после принятия его на службу в прежнем звании генерал-майора. Главными обязанностями его были *«гидравлические работы»* на балтийском побережье. Получив в Риге известие о кончине родителей и съездив на родину в Ольденбург, как оказалось, в последний раз в своей жизни, Миних стремился «возвратиться в Петербург как можно скорее, чтобы начать службу». Служебное рвение разумного человека идет на пользу дела, а Миних разум имел и от природы, и от накопленного опыта. Это был уже не «птенец гнезда Петрова», а зрелый и деятельный помощник великого реформатора. Миних быстро заслужил своей работоспособностью и знаниями расположение Петра I. Царь-реформатор заботился об укреплении Санкт-Петербурга и устройстве его водных магистралей, поэтому поручил Миниху устроить шлюз на реке Тосне, провести Обводной канал, проложить

дорогу по берегу Невы от Шлиссельбурга до С-Петербурга, а затем начертать план Рогервикской гавани (Балтийский порт). В 1723 г. на Миниха была возложена еще более сложная работа по проведению Ладожского канала, начатого еще в 1710 г., который должен был соединить Волхов и Неву в обход Ладожского озера.

Миних выдвинул свои «кондиции», в которых среди прочих условий оговаривались 5–6 лет службы, а не пожизненное служение, о котором он заверял прежде, выплаты в поездках на дорогу и дрова, годовой оклад не менее того, что в предыдущей службе имел, выражал надежду, что государь *«царскою милостью и протекцией»* его не оставит. В 1724 г. работы на Ладожском канале, где было задействовано около 25 тыс. рабочих, завершались — к удовольствию Петра, к радости и гордости тщеславного Миниха. Осенью 1724 г. прибывший на строительство царь осмотрел часть построенного канала, который «господин инженер», ему в угоду, тут же приказал заполнять водой, взломав плотину. Петр вместе с Минихом, поднявшись на бот, стоявший позади плотины, с восторгом совершил на нем стремительный спуск среди бурлящей воды, устремившейся в новое русло.

«Работа Миниха сделала меня здоровым,— говорил воодушевленный Петр,— я надеюсь со временем вместе с ним ехать водою из Петербурга и в Головином саду при реке Яузе в Москве встать».* Очень важным он считал усиление роли Москвы как торгово-промышленного центра России. Грандиозные планы Петра Великого осуществились гораздо позже, после строительства канала Москва-Волга (1937 г.) и Волго-Донского канала (1952 г.). Петр был доволен работой Миниха и говорил: «Я еще не имел ни одного чужестранца в своей службе, который бы так как сей умел предпринимать и совершать великие дела». Эти слова не только укрепили авторитет Миниха как человека полезного Российскому государству, но и придали ускорение его здоровому рвению в осуществлении петровских

* Головинский сад находится на левом берегу реки Яузы (в Заяузье) и примыкает к Головиновскому (Екатерининскому) дворцу в Лефортово. Построен архитектором Ивановым в 1703 г. для генерал-фельдмаршала Ф.А. Головина и является первым регулярным парком в России, был назван «Версалем на Яузе», так как копировал версальские сады. Стал прообразом парков в Петергофе, Царском Селе, Павловске. В создании сада также принимал участие Растрелли.

планов. «Он постигнул дух Петров!»,— одной емкой фразой охарактеризовал тогда Миниха прусский посланник барон Мардефельд.

Последовавшая через три месяца смерть Петра не сказалась на положении генерал-лейтенанта: на троне — Екатерина I, разумения которой хватало на то, чтобы петровские начинания продолжены были. Тогда же всесильным лицом в государстве стал Меншиков, невзлюбивший Миниха за вскрытые воровские грешки и недобросовестные работы на канале, к коим Меншиков был причастен. Ум, осторожность, мнимая покорность помогали Миниху избегать конфликтов, важнейшим делом для него стало сохранять свои личные интересы. В новых «кондициях», поданных Екатерине в начале 1727 г., он объявляет о готовности служить в России еще 10 лет и выдвигает много, очень много условий, главные из которых — чины, почести, деньги, земли и недвижимость. Екатерина I, следуя завету Петра, производит его в генерал-аншефы, награждает новоустановленным Императорским Орденом Святого Благоверного Князя Александра Невского, жалует несколько тысяч рублей денежного вознаграждения и предоставляет возможность получать доходы от всех таможенных и кабацких сборов на Ладожском канале. Екатерина I не успела утвердить миниховские «кондиции»: возможно, новый контракт на продление службы в русской армии не спешил подать на утверждение всемогущий тогда А.Д. Меншиков, недоброжелательное отношение которого к Миниху не менялось. Но Миних был очень дружен с А.И. Остерманом и находил покровительство у него, вице-канцлера, члена Верховного тайного совета, обер-гофмейстера Императорского двора и воспитателя Петра Алексеевича, будущего императора Петра II (1715—1730).

Внук Петра I вступил на престол в мае 1727 г., после кончины Екатерины I, когда ему было одиннадцать лет. После отъезда Петра в Москву для коронации Миних устраивает перед своими палатами иллюминацию в честь коронования юного монарха, демонстрируя свою приверженность и ему, и его деду. «Иллюминация представляла собой «темпель» (храм), украшенный «по театральному маниру»: в нем была помещена фигура Петра II, который «с престола сходить изволит». У ног императора находились аллегорические фигуры, представлявшие «российские государства и провинции». Иллюминация, таким образом,

указывала на протяженность и состав империи»* Но от внука Петра Великого ждать интереса к государственным делам не приходилось — природа действительно на нем отдыхала: он лишен был элементарной любознательности, интересовали его лишь охота да непотребные развлечения. С годами, как писал С.М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен», «Петр дичал, горизонт его суживался». Реальная власть в государстве находилась в руках Верховного тайного совета, и в особенности фаворитов юного императора, сначала А.Д. Меншикова, а после его свержения — Долгоруких, с которыми Миних упрочил свои дружеские отношения.

При юном правителе в 1728 г. Миних возводится в графское достоинство, получает в личную собственность несколько деревень в Лифляндии, назначается генерал-губернатором Санкт-Петербурга, Ингерманландии, Карелии и Финляндии с командованием расположенными там войсками. Он распоряжался командным составом, часто выполняя личные просьбы высокопоставленных персон о переводе в следующий чин их родственников, находящихся на военной службе. Подобные обращения и посулы в верности заискивающих просителей льстили его тщеславию. В те годы он разрабатывал новый проект инженерного корпуса и специальной школы для подготовки офицеров-саперов, нередко оттесняя усилия другого специалиста — генерал-лейтенанта А.С. де Кулона, который указом Петра I еще с 1722 г. состоял в должности генерал-директора над фортификациями и опыт имел немалый. Усилия энергично работающего не только головой, но и локтями Миниха не остаются без поощрения: в 1729 г. он получил звание генерал-фельдцейхмейстера — главного начальника артиллерии и всего к ней относящегося.

6 января 1730 г. Петр II вместе с Минихом и Остерманом принимал военный парад — так было задумано отметить праздник Богоявления, и жестокий мороз не мог помешать традиционному водосвятию на Москве-реке. Это был последний праздник императора. Он умер от оспы в ночь на 19 января 1730 г. Дом Романовых пресекся в мужском колене.

---

* Погосян Е.А. Петр I — архитектор российской истории. СПб.: "Искусство - СПб., 2001. 421 с. Эл. ресурс http://www.ualberta.ca/~pogosjan/peter/paragraf1_3_3.html на 13.10.2015.

28 апреля 1730 г. в Москве была коронована Анна Иоанновна (1693–1740), дочь брата Петра Великого Иоанна Алексеевича. Миних с размахом отпраздновал это событие в Петербурге, устроив торжественный обед в своем доме и еще более грандиозный, чем при жизни Петра, фейерверк. Год спустя Миних был вызван в Москву, где ему было поручено подготовить петербургские дворцы к возвращению двора. Осенью 1731 г. в Петербург вернулась гвардия, а 15 января 1732 г. — императрица. Официальный въезд ее был организован Минихом с чрезвычайной пышностью, тщательно были разработаны *«Диспозиция и церемониал торжественнаго въезда императрицы Анны Ивановны в С. Петербург, 16 Генваря 1732 года»*. Шествие тянулось по Литейному проспекту, называвшемуся тогда Артиллерийской улицей, и по Невскому. Впереди всех ехали верхом почт-директор, почтмейстеры и почтальоны, играющие на рожках. За ними — отряд драгун, потом русские и иностранные купцы, с бургомистрами на украшенных лошадях. Далее верховые литаврщики и трубачи, опять драгунский отряд и ряд карет, запряженных цугом. Камергеры и камер-юнкеры, в числе шести пар всадников, предшествовали парадной карете императрицы. По сторонам этой кареты шли гайдуки, а за каретой обер-камергер Бирон с генерал-адъютантами, все верхом. Замыкал шествие ряд экипажей с придворными дамами и женами сановников. Проследовав через весь Невский, императрица вступила в Исаакиевский собор у Адмиралтейства. На пути шествия устроено было несколько триумфальных арок, на километры растянулись выстроенные в две шеренги войска. Как планировал Миних, все офицеры и рядовые приветствовали государыню, подняв шляпы вверх, махали и трижды кричали: «Виват Анна, великая Императрица, виват, виват, виват!» Звенели колокола, били самые большие городские часы на колокольне Исаакиевской церкви (заложена Петром I в 1717 г. на месте, где сейчас стоит Медный всадник, построена в 1727 г. — *А.С.*), гремели куранты на еще недостроенном соборе Святых Петра и Павла, отбивали дробь барабаны, звучали литавры и трубы, более двухсот пушек палили торжественными залпами. На льду Невы генерал-аншеф организовал инсценировку взятия снежной крепости, закончившуюся красивым маневром на льду: войска выстроились в виде буквы А. Вечером были устроены иллюминация и фейерверки. Праздник удался — им-

ператрица была довольна, Миних, как и прежде, оказался на высоте. Более того, он был приближен к трону, составив наравне с Бироном и Остерманом правящую верхушку аннинского правительства. Отблески короны царственной особы, а по некоторым сведениям и личная симпатия императрицы, не слепили его при исполнении государственного долга. Он активно продолжал руководить строительными работами в Петербурге, Выборге и Кронштадте. Как исторический казус стоит отметить покровительство Миниха воспитаннику Петра I, известному «арапу», предку великого Пушкина, Абраму Петровичу Ганнибалу. После изучения военно-инженерного дела во Франции «сын владетельного князя из северной Абиссинии» занимался в России инженерными работами в Кронштадте, Рогервике (ныне Палдиски), на Ладожском канале. Миних нуждался в помощниках-профессионалах и не раз оказывал ему поддержку в сложных жизненных ситуациях*.

22 октября 1730 г. было закончено строительство Ладожского канала, обеспечившего безопасное плавание в обход бурного Ладожского озера, и весной 1731 г. по нему начали ходить суда. В связи с тем, что канал отличался от первоначально задуманного и имел глубину меньше одного метра, в Шлиссельбурге и Новой Ладоге были сооружены шлюзы для поддержания необходимой для судоходства глубины. Несколько позже (12 февраля 1735 г.) для охраны канала был учрежден Ладожский Канальный батальон из четырех рот с 16 рядовыми гренадерами в каждой. Канал являлся крупнейшим гидротехническим сооружением Европы. Соединявший Петербург с центральными губерниями России, он имел огромное значение для расширения товарооборота морского порта. Началось регулярное морское сообщение с Европой, из Кронштадта на Любек и Данциг отходили почтовые и пассажирские пакетботы с билетом ценой 3 руб. В городе было завершено строительство правительственного здания 12 коллегий (ныне в нем размещается Санкт-Петербургский университет — *А.С.*). В 1733 г. завершалась постройка каменных равелинов Петропавловской крепости. В память об отце и деде императрицы Анны Иоанновны их назвали Иоанновским и Алексеевским. Рвы, отделившие равелины от

* Подробнее: Дьёдонне Гнамманку / Абрам Ганнибал: Черный предок Пушкина. (ЖЗЛ). М.,1999.

основной территории Заячьего острова, были отгорожены с помощью ботардо — плотин с подъемными решетками. В 1730—1733 гг. по проекту Б.Х. фон Миниха был перестроен в камне кавальер, самый мощный бастион крепости, который в честь императрицы получил название Аннинский. Высота стен этого сооружения до карниза составляла 11 метров (в настоящее время занят службами монетного двора). Масштабность замыслов Миниха поражает: он обдумывал грандиозное строительство моста на Стокгольм!

При Анне Иоанновне Миних — на пике карьеры. В 1731 г. он награжден орденом Андрея Первозванного, в начале 1732 г. становится президентом Военной коллегии, а через два месяца получает чин генерал-фельдмаршала. Под его управлением находятся крепости, число которых при нем увеличилось с 31 до 82. Он требует создания атласа с точными планами и даже профилями всех крепостей. «*Сила Российской Империи*» — так назывался этот атлас, законченный в 1746 г. Внимания фельдмаршала требовали не только стратегические военные сооружения, но и вся армия, нуждавшаяся в реформировании, которым он и занимался между 1729 и 1733 гг. Под руководством Миниха проведена была реорганизация финансирования армии с учетом мирного и военного времени, образованы два новых гвардейских полка — Конногвардейский и Измайловский. Для обеспечения надежной охраны границ Корпус Украинской ландмилиции состоял из 20 конных полков, будучи увеличен на 16, а Закамской ландмилиции — из трех конных и одного пешего полка. Миних составил новые штаты для армии, заменившие старую «табель» 1704 г., ввел в армии корпус из 12 полков тяжелой конницы, кирасир, приказав переименовать один из них, Выборгский драгунский, «скромно» в Минихов Кирасирский полк. Он создал первые полки гусар, сравнял жалованье русских офицеров с приглашенными иностранными. При нем ограничили пожизненную и поголовную службу дворян — ее срок свели к 25 годам, не считая военного времени. Одного из сыновей дворянина в армию не брали, чтобы занимался дома хозяйством. Были созданы военные госпитали и гарнизонные школы, закупалось качественное английское сукно для пошива формы. Он собственноручно рисовал красочные гербы для полевых, гарнизонных и ландмилицких войск, и Сенат утвердил их своим Указом 8 марта 1730 г.

Миних поддержал проект П.И. Ягужинского по созданию первого в России Шляхетского кадетского корпуса *«дабы в нем от четырех до пяти сот молодых дворян и офицерских детей воспитывать и обучать как телесным и военным упражнениям, так и чужестранным языкам, художествам и наукам»*. Отныне дворяне могли получать офицерские чины, минуя солдатскую службу. 17 февраля 1732 г. в Петербурге открылся 4-классный корпус на 200 человек, а уже с 12 мая набор увеличился до 360 российских, лифляндских и эстляндских дворян. В 1743 г. училище получило название Сухопутный шляхетский корпус. Воспитанники в возрасте 13–18 лет обучались истории, географии, юриспруденции, специальным военным дисциплинам, танцам и музыке, несли караульную службу. В трех старших классах обучение продолжалось 5–6 лет. Кадеты имели право посещать лекции академических профессоров с тем, чтобы иметь возможность поступить на гражданскую службу. Для экзаменов привлекались профессора и адмиралы Академии. Выпускники выходили в полки унтер-офицерами, прапорщиками и подпоручиками. Кроме того, Шляхетский корпус готовил кадры гражданских чиновников и дипломатов. Миних многие годы опекал Шляхетский корпус, будучи в 1732—1741 гг. его начальником.

Имя Миниха звучало при дворе много чаще, чем этого хотелось и Бирону, и Остерману, не терпевших суеты у ног императрицы. Не без их усилий ретивый граф был назначен в Польшу начальствовать вместо генерала Ласси над войсками, поддерживавшими Августа III и осаждавшими Данциг (ныне Гданьск), в котором заперся претендент на польский престол Станислав Лещинский. В марте 1734 г. Миних, приняв командование войсками, предпринял безуспешный штурм укреплений, перешел к блокаде, но когда 30 июня гарнизон капитулировал, выяснилось, что Лещинский бежал, переодевшись в крестьянское платье. Недоброжелатели, шептавшие, что Миних брал с неприятеля взятки, нарочно затягивал осаду и умышленно дал возможность Лещинскому избежать плена, не достигали цели — повредить фельдмаршалу они не могли: годами верной службы заработанный авторитет уже работал на него. Из уст в уста передавалась его ироничная реплика в адрес французов, спешивших на помощь Лещинскому. *«Благодарю Бога,— вскричал он, увидев французов, при-*

стающих к Данцигу,— Россия нуждается в руках для извлечения руд»[*]

В 1735 г. Б.Х. Миних направлен был в Варшаву для принятия командования над войсками, «рассеянными по Польше и Литве». Оттуда он не смог даже вернуться в Петербург — приказано было отправиться в Павловск на Дону и готовиться к осаде Азова. Разворачивалась очередная война России против турок и татар, совершавших разорительные набеги из Крыма. Проведя серьезную работу по организации военных действий, направленных на взятие Азова, дав распоряжения относительно движения обоза, подвоза продуктов и фуража, сам он весной 1736 г. возглавил поход на Крым. Миних с 54-тысячной армией выступил против 80-тысячного войска татар, обратил его в бегство, главные крымские города Гезлев (Евпатория), Бахчисарай и Акмечеть (Симферополь) подверг огню и разрушению. Но не предусмотрел победитель иных трудностей: жара, недостаток воды, болезни, надолго задержавшийся в пути обоз — все это привело к громадным небоевым людским потерям, выжила только половина воинства.

В течение нескольких лет благодаря извечному мужеству русских солдат были взяты Очаков и Хотин (1739), одержана, как писал Миних, *«изумительная победа»* при Ставучанах. Заботы о сохранении имени своего в веках побуждали его писать: *«Известно, с каким счастливым успехом окончил я не только эту экспедицию, но и всю войну <>Русский народ дал мне два прозвания, «столпа Российской империи» и «Сокола», который видит все».* Epistola non erubescit, бумага все стерпит... Полководец не просто не мог быть доволен исходом кампании — он видел крушение своих планов! Он мог стать молдавским господарем, князем, он мечтал пройти победным маршем до Константинополя! Его планы, он был убежден, могли осуществиться! И вот теперь, когда важные для государства свершения были реальностью, Австрия как союзник России вступила в переговоры с Турцией и заключила *«несчастный белградский мир»* отдельно от России, а 7 октября 1739 г. к этому договору присоединился и Санкт-Петербургский кабинет. Усилия, с которыми были

---

[*] Письма леди Рондо. Письмо XXII. Петербург, 1735. (Записки иностранцев о России в XVIII столетии). СПб., 1874. С. 85.

одержаны победы ценой многотысячных людских потерь, оказались тщетны, победы оказались бессмысленными, достижения бесполезными. Турции даже были возвращены многие разрушенные крепости.

Миних прибыл в Петербург 14 февраля 1739 г. — назавтра в столице устраивали пышные празднества по поводу заключения мира. Анна Иоанновна лично принимала участников боевых действий, раздавала награды. Миних и Ласси получили по золотой шпаге и пенсии, 5 тыс. и 3 тыс. руб. соответственно. А вот усыпанный бриллиантами золотой кубок и лежащий в нем указ казначейству о выдаче 500 тыс. руб. с поклоном получил «не нюхавший пороха» герцог Курляндский: ведь проавстрийский политик Бирон — правая рука императрицы.

Как писал Костомаров: «Среди всеобщего ликования одна душа не разделяла его, душа человека — виновника торжества, фельдмаршала Миниха. Он видел, что другие торжествуют то, что для него было утратою. Идея, волновавшая Европу уже третье столетие, готова была осуществиться: наступало, казалось, время разрешения задачи, брошенной Европе Азией еще в XV веке, и разрешителем ее судьба избирала его, Миниха! Сколько раз толковали европейские политики об изгнании турок из Европы, о восстановлении свободной христианской государственной жизни на Балканском полуострове! Но взаимные недоразумения христианских держав между собою препятствовали им соединиться для взаимно сознаваемой цели. Теперь, казалось, близко было разрешение задачи. В дальнейших успехах русского войска, предводимого Минихом, едва ли можно было сомневаться, как и в невозможности турецким силам бороться против русских.<>Мечты Миниха внезапно разрушились. Потерял он свои честолюбивые надежды; потеряла с ним разом и Россия. Не только ускользнуло от нее чаемое господство на Востоке, но опасности угрожали ей еще с Запада. Коварные друзья и тайные недруги готовились вредить ей. Они могли тогда уразуметь, что у руководящих судьбой России нет политической проницательности, что при самых блестящих успехах русского войска Русское государство всегда может остаться в проигрыше по бездарности и невежественности тех, от которых

зависит ведение дипломатических сношений»* Как тут не вспомнить несколько строк К.Ф.Рылеева неоконченной его «Думы» «Миних»:

Сидел лишь Миних одинок
И, тайною тревожим думой,
С презрением, как на порок,
Глядел на деспота угрюмо**

Деспотизм Бирона, а именно его подразумевал Рылеев, безраздельно властвующего над императрицей, привел к дальнейшему развитию драматических событий. Миних, конечно, желал, чтобы Анна Иоанновна испытывала чувство вины перед ним за то, что сдала заведомо выигрышную партию. Думала ли она об этом в свой смертный час? *«Последние произнесенные ею слова были: "Прости, фельдмаршал!»* Выдавал ли он желаемое за действительное, когда через годы сделал эту запись — бог весть. Образ царицы от этого не поблек, а сам фельдмаршал вполне мог, хоть на бумаге, воплотить свои тщеславные мечты — для потомков старался.

Благодаря Бирону, подсунувшему умирающей в последние минуты жизни подготовленное «завещание», следующим правителем империи становился сын ее племянницы Анны Леопольдовны и брауншвейгского принца Антона-Ульриха, трехмесячный **Иоанн Антонович**. Регентом его был назначен Э.И. Бирон. Миних, понимавший, что завещание подложное, знавший, что Анна боится Бирона, самостоятельно принимает важное решение и 8 ноября ночью арестовывает ненавистного Бирона, присягает 22-летней **Анне Леопольдовне**, ставшей правительницей России до совершеннолетия сына. Бирон выслан в Пелым. Но Миних, получив должность первого министра, не пользовался доверием у правительницы. С.М. Соловьев справедливо отмечает, что «вся сила Миниха основывалась на расположении к нему Анны Леопольдовны... Это было чувство благодарности за освобождение от Бирона; но благодарность — чувство тяжелое, если не поддерживается другими чувствами.

---

* Костомаров Н.И. Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории.

** Рылеев К. Ф. Думы/Изд. подгот. Л.Г. Фризман. М., 1975. «Миних» — одна из неоконченных «Дум» К.Ф. Рылеева; датируется 1822 г.

Если бы при этом Анне Леопольдовне постоянно внушали, что она должна держаться Миниха, как человека верного и необходимого, то, конечно, она бы и держалась его; но тут именно близкие люди употребляли все старания, чтоб уверить правительницу в неблагонадежности и опасных замыслах фельдмаршала, знаменитого честолюбца. Что Миних даже опаснее Бирона, потому что даровитее и отважнее его»* Для всех очевидна неблаговидная роль Остермана: оказавшись в государственных делах далеко не на первом месте, он наушничал принцу Антону-Ульриху, который передавал измышления о Минихе своей жене. Анна Леопольдовна побаивалась фельдмаршала, так скоро расправившегося с могущественным Бироном, и опасалась перемены своей участи. Она, не слушая его советов, принимала решения, руководствуясь мнениями своих любимцев, противников прусского короля — графа Линара, посланника короля польского, и маркиза Ботта, посланника венского двора. Разгневанный Миних в течение короткого срока вынужден был трижды просить об отставке *«по старости лет»* (ему еще 58). Указом от 3 марта 1741 г. правительница Анна повелевает за *«верные и знатные службы его от воинских и статских дел уволить»*.

Уехав в мызу Гостилицы, подаренную когда-то ему великим Петром, отставной фельдмаршал не смог отдохнуть от службы в своей пышной усадьбе. Анна Леопольдовна вскоре поплатилась за свою беспечность. В ночь на 25 ноября 1741 г. она была свергнута дочерью и единственной наследницей Петра Великого принцессой **Елизаветой**.

Елизавета всегда помнила о завещании Екатерины I 1727 г., которое предусматривало права ее и её потомства на престол после Петра II и Анны Петровны. Наследная принцесса, поддержанная гвардейцами Преображенского полка, наконец, заняла трон. Анну Леопольдовну с мужем отправили в Холмогоры, где она умерла через пять лет. Иоанн VI был заключен в Шлиссельбургскую крепость. По приказу Елизаветы арестовали Миниха, графа Остермана, вице-канцлера графа Головкина, обер-гофмаршала графа Левенвольде, президента Коммерц-коллегии барона Менгдена, действительного статского советника Темирязева.

---

* Соловьев С.М. Брауншвейгская фамилия. История России с древнейших времен. Соч. Т. 21. Кн. 11. М., 1993. Гл. 1.2.

В Манифесте о вступлении ее на престол, 28 ноября 1741 г., Миних был обвинен в том, что его и Остермана стараниями престол неправедно и насильственным путем достался младенцу Иоанну, а потом управление перешло к его матери; в другом Манифесте, 22 января 1742 г., были выдвинуты конкретные обвинения против Миниха. Он не защищал известного ему права Елизаветы на престол: «*о вручении правительства Российской империи в чужестранные руки старание и наиглавнейшую винность в том имеет, что бывший герцог Курлянский Бирон в регенство вступил: ибо он Миних первейший ему о том говаривал и непрестанно просил и возбуждал..*» Обвинения были беспроигрышные для сурового приговора: государственная измена, пособничество Бирону, казнокрадство и мздоимство. Виновен он был и в унижении провинившихся военачальников, ибо «*в первом Перекопском походе некоторых и старых шляхетских фамилий Российских полковников, ругаясь, под ружье ставил, и так их пред всею армиею водил, из них же некоторых в скованных держал*».

В оглашенном манифесте утверждалось, что именно Остерман и Миних заставили Анну Леопольдовну незаконно взять власть в свои руки и они же внушали ей мысль стать русской императрицей. Сам фельдмаршал главной причиной этого судилища считал «*повиновение приказаниям императрицы Анны*». В ответ на обвинения председателя суда князя Никиты Трубецкого Миних с горечью заметил: «*Пред судом Всевышнего мое оправдание будет лучше принято, чем перед вашим судом! Я в одном только внутренне себя укоряю — зачем не повесил тебя, когда ты занимал должность генерал-кригскомиссара во время турецкой войны и был обличен в похищении казенного достояния. Вот этого я себе не прощу до самой смерти*».

Тщательно одетый и выбритый, он шел из крепости к месту казни, разговаривая с офицерами о войне и привычке солдата быть готовым к смерти. На эшафоте, сооруженном против здания 12 коллегий, он без заметного волнения выслушал приговор — четвертование. Первым из приговоренных на плаху уложили Остермана, и, когда все уже ждали удара палача, сенатский секретарь закричал графу: «Бог и императрица даруют тебе жизнь!» Не подво-

дя к плахе других осужденных, им объявили о замене казни пожизненной ссылкой по разным местам империи.

Князь Яков Шаховской, отправлявший Миниха в ссылку, в своих «Записках» рассказывает: *«В смятенных моих размышлениях пришел я к той казарме, где оный бывший герой (Миних), а ныне наизлосчастнейший находился, чая увидеть его горестью и смятением пораженного. Как только в оную казарму двери передо мною отворены были, то он, стоя тогда у другой стены возле окна ко входу спиною, в тот миг поворотясь в смелом виде с такими быстро растворенными глазами, с какими я его имел случай неоднократно в опасных с неприятелем сражениях порохом окуриваемого видеть, шел ко мне навстречу и, приближась, смело смотря на меня, ожидал, что я начну. Я, сколько возмог, не переменяя своего вида, так же как и прежним двум уже отправленным, все подлежащее ему в пристойном виде объявил и довольно приметил, что он боле досаду, нежели печаль и страх, на лице своем являл».*

«В Пелым!» — было объявлено Миниху. Захудалый городок затерялся среди лесов и болот в 700 верстах к северо-западу от Тобольска. В XVI веке Пелым вырос из острога — небольшой сторожевой крепости: 30–40 домов и две церкви располагались внутри высоких бревенчатых стен с четырьмя башнями по углам и пятой над воротами. Постепенно Большой Сибирский тракт отодвинулся к югу, Пелым утратил свое стратегическое значение и служил местом ссылки. В ноябре 1740 г. туда же был сослан Бирон, и сам Миних тогда начертал проект дома для его поселения. Правда, в конце первого года ссылки дом Бирона сгорел, вероятно, им самим подожженный, и герцог переехал к коменданту Пелыма. Елизавета Петровна, не забывшая, что в царствование Анны Иоанновны он спас ее от заточения в монастырь, в январе 1742 г. подписала указ об освобождении Бирона, но потом одумалась, и уже 15 марта он снова был объявлен ссыльным и переведен из Пелыма в Ярославль. В феврале 1742 г. на одном из постоялых дворов Казани произошла неожиданная встреча двух бывших царедворцев. Они молча раскланялись и разъехались — один в Ярославль, другой в Пелым. Увидеться вновь им было суждено через двадцать лет в Петербурге при дворе Петра III — и тогда примирение было немыслимо.

В Пелым ссыльный генерал-фельдмаршал Б.К. Миних прибыл 6 марта 1742 г. Рядом с ним была его жена Барбара-Элеонора, урожденная баронесса Мальцан, немка, вдова обер-гофмаршала Салтыкова, назначенная Екатериной I воспитательницей тогда еще совсем юной принцессы Елизаветы. Миних женился на ней в 1728 г., через год после смерти Христины-Лукреции, и за 14 лет ни разу не пожалел о своем выборе. После оглашения указа о ссылке ей было предложено выехать на жительство в свое поместье, но она сразу выразила готовность сопровождать мужа в тягостном путешествии. Я. П. Шаховской застал ее у входа в казарму, где содержался Миних. Она стояла *«в дорожном платье и капоре, держа в руке чайник с прибором, в постоянном виде скрывая смятение духа, была уже готова»*, после чего *«немедленно таким же образом, как и прежние, в путь свой они от меня были отправлены»*. Так же поступили и жены других ссыльных: Остермана, Левенвольде, Менгдена, Михаила Головкина — статс-дамы императорского двора.

В ссылке при Минихе находились *«повар Бранд»*, некий *«небезыскусный лекарь»*, *«господин пастор Мартенс»* *«для спасения души»* и несколько человек иной прислуги; все занимали два дома среди острога. Поселенцу разрешено было распоряжаться некоторыми денежными средствами, что давало возможность построить один из этих домов и закупать какую-то провизию, лекарства, семена — одним словом, выживать. В стенах острога Миних развел сад, занялся огородничеством, разведением домашней птицы и скота, вязал сети, чтобы *«гряды от птицы, кур и кошек прикрыть»*, учил геометрии и инженерному делу пелымских детей. Варвара, как называли его жену местные жители, тоже не чуралась прозаических домашних занятий, шила и чинила одежду, постельные и столовые принадлежности, помогала мужу. Пелымцы охотно помогали ссыльным при заготовке сена, уборке урожая. *Мюниха* уважали за трудолюбие, доброту, отзывчивость и щедрость — он никому не отказывал в пособии. Когда в 1749 г. умер пастор Мартенс, Миних стал сам вести для домашних богослужение, читал проповеди, сочинял духовные песни. Ссыльному запрещалось иметь письменные принадлежности. Вопреки запрету, он использовал для своих записей бумагу пастора, а позже добился разрешения на переписку. Он отправлял в Санкт-Петербург записки о новых фортификационных

проектах, о планах изгнания турок из Европы, о необходимости перемен в российских провинциях — всего около 20 писем и 10 проектов. Он уверял Елизавету, что единственная цель его писем — *«получить возможность, наравне со всеми верноподданными, к излиянию перед <> императорским величеством <> сердца, ревнующего о славе и выгодах»* ее, Елизаветы. Памятью Петра Великого он заклинал императрицу вернуть его к привычной жизни, наполненной благими деяниями для пользы государства Российского. *«Произнесите, божественная императрица, вашими устами сии угодные Богу слова: «Я тебе прощаю», и вы все сделаете, и Бог, неистощимый источник милосердия, приумножит еще те благословения, коими Он ущедрил священную особу вашего императорского величества»*. Ответа не последовало.

Прошло 20 лет. Елизавета Петровна проводила реформы, вела войны, осваивала новые земли, обустраивала царские дворцы. О Минихе не вспоминали. В 1761 г. Елизаветы Петровны не стало. Еще в ноябре 1742 г. она назначила наследником престола своего племянника (сына старшей сестры Анны Петровны) — герцога Карла-Петера Ульриха Голштинского. По прибытии в Россию он был переименован на русский манер в Петра Фёдоровича, причем в официальный титул были включены слова «внук Петра Великого». Началось короткое правление Петра III. Пришедший к власти император приказал вернуть Миниха из ссылки, возвратив ему все чины и награды. Фельдмаршал ликовал — жизнь продолжается!

После двадцатилетнего изгнания Миних в начале 1762 г. вновь в Петербурге, поражая всех бодростью, выправкой и молодым блеском глаз. «В мае фельдмаршалу исполнилось 79 лет, но он был полон сил и творческих планов. В том же месяце Петр III назначил его членом Императорского совета, но Миних попросил для себя еще две должности: сибирского губернатора и главного директора Ладожского канала. Сибирью он собирался управлять, не выезжая из Петербурга. Указом 9 июня 1762 г. император удовлетворил оба желания деятельного и честолюбивого старца, поручив ему заодно заведование Кронштадтским каналом. Но в том же месяце произошел новый переворот, Петр III был свергнут с престола и вскоре убит. Миних сохранял верность императору до последних часов его царствования и пытался подсказать ему пути к спасению.

Пришедшая к власти Екатерина II со свойственным ей благоразумием не стала преследовать бывших сторонников своего несчастного супруга. Она подчеркнуто доброжелательно относилась к *«патриарху с волосами, белыми как снег»* и *«самому старшему фельдмаршалу в Европе»*, как именовал себя Миних в письмах к императрице»* В свои 79 лет он был оставлен в должности главного директора Ладожского и Кронштадтского каналов. Кроме того, ему было поручено завершить строительство Рогервикского порта (20 августа 1762 г. город Рогервик переименован в Балтийский Порт — *А.С.*); Екатериной II было указано: *«...дабы вашим старанием сие славное дело окончить»*. Осмотрев работы, Миних приказал продолжить отсыпку мола, восстановить дворец Петра I, построить новые казармы и каменную церковь. Георгиевская церковь, заложенная Петром I, была построена на пожертвования русских купцов, остальные работы через два года были приостановлены из-за отсутствия средств — целесообразным для обороны и торговли было признано строительство Кронштадта. Миних трудился до последних месяцев своей жизни, руководил строительством и ремонтом вверенных ему гидротехнических сооружений, посылал императрице предложения по вопросам государственной политики.

В своих преклонных годах Миних вынужден был участвовать и в светских развлечениях, празднествах и зрелищах, среди которых была и так называемая карусель, устроенная 14 июля 1766 г. на Дворцовой площади. Под каруселью подразумевался своеобразный турнир, *«где*,— по словам Державина,— *дамы на колесницах, а кавалеры на прекрасных конях, в блистательных уборах показывали свое проворство метанием дротиков и стрельбою в цель из пистолетов. Подвигоположником*** *был украшенный сединами фельдмаршал Миних, возвращенный тогда из ссылки»*** Он был главным судьей специальной судейской

---

* Анисимов Е.В. Предисловие к работе Б.Х. Миниха «Очерк, дающий понятие об образе правления Российской империи». Эл. ресурс: http://www.hrono.ru/libris/lib_m/minih.html

** *Подвигоположник* — установивший подвиги, великие правила законом.

*** Державин Г. Записки из известных всем произшествиев и подлинных дел, заключавшие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. Текст воспроизведен по изд.: Державин Г.Р. Записки. М.: Мысль, 2000. Эл.ресурс: http://www.vostlit.info/ на 10.09.2015.

коллегии: раздавал призы, произносил приветственные речи. Это был последний праздник патриарха российской политической сцены.

В 1767 г., в канун своего 85-летия, Христофор Антонович Миних, чувствуя, что силы покидают его, подал прошение об отставке. Государыня отказала, заявив, что *второго Миниха у нее нет.* Но дни фельдмаршала были уже сочтены, в октябре 1767 г. он скончался.

Первоначально погребение состоялось в Петрикирхе, в лютеранской церкви Петра и Павла на Невском проспекте, построенной по ходатайству и по проекту самого Миниха (сейчас при входе установлена мемориальная доска, посвященная Б.Х. Миниху — *А.С.*). Позже прах перенесли в графское имение Луниа (Луунья) близ Дерпта (9 августа 2013 г. в волости Луунья Тартуского уезда Эстонии стараниями Русской общины состоялось открытие памятника Б.Х. Миниху — *А.С., Т.Б.*)

Жена его, Барбара-Элеонора фон Миних, по сведениям газеты «Санкт-Петербургские ведомости», в феврале 1770 г. выставила на продажу дом на Литейном проспекте, а в апреле 1772 г. выехала из Петербурга со своим дворецким Варбоном Готфридом. Скончалась она в 1774 г.

* * *

Историография Миниха хорошо изучена и детально проанализирована в капитальном труде Б. Берг, вышедшем в 2001 г.* Исследовательница выделяет следующие историографические этапы: XVIII в., начало XIX — до 1866 г., вторая половина XIX в., первая половина XX в. и вторая половина XX в. В рамках каждого из этапов Бригит Берг несколько направлений, связанных, как правило, с национальной историографией.

Кратко остановимся на важнейших работах.

Первые публикации о Минихе появлялись еще при его жизни и посвящались либо истории его рода, либо тем событиям, участником которых он был. Написаны они были

---

* Berg B.Burchard Christoph von Münnich. Die Beurteilung, Darstellung und Erforschung seines Wirkens in Russland in der deutschen und russischen Historiographie. Der Versuch einer Perspektivenuntersuchung an Hand von Beispielen. häftad. Tyska, 2001.

людьми, в той или иной мере знакомыми с Б. Минихом*. Наиболее серьезной работой стала монография Бюшинга *«История жизни Бурхарда Кристофа Миниха»*, вышедшая в Гамбурге в 1769 г., спустя три года после возвращения в Германию из Санкт-Петербурга (в 1765 г.) автора, не поладившего с Минихом в делах управления немецкой школой. «Бюшинг, находившийся в близких личных отношениях с Минихом, получивший от последнего не менее 130 писем, убедил его в последнее время его жизни продиктовать своему секретарю Фришу множество данных относительно своей жизни, своей деятельности и современной истории. Все эти бумаги, вместе с разными документами, а между прочих и письмами, полученными Минихом от разных высокопоставленных лиц, находились в распоряжении Бюшинга, который к тому же весьма часто беседовал с Минихом о всех этих событиях. Немудрено поэтому, что монография Бюшинга, писателя вообще основательного и добросовестного, отлично знакомого с историей того времени, поныне должна считаться капитальным трудом по этому предмету, главным источником всех позднейших сочинений о Минихе»**

Большое значение имела публикация мемуаров Х. Манштейна, осуществленная в 1771–1772 гг. на французском, английском (первое по времени) и немецком языках. Первоначально Х. Манштейн писал свой труд по-немецки, потом переделал его для Фридриха Великого по-французски. Наиболее точным считается немецкое издание, оцениваe-

---

* Hempel Chr. Friedrich.Leben, thaten und betrubter fall des weltberufenen russischen grafen Burchards-Christophs von Munnich. Bremen,1743 ; Rulhiere C.Histoire, ou anecdotes sur la revolution de Russie en 1762. Paris, 1797.

** Брикнер А.Г. Рецензия *«Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Записки фельдмаршала Миниха. Перевод с французского. Редакция издания и примечания С.Н. Шубинского. Издание Я.А. Исакова. С.-Петербург, 1874».*//Сборник Государственных знаний. Т. II. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, ценз. 1875. С. 3.

Александр Густавович Брикнер (1834–1896) — российский историк немецкого происхождения. Читал лекции в Петербургском (1865–1867), Новороссийском (1867–1872), Дерптском (1872–1891) и Казанском (1891) университетах. С 1891 г. жил в Йене.

мое как «весьма тщательный перевод с подлинной французской рукописи автора»*

Первая половина XIX в. представлена трудами четырех немецких авторов: юриста Г.А. фон Галема, географа И.Хр. Штукенберга, историка России Е. Херрманна и путешественника А. Фрайхерра фон Хакстаузена из Ганновера**

Наиболее важное из них исследование немецкого историка и поэта (такое бывает !) Герхарда Антуана фон Галема, изданное в Оденбурге в 1803 г. ***, переведенное на русский язык в 1806 г.****, а на французский в 1807 г.*****. Перевод на русский язык с посвящением герцогу Петеру-Фридриху Людвигу был сделан Василием Федоровичем Тимковским.

Как отмечает С.Н. Искюль, для того времени перевод Тимковского весьма близок к авторскому оригиналу и был издан без каких-либо важных структурных изменений сравнительно с первым оригинальным изданием 1803 г. Важнее другое: одобрение цензурного комитета перевод получил, вероятно, после внесения в него ряда важных изменений. Это коснулось главным образом примечаний с отрывками из дневника Миниха, письма Екатерины II, самого Миниха, свидетельств различных участников дворцовых переворотов. Именно по цензурным соображениям было опущено примечание V, в частности, Манифест от 22 января и Приговор от 27 января 1742 г. В одном примечании о Бироне цензор предпочел более нейтральное толкование, два примечания опущены, а примечание 24

---

* Записки Манштейна о России 1727–1744 гг. /Пер. с фр.анцузского, с подлинной рукописи автора. Прил. к «Рус. старине» изд. 1875 г. СПб., 1875. С. V.

** Berg B. Burchard Christoph von Münnich.Die Beurteilung, Darstellung und Erforschung seines Wirkens in Russland in der deutschen und russischen Historiographie. S. 132.

*** Halem G.A. Lebensbeshreibung des russischen kaiserlichen general feldmarschalls B.C. Grafen von Munnich.Odenburg, 1803. Литературная деятельность Галема протекала в основанном им литературном обществе и ольденбургской газете, редактором которой он был. См.: Искюль С.Н. Книги Герхарда-Антона фон Халема в России // Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии: сб. науч. тр./Б-ка Рос. акад. наук. СПб., 1991. С. 125.

**** Галем Г. Жизнь графа Миниха, императорского российского генерал-фельдмаршала. М., 1806. Ч. I, II.

***** Halem Gerhard-Antoine de.Vie du comte de Munnich, general-feldmarechal au service de Russie. Paris, 1807.

(Elisabeth hatte einen besonderen Hass gegen ihn gefasst, weil er ihr vershiedene male Geld...) исправлено до неузнаваемости. В целом, текст был переведен без купюр и «отсебятины». Исключение в этом смысле составляет только последняя глава первой части, где выброшены упоминания об Иване Антоновиче и сочувственные слова Елизаветы Петровны о нем, и концовка второй части, а именно слова императрицы Екатерины II о Минихе: «Миних, не будучи сыном Российского государства, был одним из его отцов». Что смутило цензора, непонятно, но факт остается фактом. Эти справедливые слова императрицы в переводе опущены*.

Скажем немного о самом авторе — фон Халеме, или фон Галеме. Он получил историко-правовое образование, некоторое время служил чиновником герцогской канцелярии и Государственного совета в Ольденбурге. При французах он исполнял обязанности советника апелляционного суда в Гамбурге, потом снова вернулся на службу в Ольденбург**

Современный российский исследователь С. Н. Искюль оценивает эту работу как капитальное научное исследование. Если говорить о значении трудов фон Халема в общем контексте развития российской историографии, то, несомненно, историки, изучавшие петровское и послепетровское время, не могли пройти мимо его оригинальных и серьезных исследований, привлеченные обилием первоклассного материала и основательностью его изложения***

Как писал фон Галем, «российская история, изображая перемены в Правительстве, представляет многих знаменитых мужей, которые, быстро возвышаясь и упадая, обратили на себя внимание света. Но, может быть, ни один из них не заслужил сего внимания в такой степени; ни один не был сопровожден такими заслугами при своем возвышении, таким уважением при самом падении; ни один, может быть, не кончил своего поприща с такой славой, как Миних».

---

* Искюль С.Н. Книги Герхарда-Антона фон Халема в России. С. 127, 128.

** Там же. С. 125.

*** Там же. С. 123.

В превосходных тонах фон Галем описывает Миниха-полководца. «В Российской военной истории заслуживает особенное внимание фельдмаршал Миних — гений в искусстве предводительствовать войсками,— пишет фон Галем. — Он, чувствуя свое превосходство и силу, нарушал так называемые правила и смело мог сказать, к счастью: «Что можешь ты сделать со мной?» — Но сие нарушение правил основывалось на высшей принципиальности. Он знал свое искусство, имел личную храбрость, так как, с другой стороны — будучи внушаем каким-то пророческим предчувствованием — был смел и почти дерзок в своих предприятиях. Миних был отец кареев (каре) против турок. Он не становился в другой порядок, кроме этого, и всегда удерживал оный на марше, как скоро находил к тому хотя бы малейшую возможность. Со времен Миниха рогатки и кареи были причиной поражения турков. Он поселил в оттоманах тот ужас к россиянам, который и доныне продолжается»*

Общая оценка Миниха, носящая характер панегирика, дана фон Галемом в следующих словах. «Истинные таланты, образованные науками, были твердым основанием величия Миниха. Беспредельное честолюбие и неутомимая деятельность помогли ему быстро взойти на высочайшие степени достоинств. Благо империи, которой он посвятил всего себя, предстояло взорам его как столп огненный. Подобно великим мужам он делал все со страстью. Если ему встречались препятствия на пути, то усилие, с которым он старался преодолеть их, выходило иногда из пределов умеренности. Но он знал, что такое средство было необходимо, чтобы дать делам успех надежный. Может быть, это усилие, эта ревность увлекали его иногда к односторонним видам. Может быть, чувство собственной цены, столь приличное мужам великим, переходило иногда в величавость. Может быть, он слишком был привязан к малостям, слишком много требовал в вещах посторонних: но когда только как взор на малости соединен со взором на великое целое,— только тогда образуют царства, дают направление рекам, соединяют моря отдаленные. Все, что стремится к общему благу, не может быть маловажным в глазах

* Галем Г. Жизнь графа Миниха, императорского российского генерал-фельдмаршала. М., 1806. Ч. II. С. 179.

Великого мужа. И доколе турецкий бунчук преклоняется перед победоносными знаменами российскими, доколе суда рассекают струи Ладожского канала, дотоле имя Миниха будет незабвенно»*

Нельзя не согласиться со следующей мыслью, высказанной фон Галемом. «Жизнь сего героя простирается, подобно золотой нити, через весь период Российской истории от Петра Великого до Екатерины II. Она тем занимательнее, что с нею непосредственно соединены многие из важнейших происшествий Российского государства. Описывая приключения Миниха, мы повторяем новейшую российскую историю»**

Биография фельдмаршала изложена в «Записках графа Эрнста Миниха, сына фельдмаршала, писанных им для детей своих в Вологде в 1758 г.»*** В соответствии с «целевой аудиторией», определенной в названии, эта работа воссоздает героический образ в определенный промежуток времени — до свержения Бирона. Кроме того, нельзя не отметить биографию Б.Миниха в сборнике биографий российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов, принадлежащую перу Д.Н.Бантыш-Каменского, изданном в 1840 г. ****

В 1860 г. в «Записках Одесского общества истории и древностей», на основании «близкого отношения знаменитого Миниха к истории Новороссийского края, помещается отрывок фельдмаршаловой автобиографии, которая покойным Д.Ч. Соколовым была получена от А.И. Вегелина. Русский перевод сделан г. Орбинским».***** Так на свет божий появился доселе никому не ведомый дневник Б. Миниха. Однако впоследствии выяснилось, что автором помещенного в сборник «Дневника фельдмаршала графа Мюнниха», содержащего точные биографические сведения до 1737 г., был отнюдь не Б.Х. Миних, а известный в то время поэт

---

* Галем Г. Жизнь графа Миниха, императорского российского генерал-фельдмаршала. М., 1806. Ч. II. С. 90, 91.

** Там же. Ч. I. С. 3, 4.

*** Записки графа Эрнста Миниха, сына фельдмаршала, писанные им для детей своих в Вологде в 1758 году. СПб., 1817.

**** Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами. СПб., 1840. Ч. I.

***** Дневник генерала Бурхардта Христофора фон Мюнниха, начиная от 1683 по 6 мая 1727 года //Записки Одес. о-ва истории и древностей. Т. IV. 1860.

Готлоб Фридрих Вильгельм Юнкер (1702—1740). В Россию Юнкер прибыл в 1731 г., получив, благодаря содействию Герарда Фридриха Мюллера, слушавшего в одно время с ним лекции в Лейпцигском университете, место домашнего учителя. В Петербурге Юнкер произвел самое благоприятное впечатление на академика Шумахера. На Академию наук в эту эпоху, как известно, было возложено множество самых разнородных обязанностей и, между прочим, составление торжественных речей, од, а также стихов и надписей для иллюминаций и фейерверков. Мастерски владевший искусством слова, Юнкер в полном смысле «пришелся ко двору», приобретая известность сочинениями девизов и надписей для иллюминаций, а также составлением стихов и од на всякие подходящие случаи. «Когда в 1735 г. фельдмаршал граф Миних, сильно покровительствовавший Юнкеру, получил начальство над русской армией, действовавшей против турок, то по его ходатайству Юнкер был отправлен с ним в поход в качестве историографа «для содержания журнала». Проездом через Польшу он написал в честь польского короля и курфюрста саксонского Августа III оду, напечатанную в Варшаве, за что был щедро награжден Августом III, который хотел привлечь его на сторону саксонского правительства. При Главной квартире действующей армии Юнкер находился до 1737 г., и результатом его историографской деятельности явился «Tagebuch des Feldmarchalls Grafen von Münnich»(«Дневник фельдмаршала графа Мюнниха»), напечатанный потом в Hermann's «Beiträgen zur Geschichte des Russischen Reichs» (Leipzig, 1843. S. 117—244). Дневник этот тайно был передан Юнкером находившемуся при русском дворе легационс-секретарю (секретарю саксонского посольства) Пецольду*, который переслал его своему правительству»**

Так появилась первая (и последняя) фальсификация мемуаров Б.Миниха.

---

* Петцольд Иоганн Сигизмунд (1704–1783), с 1736 г. секретарь саксонского посольства, с 1742 г. по 1749 г. польско-саксонский резидент в России, с 1750 г. польско-саксонский резидент при императоре Священной Римской империи.

** Гуревич П.. Юнкер, Готлиб-Фридрих-Вильгельм// Рус. биогр. слов. А.А. Половцева. Т XXIV. СПб., 1912. С. 325–327.

Во второй половине XIX в. интерес к фигуре Б. Миниха усиливается. К этому времени относятся работы двух немецких «имперских» историков: Х.А. Мутценбехера и А. Клайншмидта, трех немецкоязычных — А. Брикнера, А. Юргенсона и И. Энгельманна, а также пяти русских авторов: С. Соловьева, М. Хмырова, С. Шубинского, К.Н. Бестужева-Рюмина и Н. Костомарова*

Здесь наиболее важен разбор А.Брикнером публикуемого нами труда С. Шубинского, в котором содержатся различные материалы для истории Миниха. По мнению А. Брикнера, заглавие издания С. Шубинского неточно, т.к. «Записки фельдмаршала графа Миниха» не занимают в нем главного места. Вместе с тем помещенное в книгу предисловие К.Н. Бестужева-Рюмина с разбором значения записки Б. Миниха о государственном устройстве России оценено как солидное и полезное. Именно в таких исследованиях, содержащих критическую оценку исторических источников,— подчеркивает А. Брикнер,— нуждается наша историческая литература. При этом примечания к переводу записки Миниха «можно было бы изложить в гораздо более сжатом виде и не выписывать целиком разных памятников»** Более того, в комментариях и переводе встречаются не столь уж редкие ошибки.

Как небезосновательно считает А. Брикнер, непонятно, зачем в книгу был включен упоминавшийся нами выше «Дневник фельдмаршала Миниха». Гораздо полезнее и научнее было бы составление полного подробного списка всех материалов, документов, писем, счетов, дневников, относящихся к Миниху. Впрочем, С. Шубинский в небольшом разделе «указателя книг и статей, в которых находятся сведения и материалы для биографии графа Б. Миниха», положил начало такому библиографическому списку. Именно эта часть издания, по мнению А. Брикнера, особенно полезна и важна для специалистов. Однако список оказался далеко не полным, содержащим много-

---

* Berg B.Burchard Christoph von Münnich.Die Beurteilung, Darstellung und Erforschung seines Wirkens in Russland in der deutschen und russischen Historiographie. S. 171-205.

** Брикнер А.Г. Рецензия «Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Записки фельдмаршала Миниха //пер. с фр.; ред. изд. и примеч. С.Н. Шубинского. Изд. Я. А. Исакова. СПб., 1874. С. 7.

численные погрешности как в деталях, так и в общей систематике.

Важнейшей по объему и по содержанию частью издания С. Шубинского следует считать монографию М.Д. Хмырова «Фельдцейхмейстерство графа Миниха». Как справедливо подчеркивает А. Брикнер, этим трудом восполняется большой пробел в биографии Б. Миниха, административной деятельности которого не уделялось достаточного внимания.

Однако «нельзя назвать суждение г. Хмырова о Минихе беспристрастным. Тон и характер его сочинения свидетельствуют о некотором раздражении, не согласном с обязанностями настоящего историка. Не на нас только этот труд произвел такое не совсем благоприятное впечатление. И К.Н. Бестужев-Рюмин, в самом рассматриваемом издании, заметил, что г. Хмыров «быть может, слишком строго осуждает Миниха». И. Брикнер вполне обоснованно указывает на общий негативный настрой М.Д. Хмырова, весь труд которого «как бы написан лишь с целью доказать, что Миних не был способен занимать то место, которое занимал в качестве фельдцейхмейстера, что он, как артиллерист, оказался несостоятельным и что при нем вследствие этого заметен упадок артиллерийского дела в России вообще»*

В целом же, по мнению А. Брикнера, труд г. Хмырова можно считать замечательным приобретением для исторической литературы о Минихе и о царствовании Петра II и Анны Иоановны**

Особого внимания, несомненно, заслуживает раздел Н.И. Костомарова «Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории» из известного труда «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей».***

Приведем цитату, содержащую оценку Б. Миниха. «Едва ли в русской истории можно указать личность, в судьбе которой было столько трагизма, как личность Миниха!— пишет Н.И. Костомаров.— Современники, знавшие его лично, замечали в нем признаки неудержимого часто-

---

* Брикнер А.Г. Рецензия «Записки иностранцев о России в XVIII столетии». С. 15.

** Там же. С. 17, 18.

*** Костомаров Н.И. Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Книга, 1990. Т. 3.

любия, а иногда и высокомерия; конечно, ни один смертный не может быть без недостатков и пороков, но те же современники сознавали, что эти недостатки умерялись другими высокими нравственными качествами. Притом надобно иметь в виду, что Миних, как человек, был все-таки сын своего века. Мы позволим себе заметить в нем еще противоречие, незаметное для современников. Как мирились в этом человеке два противоположных качества: жестокость и беспощадность к человеку на войне и глубокая религиозность, не такая, которая часто удовлетворяет себя видимыми обрядами благочестия вроде построения церквей и т.п., а иная, более рациональная, стремящаяся выразиться исключительно в молитве и любви к ближнему? Миних без сожаления вел войско в летний зной по степям крымским и украинским, теряя тысячи погибавших от утомления, жажды и голода, и тот же Миних поставлял себе всю жизнь обыденным правилом — сделать каждый день какое-нибудь доброе дело, чтоб успокоить свою совесть вечером, когда начнет размышлять о проведенном дне! Как согласить несогласимое — военную доблесть, истребление врагов, с последованием Тому, кто в минуту крайней опасности повелел хотевшему защищать его вложить в ножны оружие и произнес великую мировую истину: всяк, принимающийся за меч, погибнет от меча! И, однако, эта истина, произнесенная так давно, и в наше время сознается и чувствуется только очень немногими, а в те времена, когда жил Миних, чувствовалась разве одними отшельниками, отрекавшимися от всякой общественной деятельности, не только разрушительной, но и созидательной. Да и те признавали такой взгляд обязательным только для себя самих, а пребывающим за стенами их келий предоставляли руководствоваться иными нравственными убеждениями. Большинство из поколения в поколение считало призвание воина совершенно согласимым с призванием истинного христианина, и добытые на войне трофеи без зазрения совести приносились в храм, посвященный Тому, кто повелел даже злу не противиться! И у Миниха согласовалось воинское поприще с обязательством каждый день совершить доброе дело для успокоения своей совести. Надобно только заметить, что у Миниха приличнее, чем у многих ему подобных, сочеталось это противоречие воинственности с христианским благочестием. Мы выше уже

заметили, что Миних принадлежал не к тем, для которых война имела значение для самой войны; у него она была необходимым, хотя и злым средством к достижению более гуманных, культурных целей, точно так же, как и у Великого Петра, которого Миних постоянно считал для себя образцом,— и это качество, заметное во всей его жизни, возвышает в глазах наших этого человека, и делает его одним из самых почтенных лиц, двигавших нашу историю, не только по сумме пользы, сделанной им России в своей жизни, но и по нравственной высоте своего характера»*

Историография Миниха первой половины XX в. интернациональна. Польская представлена популярным очерком К. Валишевского, австрийская — работой Х. Уберсбергера, немецкая — трудами С. Меттига, Т. Шиеменна, К. Шталина, Е. Серафима, М. Ашкевица, М. Вишера. Российская историография включает В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, М.Н. Покровского и Г. В. Вернадского** Большая часть этих авторов упоминают Б. Миниха в связи с событиями, активным участником которых он был. Биографически построена монография М. Вишера***

Из достаточно обширной литературы по Б. Миниху, изданной во второй половине XX — начале XXI в., остановимся на работах Френсиса Лэя, Е.В. Анисимова и Б. Берг. Френсис Лэй, потомок Б. Миниха, известен как автор публикаций по истории своих предков. Первая из них, вышедшая в 1959 г. в виде монографии, озаглавлена «Маршал Миних и Россия в XVIII в.»****

Книга построена по биографическому принципу и состоит из трех частей: «Формирование личности», «Продолжатель дела Петра I», «Сподвижник Петра I и политические идеи 1742–1767 гг.». Первая часть включает «Обучение (1683–1712 гг.)», «Первые достижения (1713–1721 гг.)», «На

---

* Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Книга, 1990. Т. 3

** Berg B.Burchard Christoph von Münnich.Die Beurteilung, Darstellung und Erforschung seines Wirkens in Russland in der deutschen und russischen Historiographie. S.228-276.

*** Vischer M. Munnich. Ingenieur, Feldherr, Hochverrater. Frankfurt a. M, Societats-Verlag 1938 ; Kruger H. Рец. на: Vischer M. Munnich. Ingenieur, Feldherr, Hochverrater. Frankfurt a. M, Societats-Verlag 1938 // Historische Zeitschrift. Bd. 161. H. 3 (1940). S. 596, 597.

**** Ley F. Le marechal de Munnich et la Russie au XVIII-e siècle. Paris, 1959.

службе у могущественного учителя (1721–1725 гг.)». Вторая состоит из разделов «Борьба за завершение Ладожского канала. 1725–1732 гг.», «Организатор великой армии», «Возобновление войн и внешней политики Петра I», «Военные особенности и русская экономика. 1732–1742 гг.». В третью часть вошли разделы «Дочь Петра против ученика Петра: Елизавета Петровна против Миниха», «Сподвижник от Петра I, после Петра III и до Екатерины II», «Идеи Петра I на службе Екатерины II. 1762—1767 гг.».

Подводя итог своему исследованию, Френсис Лэй дает следующую оценку Б. Миниху.

Несомненно, фельдмаршал Миних был среди наиболее верных и усердных сподвижников Петра I. Миних выглядел героем для русских солдат и одновременно играл роль опоры существовавшей власти. Не зря он величал себя столпом Российской империи и соколом со всевидящим оком. Однако необходимо понять, почему он исчез с исторической сцены. Не следует думать, что это произошло из-за того, что он как военный не вписался в галантный XVIII в. Дело здесь, скорее, в другом. Сорок шесть успешных лет, проведенных в России на государственной службе, были сведены на нет ксенофобией части русского дворянства, окружавшей Елизавету I. Манифесты 1742 г., которые глобально осудили всех старых немецких сподвижников Петра I, нанесли ощутимый ущерб памяти Миниха.

Ф. Лэй, так же как и Н.И. Костомаров, считает Б. Миниха одним из главных продолжателей дела Петра I. Но пути истории неисповедимы. Первым ударом, который пришлось испытать Миниху, стало дело Остермана, ближайшего сподвижника Петра I. Смертельный приговор, потом временная ссылка были подписаны Елизаветой Петровной, дочерью Петра Великого. Удалила же его от политических дел Екатерина II, следовавшая курсом Петра I. Тем не менее Екатерина Великая, несмотря на это, сказала: «Миних, если и не был сыном Российской империи, но был одним из ее отцов». Россия с того времени забыла об этом*.

Один из крупнейших специалистов по истории Российской империи XVIII в. Е.В. Анисимов в ряде своих работ дает яркую характеристику Б. Миниха. Как пишет иссле-

* Ley F. Le Marechal de Munnnich... P.275.

дователь, «читая воспоминания Миниха, читатель не может не заметить, что автором владеет гордыня, что при всяком удобном случае он стремится подчеркнуть свои выдающиеся заслуги перед Россией, которые, как показало время, оказались более чем скромными... При этом Миних был, несомненно, способным человеком, знающим инженером-фортификатором, прекрасным организатором больших строек. Но волею обстоятельств ему довелось командовать армией в тяжелых условиях на полях войны с Турцией в тридцатых годах XVIII века. И здесь его ожидала если не полная неудача, то весьма скромные успехи, — если сопоставить их с затраченными людскими и материальными ресурсами. Да и вряд ли могло быть иначе — даже самый замечательный военный строитель может оказаться посредственным полководцем. Непродуманные стратегические планы, низкий уровень оперативного мышления, военная рутина, слабая организация снабжения войск, колоссальные людские потери — все это стало уделом русской армии в немалой степени благодаря "столпу Российской империи", как гордо называет себя Миних на страницах воспоминаний. На скользких придворных паркетах Миних всегда чувствовал себя уверенней, чем на боевом поле, хотя не обладал столь необходимой при дворе интуицией, не всегда соизмерял свои амбиции с возможностями»*

В издании, посвященном Анне Иоанновне, Е.В. Анисимов дает фельдмаршалу более развернутую характеристику** Исследователь отмечает, что Миних был человеком ярким и неординарным, что особенно проявилось в час испытаний, несчастий и трагедий. Нет сомнений и в том, что Миних был хорошим инженером и организатором военного дела. Его знания и умения позволили успешно завершить строительство Ладожского канала в конце 1720-х годов. Тут дала о себе знать еще одна характерная для Миниха черта. Он хорошо умел делать дело и еще лучше умел его подать окружающим. Бесспорно, Ладожский канал был большой инженерной удачей Миниха. Но он раздул вокруг своего успеха такую шумиху, что ему могут по-

---

* Анисимов Е. В. Введение. Путники, прошедшие раньше нас // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720 — 1760-е годы). Л., 1991.

** Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М.: Мол. гвардия, 2002. (Жизнь замечат. людей). Вып. 1016 (816). С. 139–161.

завидовать пропагандисты позднейших времен. Об успехе на Ладоге трубили всюду, каждую прошедшую по нему лодку зачисляли на победный счет Миниха. Сам он лично таскал по каналу иностранных посланников «для осмотрения... тамошней великой и зело изрядной работы»* Было бы большой ошибкой представлять Миниха исключительно грубым солдафоном. Конечно, он был чужд отвлеченному философствованию, но оставшиеся после него письма свидетельствуют об известной изощренности ума, умении ловко скользить по дворцовому паркету, на котором он чувствовал себя не менее уверенно, чем на строительстве бастионов или каналов**

Е.В. Анисимов констатирует, что время царствования Анны Иоанновны оказалось для Миниха вообще золотым веком. Он быстро вошел в число самых доверенных сановников новой императрицы. Анна почувствовала его надежное плечо сразу же после восстановления самодержавия в феврале 1730 г.

Но не только быстрота, с которой Миних привел Петербург в верность государыне, понравилась новому двору. Был еще один верноподданнический поступок: Миних сразу же донес на адмирала Петра Сиверса, который в дни избрания Анны Иоанновны позволил себе усомниться в ее праве занять русский престол вперед дочери Петра Великого — Елизаветы. По доносу Миниха Сиверс вскоре был лишен всех званий и орденов и в итоге на десять лет отправился в ссылку. На совести Миниха, как считает Е.В. Анисимов, есть и попросту уголовные преступления. Одно из них связано с убийством летом 1739 г. по дороге из Стамбула в Стокгольм шведского курьера майора барона Синклера***

Миних не слыл трусом, война была его ремеслом, и не раз и не два он смотрел в глаза смерти. Однако храбрость и решительность сочетались в Минихе с невероятным апломбом, самолюбованием, высокомерием и спесью****

С приходом Б. Миниха на пост главнокомандующего его нрав проявился во всей красе — начались такие непре-

---

* Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М.: Мол. гвардия, 2002. (Жизнь замечат. людей).. Вып. 1016 (816). С. 148.

** Там же. С. 148, 158.

*** Там же. С. 142, 155, 156.

**** Там же. С. 144.

рывные свары и скандалы в среде генералитета, которых русская армия ни до, ни после не знала. Вообще,— замечает Е.В.Анисимов,— у Миниха была поразительная способность наживать себе смертельных врагов. Его адъютант Манштейн хорошо показал, почему оскорбления Миниха вызывали такую ярость у его окружающих. Оказывается, Миних умел вначале приласкать, приблизить человека, а затем жестоко оскорбить его, не ожидавшего такого поворота событий: «Ничего не было ему легче, как завладеть сердцем людей, которые имели с ним дело; но минуту спустя он оскорблял их до того, что они, так сказать, были вынуждены ненавидеть его»*

В целом Е.В. Анисимов склонен согласиться с психологическим портретом Б. Миниха, данным герцогом де Лириа, который писал «Он (Миних — *А.С., Т.Б.*) лжив, двоедушен, казался каждому другом, а на деле не был ничьим [другом]. Внимательный и вежливый с посторонними, он был несносен в обращении со своими подчиненными». Оказаться под командой Б. Миниха — значило испытать унижения, познать клевету, быть втянутым в бесконечные интриги**

В конце нашего историографического обзора мы возвращаемся к книге Б. Берг***

Особенности этой историографической монографии емко и точно обозначены в рецензии С.Н. Искюля «Книга Бригиты Берг (Университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург) выходит за рамки традиционного историографического исследования,— пишет С. Н. Искюль.— Автор включает в общий контекст ряд «историософских» проблем, к примеру, о подлинной истинности исторического знания, а также многочисленные экскурсы в российскую историю — применительно к участию в исторических событиях Бурхарда Кристофа фон Миниха. В книге параллельно и строго хронологически рассматриваются выводы двух представительных европейских историографических

---

* Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М.: Мол. гвардия, 2002. (Жизнь замечат. людей).. Вып. 1016 (816). С. 150, 151.

** Там же. С. 144.

*** Berg B.Burchard Christoph von Munnich. Die Beurteilung, Darstellung und Erforschung seines Wirkens in RuBland in der deutschen und russischen Historiographie. Ein Versuch einer Perspektivenuntersuchung an Hand von Beispielen. Oldenburg. Isensee Verlag. 2001 (Oldenburger Studien. Bd. 45).

школ, а также некоторых историков других стран. Автор стремится охватить всю сколько-нибудь серьезную историческую литературу и публицистику, где упоминается ее герой, но останавливается и на тех сочинениях по истории России, где Миних мог быть упомянут, но по тем или иным причинам этого не сочли нужным. Б. Берг, как правило, стремится раскрыть содержание и концепцию того или иного сочинения, не забывая оговорить и то, что о Минихе данный автор предпочитал умолчать»*

Характеристике историографии, данной по упомянутым выше этапам, предпослан биографический очерк, что делает монографию Б. Берг еще более цельной.

По мнению С.Н. Искюля, не в полной мере в книге Б. Берг отразилось следующее обстоятельство. В отношении к Миниху во многом проявились славянофильские, а с ними и резко отрицательные мотивы в отношении ко всякой «иностранщине» на российской почве. Вместе с критикой реформистской политики Петра I критике подвергалась и его политика приглашения в страну иностранцев. С этой точки зрения любопытными представляются авторские суждения о настроениях, характерных для русских публицистов, начиная с Н.И. Тургенева и А.И. Герцена, чаще всего не утруждавших себя фактической точностью и поисками аргументов, но единых в осуждении иностранного присутствия на российской почве.

В полемике с «западниками» давали о себе знать ставшие устойчивыми представления об иностранном, в первую очередь немецком, «засилии». Это обстоятельство отразилось в творчестве ряда российских историков, включая и таких, как В.О. Ключеский и С.Ф. Платонов, о которых подробно и со знанием дела пишет Б. Берг.

Деятельность Миниха обычно связывалась и связывается с так называемой «бироновщиной», мрачными страницами эпохи дворцовых переворотов и господством так называемой немецкой партии временщиков. Миф этот искусственно поддерживался теми, кто участвовал в политическом противоборстве, стремясь к утверждению и укреплению собственной власти. На самом же деле ника-

* Искюль С. Н. Б. Берг. Бурхард Кристоф фон Миних. Оценка, изображение и исследование его деятельности в русской и немецкой историографии// Вопр. истории. 2007. № 10. С. 172, 173.

кого «засилия» ни тогда, в начале — середине XVIII в., ни позднее, в начале века XIX, не было, и речь шла о стремлении к переделу собственности и о естественной для придворной и иной служилой среды борьбе честолюбий.

Однако не подлежит сомнению, что книга Б. Берг — впечатляющий итог исследовательских разысканий и историографических наблюдений. Она свидетельствует о незаурядном знании автором предмета исследования*.

И все-таки, какое место занимает Б.Х. фон Миних в истории России?

Как мы видели, некоторые современники Миниха оставляли нелестные характеристики его в своих письмах и воспоминаниях: неистовый ревнитель славы, безжалостный полководец, царедворец-интриган, дамский угодник. В силу устоявшихся идеологем, негативный имидж поддерживался в советской исторической науке. Да, герой оды Ломоносова «На взятие Хотина» не был безупречен, как и абсолютное большинство великих и «маленьких» людей на земле. Но 46 лет самоотверженной службы государству Российскому с честью и достоинством, верность этому государству, без сомнения, ставят его, Христофора Антоновича (Буркхарда Кристофа) Миниха, в ряд самых выдающихся личностей в российской истории, в которой он остался и как талантливый военный инженер, и как государственный деятель, и как главнокомандующий победоносной российской армии. «Русское государство обязано ему весьма многим»,— писал в 1759 г. граф Альгаротти. Фигура Миниха помещена на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде среди 128 фигур, творивших славу нашего Отечества (на 1862 год).

Нельзя не согласиться с исследователем, оценивавшим Б.Х. фон Миниха как одну из самых замечательных личностей отечественной истории. Екатерина II как-то сказала о нем: «Миних, ежели и не почесть его одним из творцов Российской империи, то уж к сынам оной он причтен быть может». Возможно, кому-то это высказывание и покажется преувеличенным, но следует согласиться, что роль Миниха в истории России первой половины XVIII столетия действительно велика. По отзыву Петра I, при совместном осмотре Ладожского канала, проектированного и построен-

* Искюль С.Н. Указ. соч. С. 175.

ного Минихом, еще не было у него на службе иностранца, который бы так умел приводить во исполнение его замыслы, как Миних, а Фридрих Великий, лично знавший Миниха, в одном из своих сочинений утверждал: «Воистину, Миних был героем Российской империи и защитником ее государственного могущества»*

Доктор исторических наук А.В.Сазанов,
Т.Г.Бородинская

* Искюль С.Н. Указ. соч. С. 173.

ЗАПИСКИ
фельдмаршала
ГРАФА МИНИХА

Граф Бурхард-Христофор Миних

Рис. В. Крюкова с гравированного портрета работы Чемесова, 1764 г.

Записки фельдмаршала графа Миниха были изданы в 1774 г., в Копенгагене, на французском языке, под заглавием «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie» (Очерк, дающий понятие об образе правления Российской империи). Небольшая книжка эта (190 страниц, в восьмую долю листа, малого формата) давно уже сделалась библиографическою редкостью. Полный перевод ее на русском языке появляется теперь в первый раз*. В переводе нашем мы, главным обра-

* Извлечения из записок Миниха в русском переводе были напечатаны в «Русском вестнике» 1842 г. № 1 и в «Русской старине» 1874 г. № 1. Но переводами этими нельзя пользоваться, потому что они сделаны крайне небрежно и во многих местах даже совершенно искажают смысл подлинника. Чтобы нас не укорили в голословности, приводим здесь, на выдержку, несколько отрывков из французского оригинала и перевод их, сделанный «Русской стариной»:

ФРАНЦУЗСКИЙ ПОДЛИННИК

«Ostermann se trouvant par la à la tête des affaires, connut parfaite ment qu'il convenoit de remplir le vuide (entre la souveraineté du monarque et l'autorité du Sénat) dont il est question içi». (Pg. 81).

«Il est a remarquer que Villeneuve etoit en même temps ministre plénipotentiaire et accrédité de la cowr de France, de celle de Vienne et de Petersbourg et depuis longtemps en grand crédit auprès de la Porte Ottomanne». (Pg. 100).

«Et comme Cangioni le pressoit de regler avec le grand-vizir les articles de la paix avec la Russie, Villeneuve répondit: «vobre affaire repose sur un coussin de veloms». (Pg. 102).

«Que le comte Ostermann avoit cacheté tout de suite ce papier signé par l'imperatrice et que l'imperatrice l'avoit donné à la lieutenant-colonelle Juschkoff». (Pg. 116).

«Le comte Ostermann (fut nommé) grand-admiral, ministre des affaires étrangères et membre du Cabinet. Le prince Czirlcaslci — grand-chancelier et membre du Cabinet. Le comte Golofkin,—vice-

зом, заботились не об отделке слога, а о близости к подлиннику, стараясь передавать его почти дословно

---

chancelier et membre du Cabinet. L'amiral, comte Golowin, fut décoré de l'ordre de St. André». (Pg. 136).

«Le comte Lynar, ministre du roi de Pologne et favori de la grande-duchesse, le marquis de Botta, ministre de la cour de Vienne, son confïdant, mr. Finck, ministre d'Angleterre et mon frère». (Pg. 140).

Ce traité fut signé à Dresde par le comte Wratislaw, ministre de la cour de Vienne et grand-maitre de la maison de la reine de Pologne, négociateur très intrigant; par un jesuite, accrédité pour cette negotiation de la cour de Vienne, et du comte de Brühl, ministre du roi de Pologne. (Pg. 144).

«Un des ministres de Sa Majesté des plus éclairés me fit l'honneur de me dire: «Il y a une trop grande distance entre l'autorité suprême et le pouvoir du Sénat».

«Il me dit en même temps: «L'on est d'opinion, que l'empereur Pierre le Grand, de glorieuse mémoire, a fait et réglé tout ce qui regarde le salut de l'Etat et que l'on avoit qu'a le suivre, mais qu'il etoit du sentiment que quoique ce monarque eut plus fait qu'on ne pense et qu'il est même inconcevable qu'un seul home eut su faire tous ce que nous voyons de grandes entreprises et fondations de Pierre le Grand, il restait cependant encore beaucoup à regler avant que de voir tout parvenir a la perfection». (Pg. 184).

ПЕРЕВОД «РУССКОЙ СТАРИНЫ»

«Вследствие этого Остерман в главе государственных дел вполне сознал, *что вышеупомянутую вакансию следует заместить*». (С. 81).

«Должно заметить, что Вильнев *был в одно и то же время полномочным и аккредитованным министром французского двора при венском и петербургском* и давно пользовался большим доверием Оттоманской Порты». (С. 85).

«Когда же Канджиони уговаривал его поскорее уладить с великим визирем *статью* мирного договора с Россией, Вильнев отвечал: *«дело ваше лежит на бархатной подушке»*. (С. 86).

«Что граф Остерман тотчас же запечатал эту бумагу, императрицею подписанную, а императрица передала ее *генерал-лейтенанту Юшкову*». (С. 88).

«Граф Остерман пожалован был генерал-адмиралом, министром иностранных дел и членом Кабинета. (*Черкасский пропущен вовсе*). *Граф Головкин — вице-камергером* и членом Кабинета. *Адмирал граф Головин — обер-шталмейстером*». (С. 93).

«Граф Линар, министр короля польского, любимец принцессы, австрийский министр маркиз Ботта, его доверенный, английский министр Финч и *мой сын*». (С. 94).

«Этот договор был подписан в Дрездене графом Вратиславом — министром венского двора и обер-гофмаршалом королевы польской, *иезуитом и большим пройдохою*, уполномоченным от австрийского двора для этих переговоров, и графом Брюлем — министром короля польского». (С. 95).

и даже удерживая, по возможности, самую форму изложения автора. Мы сохранили также деление на главы или параграфы французского издания и сделанные к нему неизвестным лицом, скрывшим свое имя под буквами М. Б., примечания, хотя последние и не имеют в настоящее время никакого исторического значения. Перевод снабжен нами, где это казалось нужным и возможным, пояснительными примечаниями. Они помещены нами в конце перевода для того, чтобы лица, которым примечания эти покажутся излишними, могли бы не читать их вовсе.

По нашей просьбе предисловие к переводу написано профессором К. Н. Бестужевым-Рюминым, уже оказавшим нам свое, весьма лестное для нас, содействие при издании первого тома «Записок иностранцев о России в XVIII столетии» (Письма леди Рондо).

Мы сочли нелишним дополнить настоящее издание «Записок» Миниха следующими приложениями:

1) Отрывком из дневника его, обнимающим время с мая месяца 1683 г. по сентябрь 1721 г. Отрывок этот, полученный от А. И. Вегелина действительным членом Одесского общества истории и древностей г. Соколовым, был напечатан на немецком языке с русским переводом г. Орбинского, в весьма мало, к сожалению, распространенных «Записках» Общества, 1860 г. Т. 4, откуда мы и перепечатываем его.

2) Статьей покойного М. Д. Хмырова «Фельцейхмейстерство графа Миниха», написанной преимущественно по документам архива Артиллерийско-

---

«Один из просвещеннейших министров ее величества изволил сказать однажды: «между верховной властью и Сенатом существует слишком большое расстояние».

«В то же время он сказал: «существует мнение, будто блаженной памяти император Петр Великий устроил и установил все для блага государства и что стоит только следовать по его стопам».

Я же тех мыслей, что если бы даже монарх этот и сделал более, чем думают, сделал же он так много, что невозможно и постигнуть, чтобы один человек мог совершить все созданное Петром Великим,— все же остается привести в порядок еще многое, прежде нежели оно достигнет совершенства». (С. 104).

го департамента. Статья эта, найденная нами в рукописях Хмырова, появляется в печати в первый раз, без всяких с нашей стороны поправок или изменений. Она предназначалась автором для «Артиллерийского журнала», где уже были помещены его биографические очерки первых русских генерал-фельдцейхмейстеров, но осталась в рукописи по не зависевшим от него причинам.

3) Указателем известных нам книг и статей, как русских, так и иностранных, где находятся наиболее заслуживающие внимания сведения и материалы для биографии и характеристики графа Миниха, многосторонняя деятельность которого до сих пор еще не оценена должным образом.

Портрет графа Миниха, приложенный к нашему переводу его записок, рисован художником В.С. Крюковым с гравированного портрета, исполненного в 1764 г. известным гравером Чемесовым.

С. Ш.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ряду государственных деятелей XVIII в. одно из самых видных мест, бесспорно, принадлежит знаменитому фельдмаршалу Миниху: строитель Ладожского канала, основатель первого кадетского корпуса, победитель при Ставучанах, виновник переворота, низложившего Бирона, он завоевал себе не одну страницу в каждом сочинении, изображающем судьбы России в период его жизни и деятельности. Ссылка в Сибирь, последовавшая за такой блестящей карьерой, и новый оборот счастья, новое появление в роли советника Петра III, оставшегося не только невредимым, но даже уважаемым при его преемнице, придают судьбе Миниха романический интерес. Можно спорить о том, в какой мере была полезна для России деятельность Миниха, но отрицать важности и значения этой деятельности никак нельзя*. Если такое лицо оставляет после себя записки, то они имеют для историка значение одного из самых ценных материалов. Конечно, не найдется ни одного историка, который был бы до того простодушен, чтобы принимал каждое из показаний действующего лица об его деятельности без надлежащей поверки; но даже и тот историк, который наиболее склонен сомневаться и не доверять

* Помещаемая в приложении к настоящему изданию биография Миниха,— принадлежащая перу покойного М. Д. Хмырова, почтенного библиографа и собирателя архивных сведений, биография, драгоценная обилием впервые появляющихся архивных материалов,— быть может, слишком строго осуждает Миниха.

показаниям своих источников, с радостью встречает каждое свидетельство о событиях и лицах, идущее от лица, действовавшего или стоявшего в близких отношениях к деятелям. Такое свидетельство, не всегда сообщая фактическую истину, всегда рисует нам побуждения действующих лиц и их взаимные отношения. Нередко из одного намека историк, знакомый с тем временем, которое воспроизводит, может воссоздать целую картину, часто далеко не похожую на найденный им очерк, но воспроизведенную именно с помощью этого очерка. Читая благоприятный или неблагоприятный отзыв о людях или делах, историк может не верить тому, от кого идет это суждение; но каждая такая черта проливает для него новый свет на лицо писавшее или на его отношения; перед ним встают живые люди с их страстями и заблуждениями, и счастлив он, если может, воплотив свое представление в живые образы, возродить и в душе читателя то же самое представление. Если бы историк гонялся только за фактическою верностью своих известий, то, конечно, доказавши раз, что тот или другой из свидетелей или деятелей пристрастен, он мог бы отделаться от него одним приговором и, закрыв книгу, более в нее не заглядывать; но за фактическою верностью стоит для историка другой, едва ли не более важный, вопрос — определение характеров, побуждений и отношений. В этом вопросе записки самые пристрастные могут служить драгоценнейшим материалом. Важным становится не то, пристрастен или нет писатель, а то, почему он пристрастен и какими путями или средствами он старается других склонить на свою сторону, заставить их смотреть на дело именно так, как он сам смотрит. К сожалению, фельдмаршал Миних не оставил по себе подробных записок: памятник, который в настоящее время появляется в первый раз в полном русском перево-

де*, не записки, а записка, написанная с известною целью и заключающая в себе только немногие факты. Несмотря на краткость свою именно с той точки зрения, которая указана нами выше, записка Миниха имеет весьма серьезное значение; но прежде чем обратиться к ее оценке, посмотрим, когда и почему она написана. Академик Миллер, в декабре 1763 г., писал к пастору Дюмареску, почетному члену С.-Петербургской академии наук: «Императрице угодно было назначить меня помогать генералу-фельдмаршалу Миниху писать его мемуары. Это будет очень любопытный труд. Как ни стар фельдмаршал, однако у него прекрасная память и по-французски он пишет очень изящно. Мне остается только исправлять даты** Хотя этот труд очень полезен для тех, которые принимают в нем участие, но я не желал бы первый издавать его в свет»*** Таким образом, ясно, что эта книга была написана для Екатерины и по ее согласию. Издана она в 1774 г. под заглавием: «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie», и хотя местом печатания был показан Копенгаген, но тогда же было замечено, что по русским буквам легко угадать, что издание вышло из Лейпцигской типографии**** История издания остается до сих пор неизвестной, как неизвестно и лицо, делавшее примечания.

Главная цель, для которой написана книга,— доказать необходимость учреждения государственного совета, который, по выражению Миниха, наполнял бы пустоту между верховною властью и властью Сената. «Совет этот,— говорит Миних,— должен состоять из многих лиц, которые, находясь у государственного кормила, могли бы искусно направлять все

---

* В «Русском вестнике» 1842 г., № 1, помещен был сокращенный перевод; в «Русской старине» 1874 г., № 1,— извлечение.

** Читатель будет иметь случай убедиться ниже, что память иногда обманывала Миниха.

*** История Академии наук. I. С. 389.

**** Там же.

дела империи, облегчать этим труды ее величества императрицы и избавлять ее от тягости входить в подробности не особенно важных дел». Причем он советует государственные дела разделить на департаменты, поставив во главе каждого из них одного из членов совета. Эта мысль, выраженная в конце книги, в виде пожелания, была постоянною мыслью Миниха, и, став первым министром правительницы Анны Леопольдовны, он сделал опыт осуществления ее, что и рассказывает в § 53. Теперь, снова получивши милость государыни, он пробует опять осуществить свою заветную мысль и для того, чтобы доказать, что только его план был бы хорош, Миних делает картину высших государственных учреждений, существовавших до Петра, при Петре и его преемниках. Тут он изображает то, что сделано для пополнения замеченной пустоты: Петр постоянно выбирает лицо, которое могло бы управлять Сенатом, а в отсутствие государя всей империей; Екатерина учредила Верховный тайный совет; Анна — Кабинет министров, Елизавета — Конференцию; но все эти учреждения были, по мнению Миниха, недостаточны: «Пустота, существовавшая между верховною властью и Сенатом,— была восполнена недостаточно и притом лицами, все заслуги которых заключались в их фаворе и которые злоупотребляли оказываемым им доверием в ущерб государству». Такова главная мысль, побудившая Миниха взяться за перо, и таково главное содержание его книги. Надо заметить, что как трактат по государственному праву книга Миниха имеет очень мало значения: главная мысль, сама по себе замечательная, т. е. сознание необходимости не возводить всех мелочей до верховной власти, доказана мало; разбор недостатков всех попыток поверхностен; но если для автора главное значение книги заключалось в ее теоретической стороне, то для читателей в настоящее время важнее другая сторона книги: Миних характеризует каждое царствование, останавливается

на его событиях и деятелях. Эта характеристика далеко не всегда вяжется с главною задачею труда, но для нас не в этом дело. Главное лицо, которое он старается выдвинуть на первый план, это он сам. Миних всегда отличался громадным самолюбием и самовосхвалением. В этом отношении особенно замечательны его письма к Екатерине II, напечатанные Бюшингом. Вот что он говорит в одном из писем: «Всегда буду считать чудом, что этот дивный Балтийский порт, начатый славнейшим монархом Петром I и потом оставленный, будет доведен до окончания великодушными решениями Вашего Величества: Вы та истинная святая, под сенью которой это изумительное дело будет кончено и навсегда сохранено.

Осмелюсь ли, о всеведущая, прибавить одно размышление.

Не будет ли приобретением для В. В., если вы найдете подданного, который мог бы возродить Петра В. в его изумительных делах, возобновить его память и славу и обессмертить Ваше великое имя, который нашел бы квадратуру круга и сделал бы легким и возможным то, что считается невозможным.

Пройдите, высокая духом императрица, всю Россию, всю Европу, обе Индии, ищите, где найдете, такую редкую птицу.

Находка эта была бы приобретением, сокровищем для В. В.

Приобретение это, божественная императрица, уже сделано, подданный такой найден.

Но,— скажете Вы:

— Кто же этот столь необыкновенный человек?

Как, Милостивейшая Императрица! Это тот человек, которого Вы знаете лучше других, который постоянно у ног Ваших, которому Вы протягиваете руку, чтобы поднять его.

Это тот почтенный старец, перед которым трепетало столько народа; это патриарх с волосами белыми, как снег, который оказал столько услуг Вашему оте-

честву, который лучше, чем кто-либо, знает Россию и более, чем кто-либо, предан Вам»*

В другом письме он говорит:

«Когда Петр В. поручил мне управление великим и важным каналом Ладожским, он сам представил меня Сенату и сказал Сенаторам: «Я нашел человека, который построит канал вполне для меня удовлетворительно; приказываю вам делать все, что он от вас потребует».

Генерал-прокурор Ягужинский сказал мне, выходя из Сената:

«Мы зависим от ваших приказаний.

Обсудите, Августейшая Императрица, здравую и благотворную политику великого монарха, его доверие ко мне и власть, которую он мне вручил, и согласно с этим примером дайте, мудрейшая государыня, такие же предписания Вашему Сенату.

Осмелюсь ли, Милостивая Императрица, напомнить Вашему Величеству, что из числа Сенаторов нет ни одного, который или не состоял бы под моим начальством, или не достиг бы возраста зрелости в последние тридцать лет, когда уже я был генерал-фельдмаршалом, главнокомандующим русскими войсками, президентом Военной коллегии, генерал-фельдцейхмейстером, обер-директором над фортификациями и шефом кадетского корпуса. Думаю поэтому, что Сенат может с доверием положиться на меня»**

Признавая старание придать несколько шутливый тон всем этим письмам, нельзя не заметить, что громадное самомнение проглядывает в них. В значительной степени это самомнение оправдывается делами Миниха; но мы должны были указать на эту черту, как на такую, которой многое объясняется в его записках. Так, например, кратко и поверхностно касаясь времени Петра В. и даже не всегда точно

---

* Magazin fiir die neue Historié und Geographie. XVI. C. 429.

** Там же. С. 420.

передавая события его царствования (вспомним описание стрелецкого бунта*), он более всего останавливается на строении Ладожского канала и передает свои разговоры с Петром. Историк благодарен за сообщение нескольких черт, дополняющих образ Петра, но надо признаться, что в данном сочинении эти воспоминания в такой подробности едва ли даже у места: то, что называется историческою перспективою, совершенно не соблюдается у Миниха. Теряя таким образом много в глазах обыкновенного читателя, историку Миних все-таки сообщит любопытные вещи. Прибавим еще, что где дело не касается его личного самолюбия, он является наблюдателем тонким и умным: он уловил систему Петра назначать на первые места русских и только на подчиненные иностранцев. Система эта долго почти не останавливала на себе внимания наших историков: не случалось ли нам слышать (не от иностранцев) о приверженности Петра к иноземцам? Вообще характеристика Петра у Миниха довольно полна и верна. Со смерти Петра рассказ Миниха становится еще интереснее; конечно, нередко он противоречит другим источникам: так, например, восшествие на престол Екатерины I описано не так, как у Бассевича и Феофана. В этом случае историк, конечно, не станет на стороне Миниха, который очевидно не был посвящен в государственные дела того времени и рассказывает более по слухам. Зато его замечания о причинах, побуждавших многих желать, чтобы Петру наследовала не Екатерина, а Петр II, чрезвычайно метки; также удачна характеристика Меншикова и справедливы рассуждения о бесполезности союза с цезарем, заключенного Екатериною. Конечно, те, кто ищет всюду личных мотивов, могут сказать, что здесь Минихом руководила его ненависть к Венскому кабинету; они будут правы, но все-таки замечания Миниха не теряют своей силы и обращают на себя внимание историка; припоминание

* § 8.

слов, слышанных самим автором от Петра: «Что он не имел нужды в союзе с ними, но что они нуждались в союзе с ним»,— драгоценны для историка. Рассказывая время Петра II, Миних, быть может, чересчур набрасывает тень на Меншикова, сам наивно проговариваясь о причине своего нерасположения к нему: «Он сопротивлялся окончанию Ладожского канала и другого при устье Невы, который Петр Великий приказал мне прорыть» (§ 32). Восшествие на престол Анны Иоанновны рассказано по памяти; ясно, что здесь рассказчик мог ошибиться в частностях, но общее впечатление верно. Но, кроме забывчивости, и самолюбие заставляет иногда Миниха отклоняться от исторической точности: так, например, не бывши членом Кабинета, он выдает себя за члена и объясняет свой выход из Кабинета необходимостью жить в Петербурге. Впрочем, нет ли еще средства примирить здесь показание Миниха с фактами: не говорит ли он здесь о переговорах и толках, предшествовавших утверждению Кабинета, и, наконец, быть может, даже то, что его иногда призывали в заседание, он счел как бы за назначение членом. Здесь, впрочем, показания его могут быть поверены положительными актами и никого не введут в заблуждение; но зато как метка краткая характеристика Остермана и Черкасского, которою не раз уже пользовались. Описание войн польской и турецкой кратки, но любопытны, как образчик самолюбия Миниха: он не забывает сказать, что Русский народ дал ему прозвание «Столпа Российской империи» и «Сокола»; не забывает назвать победу при Ставучанах изумительною и изливает все свое негодование на Венский кабинет. Рассказ о смерти Анны Иоанновны, один из многочисленных рассказов, противоречащих и ждущих еще соглашения, любопытен с той стороны, как искусно Миних обходит свое участие в доставлении регентства Бирону. Характеристика Анны Иоанновны, греша некоторым пристрастием, ибо едва ли кто-нибудь

из самых ревностных защитников этой государыни решится повторить приданный ей Минихом эпитет «великая», замечательна, как голос человека, лично ее знавшего, голос, произнесенный через много лет после ее кончины и назначенный для государыни, ничем с нею не связанной. Хвалить Анну было Миниху ни для чего не нужно, и потому его мнение все-таки должно иметь вес, даже если признаем его не совсем беспристрастным. Главный деятель в свержении Бирона, первый министр Анны Леопольдовны и потом устраненный ею, Миних, конечно, не беспристрастен к ним обоим; тем не менее его изображение этого времени едва ли не самая важная часть его записок, по крайней мере в том отношении, что перед нами мнение одного из деятелей. Всего любопытнее то, как объясняет Миних введенную им систему в Кабинете министров. Характеристические факты, сообщенные им о правительнице, давно уже сделались достоянием истории и, вполне согласные с другими показаниями о ней, уяснили для нас образ этой благодушной, но ленивой женщины, так дорого заплатившей за свою собственную беспечность. Мало говоря о правлении Елизаветы, когда он был в Сибири, Миних представляет, однако, живую и тонкую характеристику этой государыни, которую он знал цесаревною. Зная, для кого была писана книга, мы поймем, почему Миних относится даже благосклонно к Елизавете Петровне и остается к ней как бы беспристрастным. Та же причина объяснит нам неблагосклонный, хотя и не противный правде, отзыв о Петре III. Миних мог бы хотя одною чертою, кроме холодного упоминания о своем возвращении, почтить память человека, который так уважал его и оказывал к нему такое доверие; но в этом сказался царедворец, рассыпавшийся перед Екатериной в гиперболических выражениях своего к ней сочувствия, до того странных, что императрица писала к нему: «Наши письма были бы похожи на любовные объяснения, если бы ваша патриархальная

старость не придавала им достоинства»*; но образчики писем Миниха, которые мы видели выше, дают возможность составить полное понятие об общем их характере.

Книга кончается общими выводами, о которых мы говорили.

Записки Миниха, таким образом, не выдерживая характера целостности, составляющей условие высокого литературного произведения, и представляя смесь личных воспоминаний с общим рассуждением о строе русского государственного управления, причем одна часть мешает другой, все-таки памятник весьма важный и ценный. Конечно, замечаний о том, что мы теперь называем внутренней историей, найдется весьма мало в труде фельдмаршала Миниха: с управлением, как оно было на деле, с внутренним строем общества Миних был знаком мало и понаслышке; он знал двор, армию, внешние сношения; остального он не знал и ни во что остальное он не вникал, да и странно было бы требовать от него подобных знаний. Тем не менее главная мысль книги имеет весьма важное значение: она полнее осуществлена в высших государственных учреждениях новейшего времени. Мы видели уже, что самая эта мысль не есть плод анализа государственного строя, но практическое желание. Относительно личных воспоминаний, Миних, к сожалению, очень скуп: во многих случаях читатель ждет подробностей, анекдотов и находит только приговор, правда, произнесенный так коротко и метко, что историку иногда остается только труд мотивировать этот приговор и все-таки привести его в конце своих рассуждений. Тонкий и умный наблюдатель людей, посреди которых ему приходилось жить так много лет, сказывается на каждом шагу, и, признавая, что многое в рассказах Миниха вызвано его личными отношениями и известным громадным его самолюбием, заставлявшим на многих смотреть пристрастно, мы

*Словарь достопамятных людей. III. С. 343 (М. 1836).

все-таки примем все его суждения к сведению. Конечно, было бы лучше, если бы он дал нам более полный материал для оценки лиц, а через них и общества, в котором эти лица живут и действуют; а он даже не сообщает нам подробностей своего участия в свержении Бирона и тем лишает нас многих черт, которые могли бы быть характеристичны и которые мы узнаем уже из других источников. Можно было бы желать также, чтобы он возвысился от отдельных лиц до общих соображений и общих картин; на это, как мы видели, он не имел данных, да не имел и привычки к обобщениям, поглощенный то личными делами, то практическими заботами. Читатель, даже не знающий вполне книги, теперь предлагаемой, найдет в ней мало для себя нового, если он знаком с трудами, касающимися изображаемой в ней эпохи. Это обстоятельство в наших глазах служит скорее в пользу книги, чем во вред ей; оно доказывает, что исследователи и историки не раз обращались в своих трудах к этой книге и, широко пользуясь ею, сделали сообщаемые ею факты и суждения общеизвестными. Теперь читателю представляется возможность лично поверить исследователей и, имея перед собою самое сочинение, оценить: верно или неверно отнеслись историки к его показаниям. Надеюсь, что по прочтении книги у каждого останется то же убеждение, которое мы вынесли, именно, что он беседовал с умным и многознающим человеком, которого мнения и сообщения имеют цену даже по тому месту, которое он занимал, и по той роли, которую он играл в истории своего времени.

К. Бестужев-Рюмин

Апреля 14-го 1874 г.

ОЧЕРК УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1

Здесь не будет речи ни о царствовании Феодора Алексеевича и его двух младших братьев, Ивана и Петра Алексеевичей,— царствовавших вместе с 1682 до 1690 г.,— ни о царствовании их отца, Алексея Михайловича, и его предшественников, ни о царе Иване Васильевиче, завоевателе царств Астраханского и Казанского, некоторых сибирских областей и пятигорских черкесов или верхней Кабарды.

2

В то время русский народ был известен в Европе еще под именем — *московитов*, Российская империя — *Московии*, а ее государи носили название *великих князей* или *царей*.

3

Тогда в России не знали ни военных судов, ни галер, ни регулярных войск. Однако же в ней была артиллерия и сильная армия; так, например, великий царь Иван Васильевич с многочисленными войсками ходил в Литву, Польшу и Ливонию. Армия, включая в нее и казаков, вступивших при гетмане Хмельницком в 1654 г. в подданство России,— простиралась

от 200 000 до 300 000 человек. С этою армиею царь Алексей Михайлович покорил Смоленск, Домбровно и проч. и проникал до Вильны, так что, когда в 1668 г. польский король Ян-Казимир отрекся от престола, на сейме 1669 г. в наследники ему предложили русского царевича Алексея Алексеевича, сына царя Алексея Михайловича.

Победы в Польше и Литве, а также на Днепре и Азовском море доставили России участие в составлении мирного договора в Карловице, в 1699 г., где было заключено с турками двухлетнее перемирие, замененное в 1700 г. миром на 30 лет[1].

4

В 1684 г. император римский, начав войну с Портою, отправил в Москву своих послов для того, чтобы пригласить царей, Ивана и Петра Алексеевичей, вступить с ним в союз против турок и татар. Они изъявили готовность заключить союз, но не иначе, как с условием, чтобы польская республика уступила России провинции, завоеванные царем Алексеем Михайловичем, именно: Смоленск, Северск, Киев и Украину. В 1684 г. Польша согласилась на это, потребовав в уплату 1 500 000 польских фунтов, что составляет 187 500 руб., которые Россия и уплатила республике. После этого, в 1686 г., Польша заключила с Россией, в пользу австрийского дома, наступательный и оборонительный союз против Порты*[2].

5

Военные действия против татар начались в 1687 г., а в 1689 г. русская армия под начальством генерала

*Турки начали войну против римского императора в 1683 г. В этом же году посольство римского императора отправилось в Россию, но оно прибыло в Москву только в мае 1684 г. Вечный мир с Польшею, о котором здесь упоминается, был заключен в 1686 г. (*Примеч. М. Б.*)

князя Голицына, в составе, как рассказывают, 400 000 человек, выступила в поход, чтобы осадить Перекоп и проникнуть в Крым. Но эта многочисленная армия возвратилась назад, разбитая татарами, которые отняли у нее большую часть лошадей. Я знал одного старика, Васильчикова, участвовавшего в походе; он говорил мне, что дворяне, составлявшие эту армию, были все отборные люди и что каждый из них имел по 10, 20 и 30 слуг (боярских людей), хорошо снаряженных и вооруженных саблями, нарезными ружьями (arquebuses rayées), луками, стрелами и копьями, и что были полки в составе от 20 до 25 000 человек каждый, составленные из отборных людей*[3].

6

Такие силы и походы в Ливонию против шведов, в Литву и в Польшу, во время которых московские войска проникали до Варшавы, сделали Россию столь грозною, что историки того отдаленного времени стали называть ее империей, что сделал также и венский двор.

7

Мы умолчим о предшествовавших царствованиях и отнесем начало русской империи к 1690 г., т. е. к тому времени, когда после смерти Феодора Алексеевича — случившейся 27 апреля 1682 г.— царь Иван Алексеевич, близнец Феодора[4], уступил правление своему младшему брату, Петру Алексеевичу, завоевателю, основателю империи и законодателю, которого нельзя ни с кем сравнить.

---

* Генерал Гордон приписывает неуспех как этого, так и прежних предприятий против татар, раздору, который господствовал при московском дворе, и говорит, что молодой царь Петр очень негодовал на это. Сведения об этом помещены в сборнике русской истории профессора Байера, который извлек их из записок Гордона. *(Примеч. М. Б.)*

8

Русские войска состояли в то время из 15 000 стрельцов, находившихся под начальством русских генералов. Эти войска были царскою стражею, и их можно сравнить с турецкими янычарами. Доказательством тому служит их восстание в 1682 г. в пользу юного государя Петра Алексеевича,— которому было только десять лет,— против царя Ивана Алексеевича, сестра которого, царевна София, сошлась с генералами Голицыным и Хованским для того, чтобы править империей во время малолетства царя Петра Алексеевича. Стрельцы, бывшие на стороне царя Ивана, восстали и в бешенстве бегали по царскому дворцу; они побросали за окна многих вельмож, сторонников Софии, причем погибли два генерала Долгорукие и Ромодановский, а также врачи покойного царя Феодора Алексеевича и другие сановники, дома которых были разграблены. Вследствие этого оба государя, Иван и Петр, царствовали вместе до 1690 г.[5] 20 мая 1684 г. они заключили мир со Швецией*[6].

Кроме того, были еще однодворцы, люди, не зависевшие от дворянства и обязанные носить оружие; их считалось от 30 до 40 тыс. человек. Это те самые однодворцы, из которых впоследствии были составлены: украинский корпус, называемый ландмилицией, гвардейский Измайловский и первый кирасирский полки[7].

Остальная часть грозной русской армии состояла из дворян и, как мы сказали выше, из вооруженных слуг, а также и казаков.

---

* Цари Иван и Петр возобновили и подтвердили в 1684 г. Кардисский договор, заключенный в 1661 г. со Швецией, а также и все прочие договоры. Сам Петр сделал то же самое в 1699 г. *(Примеч. М. Б.)*

9

Цари не сближались вовсе с народом и не искали популярности. Они были боготворимы подданными и когда проезжали верхом по улицам, то все падали перед ними ниц на землю. В России вовсе не знали карет, и цари не имели их.

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ЭТИХ ГОСУДАРЯХ

10

Столбовые бояре, из высшего дворянства, были государственными министрами, или Сенаторами.

Окольничие, камергеры, или царедворцы,— тайными советниками.

Думные дворяне — государственными советниками[*8].

Эти сановники заведовали всеми государственными делами, посредством различных департаментов, называвшихся приказами.

Так, в приказе Преображенском рассматривались дела секретные.

Судный приказ — был высшим судебным учреждением.

Поместный приказ заведовал землями духовенства и дворянства и т. д.

Если же случалось какое-нибудь важное дело, как, например, заключение мира или объявление войны, то царь лично отправлялся к патриарху, чтобы советоваться с ним, и обыкновенно следовал его мнению.

Патриархи были уважаемы до такой степени, что при больших церемониях или процессиях, когда патриарх ехал на лошади верхом, то царствующий государь держал его стремя[9].

---

[*] Профессор Миллер сравнивает бояр с нынешними действительными тайными советниками, окольничьих — с тайными советниками, думных дворян — с действительными статскими советниками и думных дьяков — со статс-секретарями. *(Примеч. М. Б.)*

11

Должно заметить, что татары, производя частые набеги на многие области России и овладев Киевом, обязали царей, в силу договоров, платить крымским ханам ежегодную дань наличными деньгами и соколами. Линия и крепость Перекоп (Ор-Капы) назывались воротами Оттоманской империи. В Крым русские никогда не проникали до 1736 г. В этом году я овладел упомянутою знаменитою линиею, защищаемою 180 000 татар, и Перекопскою крепостью, охраняемою 4000 янычар, а также, не потеряв ни одного человека, взял город Козлов*, где великий князь Владимир женился на греческой царевне Анне, которая ввела греческую религию в обширной русской империи. Казаки же, проникнув до Бахчисарая, сожгли дворец хана[10].

12

С 1690 г. юный государь Петр Алексеевич принял бразды правления и стал царствовать один. Он скоро сознал свои силы и, рожденный завоевателем, бесстрашно напал на Оттоманскую Порту. В 1695 г., с весьма многочисленным войском, бывшим под начальством генерала Шереметева и гетмана казаков Мазепы, он предпринял осаду Азова, но так как тогда в России не знали искусства осаждать крепости, то юный монарх вынужден был снять осаду и заменить ее блокадою[11].

Государь не упал от этого духом и, по врожденной ему твердости и настойчивости,— которые он блестящим образом доказал во все продолжение своего царствования, — предпринял в следующем, 1696 г., во второй раз ту же самую осаду; ее вели инженеры и

* Некоторые говорят, что город Корсунь, или Херсу, где крестился Владимир, стоял на месте Козлова; другие же думают, что он был там, где нынче находится город Керчь. *(Примеч. М. Б.)*

артиллерийские офицеры из Австрии, Бранденбурга и Голландии*. Таким образом он овладел этим важным местом и с торжеством возвратился в Москву.

13

Высокий ум молодого государя вскоре указал ему необходимость изменить образ правления, а вместе с тем и весь внутренний порядок в государстве. С этой благотворною целью он решился лично отправиться в чужие края, чтобы самому изучить различные государственные порядки. В 1697 г. он предпринял путешествие, как бы инкогнито, в свите посольства, главою которого был первый его любимец, Франц Лефорт, наименованный генералом и адмиралом.

14

Прежде всего он поехал в Ригу, где шведский комендант принял его невежливо и не позволил ему взойти на городской вал, чтобы осмотреть укрепления. Это обстоятельство рассердило молодого государя и было, как подозревают, одною из причин, в силу которых он впоследствии решился начать войну со Швециею. Из Риги он поехал в 1698 г. в Кенигсберг, где увиделся с курфюрстом Фридрихом, впоследствии первым королем прусским, с которым у него завязалась тесная дружба, существовавшая в продолжение всей его жизни.

15

Юный герой продолжал путешествие свое через Ганновер, где ему не оказали приема, соответствовавшего его сану. Это обстоятельство было главной причиной того, что Петр никогда не питал особенной

---

* Имена всех этих лиц внесены в «Сборник русской истории». *(Примеч. М. Б.)*

дружбы к Георгу I, королю английскому, бывшему в то же время и курфюрстом ганноверским, хотя и выказывал всегда чрезвычайное расположение к английской нации. Из Ганновера он поехал, через Голландию, в Англию, чтобы учиться кораблестроению. На возвратном пути он заехал в Вену, где был принят с большим почетом. Отсюда он хотел ехать в Венецию, но вскоре получил известие о возмущении стрельцов в Москве, что и ускорило его возвращение в Россию. Проезжая через Польшу, он свел дружбу с Августом II, королем польским, курфюрстом саксонским. Всюду, где только останавливался юный монарх, все удивлялись уму, проницательности и приветливому обхождению этого великого государя. Приехав в Москву, он своим присутствием смирил мятежных стрельцов, значительное число которых было казнено.

16

В 1699 г. Петр Алексеевич заключил с Портою перемирие на два года, удержав за собою крепость Азов[12], и начал строить Таганрог, или крепость Св. Троицы, на берегах Азовского моря, а вместе с тем и военные корабли. Оттуда он отправил в Константинополь посла на вновь выстроенном фрегате. Подойдя к столице султана, посол велел стрелять из пушек, что чрезвычайно изумило турок и послужило поводом к договору, которым Порта определила, какое число кораблей, и какого рода, могли иметь русские на будущее время в Азовском море[13]. Турки выстроили в Крыму новую крепость, названную Еникале, для того, чтобы господствовать над проливом, отделяющим Крым от Кубани.

17

В 1700 г. Петр I отправил в Стокгольм уполномоченного, чтобы уладить несогласия, возникшие меж-

ду двумя дворами; но союз его с королем польским Августом II, курфюрстом саксонским, был заключен с целью начать войну со Швециею. Август задумал отнять (у Швеции) Ригу и Ливонию, принадлежавшие некогда Польше. Когда дела с Портою были устроены, царь сперва послал на помощь польскому королю казаков, а потом сам с огромным войском и многочисленною артиллериею пошел к Нарве, чтобы овладеть этим городом,— в виду которого еще царь Иван Васильевич построил прекрасную крепость Иван-город,— но молодой шведский король, Карл XII, пришел на помощь Нарве, с горстью солдат напал на русскую армию, разбил ее и заставил, сняв осаду, удалиться.

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ АРМИИ ПРИ ПЕТРЕ I

18

Мы видели, что царям не трудно было выводить в поле армии численностью в 200 и даже 300 тыс. человек; но войска эти были необученные и беспорядочные; большинство их состояло из дворянских слуг; стрельцы же, вследствие их возмущений (см. § 15) были почти уничтожены. Юный монарх еще с детства имел в Москве две роты, составленные из молодых людей, забавлявших его. Одна из этих рот помещалась в предместье Преображенском, другая — в предместье Семеновском, названных так по имени приходских церквей. Молодой государь образовал из этих рот два гвардейских полка: Преображенский и Семеновский, сделавшиеся ныне лучшими войсками в русской пехоте. В то же время государь сформировал много пехотных полков, в которые солдаты набирались из народа, посредством набора, а в 1704 г. он учредил разом тридцать четыре драгунских полка. Рассказывают, впрочем, что эти тридцать четыре полка составлялись постепенно, с 1701 по 1709 г.;

каждый полк имел 1000 человек, всего тридцать четыре тысячи драгун, все из дворян[14]. Государь пригласил многих иностранных генералов обучать эти войска и командовать ими, и в самое короткое время создал громаднейшую регулярную армию, которую повел сам к победам и с которой завоевал с невероятною быстротой всю Ингрию, Карелию, Финляндию, Эстляндию и Ливонию, со всеми крепостями[15]. Он построил два многочисленные флота из военных судов и галер и благодаря стараниям генерал-фельдцейхмейстера графа Брюса[16] значительно увеличил артиллерию осадную, полевую, полковую, крепостную, а также и морскую. С этими правильно устроенными сухопутными и морскими силами он разбил Карла XII при Полтаве, проник в Швецию, на расстоянии 4 миль от Стокгольма, и в 1721 г. заключил знаменитый мир, вследствие которого удержал за собою все вышеупомянутые, завоеванные им области[17]

19

Что касается того порядка, в какой этот великий и мудрый государь привел финансы, то об этом можно судить по словам, которые я имел честь слышать от него в 1721 г. в Шлиссельбурге. Взятие этой крепости было его первою победою над шведами, 11 октября 1703 г.* Каждый год, в означенное число, он имел обыкновение ездить туда, если находился в России, в сопровождении своей флотилии, сенаторов, министров и генералов, чтобы праздновать годовщину взятия этой крепости. Штурм ее, как говорил император, сопровождался большим кровопролитием и потерями, потому что под брешью вовсе не было пространства, на котором войска могли бы собраться и приготовиться к приступу, а между тем как шведский гарнизон истреблял их гранатами и каменьями. Князь Миха-

* Шлиссельбург был взят 12 октября старого стиля 1702 г. *(Примеч. М. Б.)*

ил Михайлович Голицын, впоследствии подполковник гвардии и фельдмаршал русских войск, провел более двадцати четырех часов в таком положении у бреши. Кроме того, войска, отряженные на приступ, нужно было провозить водою на лодках под артиллерийским и ружейным огнем крепости[18]. При этом случае император сказал мне, «что он окончил войну, которая продолжалась с лишком двадцать лет, не сделав долгов, и что если бы, по воле Божией, ему пришлось вести еще другую двадцатилетнюю войну, то он мог бы выдержать и ее, не прибегая к займу»*

Доказательством справедливости этих слов служит то обстоятельство, что император, по заключении мира, уплатил Швеции 2 млн руб. за Ливонию, на которую польская республика могла заявить свои притязания, так как император по договору, заключенному с польским королем, обязался, в случае завоевания этой области, оставить ее во владении Польши. В начале мирных переговоров в Ништадте император решился отдать Ливонию Швеции, но этого не случилось, потому что шведские министры, участвовавшие в конгрессе, были подкуплены бароном Остерманом, впоследствии министром[19]. Еще большим доказательством тому, что император не нуждался в деньгах, служит предпринятая им в следующем 1722 г. война с Персиею, стоившая несметных сумм, потому что нужно было перевозить через Каспийское море жизненные припасы и все необходимое для войска. Император сам водил до Дербента армию, составленную из лучших русских войск. Нельзя не удивляться такой бережливости государя![20]

---

* Это в особенности замечательно потому, что, как известно, доходы русской империи до Петра Великого не простирались свыше 5 млн руб. в год. Следовательно, Петр не имел более при начале своего царствования. (Примеч. М. Б.)

20

Ни один завоеватель не имел столь определенного и верного взгляда на свои завоевания, как Петр Великий, употребивший огромные суммы на постройку Петербурга, Кронштадта и портов на шведской территории прежде, нежели был уверен в условиях мира, который тогда казался еще очень отдаленным и сомнительным.

Наконец, находчивость его гения усиливалась по мере того, как умножались препятствия; его подвиги были поразительны и доставили ему такое превосходство над всеми соседями, что Европа единогласно дала этому несравненному государю имя Великого.

В том же 1721 г., при торжестве, бывшем по случаю заключения славного мира со Швецией, Петр Великий был признан и объявлен императором в Троицкой церкви, что на Петербургской стороне. Великий канцлер граф Головкин[21] произнес восторженную речь и просил государя, от имени всего народа, принять титул императора, который он заслужил, предводительствуя лично армиею против врагов России, а также своими отеческими заботами о государстве. Император отвечал, «что нельзя достаточно возблагодарить Бога за выгодно заключенный мир и что со своей стороны он может выразить Ему свою признательность только новыми милостями своим подданным».

Действительно, государь приказал освободить всех ссыльных и бесконечное число людей, содержавшихся под стражею[22].

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

21

В 1709 г., после поражения при Полтаве гетмана Мазепы, который перешел на сторону врагов России,

государь уничтожил гетманское достоинство и взамен его учредил в Глухове управление, названное «министерскою канцеляриею». Она была составлена частью из русских генералов, частью из старшин или казацких офицеров[23].

В 1711 г., 20 марта, Петр учредил Правительствующий Сенат, дав ему почти неограниченную власть, особенно на время своего отсутствия из империи[24].

В 1717 г., по возвращении из Парижа, он устроил главную полицию в Петербурге и полицейские управления во всех губерниях России; установил должности генерал-прокурора и обер-прокурора в Сенате и прокуроров в коллегиях и губерниях[25].

В 1719 г., 1 января, он учредил коллегии: иностранных дел, военную, юстиции, Адмиралтейств-коллегию, отчетную палату (ревизион-коллегию) и другие коллегии, а также множество канцелярий и управлений, в том числе: артиллерийское, инженерное, строительное, придворное и проч., и несколько весьма важных приказов, как, например, Сибирский[26].

Мудрость государя побудила его уничтожить достоинство и высшую власть патриарха и учредить, 21 января 1721 г., вместо звания первосвященника, Синод, в который он назначил президента и членов из более ученых епископов и архимандритов. Он снабдил эту святую коллегию наставлениями и Духовным регламентом, заслуживающим удивления*, и сам был там первым президентом[27]

22

При таких великих и мудрых установлениях была управляема русская империя в царствование Петра Великого и благодаря им продолжает процветать и в настоящее время.

---

* Этот Духовный регламент написан не самим императором, но архиепископом Феофаном Прокоповичем, составившем его в 1719 г. В 1721 г. он был издан от имени императора. *(Примеч. М. Б.)*

Государь снабдил все присутственные места регламентами, из которых, данные Адмиралтейству и Военной коллегии, изумляют своею обширностью и служат доказательством его великого гения и невероятного трудолюбия.

Я не намерен исчислять здесь подробно все благотворные учреждения Петра Великого. Они бесчисленны и невероятны, и описание их составило бы объемистую книгу; я скажу только в немногих словах, что он преобразовал нравы и обычаи русских,— теперь уже не видно людей, не принадлежащих к простонародью, с бородами, в длинном одеянии, с саблями, в сапогах на персидский покрой и в русских шляпах; оба пола одеваются по-французски. Он завел собрания, и, по воле его, женщины стали являться в публике.

Он устроил мануфактуры, поощрял промышленность, вызвал архитекторов и ремесленников из Италии и Франции и корабельных строителей из Англии. Он покровительствовал иностранцам и когда встречал между ними недостойных, то говорил, «что был бы доволен, если бы, подобно апостолам, из числа их, на одиннадцать хороших приходился один негодяй».

Он строго наказывал за преступления, невзирая на звание лиц, и щедро награждал заслуги.

Небо создало этого великого человека для того, чтобы посредством его деятельности и высокого гения водворить порядок, ввести промышленность и науки в государстве, почти неизвестном соседям. Во время своего царствования он обнаружил все добродетели героя и совершеннейшего государя.

Он все делал для своих подданных и ничего для самого себя, одевался просто, и расходы его двора, при котором не было видно ни камергеров, ни камер-юнкеров, ни пажей, ни серебряной посуды, не превышали 60 тыс. руб. в год. Десять или двенадцать молодых дворян, называемых денщиками, и столько же гвардейских гренадеров, составляли весь его двор;

при нем в России не существовало ни ливрей, ни шитья на мужских платьях.

Государь, с целью ослабить Швецию, чрезвычайно грозную до 1709 г., заключил союз с королями датским, прусским и польским. Он низложил короля Станислава, креатуру короля шведского, и восстановил на польском престоле Августа II, разбил Карла XII при Полтаве и довел Швецию до того положения, в каком она находится ныне. Он начальствовал одновременно над русским флотом и над эскадрами английскою, голландскою и датскою и питал такое пристрастие к английским морским учреждениям, что однажды сказал: «Если бы я не был рожден русским царем, то желал бы быть английским адмиралом»[28].

23

Весьма замечательно, что этот великий государь, проницательность и политическая мудрость которого были верхом совершенства, постоянно имел в виду пустоту, существовавшую между неограниченною властью русского государя и властью Сената, и вследствие этого всегда выбирал лицо, способное управлять Сенатом, а в отсутствие государя и всей империей[29].

Известно, что князь Меншиков, происходивший из простолюдинов и не умевший даже ни читать, ни писать[30], пользовался, благодаря своей деятельности, значительным весом и настолько приобрел доверия у государя, что мог управлять этим обширным государством без перерыва в течение многих лет; но наконец, навлекши на себя, в 1722 г., неудовольствие императора, был заменен Павлом Ивановичем Ягужинским, назначенным генерал-прокурором Сената. Перед своим отъездом из Москвы в Персию император представил его сенаторам, которыми в то время были: фельдмаршал князь Меншиков, генерал-адмирал граф Апраксин, великий канцлер граф Головкин,

вице-канцлер барон Шафиров, президент Камер-коллегии князь Дмитрий Михайлович Голицын, тайный советник Толстой — любимец Петра Великого и гвардии майоры Ушаков и Юсупов — все люди, заслуженные и уважаемые, тогда как Ягужинский был еще молодой человек, сын иностранца и притом не дворянин[31]. Представляя его сенаторам, император сказал: «Вот мое око, которым я буду все видеть. Ему сообщены мои предположения и намерения; что он признает за благо, то вы и делайте, и если б даже вам показалось, что он поступает противно моим и государственным выгодам, однако ж все-таки исполняйте, уведомив меня о том, для получения на этот счет моих приказаний».

Каково правило: подчинить мнения первых лиц в государстве мнению молодого иностранца! (Quelle maxime de soumettre les suffrages des premiers hommes de l'empire à celui d'un jeune homme étranger!)

Но Ягужинский нагло злоупотреблял значением и властью, которые доставило ему доверие государя; он дерзко обращался с сенаторами и никого не допускал к себе[32].

24

Петр I, чтобы скорее устроить все, согласно со своими видами, держался еще того правила, что первые должности во всех управлениях должны быть предоставляемы русским, а второстепенные — иностранцам. Таким образом, князь Меншиков занимал должность главнокомандующего армиею и президента Военной коллегии, а генералы и члены коллегии были частью иностранцы. Граф Апраксин был адмиралом, а вице-адмиралами — иностранцы; то же самое было и во всех коллегиях и других управлениях.

Государь постоянно присутствовал в Сенате и даже часто по два раза в день, оставаясь там до ночи. Не было ни одной коллегии, которой бы он не посещал

с изумительным постоянством. Ни один государь не был более него трудолюбив и не сознавал так хорошо выгод и пользы своего народа. Как высший гений, он быстро и точно решал дела, затруднявшие сенаторов и коллегии, отмечая при этом на листе бумаги в немногих словах свои мнения и волю.

При таком образе правления Петр царствовал до конца своих дней. Он заставил трепетать своих врагов, был уважаем союзниками, любим и почитаем подданными; ему удивлялись все народы Европы и Азии.

За три месяца перед своею смертью он предпринял поездку в Старую Руссу, по озеру Ильмень, чтобы сделать распоряжения об устройстве бассейна при находящихся в этом городе соляных источниках, для сохранения в нем дубового леса, предназначенного для кораблестроения, до тех пор, пока он понадобится адмиралтейству. Проезжая в Старую Руссу и на возвратном пути оттуда, он осматривал Ладожский канал, устройство которого было вверено им мне и о котором он заботился с особенной любовью, потому что — по его выражению — «канал этот должен был питать Петербург и Кронштадт и доставлять материалы для их обстройки»; по нему он хотел направить все товары и промышленные богатства, составляющие предметы торговли России с остальною Европою, а также материалы, потребные для сооружения и содержания флота[33].

Никогда этот государь не выражал более удовольствия, как при виде успешного хода многих работ по устройству канала. По этому поводу он написал мне собственноручно чрезвычайно милостивое и лестное письмо, которое вручил мне лично[34].

Еще до отъезда своего из Петербурга в Старую Руссу, он уже чувствовал болезнь, от которой умер[35], а по возвращении сказал императрице: «Работы моего Миниха вылечили меня; я рассчитываю когда-ни-

будь сесть с ним в лодку здесь, в Петербурге, и выйти на берег в Головинском саду в Москве».

На другой день он привез меня в Сенат и сказал сенаторам: «Я нашел человека, который скоро окончит Ладожский канал; я не имел в своей службе иностранца, который умел бы так, как он, проектировать и исполнять самые громадные работы; исполняйте все, что он будет требовать!»

При выходе из Сената генерал-прокурор Ягужинский сказал мне: «Г. генерал, теперь мы находимся в вашем распоряжении». Император приказал отправить 25 000 человек солдат для работ на канале, что доказывает, как близко принимал он к сердцу все, касавшееся выгод его государства и подданных.

Но этот истинный отец отечества, спустя несколько недель, умер 28 января 1725 г.

Только за несколько дней до своей кончины он согласился на брак герцога Голштинского со старшею дочерью своей, цесаревною Анною Петровной, обручение которой и было совершено в присутствии его, императрицы и всего двора[36].

25

После смерти этого великого государя все сенаторы и сановники империи согласились возвести на престол великого князя Петра Алексеевича, внука императора. На другой день, рано, прежде нежели прибыл князь Меншиков, они собрались в императорском дворце. Все вообще ненавидели князя, и в особенности генерал-прокурор Ягужинский. Перед залой, где собрались сенаторы, была поставлена стража. Князь Меншиков явился туда, но его не впустили; тогда он, не делая никакого шума, возвратился в свой дворец, в котором ныне помещается кадетский корпус, позвал к себе Ивана Ивановича Бутурлина, подполковника гвардейского Преображенского полка, и попросил его привести поскорее роту гвардейцев.

Когда это было исполнено, князь Меншиков пошел с ротою прямо к императорскому дворцу, выломал дверь комнаты, где находились сенаторы и генералы, и объявил императрицею и законною русскою государыней Екатерину, коронованную императором в Москве, в мае месяце предшествовавшего года. Никто не ожидал такого смелого поступка от князя Меншикова, и никто не решился воспротивиться объявлению Екатерины императрицей, которой в тот же день принесли присягу на верность гвардия, полевые полки и гарнизон, а равно сенаторы, министры, высшее дворянство, наконец, коллегии и проч., проч.[37].

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ

26

Эта государыня была любима и обожаема подданными за свою врожденную душевную доброту, которую обнаруживала во всех случаях, когда ей представлялась возможность принять участие в лицах, заслуживших опалу и немилость государя. К супругу своему она питала безграничную любовь и привязанность, не расставалась с ним ни в путешествиях, ни в самых трудных походах, ни даже в сражениях и битвах, как, например, в Персии и при Пруте. Она была в полном смысле слова посредницею между государем и его подданными[38].

Причины, по которым сенаторы, министры и генералы предпочли ей молодого великого князя Петра Алексеевича, внука Петра Великого, могли заключаться, во-первых, в том, что сановники эти желали управлять государством во время малолетства Петра II; во-вторых, что в последние дни жизни государя по причинам, сохранявшимся в тайне, было замечено охлаждение его к императрице и, наконец, в-третьих, вельможи, зная, какое сильное влияние имел на нее князь Меншиков, предвидели, что она предоставит ему управление государством[39].

27

Императрица прежде, нежели император узнал ее и почувствовал к ней страсть, жила несколько лет в доме князя Меншикова. Вследствие этого, движимая признательностью за его благодеяния и в особенности за блестящую услугу, оказанную ей при возведении ее на престол, она предоставила ему верховную власть, так что Сенат и коллегии действовали только сообразно с произволом князя.

28

Герцог Голштинский, который вскоре после смерти Петра Великого обвенчался с цесаревной Анной Петровной, мог бы поколебать значение князя Меншикова, тем более что императрица беспредельно и нежно любила герцогиню Анну, свою старшую дочь; но князь Меншиков был настолько же бдителен и деятелен, насколько герцог надменен и медлителен. Меншиков являлся к императрице рано утром, а герцогу и герцогине был воспрещен доступ к ней. (Menschikow entrait le matin de bonne heure chez l'imperatrice et l'on refusa l'entrée au duc et à la duchesse)[40].

29

Князь Меншиков был одним из богатейших частных лиц в Европе; он имел до ста тысяч крестьян в России и, кроме того, значительные земли в Ингрии, Ливонии и Польше; король прусский пожаловал ему поместье Риген, а император Карл VI княжество Козельское в Силезии*[41].

* Замок Ковель с принадлежащими к нему землями находится ныне во владении графа Плеттенберга на том основании, на каком им владел князь Меншиков. *(Примеч. М. Б.)*

Его единственный сын, в настоящее время майор Преображенского полка, еще находясь в школе, был сделан камергером императрицы и пожалован орденами Св. Екатерины и прусского Черного Орла. Таким образом, было сделано все для упрочения положения этого молодого князя, в котором все уже заранее видели будущего начальника гвардии и обер-камергера императрицы[42]. Князь, отец его, заботился также об устройстве судьбы двух дочерей своих, из которых старшая назначалась в супруги молодому графу Сапеге, вызванному князем Меншиковым в Россию из Польши[43]. Этот молодой вельможа был тотчас же сделан камергером, а отец его — русским генерал-фельдмаршалом[44].

30

Однако предположение это скоро изменилось, и молодой граф Сапега, с соизволения императрицы, женился на ее племяннице, Софье Карловне Скавронской, а старшая дочь князя Меншикова была предназначена в супруги великому князю, законному наследнику русского престола[45].

Это обстоятельство было главнейшею причиною необыкновенного возвышения и падения князя Меншикова. Предположение женить великого князя на княжне Меншиковой и таким образом сделать последнюю русской императрицей было одобрено государынею, а потом и утверждено ее завещанием, которое было делом графа Бассевича, министра герцога Голштинского, и подписано от имени императрицы цесаревной Елизаветой[46]. В силу этого завещания, герцог Голштинский должен был получить в приданое за цесаревною Анной Петровной 2 млн руб., и такая же сумма назначена цесаревне Елизавете, обрученной с герцогом Голштинским, епископом Любским, который умер в Петербурге от оспы прежде совершения брака. Этим же завещанием герцог и герцогиня Голштинские и цесаревна Елизавета были на-

значены, на время малолетства императора, первыми членами регентства, а князь Меншиков, министры и сенаторы — вторыми членами[47].

31

Венский двор воспользовался этим обстоятельством и постарался внушить князю Меншикову, что, так как молодой государь Петр II приходится племянником и, следовательно, ближайшим родственником императрице римской, то император и императрица одобрят брак его с княжною Меншиковой и окажут ему поддержку в случае какого-либо события. Обручение молодого императора с княжною Меншиковой происходило во дворце ее отца, в присутствии всего двора и с большим блеском; однако при этом было замечено, что во все время совершения церемонии государь ни разу не взглянул на княжну, свою невесту[48].

При помощи столь лестных обещаний граф Рабутин, посол венского двора, успел заключить 6 августа 1726 г. весьма невыгодный для России союзный договор, в силу которого, в случае войны, обе державы обязались взаимно выставить 30 000 человек вспомогательного войска для защиты той из них, на которую будет произведено нападение; союз, пагубный для России, потому что австрийский двор мог воспользоваться им для своих выгод десять раз, а русский — едва ли даже и один. Таким образом, устройство судьбы одной из дочерей Меншикова послужило основанием союзу, последствия которого стоили России, во время последней войны, столько крови и денег[49].

Император Петр I, союза с которым венский двор постоянно домогался, никогда не хотел подписать подобного договора против какого-либо европейского государства, за исключением лишь Оттоманской Порты. Однажды этот государь, разговаривая со мною о

европейских державах, сказал, «что не имел нужды в союзе с ними, но что они нуждались в союзе с ним».

6 мая 1727 г. императрица Екатерина скончалась от сильного ревматизма*, и на другой день великий князь Петр Алексеевич, с согласия и одобрения всей нации, был объявлен императором[50].

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ

32

Управление империею в это время заключалось в неограниченном произволе князя Меншикова. Он скоро стал злоупотреблять своею властью и, между прочим, убедил императрицу подписать приговор о ссылке генерал-полицеймейстера Девьера, заслуженного офицера, находившегося в большой милости у Петра Великого и даже у самой императрицы, доверивших ему обязанность воспитателя при обеих цесаревнах, Анне и Елизавете Петровнах. Девьер был женат на сестре князя Меншикова, который, однако, посадил его в крепость, безжалостно поступал с ним и отправил его в ссылку[51]. Меншиков надменно обращался со всеми сановниками империи и придумывал способы удалить из России герцога и герцогиню Голштинских. Он сопротивлялся окончанию Ладожского канала и другого, при устье Невы, который Петр Великий приказал мне прорыть[52]. В лице казацкого полковника Апостола, он восстановил должность украинского гетмана и действовал вообще только в собственных интересах[53].

* Уверяют, что она умерла от обсахаренной груши, которая была отравлена и поднесена ей графом Девьером. *(Примеч. М. Б.)*

33

Петр Алексеевич был объявлен императором 7 мая 1727 г. под именем Петра II. Князь Меншиков увез молодого государя из императорского дворца и поместил в своем доме, чтобы иметь его под рукою. Таким образом, его власть и могущество увеличивались с каждым днем, и все преклонялось перед ним; его младшая дочь была торжественно обручена с Петром II.

34

Вскоре он употребил во зло свою неограниченную власть, сослав в Сибирь воспитателя молодого государя Маврина[54] и приказав выехать из России учителю его Зейкину[55]; таким же образом он поступал и со всеми теми, к кому молодой государь выказывал свое расположение. Он удалил из Петербурга генерал-прокурора Ягужинского, зятя великого канцлера Головкина, с тем чтобы потом отправить его в ссылку, и когда граф Головкин начал ходатайствовать за него, то князь отвечал: «Не хотите ли, чтобы я отправил вас вместо него?» Приказ об отправлении генерал-адмирала графа Апраксина в Архангельск, для постройки там фрегатов, уже был подписан; Толстой был сослан, и таким образом все сенаторы рассеяны. Подполковник гвардейского Преображенского полка, Иван Иванович Бутурлин, был сослан в свои деревни, а Остермана, управлявшего иностранными делами, он оскорблял словами[56].

Он относился к молодому императору, в своих письмах, как к сыну, подписываясь: «Ваш отец Меншиков»[57].

В церквах он постоянно становился на царское место. Такая чрезмерная гордость и самовластные поступки открыли глаза министрам и вельможам.

При посредстве молодого князя Ивана Долгорукого, любимца молодого императора,— нарочно увозимого каждый день на охоту, куда не мог следовать за ним князь Меншиков, — они нашли способы восстановить государя против временщика[58].

В июле месяце двор, по обыкновению, находился в Петергофе и в скором времени должен был возвратиться в Петербург. Князь Меншиков, ничего не подозревая, отправился вперед, чтобы принять молодого государя у себя в доме, но, по прибытии своем, узнал от придворных, что его величество приказал приготовить для своего пребывания Летний императорский дворец. Князь хотел также переехать туда на жительство, но придворные чиновники объявили, что император запретил им впускать его. Тогда он возвратился к себе. Император, тотчас по приезде в Петербург, послал гвардии майора и генерала Салтыкова арестовать Меншикова, который на следующий день был отправлен со всем семейством в ссылку в Сибирь, в город Березов[59].

35

После падения Меншикова Долгорукие совершенно овладели императором[60]. Они каждый день увозили его на охоту, не оставляя ему времени для занятия делами, и вскоре, вместо дочери Меншикова, выбрали ему другую невесту — сестру молодого любимца князя Ивана Долгорукого[61].

Министр иностранных дел барон Остерман был назначен воспитателем молодого государя, но мог видеться со своим воспитанником только по утрам, когда тот вставал, и вечером, по возвращении с охоты. Однажды Остерман со слезами на глазах сказал мне: «Образ жизни, который принуждают вести молодого государя, очень скоро приведет его к могиле»[62].

Коронование императора должно было происходить в Москве в 1728 г.; двор намеревался отпра-

виться туда в ноябре 1727 г., но снег выпал только 9 января 1728 г., и в этот день император выехал из Петербурга.

По приезде в Москву, великая княжна Наталья Алексеевна, сестра императора, одаренная самыми превосходными качествами, заболела в селе Всесвятском корью, от которой и умерла, к великому огорчению всех, так как она имела большое влияние на государя, которому могла бы и наследовать[63]. Император короновался 25 февраля.

36

В Москве был изменен образ правления; высшие сановники учредили там присутствие, названное Верховным тайным советом и составленное из восьми особ знатнейших фамилий. Сенат и все коллегии зависели от этого совета[64].

18 января 1730 г. было днем, назначенным для объявления юного государя совершеннолетним; он должен был царствовать с этого времени под именем Петра II; в этот же день предполагалось совершить и бракосочетание его с княжною Долгорукою, но за десять дней до этого он заболел оспою, от которой и умер 19 января, к великому прискорбию всего народа, обожавшего его[65]. Управление государством осталось после его кончины в руках восьми вельмож, составлявших Верховный тайный совет. Управление это возбудило против себя всеобщий ропот: недовольные громко заявляли, что русские с давних времен привыкли к тому, чтобы ими управлял один государь, имевший право располагать их жизнью и имуществом, а не свои братья, такие же подданные, и притом восемь человек, так что не знаешь к кому обратиться, и если выкажешь расположение к одному из них, то семь остальных сделаются врагами. Таким образом, русские открыто выражали желание свое зависеть

и быть подданными, по старинному обычаю, одного верховного и неограниченного государя[60].

37

Верховный тайный совет прежде всего составил план совершенного уничтожения самодержавия, причем царствующий государь должен был получать лишь определенное содержание и лишался не только всяких преимуществ и права награждать и раздавать должности, но даже не мог производить кого-либо в чин прапорщика гвардии, без согласия Верховного совета.

Затем члены этого совета, после некоторых рассуждений, согласились возвести на русский престол Анну Ивановну, вдовствующую герцогиню Курляндскую, вторую дочь царя Ивана Алексеевича, брата Петра Великого[67].

У Анны Ивановны была старшая сестра Екатерина; но так как она находилась замужем за герцогом Мекленбургским, государем со странным и беспокойным характером, то и не была избрана на престол[68].

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИВАНОВНЫ

38

Верховный и, можно сказать, самодержавный Тайный совет отправил для сопровождения вдовствующей герцогини Курляндской Анны Ивановны из Митавы в Москву следующих депутатов: от Сената — князя Василия Лукича Долгорукого, вельможу с отменными заслугами, от войска — генерал-лейтенанта Леонтьева и от двора — камергера князя Черкасского[69].

Депутация эта, прибыв в Митаву, заставила герцогиню Анну подписать условия, на основании которых она отказывалась от самодержавия, предоставляя

верховную власть Верховному тайному совету. После этого герцогиня была провозглашена императрицею[70].

Когда 13 февраля государыня приехала в Москву, то к ней никому не позволяли приближаться иначе, как в присутствии или с согласия Василия Лукича Долгорукого, так что она решительно ничем не могла распоряжаться.

Так как эта великая государыня сознавала свои силы и не могла примириться с действиями Верховного тайного совета, то вскоре нашла себе партию, во главе которой стояли: князь Алексей Михайлович Черкасский[71] и генерал, князь Иван Юрьевич Трубецкой[72], хотя этот последний и подписал постановление об ограничении самодержавия.

Так как гвардия и армия находились под начальством лиц противной партии, именно Долгоруких и Голицыных, то Черкасский и Трубецкой, рискуя своею жизнью, отважились представить императрице записку, в которой излагали, что хотя депутаты Верховного тайного совета, принудившие ее величество подписать в Митаве акт об отречении от самодержавия, и уверили ее, что это делается с единодушного согласия всего дворянства, но они повергаются теперь к стопам ее императорского величества, дабы уверить ее в том, что они не были согласны с членами тайного совета и что вообще дворянство, духовенство и народ желают и умоляют, чтобы ее величество царствовала неограниченно и самодержавно, как ее предшественники.

Императрица приняла необходимые предосторожности для безопасности своей особы, удвоив стражу и уверившись в преданности офицеров. Это обстоятельство сделало карьеру Альбрехта, который в чине капитана служил тогда в гвардии[73]. После этого императрица послала пригласить во дворец членов Верховного совета с приказанием вручить ей акт отречения от самодержавия, который ее заставили подписать в Митаве.

Когда все собрались, императрица кротко, но с твердостью объявила, «что депутаты Верховного совета принудили ее подписать в Митаве акт об отречении от самодержавия, уверив, что этого единодушно желают дворянство и все ее верные подданные, но что теперь, известясь о противном, она вынуждена отменить означенный акт и, прощая виновников этого события, будет, подобно своим предшественникам, по праву самодержавно царствовать над своим народом».

Сказав это, она разорвала упомянутый акт, в присутствии членов Верховного совета, вельмож и генералов, которые после этого разошлись, и все осталось спокойно.

Императрица короновалась в Москве 28 апреля 1730 г. Я убедил ее перенести резиденцию в Петербург, куда она и прибыла 15 января 1732 г.[74]

Остерман,— который после низвержения в 1723 г. вице-канцлера барона Шафирова был назначен на его место и, таким образом, еще при Петре Великом начал заниматься важнейшими государственными делами,— имел заклятого врага в генерал-прокуроре Ягужинском, и так как не было надежды на их примирение, то императрица спрашивала совета у обер-гофмаршала графа Левенвольде, у брата его, бывшего впоследствии обер-шталмейстером, у обер-камергера Бирона и у меня, кого из двух, Ягужинского или Остермана, следовало оставить членом совета? Так как первый был от природы запальчив, а Остерман более трудолюбив, то мы выразили мнение, что лучше оставить последнего; тогда Ягужинский был отправлен посланником к берлинскому двору[75].

39

Остерман, став, таким образом, во главе правительства, понял очень хорошо необходимость наполнить пустоту, о которой уже шла речь (т. е. пустоту

между верховною властью и Сенатом, см. § 23), и зная, что императрица питала ко мне большое доверие, просил меня предложить ее величеству учредить Кабинет, который заведовал бы важнейшими государственными делами и мог бы посылать именные указы Сенату и другим присутственным местам, и назначить туда членом, кроме Остермана, только одного, князя Алексея Михайловича Черкасского, которым он надеялся управлять. Я принял на себя это поручение, и ее величество одобрила предложение, но с условием, чтобы я был членом кабинета.

Таким образом, в Москве, в 1730 г., тотчас по вступлении на престол императрицы Анны, был учрежден Кабинет, который существовал до самой ее кончины, т. е. до 1741 г.[76]

Вскоре императрица назначила меня генерал-фельдцейхмейстером и президентом Военной коллегии, должность которого я исполнял уже несколько лет, и возложила на меня, сверх того, важное поручение — составить новые военные штаты, как для гвардии и полевых полков, так равно и для украинской милиции; чтобы ободрить меня, эта великая государыня пожаловала меня вслед за тем фельдмаршалом своих войск и предоставила мне главное начальство в Петербурге и Ингерманландии[77].

В то же самое время я, по ее приказанию, основал кадетский корпус и сформировал первый кирасирский полк и инженерные войска[78].

Все эти поручения до такой степени заняли меня, что я, дабы не пренебрегать ими, отправился в Петербург, где находились Военная коллегия, канцелярии артиллерийская и инженерная и где должно было быть мое местопребывание как начальника над Петербургом и Ингерманландиею. Таким образом, Остерман и Черкасский остались одни членами Кабинета, на что я согласился тем охотнее, что был несведущ в делах иностранных, а также и в тех, которые касались внутреннего управления империей.

Однако, по переезде императрицы в Петербург, 15 января 1732 г., она требовала меня всякий раз, когда рассматривались важнейшие дела, как, например, вопрос о войне в Польше против короля Станислава, начавшейся в 1733 г.

Учреждение Кабинета было нечто новое в России и неприятное для всех (pas du goût de tous le monde), тем более что Остерман считался двоедушным, а Черкасский очень ленивым; тогда говорили, что Черкасский был телом кабинета, а Остерман — душою, но не слишком честною (peu intégré)[79].

Сенат обратился почти в ничто; старые сенаторы, как, например, князь Дмитрий Михайлович Голицын и другие, недовольные учреждением Кабинета, не ездили в Сенат, отговариваясь болезнью, а граф Головкин, в продолжение всего царствования императрицы, т. е. почти 9 или 10 лет, оставался в постели до тех пор, пока я не нашел средства поднять его, как мы это увидим впоследствии.

ВОЙНА В ПОЛЬШЕ И С ПОРТОЮ

40

В 1734 г. я был послан осадить Данциг и выгнать из этого города короля Станислава, удалившегося туда в предшествовавшем году из Варшавы, когда генерал Ласси, при помощи русских войск, объявил королем польским курфюрста саксонского, под именем Августа III[80].

В Данциге, вместе со Станиславом, находились: примас королевства Потоцкий, князья Чарторижские, кастелян виленский и воевода русский, с их семействами; воевода мазовецкий, граф Понятовский, графиня, его супруга, сестра воеводы русского и трое сыновей их; затем плоцкий епископ Залусский, государственный казначей граф Оссолинский, многие сенаторы, французский посланник маркиз де Мон-

ти и три французские батальона, расположенные в Вейксельмюнде[81].

Известно, каким образом я принудил короля Станислава, переодетого крестьянином, удалиться в Кенигсберг и оставить Польшу. После этого город сдался, а примас, все сенаторы, сторонники Станислава, маркиз де Монти и сформированный им полк драгунов, коронная гвардия, множество офицеров, шведские артиллеристы и бомбардиры и три французских батальона были взяты в плен. Город Данциг, за сопротивление русскому оружию, уплатил миллион контрибуции и отправил в Петербург депутацию от магистрата, чтобы испросить у подножия престола ее величества императрицы прощение в том, что осмелился поднять оружие против России. Замечательно, что Данциг сдался прежде, нежели прибыла из Петербурга осадная артиллерия и что я взял этот город, Вейксельмюнде, укрепленное предместье Ора и множество редутов, с тремя восемнадцатифунтовыми пушками и пятью пятипудовыми мортирами, из которых одну разорвало. Достойно также внимания, что на двадцать моих пушечных выстрелов из города отвечали двумястами, а против двадцати бомб с моих батарей осажденные бросали, в течение суток, более четырехсот. Неприятель имел до 30 000 войска, а у меня было только 20 000, чтобы вести осаду, циркумвалационная линия которой простиралась на девять немецких миль[82].

Когда город сдался, король Август прибыл из Дрездена в Оливский монастырь, куда я и доставил пленных польских Сенаторов, которые покорились и признали Августа III своим королем. Затем он возвратился в Дрезден.

41

В 1735 г., по приезде короля в Варшаву, я отправился в этот город, чтобы, согласно приказанию им-

пратрицы, принять начальство над русской армией, которая в числе 90 000 человек — включая сюда и иррегулярные войска — была рассеяна по всей Польше и Литве.

Таким образом, партия Станислава была уничтожена, Август III признан королем и Польша успокоилась.

Я рассчитывал возвратиться в Петербург, но получил в Варшаве приказание ее величества императрицы: немедленно отправиться в Павловск на Дону, чтобы сделать там все нужные приготовления для осады Азова и начатия войны против турок и татар[83].

Я тотчас же испросил прощальную аудиенцию у короля и королевы польских и, сдав начальство над войсками, расположенными в Польше, принцу Гессен-Гомбургскому, отправился в Киев, а отсюда на украинскую линию, которую тщательно осмотрел, начиная от Орлика на Днепре до Изюма, где нагружали жизненные припасы для войск, предназначенных осаждать Азов; затем я поехал в Павловск и приказал грузить артиллерию и все припасы, необходимые для этой осады[84].

Двор приказал генералу графу Вейсбаху идти с корпусом войска к Перекопу и проникнуть в Крым, но этот генерал, только что возвратившийся из Польши, где он командовал частью армии, умер в Переволочно от воспаления в желудке[85]. Тогда экспедиция в Крым была поручена генерал-лейтенанту Леонтьеву; он выступил в поход в прекрасные осенние дни, но дошел только до Мертвых Вод*, не видел Перекопа и был застигнут гололедицей, которая покрыла все луга, так что для лошадей не было корма, вследствие чего их пало такое большое количество, что почти все офицеры и драгуны вернулись из похода пешком[86].

---

* Мертвые Воды — небольшой степной проток, протекающий на протяжении ста верст по нынешним Екатеринославской и Херсонской губерниям и впадающий в реку Буг.

В 1736 г., 12 марта, я отправился в крепость Св. Анны[87] и послал оттуда лазутчиков, разведать об азовских каланчах; 16-го — я с небольшим отрядом пехоты и донских казаков переправился через Дон и с этой горстью людей обложил Азов. Внезапно, не потеряв ни одного человека, я овладел каланчами, которые преграждали подступ к крепости со стороны Дона; в то же время я отправил на лодках генерал-майора Сперрейтера[88] с 1200 пехотинцев атаковать Лютик*. Изумленные янычары оставили эту крепость без кровопролития, вследствие чего Азов был окружен со всех сторон. Я укрепил позицию, занятую моей малочисленной пехотой, окопами и, открыв тотчас же траншеи, велел бомбардировать город, чем и началась осада.

По возвращении генерала Ласси с Рейна[89], где он командовал русским вспомогательным корпусом, я предоставил ему дальнейшее ведение осады, но так как при нем не было хороших инженеров, то он взял Азов лишь после больших усилий, при чем этот храбрый генерал был ранен в ногу.

Сам я с частью армии пошел в Крым. Известно, с каким счастливым успехом окончил я не только эту экспедицию, но и всю войну, обстоятельное описание которой здесь не имеет места. Русский народ дал мне два прозвания, «столпа Российской империи» и «Сокола», который видит все[90]. Во время этой войны я далеко проникал в турецкие владения, а каждую зиму проводил в Петербурге. Война кончилась изумительной (surprenante) битвой и победой при Ставучанах, взятием Хотина и покорением Молдавии. Во время движения моего к Бендерам, для овладения этим городом, я послал белгородским татарам приказание покориться[91]. Армия моя с каждым днем увеличивалась молдавскими и валахскими войсками, и отряды

---

* Лютик — небольшая крепостца, находившаяся при впадении Мертвого Донца в море, в недальнем расстоянии от Азова.

мои доходили до Браилова на Дунае и проникали в Валахию.

Несчастный Белградский мир, заключенный австрийцами, внезапно остановил быстрые успехи русских войск, предводительствуемых фельдмаршалом графом Ласси и мною[92].

42

В 1739 г. генерал Нейперг, командовавший австрийскою армиею в Венгрии, был вместе с тем назначен и полномочным министром для ведения мирных переговоров с великим визирем. Он заключил мир, уступив постыдным образом и без необходимости город Белград с его крепостью, служивший оплотом христианских государств против неверных. Это было тем более постыдно, что турецкая армия, нуждавшаяся в продовольствии, непременно оставила бы осаду этой важной крепости, если б Нейперг сумел протянуть переговоры еще 5 или 6 дней; но его торопили заключить мир г. Вильнев* и австрийское министерство[93].

По поводу завоевания Белграда турки говорили, что эта крепость не взята ими, а отдана им Магометом.

Вильнев хвастал, что, заключив этот мир, оказал Франции гораздо бóльшую услугу, нежели бы выиграл сражение.

Так как Нейперг заключил мир без участия России, то полковник Броун** — назначенный императрицей Анной состоять при австрийской армии для того, чтоб сообщать русскому двору обо всем, что там происходило,— спросил Нейперга: «Не постановлено ли в мирном трактате каких-либо условий, касающихся России?» — Нейперг отвечал, «что для России и без того слишком много сделали, впутавшись в эту роко-

---

* Тогдашний французский посланник в Константинополе.

** Броун, Юрий Юрьевич, впоследствии граф, генерал-аншеф и с 1762 по 1792 г. рижский генерал-губернатор.

вую войну» — обыкновенная увертка (style ordinaire) австрийского министерства.

Император Карл VI сам писал императрице Анне: «что он со слезами на глазах уведомляет ее величество о заключении его министерством невыгодного мира с великим визирем и об уступке Белграда, но что, тем не менее, необходимо сдержать слово, данное туркам».

Нейперг имел секретные инструкции от герцога Лотарингского, впоследствии императора, и Цинцендорфа*, и после заключения несчастного мира сказал: «Многие полагают, что по возвращении моем в Вену у меня будет отрублена голова, но мне нечего бояться».

Мирный договор был заключен Австрией 1(12) сентября, а Россией — 7(18) числа того же месяца 1739 г.

Этот мир был тем более постыден для австрийцев, что в это самое время император получил с курьером известие о победе при Ставучанах, взятии Хотина и об успехах русского оружия в Молдавии. Император публично сказал, «что мог бы продолжать войну, если б во главе его войска находился фельдмаршал Миних».

Нужно заметить, что Вильнев был одновременно полномочным министром трех дворов: французского, венского и петербургского, и давно уже пользовался таким большим доверием и влиянием в Константинополе, что в данном случае руководил всем[94].

Несмотря на то, что Франция находилась в это время во враждебных отношениях к России, за изгнание короля Станислава из Польши, Остерман не мог воспрепятствовать императрице облечь Вильнева полномочиями, потому что её побуждало к этому австрийское министерство. Чтобы подкупить Вильнева, был тайно послан советник Коммерц-коллегии Каниони[95], который вручил ему — знаки ордена Св. Андрея, осыпанные бриллиантами дорогой цены, а госпоже Вильнев — драгоценные вещи и вексель

* Тогдашний австрийский государственный министр.

на значительную сумму; однако Вильнев не принял векселя. Так как Каниони настаивал, чтобы он скорее условился с великим визирем относительно статей мирного договора с Россией, то Вильнев отвечал: «Ваше дело находится в отличном положении» («Votre affaire repose sur un coussin de velours»).

43

Наконец, статьи эти были определены и мир заключен согласно проекту, присланному Остерманом Вильневу, по которому:

1) Границы Украины были значительно расширены со стороны Крыма, так что

2) Запорожские казаки остались под владычеством России.

3) Азов не был возвращен Порте, но Россия обязалась разрушить и срыть его; новая пограничная линия должна была пройти через центр Азова.

4) Порта не могла строить новых крепостей иначе, как на расстоянии тридцати верст от Азова со стороны моря, а Россия — на таком же расстоянии от крепости Св. Анны.

Сначала полагали, что исполнение этой статьи будет постоянно встречать разные затруднения.

5) Вопрос о Таганроге и русском флоте на Черном море был весьма искусно обойден, так что Россия имеет право выстроить там, когда найдет это нужным, крепость и завести флот, по примеру Петра Великого.

6) Границы за Днепром не были вовсе определены, так что русские имеют право там водворяться; на этих самых местах теперь находятся новые сербские колонии, крепость Св. Елисаветы и другие укрепления, к большому вреду Польши, которой принадлежат эти земли и которая, таким образом, очутилась окруженной.

7) Император Петр Великий по Прутскому договору, заключенному с Портой в 1711 г., обязался более не вмешиваться в дела Польши. В Белградском договоре эта статья не была вовсе затронута; таким образом, Порта не может порицать Россию, если последняя вмешается в польские дела для того, чтобы поддержать спокойствие в государстве, пограничном с нею[96].

Вот приблизительно сущность договора Порты с Россиею, в силу которого был срыт Азов и определены новые границы, дающие России право провести за рекою Самарою новую линию, более удобную и короткую, нежели прежняя, для прикрытия Украины от набегов татар, и более близкую для того, чтобы предпринять завоевание Крыма, напасть на Очаков и действовать на Черном море.

Со времени этой войны турки и татары стали уважать русское войско и хорошо обходиться с русскими пленными, которых, однако ж, у них было очень мало. Татары говорили, «что теперь русские стали уже не те; что в прежнее время десять татар обращали в бегство сто русских, а теперь сто татар отступают при виде десяти русских».

Турки сознавались, что не могли выдержать атаки и огня русских войск ни в поле, ни в крепостях; что австрийские войска годятся только для того, чтобы рубить их (pour les hacher en pièces), но что они (турки) боятся и уважают русских и что, если бы я был их предводителем, то они отдали бы мне половину Оттоманской империи.

Во время этой войны с Турцией необходимо было щадить соседей, которые давали повод к беспокойству и подозрениям относительно них, и в том числе калмыков, находившихся под начальством хана или князя Дондук-Омбо[97].

44

Эта война была одною из самых славных для русского оружия, которое проникло далеко во владения Порты, и не расстроила нисколько финансов императрицы Анны. Государыня эта скончалась 17 октября 1740 г. от камня, образовавшегося в почках (nephritique) — признаки которого чувствовала еще десять лет назад, но ни один из ее врачей, не подозревая о его существовании, не лечил её от этой болезни[98]. Она умерла в полном сознании, не думая, что жизнь ее находится в опасности. Последние, произнесенные ею слова, были: «Прости фельдмаршал!»

Она придала своему двору пышность, построила императорский дворец, умножила гвардию Измайловским и Конногвардейским полками, значительно увеличила артиллерию, содержала в блестящем состоянии войско и флот, учредила кадетский корпус и, умирая, оставила в своей казне два миллиона наличными деньгами.

Герцог Курляндский, граф Остерман и князь Алексей Михайлович Черкасский составили от имени императрицы духовное завещание[99].

Остерман,— который, под предлогом, что болезнь ног (des maux aux jambes) мешает ему ходить, в течение многих лет не выезжал из своего дома,— приказал внести себя в креслах во дворец к изголовью постели императрицы за несколько часов до ее кончины; здесь он вынул из кармана бумагу и спросил государыню, не угодно ли ей позволить, чтобы он прочитал ей ее завещание? Императрица спросила: «Кто писал это завещание?» — Доказательство, что она не приказывала этого и что духовная была составлена без ее ведома.

Остерман приподнялся с кресел и, поклонившись, отвечал: «Ваш нижайший раб».

Затем он начал читать завещание и, когда дошел до той статьи, которою герцог Курляндский назначал-

ся регентом на шестнадцать лет, до совершеннолетия юного государя Ивана Антоновича, то императрица спросила герцога Бирона: «Надобно ли это тебе?» — Доказательство, что императрица не думала готовить подобную будущность для герцога.

Предполагают, что императрица, находившаяся в большой слабости, подписала это завещание, а герцогиня Курляндская заперла его в шкаф, где хранились драгоценности государыни.

После этого Остерман приказал перенести себя в приемную императрицы, где уже собрались все вельможи, извещенные врачами о том, что императрица была при смерти. Адмирал граф Головин и обер-шталмейстер князь Куракин, обратясь к Остерману, сказали: «Мы желали бы знать, кто наследует императрице?» — «Молодой принц Иван Антонович»,— отвечал Остерман, но при этом ни слова не сказал ни о завещании, ни о назначении герцога Курляндского регентом империи, и потому все ожидали, что императрица назначит своею наследницею племянницу свою принцессу Анну Мекленбургскую. Но это не согласовалось с видами Бирона, который, не довольствуясь тем, что сделался герцогом Курляндским, хотел управлять Российскою империею, а Остерман и Черкасский рассчитывали устроить через это свое благосостояние*[100].

---

* Необходимо, чтобы его превосходительство генерал-фельдмаршал взял на себя труд отвечать на то, что герцог Курляндский рассказывает об этом важном событии в своей «Записке» (напечатанной в IX т. Бюшингова магазина), потому что рассказ герцога, по своим подробностям, весьма правдоподобен и нисколько не согласуется с рассказом его превосходительства генерал-фельдмаршала. Главная сущность рассказа герцога заключается в следующем:

1) Императрица Анна, при начале своей болезни, послала графа Левенвольде к графу Остерману спросить его мнения о том, что следовало делать.

2) Граф Остерман считал более всего необходимым объявить принца Иоанна наследником престола.

3) Но императрица и ее министры опасались, чтобы дед принца, герцог Мекленбургский, не произвел в русской империи больших беспорядков.

На другой день, 18 октября 1870 г., когда все вельможи собрались во дворец, Остерман, по-своему (par un discour à sa façon), объявил им о кончине императрицы. Вышепомянутое духовное завещание было прочитано; войска стояли под ружьем; герцог Кур-

---

4) На этом основании г. генерал-фельдмаршал граф Миних и многие другие сановники обратились к герцогу Курляндскому с объявлением, что признают самым выгодным для империи, если герцог согласится взять на себя бремя правления на время малолетства юного принца, причем отстаивали свое предложение против всех возражений и затруднений, представленных герцогом.

5) Через несколько дней после этого граф Миних и некоторые другие вельможи отправились к императрице и просили ее не только утвердить проект присяги на верность принцу Иоанну, но и объявить вместе с тем герцога Курляндского регентом империи.

6) Правда, императрица не дала г. Миниху никакого положительного ответа относительно этой просьбы, но сообщила о ней герцогу.

7) Спустя два дня граф Остерман и многие другие вельможи, придя в комнаты императрицы, настоятельно просили герцога принять на себя регентство и прочитали ему просьбу, поданную ими по этому поводу императрице. Герцог, наконец, уступил их просьбам, с условием, что может отказаться от регентства, когда этого пожелает.

8) Затем этот документ — по всем вероятиям, завещание — был представлен императрице, которая хотела тотчас же подписать его, но герцог сам удержал ее от этого. Тогда императрица положила эту бумагу, не подписанною, под свое изголовье.

9) Дело оставалось в таком положении несколько дней, в течение которых сановники империи решили признать герцога регентом даже в том случае, если б императрица умерла, не подписав вышеупомянутой бумаги. Те же сановники, созвав во дворец всех знатных лиц, сочинили к императрице просьбу, в которой просили ее объявить герцога регентом на время малолетства принца; эта просьба была подписана генерал-фельдмаршалом Минихом и двенадцатью другими вельможами.

10) Императрица, пригласив к себе Остермана, подписала эту бумагу и сказала ему, чтобы он успокоил вельмож, о которых идет речь, объявив им, что она согласилась на их просьбу.

11) Граф Остерман тотчас же запечатал бумагу, подписанную императрицей; государыня отдала ее супруге подполковника Юшкова, которая положила эту бумагу в шкатулку, где хранились драгоценные вещи императрицы.

12) Императрица после этого жила несколько дней, и по кончине ее завещание это было публично вскрыто и прочитано князем Трубецким, и проч. и проч. *(Примеч. М. Б.)*

ляндский был признан регентом России, а принц Иван — императором. Все сановники подписали присягу в верности, к которой были затем приведены гвардейские войска, коллегии и проч., согласно с обычаем, установленным в России.

ХАРАКТЕР ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ

46

Эта великая государыня обладала от природы великими достоинствами. Она имела ясный, проницательный ум, знала свойства окружавших ее лиц, любила порядок и великолепие, и никогда двор не был так хорошо устроен, как при ней; она была великодушна, и одним из ее удовольствий было — делать добро и щедро награждать заслуги. Но недостаток ее заключался в том, что она любила спокойствие и совсем не занималась делами, предоставляя все произволу своих министров. Этому обстоятельству должно приписать несчастье, постигшее Долгоруких и Голицыных, которые сделались жертвами Остермана и Черкасского потому, что превосходили их умом и заслугами. Бирон погубил Волынского, Еропкина и их друзей за то, что Волынский подал императрице записку, которая клонилась к тому, чтобы удалить и низвергнуть Бирона. Я сам был свидетелем, как императрица горько плакала, когда Бирон в раздражении угрожал покинуть ее, если она не пожертвует ему Волынским и другими[101].

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИВАНОВНЕ

47

Мы видели, что большая пустота, существовавшая между самодержавною властью государыни и властью Сената, была пополнена кабинет-министрами, графом Остерманом и князем Черкасским, однако

же не вполне достаточно, потому что оба названные министра находились в совершенном подчинении у обер-камергера герцога Бирона и не осмеливались делать ничего, что не нравилось бы этому фавориту. Благодаря этому обстоятельству из России были вывезены несметные суммы, употребленные на покупку земель в Курляндии, постройку там двух, скорее королевских, нежели герцогских дворцов, и на приобретение герцогу друзей в Польше. Кроме того, многие миллионы были истрачены на покупку драгоценностей и жемчугов для семейства Бирона, и можно сказать, что в Европе не было ни одной королевы, которая имела бы их в таком количестве, как герцогиня Курляндская. Не злое сердце этой великой государыни, но ее любовь к спокойствию, дававшая министрам возможность делать то, что согласовалось с их честолюбием и выгодами, была причиною пролития крови Долгоруких и Волынского, что дало повод иностранным дворам говорить, будто императрица Анна велела отрубить головы тем, которые возвели ее на престол.

В ее царствование в Сенате присутствовали только два лица: генерал-кригс-комиссар Новосильцев[102] и Сукин[103], который был обвинен в лихоимстве за то, что взял десять тысяч рублей с поставщиков провианта во время Персидского похода. Хотя фельдмаршал Трубецкой и являлся изредка в Сенат, но только или по своим частным делам, или для того, чтобы выказать там все свое ничтожество. Остальные же сенаторы, недовольные Кабинетом, никогда не ездили в Сенат. В видах Остермана и Черкасского было, чтоб в Сенате присутствовали только лица, ничего незначащие.

Поэтому легко можно судить, до какой степени образ правления и Кабинет императрицы Анны были несовершенны и даже вредны для государства.

48

Мы видели выше, что 18 октября 1740 г. этот вельможа был признан и объявлен регентом Российской империи в силу завещания императрицы Анны. Он принес присягу в качестве регента перед фельдмаршалом графом Минихом.

Он лично председательствовал в Кабинете, членами которого тогда были: граф Остерман, князь Черкасский и Алексей Петрович Бестужев, во всем содействовавший герцогу и, по его указанию, назначенный императрицею кабинет-министром для того, чтобы уравновесить власть Остермана, о котором ее величество говорила всегда, что он лукав и не может никого терпеть около себя.

В одном из пунктов завещания императрицы было сказано, чтобы герцог-регент обходился с племянницей ее, принцессой Анной, и принцем, ее супругом, почтительно и сообразно с их положением и званием; но герцог поступал совершенно напротив: он обращался с ними высокомерно, постоянно осыпал угрозами, и я видел сам, как принцесса трепетала, когда он входил к ней[104]. Так как герцог уже стоил империи многих миллионов, в бытность свою только обер-камергером, то сановники внушили принцессе, что теперь, сделавшись на шестнадцать лет регентом и правителем империи, он, по всем вероятиям, вытянет из России по крайней мере еще шестнадцать миллионов, если не более. Так как другим пунктом того же завещания герцог и министры были уполномочены, по достижении молодым принцем Иоанном семнадцатилетнего возраста, испытать его способности и обсудить, в состоянии ли он управлять империею, то никто не сомневался, что герцог найдет средство представить молодого принца слабоумным и, пользуясь своею властью, возведет на престол сына своего, принца Петра, который два года тому назад

должен был, как говорили, жениться на принцессе Анне[105]. Таким образом, принцессу убедили, что для блага государства следует арестовать регента Бирона и отправить его с семейством в ссылку, а вместо него сделать герцогом Курляндским принца Людовика Брауншвейгского*

Вследствие этого регент, как мы увидим ниже, был арестован в ночь с 7 на 8 ноября.

ХАРАКТЕР РЕГЕНТА, ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКОГО БИРОНА

49

Этот человек, сделавший столь удивительную карьеру, не имел вовсе образования, говорил только по-немецки и на своем природном курляндском наречии; он даже довольно плохо читал по-немецки, в особенности же если при этом попадались латинские или французские слова. Он не стыдился публично говорить при жизни императрицы Анны, что не хочет учиться читать и писать по-русски для того, чтобы не быть обязанным читать ее величеству прошений, донесений и других бумаг, присылавшихся ему ежедневно.

У него были две страсти: одна, весьма благородная,— к лошадям и верховой езде; в бытность свою обер-камергером, он отлично выезжал себе лошадей и почти каждый день упражнялся в верховой езде в манеже, куда императрица очень часто приезжала и куда, по ее приказанию, иногда являлись министры, для представления к ее подписи государственных бумаг, изготовленных в Кабинете. Герцог убедил ее величество сделать большие издержки на устройство конских заводов в России, где был недостаток в лошадях. Племенные жеребцы для заводов доставлялись

* Принц Людвиг — брат родителя императора, принца Антона-Ульриха.

из Испании, Англии, Неаполя, Германии, Персии, Турции и Аравии. Было бы желательно, чтобы эти великолепные заводы поддерживались и после него.

Вторая страсть его была — игра. Он не мог провести ни одного дня без карт и играл вообще в большую игру, находя в этом свои выгоды, что ставило часто в весьма затруднительное положение тех, кого он выбирал своими партнерами.

Он был довольно красивой наружности, вкрадчив и очень предан императрице, которую никогда не покидал, не оставив около нее вместо себя своей жены. Императрица не имела вовсе стола, но обедала и ужинала с семейством Бирона, и даже в комнатах своего фаворита. Он жил великолепно, но вместе с тем был бережлив, весьма коварен и крайне мстителен, доказательством чему служит жестокая участь кабинет-министра Волынского и его друзей, вся вина которых заключалась только в том, что они желали удалить Бирона от двора[106].

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ РЕГЕНТЕ, ГЕРЦОГЕ БИРОНЕ

50

Регент, как мы уже сказали выше, в гл. 48, каждый день присутствовал в Кабинете. Его министрами были те же лица, которые занимали эти должности в царствование императрицы Анны, т. е. граф Остерман, Черкасский и Бестужев.

Он был уверен в преданности к нему гвардии; я командовал Преображенским полком, а моим помощником был майор Альбрехт,— его креатура и шпион*; Семеновский полк находился под начальством генерала Ушакова, весьма преданного Бирону[107]; Измайловским полком командовал Густав Бирон, брат герцога, а конногвардейским — сын его, принц Петр,

* См. примеч. 73.

но так как он был еще очень молод, то обязанности полкового командира исполнял за него Ливен, курляндец, впоследствии фельдмаршал[108].

Однако тотчас же, как Бирон сделался регентом, против него составился заговор, в котором принял участие секретарь принца Брауншвейгского Грамматин, что было одною из причин грубого обращения герцога с принцем и принцессой Анной. Секретарь и его сообщники, подвергнутые допросу и пытке, сознались во всем. Этим началось регентство Бирона[109]

Будучи врагом прусского короля, он вступил в новые сделки (prit de nouveaux arrangements) с венским двором, оставшиеся, однако, без последствий, потому что регентство его продолжалось только двадцать дней, с 18 октября по 7 ноября, когда он был арестован и на другой же день отправлен в Шлиссельбург, а затем в Пелым, в Сибири. Место его заключения было выбрано ему мнимым другом его, князем Черкасским, который прежде находился губернатором в Тобольске и знал все места, где обыкновенно содержались лица, навлекавшие на себя немилость[110].

ПРАВЛЕНИЕ ПРИНЦЕССЫ АННЫ МЕКЛЕНБУРГСКОЙ

51

Выше мы видели, что поведение регента герцога Бирона побудило благонамеренных лиц представить принцессе Анне, матери юного императора, что для блага государства необходимо удалить Бирона и его семейство.

Принцесса, подвергаемая вместе с принцем, своим супругом, постоянным оскорблениям со стороны Бирона, одобрила это предложение. Так как регент жил в Летнем дворце и имел при себе караул от Преображенского полка, которым я командовал, то принцесса, в ночь с 7 на 8 ноября, приказала мне арестовать его,

что и было исполнено в полночь. Герцог был отвезен в Зимний дворец, где жила принцесса, а на другой день отправлен в Шлиссельбург*[111].

В тот же день, 8 ноября, когда все сановники собрались во дворец, принцесса Анна, племянница императрицы Анны Ивановны, была объявлена великой княгиней и правительницей Российской империи. Все государственные сословия принесли ей, а равно и молодому императору, Ивану Антоновичу, присягу на верность; когда гвардия исполнила этот долг, то молодой принц был показан ей в окно.

Великая княгиня и правительница, принцесса Анна, начала свое правление щедрыми наградами. Она назначила:

Супруга своего, принца Брауншвейгского, генералиссимусом русских войск.

Генерала графа Миниха — главою совета и первым министром.

Графа Остермана — генерал-адмиралом, министром иностранных дел и членом Кабинета.

Князя Черкасского — великим канцлером и членом Кабинета.

Графа Головкина — вице-канцлером и членом Кабинета.

Адмиралу графу Головину, обер-шталмейстеру князю Куракину и генералу Ушакову, подполковнику Семеновского полка, были пожалованы ордена Св. Андрея.

Гофмейстер Шепелев был награжден многими поместьями.

Генерал-майор Апраксин, премьер-майор Семеновского полка, получил также большие поместья. Были розданы еще многие другие награды, следовавшие одна за другой[112].

---

* История ареста герцога рассказана в «Жизни прусского генерал-майора г. Манштейна», описанной профессором Паули, который слышал ее от самого г. Манштейна. Гершельман списал ее у Паули, и я читал этот рассказ в его жалкой, так называемой прагматической «Истории Российской империи». *(Примеч. М. Б.)*

Всюду выражалось удовольствие по поводу удаления герцога Курляндского и провозглашения великой княгини Анны правительницею империи.

Принц Людвиг Брауншвейгский был вызван в Петербург. Во время проезда его через Курляндию тамошние министры и дворянство единогласно избрали и признали его герцогом Курляндским и Семигальским. По прибытии своем в Петербург он был принят с большим почетом, получил орден Св. Андрея и был помещен в императорском дворце, причем все расходы на его содержание уплачивались из казны[113].

ХАРАКТЕР ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ И ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ ПРИНЦЕССЫ АННЫ

52

Эта принцесса, воспитанная под надзором своей матери царевны Екатерины Ивановны, герцогини Мекленбургской, получила с детства дурное направление.

Императрица Анна, нежно любившая принцессу, взяла ее к себе, поместила в императорском дворце, учредила для нее особый штат и назначила к ней гувернанткою госпожу Адеркас; но эта госпожа,— совершенно неспособная к исполнению обязанностей, сопряженных с порученною ей должностью,— была внезапно выслана из России, с повелением никогда туда не возвращаться, причем не была даже допущена проститься с ее величеством императрицею[114].

Характер принцессы обнаружился вполне, когда она сделалась великою княгинею и правительницею. Она была от природы ленива и никогда не присутствовала в Кабинете; когда я приходил к ней поутру с бумагами, заготовленными в Кабинете или требовавшими какого-нибудь решения с ее стороны, то она, сознавая свою неспособность, часто говорила мне: «Как бы я желала, чтобы мой сын находился

в таком возрасте, когда мог бы царствовать сам». Я всегда отвечал, «что ей, как величайшей государыне в Европе, стоит только выразить мне свои желания и что все будет исполнено без всякого для нее беспокойства».

Она была от природы неряшлива, повязывала голову белым платком, не носила фижм (sans jupe de baleine) и в таком виде являлась к обедне, в публике, за обедом и после него, когда играла в карты с избранными партнерами, которыми были: принц, ее супруг; граф Линар — посланник короля польского и любимец великой княгини[115]; его доверенный маркиз Ботта — посланник венского двора, оба враги короля прусского; г. Финч (Finck), английский посланник, и мой брат. Прочие иностранные министры и придворные сановники никогда не допускались в эту партию, которая собиралась в комнатах фрейлины Юлии Менгден, наперсницы великой княгини и в то же время поверенной графа Линара[116], которому великая княгиня из своих рук пожаловала орден Св. Андрея, при чем наградила его поцелуем, находясь еще в постели, хотя и была совершенно здорова.

Она дурно жила с принцем, своим супругом, и спала отдельно от него; когда же он желал войти к ней поутру, то обыкновенно находил двери запертыми. Она имела частые свидания с графом Линаром в третьем дворцовом саду, куда отправлялась всегда в сопровождении фрейлины Юлии, пользовавшейся там минеральными водами. Когда же принц Брауншвейгский намеревался также проникнуть в этот сад, то для него ворота были всегда заперты и часовым было приказано никого туда не пускать. Так как Линар жил подле ворот сада, в доме Румянцева, то принцесса приказала построить вблизи дачу,— что ныне Летний дворец*.

Летом она приказывала ставить свою кровать на балкон Зимнего дворца, выходивший на реку; хотя

* На месте этого дворца находится ныне Инженерный замок.

при этом ставились и ширмы, чтобы скрыть кровать, однако со второго этажа домов, соседних к дворцу, можно было все видеть[117].

В это время я заболел сильнейшей коликой, которой до тех пор никогда не испытывал; я думал, что умру в тот же день; доктора, а с ними и все, полагали, что я был отравлен. Однако ж я выздоровел от этой болезни через три недели; в продолжение всего этого времени в Кабинете не делалось решительно ничего.

Прежде всего я позаботился о возобновлении оборонительного договора с королем прусским, и, вследствие моих домогательств, было договорено выставлять взаимно в помощь не 6000 человек, как это было условлено в прежнем трактате, а 12 000 войска.

Но этот договор, хотя ратифицированный и разменный министрами обоих дворов, существовал недолго. Скоро в Дрездене составили другой договор, которым венский и саксонский дворы обязывались объявить войну королю прусскому, лишить его владений и отнять у него Силезию. Маркграфство Бранденбургское должно было достаться саксонскому принцу, римско-католического вероисповедания.

Этот договор был подписан в Дрездене графом Вратиславом,— министром венского двора, и гофмейстером польской королевы, дипломатом очень пронырливым, одним иезуитом, уполномоченным для ведения этих переговоров венским двором, и графом Брюлем, министром польского короля[118].

Копия с этого договора была прислана великой княгине русским посланником при польском короле, бароном Кейзерлингом, причем эта государыня приглашалась принять в нем участие и объявить войну своему союзнику королю прусскому.

Принц Брауншвейгский, граф Остерман, канцлер князь Черкасский и вице-канцлер граф Головкин, поддавшись влиянию маркиза Ботты и графа Линара, не только не сделали никаких возражений против этого предложения, но убедили великую княгиню и

правительницу принять его. Русские войска получили приказание выступить в поход к Риге, чтобы напасть на прусского короля со стороны королевской Пруссии.

Так как этот договор был тотчас же сообщен мне и я имел его в руках в продолжение двух дней, то я объявил великой княгине, «что нахожу отвратительным (que j'avais en horreur) договор, направленный к тому, чтобы лишить престола и владений государя, который, подобно его предшественникам, с начала этого столетия был вернейшим союзником России, и в особенности Петра Великого, что Россия в продолжение сорока лет вела тягостные войны и нуждается в мире для приведения в порядок внутренних дел государства, и что когда вступит на престол юный государь, ее сын, то я и все министерство ее императорского высочества должны будем отвечать ему, если начнем новую войну в Германии в то время, когда у нас еще не кончена война со Швецией[119] и когда ее императорское высочество столь недавно заключила союзный договор с прусским королем».

Великая княгиня, находясь в полном подчинении у графа Линара и маркиза Ботта и не слыша противоречий ни от кого из своих министров, за исключением лишь одного меня, рассердилась и с запальчивостью сказала мне: «Вы всегда за короля прусского, но я уверена, что как только наши войска выступят в поход, то король прусский выведет свои из Силезии»[120].

С этого дня великая княгиня стала дурно принимать меня, и так как я не мог помешать тому, чтобы войска не были двинуты к Риге, то и попросил отставку, которая и была дана мне с неудовольствием. Я удалился в Гостилицы[121]. Впрочем, через несколько дней дурное расположение духа принцессы прошло и она пожаловала мне ежегодный пенсион в пятнадцать тысяч рублей и назначила караул от Преображенского полка к моему дому[122].

Доказательством непростительной беспечности великой княгини служит то, что за несколько дней до ее падения она была предупреждена английским посланником г. Финчем, что будет низвергнута, если не примет предосторожностей. Но она не только не приняла никаких мер для отражения удара, но даже имела слабость сообщить обо всем принцессе Елисавете, которая вследствие этого ускорила исполнение своего смелого плана — взойти самой на престол.

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ-ПРАВИТЕЛЬНИЦЕ ПРИНЦЕССЕ АННЕ

53

Мы видели, что большая пустота и промежуток, существовавшие между верховною властью и Сенатом, были совершенно восполнены советом, или Кабинетом принцессы, где я занимал место первого министра и где вместе со мною были граф Остерман, канцлер князь Черкасский и вице-канцлер граф Головкин. Мы уже сказали выше, что граф Головкин, недовольный тем, что не был назначен при императрице Анне членом Кабинета, оставался в постели в продолжение девяти или десяти лет. Но как только его назначили, по моему предложению, вице-канцлером и кабинет-министром, он тотчас же встал с постели, явился ко двору и сказал: «Я в состоянии работать». Затем, я позаботился разделить Кабинет по роду дел на различные департаменты.

Военный департамент находился в моем ведении.

Департаменты морской и иностранных дел были предоставлены графу Остерману.

Внутренние же дела империи составляли департамент канцлера князя Черкасского и вице-канцлера графа Головкина.

То, что каждый определял и решал в своем департаменте, вносилось затем в Кабинет на общее рассмотрение, после чего уже изготовлялись соот-

ветственные указы. Этот порядок был создан мною одним. Число сенаторов было увеличено назначением г. Брылкина (Brulken) и других[123].

Сенат был также разделен на несколько департаментов, но моя отставка воспрепятствовала мне устроить все согласно общему плану, который я себе составил.

Регентство великой княгини принцессы Анны продолжалось только год и шестнадцать дней, т. е. с 8 ноября 1740 г. до ночи с 24-го на 25 ноября 1741 г., когда она была арестована в постели самою принцессою Елисаветой, сопровождаемой преображенскими гвардейцами.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

54

Эта великая принцесса, сознавая, что она дочь и единственная наследница Петра Великого и императрицы Екатерины, с величайшим прискорбием переносила, что, по устранении ее от престола, русская корона была предназначена юному принцу Ивану, находившемуся еще в колыбели, а регентство империи на время малолетства этого ребенка вручено сначала герцогу Курляндскому Бирону,— иностранцу, не связанному родством ни с императорским домом, ни с какой-либо знатной русской фамилией,— а затем принцессе Анне Мекленбургской.

Елисавета Петровна выросла, окруженная офицерами и солдатами гвардии и, во время регентства Бирона и принцессы Анны, чрезвычайно осторожно обращалась со всеми лицами, принадлежавшими к гвардии. Не проходило почти дня, чтобы она не крестила ребенка, рожденного в среде этих первых полков империи, и при этом не одаривала бы щедро родителей или не оказывала бы милости кому-нибудь

из гвардейских солдат, которые постоянно называли ее «матушкой».

Таким образом, в гвардии составилась партия горячих приверженцев принцессы, и ей не трудно было воспользоваться их содействием для достижения престола. Гвардейцы жили в построенных мною для них казармах. У принцессы Елисаветы был подле Преображенских казарм дом, известный под именем Смольного[124]; здесь она часто ночевала и виделась с преображенскими офицерами и солдатами. Правительница, принцесса Анна, была предуведомлена об этих собраниях, но считала их пустяками, не могущими иметь последствий; при дворе говорили с насмешкой: «Принцесса Елисавета водит компанию с преображенскими гренадерами» (La princesse Elisabeth a des assemblées avec les grenadiers Preobraschenskis).

В ночь с 24 на 25 ноября эта великая принцесса приехала в казармы Преображенского полка и, собрав своих приверженцев, сказала им: «Ребята, вы знаете, чья я дочь, идите за мной!»

Все было условлено, и офицеры, и солдаты, узнав, чего от них требуют, отвечали: «Матушка, мы готовы, мы их всех убьем».

Принцесса великодушно возразила: «Если вы хотите поступать таким образом, то я не пойду с вами».

Она повела этот отряд прямо в Зимний дворец, вошла в комнату великой княгини, которая была в постели, и сказала ей: «Сестрица, пора вставать».

Приставив караул к великой княгине, ее мужу, принцу Брауншвейгскому и сыну их, принцу Ивану, она возвратилась в свой дворец, находившийся возле Летнего сада[125], и в ту же ночь приказала арестовать меня, моего сына, графа Остермана, вице-канцлера графа Головкина, обер-гофмаршала графа Левенвольде, президента Коммерц-коллегии барона Менгдена, действительного статского советника Темирязева и некоторых других; все мы были отправлены в крепость.

В ту же ночь принцесса Елисавета была признана императрицей и самодержавной российской государыней всеми сановниками, прибывшими в ее дворец, перед которым по ту сторону канала собралась многочисленная толпа народа; гвардейцы же заняли улицу и кричали: «Ура!»[126].

Наутро Елисавета в открытой коляске отправилась в Зимний дворец, где была провозглашена императрицей и где все принесли ей присягу в верности*.

---

* *История восшествия принцессы Елисаветы на российский престол.*

У Елисаветы было два плана достигнуть престола. Первый заключался в том, чтобы исполнить это при содействии Швеции, которой были сделаны большие обещания за помощь, истолкованные шведами в том смысле, будто Елисавета, по вступлении своем на престол, возвратит им провинции, завоеванные ее отцом, что вовсе не входило в ее намерения. Второй план состоял в том, чтобы подкупить гвардию раздачей известной суммы денег в день Крещения и водосвятия, 6 января 1742 г., когда вся гвардия, находившаяся в Петербурге, обыкновенно собиралась. Планы эти были известны французскому посланнику маркизу де ла Шетарди, доставившему принцессе значительные суммы. Но когда правительнице Анне было сообщено об этих замыслах письмом, врученным ей 20 ноября 1741 г., в котором ей советовали наблюдать за принцессой Елисаветой и арестовать Лестока, и когда в приемный день 23 ноября правительница имела неосторожность сообщить о полученных ею сведениях принцессе Елисавете, то Лесток убедил принцессу не откладывать более исполнения плана и тем оградить ее личную свободу и спасти жизнь ее верных слуг. Изданный в это время указ о том, чтобы большая часть гвардии готовилась в поход в Финляндию, представлял благоприятный случай к осуществлению плана. Лесток не мог привлечь на сторону принцессы ни одного офицера; но многие солдаты Преображенского полка были подкуплены в ее пользу; притом же Лесток имел нескольких шпионов, сообщавших ему обо всем, что происходило при дворе. Он убедил принцессу привести в исполнение план в ночь с 24 на 25 ноября. В одиннадцать часов вечера он отправился к маркизу де ла Шетарди, чтобы взять у него деньги, но при этом не открыл ему своих настоящих намерений. В полночь он узнал через своих шпионов, что во дворце все успокоилось и что там находится только обыкновенный караул. Принцесса была в страхе и нерешимости, и Лестоку стоило немалого труда вдохнуть в нее мужество. Наконец она воодушевилась, надела на себя, по убеждению Лестока, орден Св. Екатерины и, принеся перед образом Богородицы горячую молитву и обеты, села в сани, на запятки которых встали Воронцов и Лесток. Подкупленные солдаты были посланы в канцелярию Преображенского полка, чтобы склонить находившихся там караульных в

Все совершилось тихо и спокойно, и не было пролито ни одной капли крови; только профессор академии г. Гросс, служивший в канцелярии графа Остермана, застрелился из пистолета, когда его арестовали[127].

Подробности царствования этой великой государыни не могут иметь здесь места, славные же дела, сопровождавшие его, всем известны.

ХАРАКТЕР ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

55

Она родилась 5 сентября 1709 г.— памятного Полтавскою битвой, поражением Карла XII и в то же время совершенным ослаблением шведского королевства*.

пользу принцессы и объявить им о ее прибытии. Когда она приехала, то все солдаты присягнули ей и затем в числе 200 или 300 человек последовали за ней к императорскому дворцу. Когда она подъезжала к нему, то Лесток отделил три отряда, по двадцати пяти человек в каждом, чтобы схватить фельдмаршала графа Миниха, графа Остермана и вице-канцлера Головкина. Лесток распорядился занять все входы, в чем караульные ему не воспрепятствовали. Принцесса Елисавета, вместе с Воронцовым и Лестоком, отправилась на дворцовую гауптвахту, где гвардейцы на коленях принесли ей присягу. Тридцать гренадеров получили приказание проникнуть в комнату, где правительница спала на одной постели со своим мужем. Они оба были схвачены и отправлены во дворец принцессы Елисаветы, куда было собрано все семейство правительницы и перед которым выстроились гвардейские полки для принесения присяги. Несколько ранее Лесток, в сопровождении нескольких солдат, отправился к принцу Гессен-Гомбургскому, ничего не знавшему о случившемся, и к фельдмаршалу графу Ласси, которому не доверяли, чтобы известить их о перевороте. Через несколько дней вся герцогская брауншвейгская фамилия и фрейлина Юлия Менгден были отправлены в Ригу, где оставались полтора года, а оттуда — в крепость Динамюнд, где прожили также полтора года. Из Динамюнда их перевезли в Холмогоры, где они находились все вместе до кончины принцессы Анны. После этого принца Ивана перевезли в Шлиссельбург, где император Петр III виделся с ним и говорил, в марте 1762 г. Императрица Елисавета видела его и говорила с ним несколько ранее в Петербурге, в доме графа Шувалова. *(Примеч. М. Б.)*

* Елисавета Петровна родилась 18 декабря 1709 г; 5 сентября было днем ее ангела.

Так как в это военное время император Петр I часто уезжал из своего государства, а императрица Екатерина всюду следовала за ним в чужие края, то обе принцессы, Анна и Елисавета Петровны, не имели своего двора и находились под надзором только двух женщин: одной русской, по имени Ильинишна, и другой карелки, звавшейся Лизаветой Андреевной. Таким образом, им было дано воспитание, не соответствовавшее их происхождению. Только после смерти Петра Великого, для обучения их французскому языку, к ним была приставлена француженка, госпожа Лонуа; но эта дама не жила во дворце и виделась с принцессами лишь в те часы, когда давала им уроки.

Обер-полицеймейстер генерал Девьер исполнял, как мы сказали выше, обязанность воспитателя принцесс до тех пор, пока в 1725 г. был арестован и отправлен в ссылку князем Меншиковым*.

В этом же году, который был первым царствования императрицы Екатерины I, цесаревна Анна Петровна была выдана замуж за герцога Голштинского. В 1727 г., вследствие честолюбия и самовластия князя Меншикова, она была выслана в Киль, где и умерла.

Таким образом, принцесса Елисавета осталась одна. Императрица Екатерина назначила к ней воспитательницей мою жену, тогда вдову Михаила Алексеевича Салтыкова, родственника матери императрицы Анны, Прасковьи Федоровны. Наши старшие дочери, Юлия Салтыкова и София Миних, а также Мавра Шепелева, вышедшая впоследствии замуж за Петра Ивановича Шувалова, были сделаны фрейлинами принцессы; Мавра давно была посвящена во все сокровенные дела принцессы[128].

Императрица Елисавета была одарена от природы самыми высокими качествами, как внешними, так и душевными. Еще в самой нежной юности, а именно

* Девьер был сослан в 1727 г. См. примеч. 51.

в двенадцатилетнем возрасте, когда я имел честь ее увидеть, она уже была, несмотря на излишнюю дородность, прекрасно сложена, очень хороша собой и полна здоровья и живости. Она ходила так проворно, что все, особенно дамы, с трудом могли поспевать за нею; она смело ездила верхом и не боялась воды.

У нее был живой, проницательный, веселый и вкрадчивый ум и большие способности. Кроме русского, она в совершенстве изучила французский, немецкий, финский и шведский языки и имела красивый почерк. Она любила пышность и порядок и от рождения питала страсть к постройкам великолепных дворцов и церквей[129]. Она любила все военное и благодаря этому при ней русская армия победила столь хваленые в то время прусские войска. Введя при своем дворе французский язык и обычаи высшего общества (le goût et les manières du beau-monde), она сделала его самым блестящим в Европе. Она умела притворяться; была милостива и до такой степени не жестока и человеколюбива, что никогда не хотела проливать крови и не наказывала смертью ни убийц, ни грабителей по большим дорогам, ни других преступников. Таким образом излишняя доброта государей делается слабостью.

Однако она была злопамятна, хотя не столько по врожденной склонности, сколько по внушению окружавших ее лиц, и никогда не хотела простить ни графа Остермана, ни графа Левенвольде, ни Головкина, ни Менгдена, ни меня, ни моего сына, несмотря на то, что последний не принимал никакого участия в моих проступках (fautes), если можно назвать проступком — повиновение приказаниям императрицы Анны, моей государыни.

Она от рождения была чрезмерно сластолюбива и часто говорила своим приближенным, что была довольна только тогда, когда влюблялась. Вместе с тем она была очень непостоянна и часто меняла фаворитов. Так как подобная слабость сопровождается

всегда снисходительностью, то и она позволяла своим любимцам делать все, что им хотелось. Последствием этого было полное расстройство финансов, причиненное Петром Ивановичем Шуваловым[130], и обогащение множества частных лиц в то время, когда казна нуждалась в деньгах; отсюда произошли разорительные монополии, ужасный таможенный сбор, плохое состояние флота и совершенное уничтожение Брянской и Воронежской флотилий, о которых так много заботился Петр Великий. От тех же причин произошли: дурное состояние Ладожского канала, разрушение города Кронштадта и столь вредные беспорядки по управлению сибирскими рудниками, а также и громадная цена, по которой продаются водка, соль и табак — предметы, без которых не может обойтись народ и из-за которых столько тысяч людей перенесли пытку и были доведены до нищеты. К той же снисходительности следует отнести и причины жестокой и губительной войны с королем прусским, в течение которой были пролиты потоки христианской крови, разорены и опустошены целые провинции и израсходованы несметные суммы, вывезенные из России, которая при этом не приобрела никаких выгод. Эта великая государыня скончалась от сокрушения о таком положении дел. Рассказывали, хотя это и может казаться невероятным, что она проливала горячие слезы всякий раз, когда ей сообщали известия о победе и при этом докладывали о числе убитых и раненых[131].

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ

56

Первое время по вступлении своем на престол она намеревалась устроить государственное управление по той же системе, которая существовала во время

Петра Великого, ее беспримерного отца. Таким образом, она уничтожила Кабинет и передала все дела в Сенат.

Но с 1756 г., чувствуя, что ее физические и нравственные силы слабеют, она учредила совет, названный конференциею. Это учреждение, по своим инструкциям и предписаниям (ses instructions et règles présentes), стояло выше Сената, что, по-видимому, должно было снова пополнить пустоту, существовавшую во вред государства, между верховною властью и властью Сената[132].

Но это новое учреждение не удовлетворяло своему назначению, и большая часть важных дел, как, например, дела, касавшиеся союзов с иностранными державами, военные и финансовые, зависели от способностей и ума лиц, находившихся в милости. Таким образом, императрица не управляла ничем, и формою государственного управления при ней был произвол ее фаворитов.

Она умерла 25 декабря 1761 г. от мучительной и тяжкой болезни[133].

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III

57

Петр Федорович, который с 1741 г. был признан и почитаем под именем внука Петра Великого, после смерти императрицы Елисаветы был тотчас же объявлен императором, 26 декабря 1761 г.

Он прежде всего возвратил свободу государственным узникам, а именно: герцогу Курляндскому Бирону и его семейству, мне, моему сыну и его семейству, а также графу и графине Лесток. Другие же лица, сосланные в предшествовавшее царствование, как, например, граф Остерман, граф Головкин, граф Левенвольде и барон Менгден умерли в местах своего заточения.

Император имел сердечное желание возвратить от Дании герцогство Шлезвиг-Голштинское, и вероятно, что в этих именно видах он спешил заключить мир с королем прусским, для того чтобы иметь возможность употребить войска против датского короля. Но 6 июля 1762 г. он умер прежде, нежели мог осуществить свое намерение[134].

ХАРАКТЕР ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III

58

Этот государь был от природы пылок, деятелен, быстр, неутомим, гневен, вспыльчив и неукротим.

Он очень любил все военное и не носил другого платья, кроме мундира. Он с каким-то энтузиазмом (c'était comme un enthusiasme) подражал королю прусскому, как в отношении своей внешности, так и относительно всего, касавшегося войска. Он был полковником прусского пехотного полка, что казалось вовсе не соответственным его сану, и носил прусский мундир; точно так же и король прусский был полковником русского Второго московского пехотного полка.

Император некоторое время не надевал вовсе ордена Св. Андрея, а носил прусский орден Черного Орла.

Неизвестно, каковы были религиозные убеждения императора, но все видели, что во время богослужения он был крайне невнимателен и подавал повод к соблазну, беспрестанно переходя с одной стороны церкви на другую, чтобы болтать с дамами.

Было также нечто восторженное и в той поспешности, с какою он хотел выступить во главе русской армии в поход, чтобы возвратить герцогство Шлезвигское и начать войну против датского короля, которого, по его словам, следовало низложить и отправить в Малабар.

Ему напрасно представляли все опасности и трудности этого похода и доказывали, что придется действовать с многочисленной армией в такой стране, где нет ни жизненных припасов, ни фуража, ни магазинов; что датский король опустошит герцогство Мекленбургское, по которому нужно будет проходить русским войскам, и займет такую позицию, атака которой непременно поведет к поражению; что датская армия, обеспеченная с тылу, не будет иметь нужды ни в чем, тогда как русская армия будет нуждаться во всем, и что, наконец, император рискует не только не иметь успеха в этом походе, но и потерять в нем армию в самом начале своего царствования.

Он через Волкова приказал сказать совету, что не хочет слушать никаких возражений по этому поводу. Принц Георг* уже готовился выехать, чтобы принять начальство над армией, авангард которой выступил в поход к герцогству Мекленбургскому, а император хотел вскоре следовать за ним, чтобы, предварительно повидавшись и переговорив с королем прусским, стать затем во главе армии.

Он был вспыльчив и горяч до такой степени, что оскорблял (maltraiter) даже своих любимцев. Ему не могли простить его невоздержности (débauché) и дурного обращения с ее величеством императрицей, которая одна только и могла сделать его царствование славным и счастливым[135].

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ ПЕТРЕ III

59

Вместо Кабинета он учредил комиссию, членами которой были: два принца голштинские — Георг и Петр-Август, я, канцлер граф Воронцов, генерал от

* Принц Георг Голштинский, дядя Петра III.

кавалерии князь Волконский, генерал-фельдцейхмейстер Вильбоа, генерал-лейтенант Мельгунов и, в последнее время, действительный статский советник Волков.

Эта комиссия, в которой император лично председательствовал, сначала занималась только военными делами и составила новый регламент его величества, названный «Строевым уставом». Но, наконец, сюда стали стекаться все государственные дела, и казалось, что эта комиссия должна стать выше Сената и таким образом пополнить существующую между верховною властью и властью Сената пустоту, о которой было столько раз упоминаемо. Однако мнения Мельгунова, Гудовича и в особенности Волкова, исправлявшего должность тайного секретаря, водившего пером государя и бывшего ближайшим его советником, имели значительный перевес над мнениями остальных членов комиссии. Таким образом, то, с чем соглашался Волков (ce que Wolkow trouvait convenir), и составляло образ правления при императоре Петре III[136].

60

Из всего сказанного нами в немногих словах явствует, что в предшествовавшие царствования образ правления Российской империи не был определен и пустота, существовавшая между верховною властью и властью Сената, была восполнена недостаточно и притом лицами, все заслуги которых заключались в их фаворе и которые злоупотребляли оказываемым им доверием в ущерб государству.

Таким образом, этот великий труд предстоит ее величеству, нашей всемилостивейшей императрице, самой мужественной, сведущей и самой прилежной из государынь, которая может вполне служить образцом для всех тех, кого Провидение избрало для управления народами.

Один из просвещенных министров ее величества удостоил сказать мне следующие слова: «Между высшею властью и властью Сената существует большое расстояние».

Это именно расстояние я и называю пустотою, которую необходимо наполнить.

Вместе с тем он сказал мне: «Полагают, что блаженной памяти император Петр Великий сделал и устроил для блага государства все и что затем не остается ничего более, как только следовать по указанному им пути, но, по мнению министра, хотя этот государь сделал даже более, нежели думают, и хотя может казаться невероятным, чтобы один человек мог создать все те громадные учреждения и предприятия, которые мы теперь видим и которые принадлежат Петру Великому, однако ж, тем не менее, остается еще сделать многое, чтобы довести все это до совершенства, и необходимо предпринять немало дел первой важности для окончания того, что этот великий государь только начертал, так как кончина его была преждевременна».

61

Итак, очевидно, что благо государства требует, чтобы громадное расстояние, существующее между высшею властью и властью Сената, было восполнено учреждением совета. Этот совет должен состоять из многих лиц, которые, находясь у государственного кормила, могли бы искусно направлять все дела империи, облегчать этим труды ее величества императрицы и избавлять ее от тягости входить в подробности не особенно важных дел, для которых не хватит ее материнских забот, без вреда для ее драгоценного здоровья.

Следует еще распределить государственные дела между различными департаментами, как то: ино-

странных дел, военным, морским, финансов, торговли, внутренних дел и проч.

Главнейшее искусство государей состоит в умении выбирать лиц, способных исполнять доверяемые им обязанности и поручения,— лиц, незапятнанность, прямодушие, честность, прилежание к делам, усердие и благочестие которых испытаны и известны. В русском народе, благодаря Богу, нет в настоящее время недостатка в хороших людях, а равно и у ее величества императрицы нет недостатка в проницательности, чтобы сделать из них лучший выбор.

Итак, одного из таких лиц следует поставить во главе Департамента иностранных дел.

Другого — во главе Военного департамента.

Третьего — во главе морского.

Четвертого — во главе Департамента финансов и торговли.

Пятого — во главе внутренних дел империи и проч.

Эти пять лиц составляли бы совет ее величества, который представлял бы ей сущность дел и, руководясь мудрыми решениями государыни, изготовлял бы необходимые указы Сенату и тем присутственным местам, которые не находятся в прямой от него зависимости.

В каждом департаменте следовало бы иметь канцелярию, секретарей и способных и честных чиновников.

Такой образ правления, установленный однажды, избавил бы от трудов и сберег бы драгоценное здоровье нашей несравненной государыни, которая удостоила сказать мне, «что было время, когда она работала по пятнадцати часов в сутки».

На это я имел смелость ответить, что не следует работать до усталости, напомнив ей при этом изречение Грациана об одном придворном или государственном человеке: «Quis tôt sustineat, quis tanta negotia solus», т. е. кого может хватить на столько дел.

Такой образ правления, говорю я, раз определенный, установил бы в счастливое царствование ее величества удивительный порядок в управлении делами и даровал бы золотой век ее народам.

КОНЕЦ

Последний патриарх всероссийский, называвшийся Адрианом, умер в 1701 г.

Святейший Синод был учрежден 25 января 1721 г. Следующие лица были назначены в то время составлять Синод:

Президент.
Два вице-президента.
Четыре советника.
Четыре асессора.
Всего одиннадцать человек.

По новому штату 1762 г., при покровительстве императрицы Екатерины II, ныне славно царствующей государыни, Святейший и Правительствующий Синод составляют:

1. Духовные лица:

Три архиерея.
Два архимандрита.
Один протопоп.

2. Гражданские лица:

Обер-прокурор.

Названия губерний русской империи и фамилии губернаторов в 1772 г.

Московская. Юшков, тайный советник.
Петербургская. Ушаков, тайный советник.
Новгородская. Сиверс, генерал-лейтенант.
Архангельская. Головцын, генерал-лейтенант.
Смоленская. Текутьев, генерал-майор.
Киевская. Воейков, генерал-аншеф.
Белгородская. Давыдов, генерал-майор.
Воронежская. Маслов, генерал-лейтенант.
Нижегородская. Квашнин-Самарин, действительный статский советник.
Казанская. Брандт, генерал-лейтенант.
Астраханская. Бекетов, генерал-лейтенант.
Оренбургская. Рейнсдорп, генерал-лейтенант.

Сибирская. Чичерин, генерал-майор.

Иркутская. Брюль, генерал-лейтенант.

Малороссийская. Граф Румянцев, генерал-фельдмаршал.

Новороссийская. Воейков, генерал-аншеф.

Слободско-Украинская. Щербинин, генерал-лейтенант.

Лифляндская. Броун, генерал-аншеф.

Эстляндская. Принц Голштейн-Бек, генерал-фельдмаршал.

Выборгская. Вакансия.

Белорусская. Граф Чернышев, генерал-аншеф.

Псковская. Кречетников, генерал-майор.

Могилевская. Каховский, генерал-майор.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Карловицким миром, заключенным 26 января 1699 г., окончилась война, начатая еще в 1683 г., против Турции, Австрией и Польшей, к которым впоследствии присоединились Венеция и Россия. На основании этого мира, Австрия получила область Семиградскую и землю, лежащую между реками Тиссой и Дунаем, за исключением Темесварского округа; Польша — Подолию с Каменцом; Венеция — Морею и часть Далмации; Россия — Азов с округом.

[2] Когда Австрия в союзе с Польшей предприняла в 1683 г. войну против Турции, то король польский, Ян Собеский, старался всеми мерами вовлечь в эту войну и Россию. После долгих переговоров ему удалось, наконец, заключить с нашим двором, 21 апреля 1686 г., в Москве договор, по которому Польша навсегда уступила России Киев и, сверх того, Смоленск и другие города, отданные по прежним договорам царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу во владение до известных сроков, а Россия обязалась разорвать мир с султаном турецким и ханом крымским, послать немедленно отряд войска на крымские переправы, для защиты Польши от татарских нападений, приказать донским казакам чинить воинский промысел на Черном море, а в следующем, 1687 г., послать все свои войска на Крым. Вместе с тем было постановлено, что Россия, в вознаграждение за Киев, уплатит Польше 146 000 руб.

[3] Оба, так называемые, «крымские походы», предпринятые князем Василием Васильевичем Голицыным в 1687 и 1689 гг. во главе двухсоттысячной армии, были крайне неудачны и бесславны для России. В первый поход Голицын доходил только до Самары, а во второй — до Перекопа и, не вступая в бой с татарами, оба раза возвращался на-

зад, причем, от болезней и недостатка провианта, лишился почти половины армии.

[4] Миних ошибочно считает царя Ивана Алексеевича близнецом царя Феодора Алексеевича. Феодор Алексеевич родился 8 июня 1656 г., а Иван Алексеевич десять лет спустя — 27 августа 1666 г.

[5] Миних, очевидно, смешивает обстоятельства первого стрелецкого бунта. Известно, что стрельцы, возбуждаемые царевной Софией, убили главнейших приверженцев Петра под тем предлогом, будто они хотят извести Ивана Алексеевича, объявили последнего царем совместно с Петром, а царевну Софию правительницею на время малолетства обоих государей.

[6] Договорами Андрусовским и Кардисским Россия, Польша и Швеция взаимно обязались, в случае кончины одного из государей, известить о восшествии на престол преемника его присылкою нарочного гонца и потом, через особые посольства, разменяться подтвердительными грамотами на заключенные трактаты. Согласно этому, по кончине царя Феодора Алексеевича и воцарении Ивана и Петра Алексеевичей, царевна София отправила в Варшаву и Стокгольм особые посольства, которым было велено вручить королям царские подтвердительные грамоты и принять от них присягу в ненарушимом соблюдении трактатов. От Швеции София требовала только подтверждения Кардисского вечного мира, то есть, вопреки намерениям царя Феодора Алексеевича, отказывалась навсегда от всех притязаний на старинные русские области при Финском заливе. В таком смысле и был заключен 22 мая 1684 г. в Москве, полномочными с обеих сторон, договор, бывший не чем иным, как только полным подтверждением всех условий Кардисского трактата.

[7] До Петра Великого в России существовала поземельная подать. Отправление военной службы также основывалось на количестве земли, находившейся во владении у каждого помещика. Но уже в царствование первых государей из дома Романовых система эта оказывалась неудобной и потому, при царе Алексее Михайловиче, была введена раскладка некоторых податей и повинностей по дворам. При Петре Великом, в первое время его царство-

вания, самый сбор войск производился по числу дворов, причем определялось, с какого числа дворов следует выставить конного и пешего человека, а с мелкопоместных и не служащих дворян и детей боярских было велено брать деньгами по 1 р. и 1 р. 50 коп. с человека. Перепись дворов и принятая система отправления военной службы резко обозначили тех из детей боярских, которые имели одни только собственные дворы и не имели крестьянских. Слово «однодворец» весьма естественно было употреблено для отличия их от других детей боярских, имевших большее число дворов. В начале официального употребления этого слова под ним разумели одних только детей боярских. В первый раз, по крайней мере сколько это известно из открытых до сего времени исторических документов, оно было употреблено в Указе 12 марта 1714 г., где именно сказано: «рейтары, солдаты и городовой службы однодворцы».

[8] Тогдашняя государственная иерархия определена Минихом не совсем верно.

Бояре были первенствующими лицами в большой Думе, занимали первоклассные должности и управляли приказами.

Окольничие заведовали, преимущественно, судом, заседали в Думе с боярами, назначались, большею частью, товарищами их или в должности второстепенные; нередко, впрочем, исправляли и важные поручения наряду с боярами.

Думными людьми назывались те, которые, не достигнув еще звания боярина или окольничего, имели, однако, право присутствовать в большой Думе и судить о делах государственных.

Думные дьяки были письмоводителями царской Думы.

Стольники и стряпчие были, преимущественно, сановники придворные; кроме того, их определяли во многие должности военные, гражданские и посольские.

[9] Миних говорит здесь о церковном обряде «шествия на осляти», совершавшемся в Москве, в Вербное воскресенье, в воспоминание входа Спасителя в Иерусалим. При этом обряде царь, одетый в «большой царский наряд» и поддерживаемый ближними людьми, вел за конец повода «осля», т. е. покрытого белой суконной попоной коня, на котором восседал патриарх с Евангелием в одной руке и крестом в другой. Середину повода держал за государем один из

первостепенных бояр, а два дьяка и патриарший конюшенный старец вели «осля» под уздцы. Шествие совершалось от Лобного места через Спасские ворота в Успенский собор. С упразднением патриаршества «обряд шествия на ослятии», известия о котором не восходят ранее XVI столетия, был оставлен вовсе.

[10] В 1736 г. Миних действительно почти без выстрела овладел Перекопом, Козловым, т. е. Евпаторией и Бахчисараем, но чрезвычайные жары, недостаток воды, дурная пища и трудность похода произвели страшные опустошения в русском войске и принудили фельдмаршала поспешно возвратиться в Украину, не воспользовавшись плодами своей удачи.

Миних ошибочно называет местом крещения великого князя Владимира город Козлов, или Евпаторию. Событие это, по преданию, совершилось в Херсонесе, находившемся в двух верстах от нынешнего Севастополя.

[11] В первом Азовском походе войсками командовали три генерала вместе: А.М. Головин, Ф.Я. Лефорт и П.И. Гордон. Одного общего главнокомандующего не было. Во втором Азовском походе главным начальником войск считался боярин А.С. Шеин. Что касается Шереметева, то он предводительствовал в это время отдельной армией, называвшейся Белгородской и действовавшей против крымских татар. Под начальством Шереметева состоял гетман Мазепа с малороссийскими казаками.

[12] См. примеч. 1.

[13] Послом в Константинополь был отправлен думный советник Украинцев с дьяком Чередеевым. 28 августа 1699 г. они сели в Таганроге на вновь выстроенный сорокапушечный корабль «Крепость», находившийся под командою капитана фон Паумбурга, и через две недели благополучно достигли Царьграда, где неожиданное появление первого русского военного судна произвело весьма сильное впечатление.

В мирном трактате, заключенном Украинцевым с турками 7 июля 1700 г. в Константинополе, не было упомянуто ни слова об ограничении числа русских судов в Азовском море.

[14] При Петре Великом было сформировано тридцать семь драгунских полков. Они набирались преимущественно из рейтар, копейщиков, казаков и жителей украинских городов.

[15] Штатами, изданными в 1720 г., численность регулярной армии и расходы на ее содержание были определены следующим образом:

	Число полков и команд	Число людей	Число лошадей	На содержание в год, р.
Генеральный штаб	—	360	—	163 239
1. Армия		34 410		1 262 000
Драгунские полки: фюзелерные	30		39633	
« « гренадерские	3	3441		127 044
Пехотные полки: фюзелерные	35	50 120	12150	1 219 839
фюзелерный батальон	1	676		17 456
« « гренадерские	5	7160	—	175 045
Отдельные роты и команды	—	—	—	13 349
Итого	74	96 167	52783	2 815 638
2. Гарнизонные войска				
Драгунские полки	4	4308	4020	78 478
Драгунский эскадрон	1	544	515	10 022
Пехотные полки: 1 разряда	21	26 976	—	431 206
« « 2 разряда	28	35 681	—	432 568
« « батальон	1	630	—	8741
Итого	55	68 139	—	961 017
Добавочные общие суммы:				
На армию	—	—	—	21 122
« гарнизон	—	—	—	38 983
Всего: полков	126	164 306	56318	4 000 000
батальонов	2	—	—	—
эскадронов	1	—	—	—

К этому общему числу регулярной армии, 164 306 человек, следует прибавить еще два гвардейских полка, состоявших из 5012 человек и 4526 артиллерийских чинов, на содержание которых отпускалось особо по 456 207 р. в год.

В иррегулярном войске, состоявшем из казаков малороссийских, донских, яицких, терских, гребенских и чугуевских, считалось около 100 000 человек.

Флот заключал в себе 48 линейных кораблей, 787 галер и других мелких судов и 28 000 морских чинов.

[16] В 1700 г. после поражения под Нарвою, показавшего, в каком плохом положении находилась наша артиллерия, и плена генерал-фельдцейхмейстера, царевича Александра Имеретинского, Петр Великий поручил эту должность одному из самых образованнейших иностранцев, служивших в то время в русской армии,— генерал-майору Якову Вилимовичу Брюсу, впоследствии графу и генерал-фельдмаршалу. При всеобъемлющей деятельности Петра Брюс был только исполнителем или, вернее, дополнителем артиллерийских нововведений государя; однако, несмотря на такую, по-видимому, второстепенную роль, ему удалось составить себе почетное имя в истории русской артиллерии. Брюс не был ни изобретателем, ни даже отличным практиком в артиллерийском искусстве; но зато знал его научно и основательно и потому принес большую пользу делу, которым, вдобавок, занимался весьма усердно.

В течение двадцатидвухлетнего фельдцейхмейстерства Брюса в артиллерийском деле были сделаны, между прочим, следующие важные преобразования: введено единообразие в изготовлении орудий, для которых принято малое число калибров; устроены новые лафеты, придавшие орудиям подвижность; сформирован артиллерийский полк, соединивший артиллеристов и орудия в одну цельную и правильную группу; улучшено преподавание в существовавших в Москве школах Артиллерийского приказа и заведены новые подобные же школы в Петербурге; устроены новые пороховые заводы в Петербурге и Сестрорецке и арсеналы для литья медных орудий в Петербурге и Казани.

[17] По мирному трактату, заключенному в г. Ништадте 10 сентября 1721 г., Швеция навсегда уступила России: Ингерманландию, Карелию, часть Финляндии с городами Выборгом и Кексгольмом, Эстляндию, Лифляндию и все острова, лежащие в Финском заливе на восток от границ

Курляндии, как то: Эзель, Даго, Мен и др. Со своей стороны Россия возвратила Швеции остальные части Финляндии, занятые русскими войсками, и обязалась уплатить, в определенные сроки, 2 млн руб.

[18] Взятие в 1702 г. Нотебурга, переименованного потом в Шлиссельбург (Ключ-город.) было первым важным успехом Петра Великого в войне со шведами. Овладение этой крепостью представлялось тем более необходимым, что, построенная у истока Невы, она совершенно запирала вход в реку из Ладожского озера. Гарнизон Нотебурга состоял всего из 450 человек, но крепость имела 142 орудия и, находясь на острове, была обеспечена от внезапной атаки открытою силою.

Петр сосредоточил у Нотебурга довольно значительные силы, около 13 000 человек, и сам управлял осадой. Две недели батареи наши громили крепость с обеих берегов Невы и разрушили верхние части башен и стен, но не могли сделать удобовсходимых проломов. Между тем от неумеренно частой стрельбы значительная часть орудий пришла уже в негодность и начал сказываться недостаток в снарядах; поэтому на военном совете было решено штурмовать крепость с помощью лестниц. Штурм назначен на 11 октября. Вызванные накануне из всех полков охотники были распределены на суда, стоявшие на Ладожском озере в полной готовности двинуться к крепости. Ночью в ней произошел пожар. Обстоятельство это казалось благоприятным для успеха, и, перед рассветом, по трем сигнальным залпам, все суда устремились к стенам Нотебурга. Шведский гарнизон, уменьшившийся от ежедневных потерь до 300 человек, мужественно встретил и отбил это первое нападение, но оно тотчас же было возобновлено гвардейским отрядом, под начальством подполковника Семеновского полка князя Голицына, впоследствии известного фельдмаршала. Под градом картечи, ядер и ручных гранат гвардейцы пристали к острову у подошвы проломов и начали приставлять лестницы для штурма. Лестницы эти оказались короткими на полторы сажени. Однако гвардейцы, одушевляемые Голицыным, не отступили; стесненные у проломов, между подошвою стены и рекою, они в течение нескольких часов выдерживали ужасный огонь гарнизона и напрасно истощали усилия взойти на стены. Видя огромную потерю, которой подвергались войска, государь послал к Голицыну офице-

ра, с приказанием отступить, но офицер в тесноте не мог добраться до него. Существует даже, впрочем, малодостоверный рассказ, будто Голицын получил это приказание, но не исполнил его, а отвечал посланному: «Скажи царю, что теперь я уже не его, а Божий». Как бы то ни было, Голицын не только не отступил, но приказал оттолкнуть от острова все суда и таким образом поставил свои войска в необходимость выбирать смерть или победу. В это же время Меншиков подвел к берегу свежие войска и готовился переправить их на подкрепление штурмующим. Такая необычайная настойчивость русских поколебала твердость гарнизона; комендант приказал ударить сдачу. Крепость сдалась на условии, по которому гарнизон отпущен с оружием, 4 пушками и распущенными знаменами. Все русские войска выстроились, чтобы отдать честь храбрым: их было только 83 здоровых и 160 раненых — остальные пали во время осады и штурма. Наши войска потеряли 500 человек убитыми и 1000 ранеными. Штурм продолжался 13 часов.

[19] Биографические сведения об Остермане и отзывы о нем короля прусского Фридриха II, герцога де Лириа, английского резидента Рондо и его жены и Манштейна, приведены нами в 1-м томе «Записок иностранцев о России в XVIII столетии» (Письма леди Рондо) на с. 112, 113, 200, 201, 223, 227, 240 и 241.

[20] Мы не имеем верных сведений о государственных доходах при Петре Великом. По расчету, сделанному в 1710 г., они простирались только до 3134000 рублей, а в 1725 г. их уже было, по русским источникам — 10 186 707 руб., а по иностранным — 7 759 833 руб.

Несмотря на увеличение доходов и всю бережливость Петра, финансы, в конце его царствования, находились не в удовлетворительном положении. Для поддержания их Петр, действительно, не прибегал к займам, но принимал чрезвычайные меры, перед которыми, обыкновенно, никогда не останавливался.

Так, одним из указов в феврале 1723 г. повелевалось: «Для настоящей нужды в деньгах давать приказным людям и им подобным на жалованье, вместо денег, сибирскими и прочими казенными товарами, кроме служивых людей и мастеровых». Вслед за тем был издан новый указ следующего содержания: «Когда придет какая нужда в деньгах на какое дело необходимое, искать способу отколь

оную сумму взять; а когда никакого способу не найдется, тогда нужды ради разложить оную сумму на всех чинов государства, которые жалованье получают, духовных и мирских, кроме призванных в службу нашу чужестранных мастеровых, также унтер-офицеров и рядовых и морских нижних служителей, с рубля, почему доведется из жалованья, дабы никто особливо не был обижен, но общее бы лишение для той нужды все понесли, а вырывом не чинили». Наконец, в апреле того же года состоялся новый указ, которым, по случаю «оскудения к деньгах», неурожая и ожидаемой войны с турками, повелевалось: вычесть из жалованья у всех четвертую часть, удержать хлебное жалованье, давать половинные рационы генералитету и офицерам, прибавить на горячее вино по десяти копеек на ведро, а на французское вино акциз и возвысить цену на гербовую бумагу.

[21] Биографические сведения о Головкине и отзыв о нем герцога де Лириа и английского резидента Рондо можно найти в 1-м томе «Записок иностранцев о России в XVIII столетии» (Письма леди Рондо) на с. 218—221, 216, 237 и 238.

[22] 20 октября 1721 г., за два дня до церковного торжества, назначенного по случаю заключения Ништадтского мира, Петр приехал в Сенат и объявил, что в знак благодарности за Божию милость дает прощение всем осужденным преступникам, освобождает государственных должников и слагает недоимки, скопившиеся с 1718 г.

22-го числа Петр находился со всеми вельможами у обедни в Троицком соборе. По окончании литургии был прочитан мирный договор; архиепископ Новгородский, Феофан Прокопович, в красноречивой проповеди описал все знаменитые дела царя, за которые он достоин называться Отцом Отечества, Императором и Великим. Затем к государю подошли сенаторы и канцлер, граф Головкин, произнес следующую речь:

«Вашего царского величества славные и мужественные воинские и политические дела, через которые токмо единые вашими неусыпными трудами и руковождением, мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены: и того ради како мы возможем за то и за насто-

ящее исходатайствование толь славного и полезного мира по достоинству возблагодарить? Однако ж, да не явимся тщи в зазор всему свету, дерзаем мы, именем всего всероссийского государства подданных вашего величества всех чинов народа, всеподданнейше молити, да благоволите от нас в знак малого нашего признания толиких отеческих нам и всему нашему отечеству показанных благодеяний, титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского приняти. Виват, виват, виват, Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский!»

Сенаторы три раза прокричали: виват! За ними повторил этот крик весь народ, стоявший внутри и вне церкви, раздался колокольный звон, звуки труб, литавр и барабанов, пушечная и ружейная стрельба.

Петр отвечал: «Желаю весьма народу российскому узнать истинное действие Божие к пользе нашей в прошедшей войне и в заключении настоящего мира. Должно всеми силами благодарить Бога, но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии греческой. Надлежит стараться о пользе общей, являемой Богом нам очевидно внутри и вне, от чего народ получит облегчение».

[23] Гетманское достоинство не было уничтожено Петром Великим. После измены Мазепы гетманом был избран, в 1709 г., Скоропадский, но государь ограничил его власть, назначив в помощь к нему для управления малороссийскими делами «с общего с ним согласия» ближнего стольника Измайлова. В 1722 г. «для прекращения,— как говорилось в указе,— возникшего в малороссийских судах и войске беспорядка» Петр повелел учредить при гетмане «малороссийскую коллегию», состоявшую из шести штаб-офицеров украинских гарнизонов, под председательством бригадира Вельяминова. После смерти, в том же году, Скоропадского Петр, под разными предлогами, отдалял избрание нового гетмана, которое состоялось лишь по вступлении на престол Петра II, причем Малороссийская коллегия была упразднена и гетманская власть восстановлена в прежнем виде.

[24] Сенат был учрежден 2 марта 1711 г., первоначально лишь временно, для управления государством в отсутствие государя из столицы. Он сделался учреждением постоянным, как высший орган верховной власти, только с 1718 г.

Сенат имел высший надзор за ходом всех дел в империи, и все присутственные места и должностные лица были обязаны повиноваться указам его, как указам самого императора. Власть Сената, особенно судебная, была почти неограниченная, и апеллировать на решение его государю строго воспрещалось, «понеже,— как говорил Указ 22 декабря 1718 г.,— тот вышний Сенат от Царского Величества поверенным есть и в особах честных и знатных состоит, которым не токмо челобитчиковы дела, но и правление государства поверено есть, и кто дерзнет о чем Его Величеству бить на него челом, и тот смертному осуждению будет повинен».

[25] Улучшения, введенные Петром Великим в устройстве полиции, заключались в том, что в 1718 г. была учреждена должность генерал-полицеймейстера, как главного начальника полиции в Петербурге и во всей империи; но ни один указ не определял точным образом ни степени власти, ни обязанностей его, по отношению к полиции других провинций, которая в городах была непосредственно подчинена комендантам, магистратам и старостам, а в уездах — губернаторам, воеводам и земским комиссарам. Кроме того, в главных городах жителям было велено избирать уличных надзирателей, под начальством которых находились надсмотрщики за каждым десятком домов, а из городских обывателей, достигших двадцатилетнего возраста, устроена стража, для охранения спокойствия и порядка в городе.

Должности генерал-прокурора в Сенате и прокуроров в коллегиях были учреждены в 1722 г. (См. примеч. 29).

[26] Коллегии были учреждены в 1718 г., но так как каждая из них должна была прежде составить для себя регламент, по образцу шведского устава, то деятельность их началась не ранее 1719 г. Всех коллегий при Петре Великом было девять: 1) Юстиц-коллегия — заведовавшая делами судными и розыскными; 2) Вотчинная коллегия — делами поместными и вотчинными; 3) Военная коллегия — делами военными; 4) Адмиралтейств-коллегия — флотом и делами по его управлению; 5) Камер-коллегия — государственными доходами; 6) Штатс-контор-коллегия — государственными расходами; 7) Ревизион-коллегия, как дополнение к двум предыдущим, занимавшаяся поверкою государственных доходов и расходов; 8) Коммерц-коллегия, на обязанности которой лежали все заботы о внутренней и внешней

торговле и 9) Берг-и-мануфактур-коллегия — ведавшая фабричную и мануфактурную промышленность и горное дело.

Миних ошибается, говоря, что Сибирский приказ был учрежден Петром Великим. Первоначально высшее управление Сибирью принадлежало Посольскому приказу, а потом в 1599 г. было предоставлено Казанскому дворцу; с 1637 г. в записных книгах уже значится Сибирский приказ, как особое место для заведования делами Сибири, куда поступали все дела, которые не могли быть решены сибирскими воеводами. Приказ этот был упразднен в 1763 г.

[27] Решившись учредить новую форму церковного правления, Петр поручил Феофану Прокоповичу, тогда еще епископу Псковскому, составить устав духовной коллегии, который в 1719 г. и был им написан под заглавием: «Духовный регламент».

В феврале 1720 г. государь сам рассматривал «Регламент», исправлял и пополнял его, затем отдал на рассмотрение Сенату с духовенством, которыми он дважды был читан и в некоторых местах объяснен новыми примечаниями, наконец подписан епископами, архимандритами и сенаторами, бывшими при слушании, и в заключение самим государем. После того «Регламент» был послан в Москву и другие города, для подписи не присутствовавшим при чтении духовным особам и, по окончании всего, издан в свет.

Главное побуждение к учреждению Духовной коллегии заключалось в том, что церковь, при патриаршем управлении, была независимою от государства и лицо патриарха как бы равнялось лицу государеву. Такие отношения казались Петру неправильными и небезопасными, и потому он решился ввести церковь в общий порядок государственной жизни и подчинить ее общей системе государственного управления как одну из ее ветвей. Звание патриаршее уничтожалось само собою. Члены Духовной коллегии, исключая особенный род подлежавших ведению их дел, становились такими же начальниками в своем ведомстве, как другие — в своих управлениях, даже с теми же названиями: президента, вице-президентов, советников и асессоров, как и в прочих коллегиях. Вместе с этим, церковь и духовенство становились в общую подсудность государству по всем своим делам и интересам, исключая церковных догматов и канонов. Члены Духовной коллегии должны

были, вступая в эту должность, кроме общей присяги по церковному званию, приносить общую присягу на верность государю, по званию членов коллегии.

Мы не понимаем, в каком смысле Миних называет Петра Великого первым президентом Синода. На эту должность был назначен бывший местоблюститель патриаршего престола, митрополит Рязанский, Стефан Яворский.

[28] В 1716 г. Петр Великий, по соглашению с королем датским, решился предпринять высадку на берега Швеции и с 26 000 русских войск прибыл в Зеландию, чтобы вместе с датскими войсками сесть там на суда. Близ Копенгагена находились в то время эскадры английская и голландская, пришедшие для защиты торговли на Балтийском море и для конвоирования 250 купеческих кораблей, которые опасались плыть без прикрытия. К эскадрам этим присоединились флоты датский и русский. По случаю спора о старшинстве, возникшем между английским и датским адмиралами, царю было предложено главное начальство над соединенным флотом, состоявшим из 92 военных судов, не считая русских галер. 5 августа Петр поднял свой флаг на корабле «Ингерманланд» и с армадою, заключавшею в себе до 400 разных судов, поплыл к Борнгольму, где надеялся найти шведский флот, но последний поспешил укрыться в крепость Карлскрона.

Недоверчивость датского короля, двуличная политика его министров и наступившая затем бурная осень сделали эту морскую кампанию бесплодною и побудили Петра возвратиться в Россию и отозвать из Дании свои войска.

[29] Старая русская администрация, основанная на личном начале, не имела перерывов между верховною властью и учреждениями. Составленная вся из лиц, начиная от царя и оканчивая судьями приказа, она представляла однородную массу без пробелов. Боярская дума тесно сливалась с особою царя, приказные судьи с Боярскою думою, воеводы с приказами — везде одно и то же начало, одна и та же организация. Совсем другое явление представляла та же администрация, перелитая Петром Великим в форму коллегий, которые не могли уже составить бесформенной массы русского управления; напротив, здесь это слияние вредило бы духу независимости и беспристрастия. Особенно сильно чувствовался такой пробел между Сенатом и верховною властью. Сенат имел больше полномочий, не-

жели Боярская дума: он действовал именем государя, его окончательному решению подлежали почти все государственные дела, а между тем он отстоял от царя гораздо дальше, чем Боярская дума, тесно связанная с лицом монарха, при котором имела лишь совещательный голос. Связь между монархом и Сенатом существовала до тех пор, пока император лично председательствовал в Сенате; но когда война отвлекала Петра от мирных занятий и он переставал присутствовать в Сенате как самостоятельном учреждении, имевшем силу в самом себе, то связь между ними уничтожалась. Сенату была приказана вся империя и все дела; для подданных он составлял последнюю инстанцию, для чиновников — последнее учреждение, но что же оставалось между ним и верховною властью?

Такое неудобство скоро было сознано Петром. Видя в заимствованном от иностранцев коллегиальном устройстве средство уничтожить личный произвол и хаотическое состояние администрации, он нашел в личном начале средство удержать вполне прежнюю связь и единство верховной власти с учреждениями. В сущности, Петр не отставал от него в течение всего своего царствования: дела, требовавшие особенного его внимания и касавшиеся важнейших государственных вопросов, в данную минуту, поручались им доверенным лицам мимо установлений. Некоторые из его любимцев достигали в этом отношении большой самостоятельности, и иногда отдельные части империи состояли под особым управлением лиц, непосредственно доносившим обо всем государю. Обыкновенно, высший надзор за делами в государстве поручался особенно близкому лицу, имевшему вследствие этого обширное влияние на всю администрацию. По необходимости приходилось отвести личному началу определенное место в ряду государственных учреждений. Но в большинстве случаев лица, которые, по поручению Петра, заведовали тою или другою частью, не входившею в состав коллегиального, сенатского управления, под конец не оправдали доверия монарха. Так, Меншиков едва избежал ссылки, а Шафиров — плахи. Для преобразователя стало ясно, что одновременное развитие коллегиального и личного начала, отдельно одно от другого, невозможно без ущерба государственной пользе. В то же время он видел, что нельзя обойтись без него в России, где исключительно коллегиальное устройство поведет к значительному пробелу между административными

установлениями и самодержавной властью. Высокий практический смысл его нашел исход из этого затруднительного положения. Он решил соединить то и другое начало в одно целое, обусловить их развитие и влияние одно другим, слить их в одно прочное незыблемое учреждение, где правильность и независимость коллегиального устройства была бы соединена с быстротою и гибкостью единоличного состава, где лица входили бы, однако, лишь как дополнение коллегии, составляющей основной тип всего устройства. Лучшим к этому средством он считал обставить высшее правительственное место такими личными должностями, которые усиливали бы в нем быстроту действий, не уменьшая основательности и независимости обсуждения. Так, незадолго до окончательного установления должности генерал-прокурора, Сенату были приданы рекетмейстер и герольдмейстер, из которых один давал ему возможность ускорять и поверять движение правосудия, а другой — возможность окончательно объединить служивое сословие для государственных целей. Учреждение генерал-прокурора было последним шагом на этом пути. Он учреждался уже не для специальных целей, подобно рекетмейстеру и герольдмейстеру, но для всех государственных дел. Сенат был коллегией, а генерал-прокурор лицом, сосредоточившим в себе всю тогдашнюю администрацию. На их совокупной деятельности Петр и основал с тех пор всю систему управления.

[30] Меншиков, хотя плохо, но умел и читать, и писать. В Государственном архиве сохранились две собственноручные расписки его, 1702 и 1704 гг., в получении жалованья.

[31] Биографические сведения о Ягужинском и противоречивые отзывы о нем герцога де Лириа, английского резидента Рондо и его жены, приведены нами в 1-м томе «Записок иностранцев о России в XVIII столетии» (Письма леди Рондо) на с. 175, 227, 241—243.

[32] Деятельность Ягужинского, как первого генерал-прокурора, независимо от выполнения им официальных его обязанностей, к сожалению, малоизвестна, но можно, впрочем, с достоверностью предположить, что, занимая столь важный пост, он оправдал доверие Петра, милостями и расположением которого не переставал пользоваться до самой его кончины.

[33] Построение Кронштадта, флота и Петербурга, беспрерывные войны вблизи последнего, старание Петра сосредоточить в нем всю внешнюю торговлю России вызвали огромное движение провианта и товаров к новой столице. Ряд указов, то освобождающих от различных сборов и дающих всякие льготы поставщикам провианта, то определяющих жестокие наказания за недоставку его в срок, показывают, в какой степени подвоз грузов был затруднителен и как часто жители Петербурга терпели недостаток в съестных припасах и даже голод. Просматривая эти указы о подрядах на поставку провианта, легко заметить, что Петр предпочитал водяной путь всем другим, хотя тогдашнее судоходство находилось еще в младенческом состоянии и встречало бесчисленные препятствия на первобытных реках. Ему принадлежит первая мысль и даже начало построения почти всех главных водяных путей России, имевших такое громадное влияние на ее судьбы.

После соединения бассейна Невы с бассейном Волги, прорытием Тверецкого канала (т. е. нынешней Вышневолоцкой системы), главною заботою Петра сделалось проведение такого искусственного пути, следуя по которому барки переходили бы из Волхова прямо в Неву, минуя опасное Ладожское озеро, ежегодно поглощавшее в своих бурных волнах около трети проходивших по нему судов. 1718 г. был особенно несчастлив для судоходства,— более тысячи барок погибло на озере; это обстоятельство побудило Петра тотчас же приняться за гигантское для того времени предприятие — обогнуть озеро каналом с лишком в сто верст длиною. Он лично составил план нового канала, сделавшегося с этих пор любимой его мыслью. Работы начались в 1719 г. и главным директором их был назначен бригадир Скорняков-Писарев; но выбор этот оказался весьма неудачным. Писарев, совершенный невежда в инженерном деле и притом же человек в высшей степени корыстолюбивый, наделал множество непростительных ошибок и постоянно обманывал государя. По возвращении из Персидского похода Петр подробно осмотрел произведенные Писаревым работы, увидел все допущенные им беспорядки и злоупотребления, отдал под суд его самого и его помощников, а дальнейшее строение канала поручил принятому незадолго перед тем в русскую службу Миниху. Несмотря на беспрерывно возникавшие со всех сторон затруднения и препятствия, Миних с необыкновен-

ною настойчивостью и знанием дела продолжал работы. К 1730 г. канал был совершенно прокопан до Шлиссельбурга, а 19 марта 1731 г. открыт для судоходства именным указом императрицы Анны Ивановны.

[34] Письмо это (напечатанное в статье инженер-подполковника Казнакова «Описание Ладожскаго канала». Журн. Гл. упр. путей сообщ. 1856, № 3) было следующего содержания:

«Господин генерал-лейтенант!

С немалым удовольствием видели мы опыты искусства вашего, весьма довольны неусыпными трудами, которые вы в них полагаете.

Что касается до укрепления берегов канальных, то имеете оное продолжать как вами начато, по приложенному при сем чертежу, т. е. не перпендикулярно, но противу земляной стороны с отлогостью на 18 градусов. Прочее к сему важному строению принадлежащее полагаем мы на ваше благорассуждение.

Петр».

[35] Профессор В. Рихтер в своей (теперь весьма редкой) «Истории медицины в России» (Москва. 1820. Ч. 3. С. 90), следующим образом описывает болезнь Петра Великого:

«Еще зимою 1723 г. монарх страдал затруднением в моче (strangurie), но легко и неопасно. Летом 1724 г. сия болезнь возвратилась с великою болью и превратилась в совершенное задержание (ischuria). Доктор Лаврентий Блументрост пользовал больного и для совета вызвал из Москвы славного Николая Бидло. При усиливающейся боли оператор, англичанин Вильгельм Горн, вкладывал катетер, хотя и безуспешно. Между тем в сентябре месяце император несколько оправился, и все ожидали совершенного выздоровления. Монарх, почитая себя совершенно здоровым, предпринял без ведома и согласия врача своего морское путешествие в Шлиссельбург, потом в Систербек и пристал к Лахте, маленькой деревне, лежащей при Финском заливе, недалеко от резиденции. Случайно в тот самый день бот, на коем сидели солдаты и матросы, вышел из Кронштадта, опрокинулся и сел на мель. Так как нельзя было вдруг свезти бот, то для спасения погибающих явился сам император и, одушевляемый пламенной любовью ко благу человечества, соскочил из шлюпки своей в воду и таким образом будучи в сие холодное время в воде по

пояс, содействовал ревностью своей спасению жизни более нежели двадцати человекам. Но сей поступок имел весьма вредное влияние на здоровье его, и, по возвращении его в Петербург, прежний недуг возобновился. Сие продолжалось с некоторою переменою до декабря (1724 г.), иногда боль утихала, так что Петр I мог присутствовать лично в праздник Крещения 6 января 1725 г. В праздник сей от жестокого холода государь простудился снова, и от сего времени час от часу становилось хуже, особенно с 16 января так он сделался безнадежен, что лейб-медик его Блументрост почел за лучшее, сочинив описание болезни, послать оное к двум известным и знаменитейшим врачам в Европе, Герману Боергаве в Лейден и Ернсту Шталю в Берлин, испрашивая их совета. С таковым же намерением собрал он всех находившихся в Петербурге врачей, но без всякого успеха. Монарх успокоился от дел своих и скончался 28 января. Боергаве, который готовился писать ответ, в сию же самую ночь получил горестное известие о кончине, а Шталь, который решился сам отправиться в Петербург, прибыл туда уже гораздо после смерти императора. При вскрытии тела, приметна была затверделость в мышце мочевого пузыря (colla visicae) и антонов огонь.

Рассматривая глазами врача, беспристрастно, ход, периодическое возвращение и окончание смертельной болезни императора, оказывается, без всякого сомнения, что, кроме обыкновенного расположения его к затруднению мочи в последних годах жизни, простуда при Лахте, в октябре, которая возобновилась еще 6 января, была особенною причиною последней болезни императора. Сначала была она обыкновенным затруднением мочи (stranguria), потом изменилась в воспалительное задержание (ischuria inflamatoria) и, напоследок, имела следствием своим местное расстройство около мочевого пузыря, ибо при рассечении найденная затверделость и уничтожение через антонов огонь сих частей должны быть непосредственным действием долго задержанного и по разным случаям возобновленного воспаления и не могли быть первоначальною причиною болезни. Может быть, что и катетеризм, с великою болью и почти без всякой пользы поставляемый, произвел сие воспаление. Натура и изыскание причины сего странного и болезненного недуга, положившего предел жизни монарха, величайшего в мире, так ясно сами собою выражаются, что совсем нет никакой нужды для объясне-

ния оных прибегать к другим мнимым причинам, как то делают некоторые историки сего монарха».

[36] Карл-Фридрих, герцог Шлезвиг-Голштейн-Готорпский, сын герцога Фридриха IV, от брака его со старшей сестрой шведского короля Карла XII, родился в 1700 г. в Киле. На основании коренных шведских законов, он считался прямым наследником Карла XII, но когда последний был убит, в 1718 г., под стенами Фридрихсгаля, то шведские государственные чины, стремясь ограничить монархическое правление, устранили Карла-Фридриха от престола и избрали королевой младшую сестру Карла XII, Ульрику-Элеонору, которая при этом отреклась от всех прерогатив королевской власти. В то же время Дания отняла у молодого герцога Шлезвиг и принудила его искать покровительства России. В 1722 г. Карл-Фридрих прибыл в Петербург и присватался к старшей дочери Петра Великого, цесаревне Анне Петровне. Хотя такой союз и входил в расчеты Петра, но, по разным политическим соображениям, он только незадолго до своей кончины мог дать официальное согласие на этот брак, который и совершился 21 мая 1725 г. В царствование Екатерины I герцог оставался в России и приобрел было некоторое значение и влияние на дела государственные, но, по вступлении на престол Петра II, в 1727 г., был вынужден князем Меншиковым возвратиться в Голштинию. Здесь Анна Петровна, разрешившись от бремени сыном, впоследствии императором Петром III, скончалась в 1728 г. Горестные воспоминания о преждевременной кончине любимой жены, безнадежность видов на шведскую корону и враждебные отношения к Дании, поддерживаемые настояниями о возвращении Шлезвига, потрясли здоровье Карла-Фридриха и в 1730 г. свели его в могилу.

[37] Рассказ Миниха об избрании на престол Екатерины I противоречит рассказам лиц, принимавших непосредственное участие в этом событии, например, графа Бассевича (Записки о России. М., 1866. С. 172—181) и Феофана Прокоповича (Повесть о смерти Петра Великого. СПб., 1831. С. 15—18).

[38] В записках графа Бассевича (М., 1866. С. 26 и 27) находятся не лишенные интереса сведения о том нравственном влиянии, которое Екатерина имела на Петра Великого.

«Государыня эта,— говорит Бассевич,— в виду всех, имела огромное влияние на душу своего супруга. Впрочем, и над его чувствами она имела также власть, производившую почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхолии, когда им овладевала мрачная мысль, что хотят посягнуть на его особу. Самые приближенные к нему люди должны были трепетать тогда его гнева. Припадки эти были несчастным следствием яда, которым хотела отравить его властолюбивая его сестра София. Появление их узнавали у него по известным судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его, потом сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, и он засыпал в несколько минут. Чтоб не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжение двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем прежде, нежели она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, несколько несчастий и всегда сопровождались страшною головною болью, которая продолжалась целые дни».

[39] Известно, что при обсуждении вопроса о престолонаследии, после кончины Петра Великого, вельможи разделились на две партии. Сторону великого князя Петра Алексеевича держали: старинная русская знать, видевшая в нем единственного законного наследника, рожденного от достойного царской крови брака; все те, на чью приверженность надеялся и несчастный отец его; наконец, все противники новых порядков, которые рассчитывали, пользуясь малолетством государя, захватить в свои руки власть и отстранить толпу «новой знати», созданной Петром Великим и в главе ее ненавистного всем Меншикова. За Екатерину были: все «птенцы» покойного императора, люди, выдвинутые им за их способности из ничтожества на первый план, и гвардия, привыкшая постоянно видеть императрицу в своих рядах и питавшая к ней искреннюю приверженность. Сторонники Петра были, большею частью, люди второстепенные и по своему положению, и по своим личным качествам, тогда как противники их отличались своими дарованиями, занимали важнейшие места в

государстве и располагали всеми средствами для борьбы. Силы борцов были, во всех отношениях, неравны, и потому сторонники Екатерины легко одержали победу.

[40] Несмотря на вражду всесильного Меншикова, герцог Голштинский до самой кончины Екатерины продолжал пользоваться ее расположением, а потому уверение Миниха, будто герцогу и герцогине был воспрещен доступ к императрице, едва ли основательно.

[41] В 1727 г., при ссылке Меншикова, у него было конфисковано: 90 000 душ крестьян; города: Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп и Батурин; 4 000 000 тогдашних рублей наличною монетою; капиталов в лондонском и амстердамском банках на 9 000 000 руб.; бриллиантов и разных драгоценных вещей на 1 000 000; золотой и серебряной посуды более 200 пудов.

[42] Князь Александр Александрович Меншиков родился в 1714 г. Одиннадцати лет от рождения, он уже был действительным камергером и прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка, а 5 февраля 1727 г. получил ордена Св. Екатерины и прусский Черного Орла. При вступлении на престол Петра II, молодой Меншиков был сделан обер-камергером и кавалером орденов Св. Александра Невского и Андрея Первозванного. Родные прочили его в женихи сестре императора, великой княжне Наталье Алексеевне; но внезапное падение отца изменило судьбу князя Александра Александровича. В 1727 г. он, вместе с другими членами своей фамилии, был лишен чинов, орденов и званий и сослан в Березов. Императрица Анна Ивановна возвратила ему, в 1730 г., свободу и княжеский титул и пожаловала чином поручика гвардии. В царствование Елисаветы Петровны, князь Александр Александрович получил, в 1753 г., чин генерал-майора, а в 1757 г., за отличную храбрость, оказанную во время кампании против Пруссии, награжден чином генерал-лейтенанта и вторично александровским орденом. При восшествии на престол Екатерины II, в 1762 г., он был произведен в генерал-аншефы и через два года скончался в Москве.

[43] У князя Меншикова были две дочери: княжна Мария Александровна, родившаяся в 1711 г. и обрученная в 1727 г. сперва с польским графом Сапегой, а потом с импе-

ратором Петром II, и княжна Александра Александровна, родившаяся в 1712 г. Обе дочери последовали за отцом в ссылку, в Березов, где княжна Мария скончалась в 1729 г., а княжна Александра, возвращенная императрицей Анной Ивановной, была выдана ею замуж за генерала Густава Бирона, брата фаворита, и в 1737 г. умерла от родов.

[44] Граф Ян Сапега, староста бобруйский, принадлежал к числу богатейших и влиятельнейших польских магнатов. Меншиков, мечтая о герцогстве Курляндском, уже давно вел переговоры о браке своей старшей дочери, княжны Марии Александровны, с единственным сыном Сапеги, графом Петром, надеясь посредством этого союза составить себе сильную партию в Польше. В 1726 г. молодой Сапега был торжественно помолвлен, в присутствии императрицы и всего двора, с княжной Марией, причем получил звание действительного камергера, а отец его — чин генерал-фельдмаршала и орден Андрея Первозванного. Однако брак его с дочерью Меншикова не состоялся. Обратив на себя внимание Екатерины своею красотою и ловкостью, Сапега сделался сперва ее фаворитом, а потом, по желанию императрицы, женился на родной ее племяннице, графине Софье Карловне Скавронской, за которой государыня дала в приданое семьдесят тысяч рублей денег и богатые поместья в России и Ливонии. Вскоре после свадьбы граф Петр Сапега уехал в Польшу, где и умер в 1771 г.

[45] Могущественное влияние, которое Россия, благодаря Петру Великому, приобрела на судьбу соседних держав, заставляло их заботливо следить за внутренними переменами в ней и беспокоиться разрешением вопроса о том, кто будет преемником Екатерины. Вопрос этот был особенно важен для Дании, которой вступление на русский престол герцогини Голштинской, Анны Петровны, грозило войною за отнятый у Голштинии Шлезвиг. Датский посланник в Петербурге, Вестфален, более всех хлопотал о назначении преемником императрицы великого князя Петра Алексеевича. Для достижения этой цели он придумал отнять у партии, враждебной Петру, ее главу — Меншикова и заставить его действовать в пользу Петра. Так как интересы датского двора относительно престолонаследия в России были тождественны с интересами австрийского императора, то Вестфален обратился к цесарскому посланнику, графу Рабутину, с предложением привлечь Меншикова

на сторону великого князя, указанием блестящей будущности, которая ожидает его при Петре, если он выдаст за него свою дочь. Рабутин, пользовавшийся доверием и влиянием при русском дворе, усердно принялся за осуществление этого плана и обещал Меншикову со стороны цесаря первый фьеф, какой только сделается вакантным в империи. Меншиков, разумеется, с радостью согласился на такое предложение и успел выпросить у Екатерины согласие на брак великого князя со своею дочерью, ссылаясь на то, что императрица отняла у нее жениха — графа Сапегу. Некоторые иностранные министры объясняли согласие Екатерины упадком ее нравственных сил, но вероятнее всего, что императрица видела невозможность отстранить от престола великого князя в пользу одной из дочерей своих и думала, что упрочивает их положение, соединяя с будущим императором человека, на признательность которого имела право рассчитывать.

[46] Когда Екатерина находилась на смертном одре, Бассевич, видя, что положение супруги герцога Голштинского, цесаревны Анны Петровны, ничем не обеспечено, а главное, не обеспечена герцогу русская помощь для достижения его заветных целей — возвращения Шлезвига и получения шведского престола, отправился к Меншикову и начал горячо представлять ему, что обе цесаревны, Анна и Елисавета,— дети того государя, которому князь обязан всем своим счастьем,— могут остаться без ничего. Меншиков пришел, по словам Бассевича, «в умиление» и согласился, что необходимо убедить императрицу сделать духовное завещание, в котором был бы установлен порядок престолонаследия, определена выдача каждой из цесаревен по миллиону рублей и, вместе с тем, обозначено, что великий князь Петр Алексеевич должен непременно вступить в супружество с дочерью Меншикова. Бассевич тотчас же наскоро сочинил завещание, а Меншиков дал его подписать цесаревне Елисавете Петровне. При этом Бассевич обязался от имени герцога заплатить Меншикову, в виде благодарности, 80 000 р. из миллиона, назначенного в приданое герцогине. (См. «Историю России» Соловьева. Т. 19. С. 94).

[47] Духовное завещание императрицы Екатерины, которое было подписано вместо нее цесаревной Елисаветой Петровной и о котором она сама, вероятно, не имела никакого

понятия, дошло до нас в неполной копии и состояло из следующих 15 пунктов:

«1) Великий князь Петр Алексеевич имеет быть сукцессором.

2) И именно со всеми правами и прерогативами, как мы оным владели.

3) До... лет не имеет за юностью в правительство вступать.

4) Во время малолетства имеют администрацию вести наши обе цесаревны, герцог и прочие члены Верховного совета, который обще из девяти персон состоять имеет.

5) И сим иметь полную власть правительствующего самодержавного государя, токмо определения о сукцессии ни в чем не отменять.

6) Множеством голосов вершать всегда и никто один повелевать не имеет и не может.

7) Великий князь имеет в Совете присутствовать, а по окончании администрации, ни от кого никакого ответа не требовать.

8) Ежели великий князь без наследников преставится, то имеет по нем цесаревна Анна со своими десцендентами, по ней цесаревна Елисавета и ее десценденты, а потом великая княжна (т. е. сестра Петра II, Наталья Алексеевна) и ее десценденты наследовать, однако ж мужеска пола наследники пред женским предпочтены быть имеют. Однако ж никогда российским престолом владеть не может, который не греческого закона, или кто уже другую корону имеет.

9) Каждая из цесаревн, понеже от коронного наследства своего родного отца выключены, в некоторое награждение, кроме приданных 300 000 руб., и приданого один миллион рублей наличными деньгами получить и оные во время малолетства великого князя им помалу заплачены быть, которых ни от них, ни от их супругов никогда назад не требовать; також имеют они, обе цесаревны, все наши мобилии в камнях драгоценных, деньгах, серебре, уборах и экипаже, которые нам, а не короне принадлежат, у себя и у своих удержать; наши же, лежащие маетности и земли, которыми мы, пока короны и скиптра не получили, владели, имеют между нашими ближними сродниками нашей собственной фамилии через правительство администрации по праву разделены быть.

10) Пока лета администрации продолжаются, имеет каждой цесаревне, сверх прежних, по 100 000 рублев плачено быть.

11) Принцессу Елисавету имеет его любовь герцог Шлезвиг-Голштинский и бискуп любецкой в супружество получить, и даем ей наше матернее благословение; такоже имеют наши цесаревны и правительство арминистрации стараться между его любовью (т. е. великим князем Петром) и одною княжною князя Меншикова супружество учинить.

12) Его королевского высочества герцога Голштинского дело шлезвицкого возвращения и дело шведской короны по взятым обязательствам имеет накрепко исполнено и российское государство, так как и великий князь к тому обязаны быть. Что же его королевское высочество герцог здесь по сие число получал, не имеет никогда назад требовано или на счет поставлено быть.

13) Все сие имеет тотчас по смерти нашей, кроме, что до пункта его королевскому высочеству приведено принадлежащей сукцессии в Швеции касается, публиковано, присягою утверждено и твердо содержано; а кто тому противен будет, яко изменник наказан быть и римского цесаря гарантии на сие искать.

14) Фамилия между собою имеет, под опасением нашей матерней клятвы, согласно жить и пребывать и великому князю голштинского дому, пока нашей цесаревны потомство оным владеть будет, не оставлять, но по получении совершенного возраста чего еще не достанет исполнить. Напротив того, и голштинский дом и его королевское высочество, когда герцог швецкой престол получит, тоже с Россией чинить имеет.

15) Також имеет цесаревнам, когда они отсюда поедут, свободный транспорт позволен быть, також и на голштинское посольство, способной и от всяких тягостей и судебного принуждения уволенный, дом из государственной казны куплен быть».

Таким образом, духовным завещанием Екатерины отменялся закон Петра Великого о праве царствующего государя назначать себе преемника и устанавливался новый порядок престолонаследия. Но порядок этот был нарушен тотчас же по кончине Петра II, и самое духовное завещание исчезло бесследно. Есть основания предполагать, что оно было уничтожено императрицею Анной Ивановной.

В экстракте из следственного дела над графом Остерманом, представленном в 1742 г. императрице Елисавете Петровне, записано следующее показание его относительно духовной Екатерины: «учиненная де блаженные и вечнодостойные памяти от государыни императрицы Екатерины Алексеевны духовная была у князя Меншикова и в Верховном тайном совете, но где девалась и ныне имеется, того он, Остерман, не помнит; но думает, не ухожена ль она от князя Меншикова, ежели ж бы де ему о том кто-нибудь какие обстоятельства напомнил или б объявил, то он без наималейшей утайки, по самой истинной, объявить не оставит. А во втором ответе он же, Остерман, о той духовной показал, что оная имелась в Верховном ли тайном совете или у князя Меншикова, того де он не знает, только у него в руках не была. А потом, когда учиненным на вышеписанное его Остерманово показательство вопросным пунктом ему объявлено, что имеется подлинная руки покойного канцлера графа Головкина записка, что оная духовная взнесена к ее императорскому величеству государыне Анне Ивановне и спрашиван: для чего о том в первом своем допросе не показал, где оная духовная имеется? На что он, Остерман, показал, что утверждается в том на прежних своих допросах и кем оная духовная к ее императорскому величеству государыне Анне Ивановне отнесена, того де он не слыхал, токмо по тогдашним обстоятельствам всегда рассуждал, что оная духовная государыне императрице Анне Ивановне конечно вручена; а более того об оной духовной и где девалась, никаких обстоятельств объявить не может».

[48] Обручение Петра II с княжною Мариею Александровною Меншиковой совершилось уже после кончины императрицы Екатерины, именно 25 мая 1727 г., причем нареченной невесте был назначен особый придворный штат, с ежегодным содержанием в 34 000 руб.

[49] Сущность договора, заключенного между Россией и Австрией в Вене, 6 августа 1726 г., состояла в следующем:

Император австрийский приступил к союзу, заключенному между Россией и Швецией в 1724 г., а русская государыня приступила к мирному трактату, заключенному между Испанией и Австрией в 1725 г., вследствие чего приняла на себя гарантию всех государств и провинций, находящихся в цесарском владении, так что, если кто на-

падет на цесаря, по причине заключенного им договора с Испанией, или по какой-нибудь другой причине, то русская государыня подает ему помощь и, в случае нужды, объявляет войну нападчику и не заключает с ним мира, пока цесарь не получит удовлетворения. Цесарь, со своей стороны, принял на себя гарантию всех государств и областей, находящихся во владении русской императрицы в Европе, с тем, что если кто нападет на нее, по какой бы то ни было причине, то обязуется подать помощь и, в случае нужды, объявить наступательную войну, и не заключать мира, пока Россия не получит удовлетворения. Договаривающиеся державы обязались не давать убежища и помощи взбунтовавшимся подданным и вассалам друг друга и, узнавая о вредных умыслах, немедленно сообщать о них и взаимно содействовать их уничтожению. Относительно помощи, в случае неприятельского нападения, было условлено, что обе державы присылают друг другу по 30 000 войска, именно 20 000 пехоты и 10 000 кавалерии. При этом положено пригласить к заключенному союзу короля польского и примирить его окончательно с Швецией. Кроме того, цесарь обещал помогать герцогу Голштинскому в возвращении отнятого у него Данией Шлезвига.

[50] Архиатер Блументрост представил Верховному тайному совету следующее описание предсмертной болезни императрицы:

«Ее императорское величество 10 числа апреля впала в горячку, от которой в седьмой день, т. е. 16 числа, через кризис облегчение имела и потому несколько дней надежду имела к выздоровлению; но потом кашель, который она и прежде сего имела, токмо не весьма великий, стал умножаться, також де и фебра (лихорадка) приключилась и в большое бессильство приходить стала и признак объявила, что несколько повреждения в легком быть надлежало и мнение дало, что в легком имеет быть фомика (нарыв), которая за четыре дня до ее величества смерти явно оказалась, понеже по великом кашле прямой гной в великом множестве почала ее величество выплевывать, что до ее величества кончины не переставало и от тоя фомики 6 дня мая с великим покоем преставилась».

[51] Девьер (de Yier) Антон Мануилович, впоследствии граф, сын крещеного португальского еврея, переселившегося в Голландию, поступил в услужение к Петру Велико-

му во время пребывания его в Амстердаме в 1697 г. Успев заслужить расположение государя, Девьер был сделан сперва царским денщиком, потом генерал-адьютантом, назначен в 1718 г. петербургским генерал-полицеймейстером, а в 1725 г. произведен в генерал-майоры. Желая составить себе прочное положение при русском дворе, Девьер присватался к сестре князя Меншикова, но последний так оскорбился этим, что велел своим людям связать Девьера и жестоко высек его. Девьер пожаловался государю, который принял в нем участие и принудил Меншикова выдать за него сестру. С этой минуты Меншиков и Девьер сделались непримиримыми врагами. Императрица Екатерина I, благоволившая к Девьеру, возвела его в 1726 г. в графское достоинство, назначила сенатором и пожаловала ему александровский орден и чин генерал-лейтенанта. Во время предсмертной болезни императрицы Девьер присоединился к небольшому кружку придворных, стремившихся противодействовать намерению Меншикова породниться с царским домом и желавших видеть на престоле герцогиню Голштинскую Анну Петровну. Однако Меншиков успел расстроить планы своих врагов; все они были арестованы и отправлены в ссылку. Девьер, по лишении чинов, орденов и имений, был бит кнутом и сослан в Тобольск. Прожив здесь до 1740 г., он был назначен начальником Охотска. Императрица Елисавета Петровна, по восшествии своем на престол, возвратила ему свободу и все прежние преимущества и снова сделала генерал-полицеймейстером. Он умер в 1745 г.

[52] В конце 1725 г. Миних просил Сенат о назначении 15 000 солдат для окончания Ладожского канала. По этому поводу в Сенате произошел спор. Толстой и Апраксин поддерживали требование Миниха и, представляя всю пользу от канала, говорили, что предприятие это должно быть окончено из уважения к памяти Петра Великого. Меншиков возражал, что солдаты гибнут на работах и что они набраны с такими издержками не за тем, чтобы копать землю. «Но войско должно же быть занято!»— отвечали Толстой и Апраксин. Тогда Меншиков встал и сказал: «Объявляю, по приказанию императрицы, что этот год ни один солдат не будет употреблен на канале; ее величество назначила для войска другое занятие». Сенаторы замолчали, и Миниху было отказано в его просьбе.

[53] Распоряжение об упразднении Малороссийской коллегии и о дозволении малороссиянам избрать гетмана было сделано тотчас по вступлении на престол Петра II. Весьма вероятно, что Меншиков имел при этом в виду приобрести себе благодарность и расположение влиятельнейших жителей Малороссии, а в лице гетмана — верного слугу. Действительно, гетманом был избран старый приятель Меншикова, малороссийский полковник, Даниил Апостол, но избрание это состоялось уже после ссылки Меншикова.

[54] Маврин Семен Афанасьевич, находился с 1711 г. пажом при императрице Екатерине I, в 1725 г. произведен в камер-юнкеры, а в начале 1727 г. упоминается уже в числе камергеров. В это время Маврин пользовался, повидимому, уже некоторым значением при дворе, потому что о женитьбе его на камер-фрейлине, княжне Лобановой, упоминает в своих донесениях саксонский посланник Лефорт. С 1719 г. Маврин состоял дядькой при великом князе Петре Алексеевиче. Принадлежа к числу людей, враждебных Меншикову, он был отправлен им на жительство в Тобольск.

[55] Зейкин Иван Афанасьевич, венгерский уроженец, был учителем в доме А. А. Нарышкина и в 1723 г. взят Петром Великим в ту же должность к великому князю Петру Алексеевичу с жалованьем по 500 р. в год.

Миних ошибается, говоря, что Зейкин был выслан из России Меншиковым; напротив, распоряжение об этом состоялось в июле 1727 г., когда Меншиков был болен и не занимался делами. Причины высылки Зейкина неизвестны. По именному высочайшему указу из Верховного тайного совета от 10 июля, было велено отправить Зейкина из Петербурга «под образом в Москву» с нарочным офицером из гвардии, а между тем офицеру секретно приказано, не доезжая Москвы, повернуть с дороги и везти Зейкина прямо в Киев к тамошнему генерал-губернатору князю Трубецкому, которому секретно же предписано отобрать все имеющиеся при Зейкине письма и, взяв с него реверс в том, «что он, Зейкин, в противность российскому государству ничего не будет чинить и противных слов не будет говорить», выпроводить его за границу, а отобранные письма и реверс прислать в Верховный тайный совет.

13 августа Зейкин был привезен в Киев, а 15-го отправлен за границу. 7 сентября Меншиков отправил из Петер-

бурга нарочного курьера с приказанием догнать Зейкина, вернуть его с дороги и вручить ему письмо следующего содержания:

«Господин Зейкин!

Понеже его императорское величество изволил вспамятовать ваши службы и весьма желает вас видеть, того ради вам сим напоминаем: извольте сюда ехать немедленно; ежели же за распутием ехать сюда не похочете, тогда извольте быть у Александра Львовича Нарышкина, а мы тебя верно обнадеживаем, что мы вас не оставим, а паче прежнего в милости содержимы быть имеете, а для вашего свободного возвращения и о даче подвод посылаем с сим посланным пачпорт; впрочем пребываем вам всякого доброжелатель.

Александр Меншиков.

Сентября 7 дня 1727 г.»

22 сентября меншиковский курьер приехал в Киев, и киевский губернатор хотел было уже отправить курьеров для отыскания Зейкина, как вдруг 26-го числа было получено известие о падении Меншикова и высочайшее повеление не исполнять никаких предписаний князя. Вследствие этого губернатор отобрал у меншиковского курьера все бумаги и отправил их в совет.

[56] Меншиков, опасаясь беспокойного и энергического Ягужинского, удалил его в украинскую армию.

Старый адмирал, граф Апраксин, не желая подчиняться Меншикову, тотчас после кончины Екатерины добровольно удалился в Москву. В Архангельск же был отправлен, под предлогом устройства китоловной кампании, президент Коммерц-коллегии, барон Шафиров,—заклятый враг Меншикова.

Толстой и Бутурлин пострадали одновременно с Девьером, за противодействие замыслу Меншикова выдать свою дочь замуж за великого князя и за старания доставить престол, после кончины Екатерины, цесаревне Анне Петровне. Толстой был сослан в Соловецкий монастырь, а Бутурлин в имение свое во Владимирской губернии.

Меншиков обходился вообще со всеми очень гордо и дерзко, а тем более с Остерманом, который не имел связей и поневоле должен был искать покровительства Меншикова. Есть свидетельство, что однажды после какого-то спора Меншиков сказал Остерману: «Если ты в другой раз

осмелишься так спорить со мной, то живой издохнешь у меня на колесе!».

[57] Мы не знаем ни одного письма Меншикова к императору, подписанного подобным образом.

[58] Князь Иван Алексеевич Долгорукий, имевший в это время всего девятнадцать лет от роду, состоял при Петре II в звании гоф-юнкера. Не отличаясь ни умом, ни способностями, ни нравственностью, он приобрел неограниченную дружбу Петра единственно умением угождать некоторым дурным наклонностям, к несчастью, слишком рано развившимся в юном государе, который до такой степени привязался к своему фавориту, что не расставался с ним ни днем, ни ночью. Деспотическое обращение Меншикова с Петром очень скоро возбудило в последнем нерасположение к своему будущему тестю. Многочисленная фамилия Долгоруких, пользуясь влиянием князя Ивана на императора, старалась еще более восстановить Петра против Меншикова и, наконец, успела свергнуть его и захватить в свои руки власть.

[59] Меншиков был сослан в сентябре 1727 г., сперва в принадлежавший ему город Раненбург Рязанской губернии, а потом, уже в апреле 1728 г., в Березов, где и умер 12 ноября 1729 г.

[60] Князья Долгорукие составляли тогда сильнейшую вельможескую фамилию, как по числу членов, так и по важности занимаемых ими должностей. Главнейшими представителями этой фамилии были: фельдмаршал, князь Василий Владимирович, пользовавшийся общим уважением за свои военные заслуги, бесстрашие и прямой характер; действительный тайный советник и член Верховного совета, князь Василий Лукич, образованнейший русский вельможа своего времени, около двадцати лет с честью проходивший дипломатическое поприще в звании посла при различных европейских дворах; действительный тайный советник и член Верховного совета, князь Михаил Владимирович, владевший огромным богатством; действительный тайный советник, гофмейстер и член Верховного совета, князь Алексей Григорьевич, человек без способностей и заслуг, но сильный значением при императоре своего сына, князя Ивана Алексеевича; тайный советник

и камергер, князь Сергей Григорьевич, занимавший важный пост посланника в Варшаве и отличавшийся умом и твердостью, и, наконец, тайный советник и камергер, князь Иван Григорьевич, весьма ловкий придворный и опытный интриган.

[61] Чтобы лишить других вельмож возможности влиять на императора, Долгорукие беспрестанно увозили его на охоту в загородные имения, где молодой государь, окруженный лишь их родственниками и приятелями, проводил целые недели в пиршествах и других удовольствиях, действовавших вредно на его здоровье и нравственное развитие. Для окончательного упрочения своего могущества Долгорукие, по примеру Меншикова, задумали женить Петра на старшей дочери князя Алексея Григорьевича, княжне Екатерине Алексеевне; но неожиданная кончина императора расстроила все их замыслы.

[62] Остерман был назначен воспитателем молодого императора еще при Меншикове, считавшем его за преданного себе человека. Остерман искренно любил своего воспитанника и постоянно представлял ему грустные последствия, к которым может привести беспорядочный образ жизни молодого царя, как его самого, так и государство; но советы Остермана произвели только охлаждение к нему Петра и раздражили против него Долгоруких. Тогда Остерман счел более благоразумным держать себя подалее от двора и почти совсем перестал ездить во дворец и в заседания Верховного совета.

[63] Великая княжна Наталия Алексеевна, родившаяся в 1714 г., обнаруживала замечательный ум и прекрасные качества души и сердца. Первое время она имела большое влияние на брата, горячо ее любившего, но Долгорукие сумели отдалить Петра от великой княжны. Сокрушаясь о брате, истощавшем в беспорядочной жизни свои физические и нравственные силы, Наталья Алексеевна начала грустить, чахнуть и 14 декабря 1728 г. скончалась, к общему сожалению, от изнурительной лихорадки.

[64] Миних впадает в грубую ошибку, относя учреждение Верховного тайного совета к царствованию Петра II. Совет этот учрежден императрицей Екатериной I в феврале 1726 г., по мысли князя Меншикова, который надеялся

примирить с собою враждебных ему главнейших сановников, сделав их членами особого высшего учреждения, с равным значением и под председательством самой императрицы, где, следовательно, все дела должны были обсуждаться и решаться с общего ведома и согласия. В указе императрицы причины учреждения совета объяснялись следующим образом:

«Понеже усмотрели мы, что тайным действительным советником и кроме Сенатского правления есть немалый труд в следующих делах: 1) Что они часто имеют по должности своей, яко первые министры, тайные советы о политических и о других важных делах. 2) Из них же заседают некоторые президентами в первых коллегиях, отчего в первом и весьма нужном деле, в тайном совете, немалое им чинится помешательство, да и в Сенате в делах остановка и продолжение, от того, что они за многодельством не могут вскоре чинить резолюции и на государственные внутренние дела. Того ради за благо мы рассудили и повелели с нынешнего времени при дворе нашем, как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел, учредить Верховный тайный совет, при котором мы сами присутствовать будем. В том Верховном тайном совете быть при нас из первых Сенаторов, а вместо них в Сенат выбраны будут другие. Быть при нас в Тайном верховном совете нижеписанным персонам: генерал-фельдмаршалу и тайному действительному советнику светлейшему князю Меншикову; генерал-адмиралу и тайному действительному советнику графу Апраксину; государственному канцлеру, тайному действительному советнику графу Головкину; тайному действительному советнику графу Толстому; тайному действительному советнику князю Голицыну; вице-канцлеру и тайному действительному советнику барону Остерману».

С учреждением Верховного тайного совета Сенат утратил свое значение и был переименован из «правительствующего» в «высокий». Вместо того чтобы заниматься исключительно лишь важнейшими государственными делами, совет с первых же дней своего существования начал вмешиваться во все части управления, так что вскоре Сенат и коллегии потеряли всякую самостоятельность и действовали только по указаниям совета, ограничиваясь исполнением присылаемых от него указов и повелений.

Верховный тайный совет просуществовал до воцарения императрицы Анны Ивановны, которая уничтожила его, тотчас же по принятии ею самодержавия, и восстановила Сенат в том значении, какое он имел при Петре Великом.

[65] По словам Шмидта Физельдека (Materialien zu der Russischen Geschichte. T. 2, pg. 3), Петр заразился оспою от князя Сергея Григорьевича Долгорукого, который, несмотря на то, что дети его лежали в оспе, продолжал ездить ко двору. Болезнь молодого государя приняла с самого начала правильное течение, и ему становилось лучше, но он не берегся и 15 января, почувствовав облегчение, встал с постели и долго смотрел в окно на проходившие мимо дворца войска, при чем застудил выступившую оспу. С этой минуты уже не было никакой надежды на его выздоровление, и через три дня он скончался.

Саксонский посланник Лефорт в депеше от 31 января 1730 г. пишет: «Существуют два различные мнения о причине смерти царя. Одни приписывают болезнь его худосочию, усилившемуся вследствие усталости и изнурения, испытываемых на охоте, а другие тому, что доктора Блументросты сначала лечили лихорадку, предвещавшую оспу, как обыкновенную лихорадку и давали ему разные прохлаждающие напитки, а доктор Бидло был призван только на третий день, когда уже болезнь развилась, и он не одобрил способа лечения тех докторов». (Сб. Рус. ист. о-ва. Т. 5. С. 344).

[66] Членами Верховного тайного совета были в это время следующие лица: фельдмаршалы — князь Василий Владимирович Долгорукий и князь Михаил Михайлович Голицын; канцлер граф Гавриил Иванович Головкин и действительные тайные советники: князь Дмитрий Михайлович Голицын, барон Андрей Иванович Остерман и князья — Алексей Григорьевич, Василий Лукич и Михаил Владимирович Долгорукие.

[67] Мы не будем повторять здесь всех подробностей избрания на престол императрицы Анны Ивановны и неудачной попытки верховников ограничить самодержавие, а укажем лишь на те сочинения и статьи, где события эти изложены особенно подробно: С.М. Соловьев. История России. Ч. 19. С. 238—268; Н.А. Попов. Татищев и его время. С. 97—133; Феофан Прокопович. Повесть о избрании и вос-

шествии на престол императрицы Анны Иоанновны. Протоколы Верховного тайного совета //Чтения в Имп. о-ве истории и древностей. рос. 1858. Кн. 3; П.К. Щебальский. Вступление на престол императрицы Анны //Рус. вестн. 1859. Кн. 1; Е.П. Карнович. Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 году //Отеч. зап. 1872. № 10 и 11.

[68] Старшая дочь царя Ивана Алексеевича, царевна Екатерина Ивановна, находилась с 1716 г. замужем за герцогом Карлом-Леопольдом Мекленбургским, отличавшимся своим жестоким, сумасбродным и неуживчивым нравом, вследствие которого герцогиня в 1722 г. уехала от мужа в Россию, где и жила с тех пор безвыездно до самой своей кончины, последовавшей в 1732 г.

[69] Миних ошибочно называет в числе депутатов князя Черкасского. Депутация состояла из следующих лиц: князя Василия Лукича Долгорукого, генерал-майора Леонтьева и тайного советника князя Михаила Михайловича Голицына-младшего, брата фельдмаршала.

[70] Условия, ограничивавшие самодержавие и подписанные императрицею, были изложены в следующей форме:

«Чрез сие наикрепчайше обещаемся, что наиглавнейшее мое попечение и старание будет не токмо о содержании, но и о крайнем и всевозможном распространении православия нашей веры греческого исповедания: такожде по принятии короны российской, в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника, ни при себе, ни по себе, никого не определять; еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного согласия: 1) ни с кем войны не вчинять, 2) миру не заключать, 3) верных наших подданных никакими податьми не отягощать, 4) в знатные чины, как в статские, так и в военно-сухопутные и морские, выше полковничьего ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, а гвардии и прочим войскам быть под ведением Верховного тайного совета, 5) у шляхетства живота, имения и чести без суда не отнимать, 6) вотчины и деревни не жаловать, 7) в придворные чины как русских, так и иноземцев не производить, 8) государственные доходы в расход не употреблять и всех верных своих подданных в неотменной

своей милости содержать; а буде чего по сему обещанию не исполню, то лишена буду короны российской».

[71] Биографические сведения о князе Черкасском и отзывы о нем некоторых современников можно найти в первом томе «Записок иностранцев о России» (Письма леди Рондо), на с. 114, 201, 230 и 243.

[72] Князь Иван Юрьевич Трубецкой, сын боярина князя Юрия Петровича, родился в 1667 г., служил в потешных войсках Петра Великого, в 1693 г. был уже капитаном Преображенского полка, участвовал в обоих Азовских походах, и потом назначен стражем царевны Софии Алексеевны в Девичьем монастыре. В 1698 г. Трубецкой сделан боярином и новгородским наместником, в 1700 г. командовал под Нарвою дивизией и вместе с другими русскими генералами был взят в плен и до 1718 г. содержался в Стокгольме. По возвращении в отечество, Трубецкой, награжденный чином генерал-лейтенанта, был определен генерал-губернатором в Киев, а в 1722 г. произведен в полные генералы и назначен присутствующим в Военной коллегии. Пожалованный Петром II в 1728 г. в генерал-фельдмаршалы, Трубецкой, при восшествии на престол Анны Ивановны, за успешные старания свои о восстановлении самодержавия, был сделан сенатором и получил андреевский и александровский ордена. В 1729 г. государыня назначила его генерал-губернатором в Москву, но он отказался от этой должности и в том же году вышел в отставку. В 1741 г. императрица Елисавета Петровна повелела ему снова быть сенатором; однако Трубецкой по дряхлости никогда не ездил в присутствие. Он умер в 1750 г.

[73] Альбрехт (Иван) был пожалован в 1730 г. в майоры лейб-гвардии Преображенского полка, а в 1739 г. произведен в генерал-майоры. В правление Анны Леопольдовны он получил орден Св. Александра Невского. Муж правительницы, принц Антон-Ульрих, поручил Альбрехту секретное наблюдение за действиями графа Миниха и цесаревны Елисаветы Петровны, вследствие чего, по восшествии цесаревны на престол, Альбрехт был лишен александровского ордена и исключен из списков армии. Дальнейшая судьба его нам неизвестна.

[74] Русский двор оставался в Москве четыре года — с января 1728 г. по январь 1732 г. При Петре II в среде лиц, приближенных к молодому государю, возникла мысль перенести столицу из Петербурга обратно в Москву; но мысль эта тотчас же была покинута после его кончины. Императрица Анна Ивановна долгое время не переезжала в Петербург, главным образом вследствие неудобств и дороговизны тамошней жизни. Когда же Миних окончил строение Ладожского канала, посредством которого обеспечивалось продовольствие новой столицы, императрица не имела более причин оставаться в нелюбимой ею Москве.

[75] Ягужинский оставался послом в Берлине до 1735 г., когда был снова вызван в Петербург и сделан кабинет-министром вместо умершего графа Головкина. Назначением этим Ягужинский был обязан желанию Бирона иметь в кабинете человека, которого он мог бы противопоставить Остерману, считавшемуся необходимым, но не пользовавшемуся ни доверием, ни расположением герцога. Ягужинский умер в 1736 г., пробыв кабинет-министром только один год.

[76] По уничтожении Верховного тайного совета Остерман, постоянно мечтавший поставить между верховной властью и Сенатом не лицо, а учреждение, в котором он мог бы занять видное место, придумал особую комбинацию, носившую скромное название «кабинета». Название это не было новостью в истории нашей администрации. Петр Великий и Екатерина I имели кабинет, куда подавались дела, подлежавшие личному рассмотрению государя и где сосредоточивалась переписка с разными лицами, имевшими личные поручения от государя или государыни. Но кабинет этот не имел никакого самостоятельного значения, тогда как кабинет, придуманный Остерманом, являлся вполне самостоятельным и отдельным учреждением, стоявшим между верховною властью и Сенатом. Цель учреждения была объяснена в Указе 10 ноября 1731 г. следующим образом: «Для лучшего и порядочнейшего отправления всех государственных дел к собственному нашему всемилостивейшему решению подлежащих и ради пользы государственной и верных наших подданных, заблагорассудили мы учредить при дворе нашем Кабинет и в оный определить из министров наших канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана и действительного тайного

советника князя Черкасского». Вместе с тем Сенату, Синоду, коллегиям и канцеляриям было приказано подавать в Кабинет ежемесячные рапорты о производящихся в них «челобитчиковых делах, для усмотрения безволокитно ли по оным решения бывают».

Самый состав Кабинета уже указывал, что он создан лишь для удовлетворения самолюбия нескольких лиц и не имеет глубоких правительственных целей. Действительно, Кабинет присвоил себе участие в управлении государством настолько, насколько это было нужно для удовлетворения личных видов его создателей. Остерман и Миних добивались главным образом изъять Иностранную и Военную коллегии от всякого контроля и вполне достигли своей цели.

Хотя Миних (несмотря на его уверения) и не вошел в состав Кабинета, но несомненно, что во всех затруднительных случаях он приглашался в заседания Кабинета и имел личный доклад у императрицы по делам Военной коллегии.

В 1741 г., через десять дней по вступлении на престол императрицы Елисаветы Петровны, Сенат представил ей доклад, где, между прочим, говорилось, что по причине учреждения Кабинета «произошло многое упущение дел государственных, внутренних, всякого звания, а правосудие уже и весьма в слабость пришло». Вследствие этого доклада, 12 декабря того же года состоялся высочайший указ об уничтожении Кабинета.

[77] В 1730 г. императрица учредила под председательством Миниха Особую военную комиссию, которой было предписано: «все происшедшие в армии непорядки и помешательства исправить и такие основательные учреждения учинить, чтобы армия всегда содержалась в добром состоянии и сколько возможно без излишней народной тягости и напрасных убытков».

К чести Миниха нужно сказать, что трудное поручение это было исполнено им чрезвычайно добросовестно. Находившаяся под председательством его комиссия, применяясь к тогдашним обстоятельствам, весьма отчетливо и подробно обработала все главнейшие предметы военного хозяйства и ввела в организации наших войск много важных улучшений.

[78] Указом 29 июля 1731 г. было повелено: «учредить в С.-Петербурге корпус кадетов, состоящий из 200 человек

шляхетских детей от 13 до 18 лет, как российских, так и эстляндских и лифляндских провинций, которых обучать: арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии, инженерному действию, на лошадях ездить и прочим к военному искусству потребным наукам. А понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, також и в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение, того ради иметь при том учителей чужестранных языков, истории, географии, юриспруденции, танцования, музыки и прочих полезных наук, дабы, видя природную склонность, потому б и к учению определять». На содержание вновь учрежденного корпуса было велено отпускать 33 846 руб. в год; впоследствии же, когда число учеников значительно умножилось, сумма эта была увеличена еще на 26 508 руб. в год и, кроме того, корпусу пожалована, «на содержание экономии», Волковицкая мыза, в Петербургской губернии, с приписанными к ней 713 душами обоего пола.

В 1731 г., согласно докладу Военной коллегии о пользе введения в русской армии «кирасир» как рода кавалерии, который, по ее мнению, мог бы служить с большею пользою в войнах против турок, нежели драгуны, составлявшие до того времени единственную регулярную кавалерию у нас, было высочайше повелено переформировать в кирасиры три драгунских полка: Выборгский, Невский и Ярославский. Переформирование Выборгского полка было поручено Миниху, назначенному в него полковником; полку этому, в честь Миниха, как первого учредителя кирасир в русской армии, велено «именоваться *во веки* Миниховым кирасирским».

До 1730 г. инженерная часть находилась в общем управлении с артиллериею; но в этом году, по докладу Миниха, была отделена от артиллерийской и образована по особым штатам, которыми положено иметь в ней 828 человек разных чинов, с ежегодным отпуском на их содержание 55 189 руб.

[79] Леди Рондо, испанский посол герцог де Лириа и некоторые другие современники, близко знавшие Остермана, свидетельствуют, напротив, что Остерман был бескорыстен и ни от кого не брал денег (см. «Письма леди Рондо», с. 112 и 241).

[80] В 1733 г., после смерти короля польского Августа II, явилось несколько претендентов на польский престол. Франция желала доставить польскую корону тестю Людовика XV, Станиславу Лещинскому, но Россия и Австрия решились всеми средствами противодействовать этому и выставили кандидатом сына умершего Августа II, курфюрста саксонского Августа III. Одна часть польского шляхетства, подчиняясь влиянию России и Австрии, выбрала королем Августа, а другая, сочувствовавшая Франции, объявила королем Станислава. Вследствие этого русские войска, под начальством генерала Ласси, вступили в Польшу, рассеяли приверженцев Станислава, принудили его самого скрыться в укрепленный Данциг и осадили этот город. По недостатку артиллерии и снарядов и малочисленности осаждающих, осада затянулась на долгое время. Тогда императрица, недовольная медленными действиями осторожного Ласси, поручила начальство над осадным корпусом Миниху.

[81] Вейксельмюнде, небольшая крепостца, построенная у самого устья Вислы, в четырех верстах от Данцига, обеспечивала сообщение города с морем.

[82] Данциг был в то время самою сильною крепостью и вместе с тем главною военною и торговою гаванью королевства Польского. Гарнизон его состоял из 12000 человек регулярного войска и 8000 вооруженных граждан. Кроме того, Франция прислала в помощь Станиславу Лещинскому 2400 солдат, под начальством бригадира Ламот-Перуза, а Швеция — сто офицеров со значительным запасом оружия и военных снарядов. В начале осады число русских войск, которыми мог располагать Миних, не превышало 20 000 человек, но впоследствии осадный корпус был усилен 6000 саксонцев, а тяжелые орудия доставлены частью нашим флотом и частью перевезены сухим путем через Пруссию. Когда Миниху удалось, после 135-дневной осады и нескольких кровопролитных битв, стоивших нам более 8000 человек, обложить крепость со всех сторон и открыть по ней жестокое бомбардирование, то Станислав Лещинский, убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления и не желая подвергнуть мирных жителей страданиям и разорению за приверженность к нему, решился удалиться из города. Переодетый крестьянином, он, ночью, пробрался через русские аванпосты и благополучно достиг прусской

границы. По удалении Лещинского, Данциг отворил ворота победителям. Миних, самолюбию которого льстила надежда представить в Петербург пленного короля, был страшно раздражен, узнав, что его уже нет в городе, и наложил за это на Данциг контрибуцию в 2 000 000 талеров, уменьшенную впоследствии императрицею, по ходатайству депутации, посланной в Петербург жителями, наполовину.

[83] Мысль о войне с Турцией возникла с самого начала царствования Анны Ивановны. Иностранцы, стоявшие во главе правления, постоянно указывали императрице на необходимость отвлекать внимание нации к делам внешним и чем-нибудь занимать армию. Из всех войн наиболее справедливою и согласною с целями Петра Великого могла быть, конечно, война с турками. Бесчестье Прутского мира было еще свежо в народной памяти, и потому правительство могло даже рассчитывать на некоторую популярность, если бы ему удалось расширить русские владения на восток и возвратить от Турции то, что ей было уступлено Петром. На этом основании, как только окончилась война с Польшей, в Петербурге заговорили о необходимости разрыва с Турцией. Главным сторонником войны был Миних, желавший славы, которая приносила ему с собою силу. К Миниху присоединился тогдашний резидент наш в Константинополе, Неплюев, доказывавший, что для наступательного движения к Черному морю не может быть более удобного времени. Действительно, Турция несколько лет уже вела войну с Персией и понесла сильные поражения; в Константинополе и европейских провинциях ее происходили частые волнения. Все эти, более личные, нежели государственные соображения, решили дело. Предлог к разрыву был, конечно, найден без труда. По случаю войны с Персией султан приказал крымскому хану вторгнуться с татарами в кавказские владения Персии, а для этого ему необходимо было пройти через Кабарду. Россия объявила Турции, что эта страна издавна принадлежит ей и что она не потерпит движения татар через наши владения; однако, несмотря на все протесты Неплюева, татары двинулись через Кабарду. Это обстоятельство было признано нашим правительством достаточным поводом для открытия военных действий против Турции.

[84] Для защиты Украины от набегов крымских татар Миних проектировал в 1731 г. укрепленную «Украинскую по-

граничную линию», которая должна была занимать около 800 верст протяжения и состоять из непрерывного ряда небольших крепостей и земляных укреплений, соединенных между собою валом. Осуществление этого грандиозного проекта, показывавшего в составителе его более увлечения своею идеей, нежели знания средств к ее выполнению, началось в том же 1731 г. Несмотря на все понудительные меры правительства, тягость которых до сих пор сохранилась в памяти народа, Украинская линия была устроена только на протяжении 268 верст от впадения реки Орли в Днепр до реки Донца, в нынешней Екатеринославской губернии, и заключалась в 16 небольших крепостях и 4 укрепленных слободах, в которых было поселено 4 пеших и 16 конных ландмилицких полков.

[85] Иоанн-Бернгард Вейсбах, родом богемец, служил сперва в австрийской армии, а в 1707 г. перешел в русскую и с отличием участвовал в шведской и турецкой войнах, веденных Петром Великим, который высоко ценил дарования Вейсбаха и возлагал на него трудные и разнообразные поручения. В 1729 г. Вейсбах, имея уже чин генерал-аншефа, ездил в звании полномочного министра на Гродненский конгресс и в следующем году был награжден императрицею Анной — орденом Св. Александра Невского, а императором австрийским Карлом VI — графским достоинством. В исходе 1731 г. Вейсбах был назначен киевским генерал-губернатором, получил в 1733 г. андреевскую ленту, а в 1735 г., собираясь выступить с двадцатитысячным корпусом в Крым, скоропостижно скончался в Переволочне и похоронен в Полтаве.

[86] Михаил Иванович Леонтьев, двоюродный племянник царицы Натальи Кирилловны, с молодых лет служил в гвардии и в 1717 г. женился на племяннице князя Меншикова. Такое родство содействовало его быстрому возвышению. В 1725 г. он был уже генерал-майором, а в 1729 г. получил александровскую ленту. При избрании на престол Анны Ивановны Леонтьев находился в числе трех депутатов, отправленных Верховным тайным советом к императрице с условиями, ограничивавшими самодержавие. В 1732 г. он был произведен в генерал-лейтенанты и сделан сенатором, а в 1735 г. получил приказание принять, вместо умершего Вейсбаха, начальство над войсками, назначенными действовать против Крыма, и предать весь

полуостров огню и мечу. Двинувшись в степи в октябре, в самую распутицу, Леонтьев истребил более 4000 ногайских татар, обитавших между Украиною и Крымом, и захватил огромную добычу; но наступившие холода и недостаток в пастбищах принудили его возвратиться в Украину, при чем он потерял более 9000 человек. Отданный за это под военный суд, Леонтьев успел, однако, оправдаться и в следующем году участвовал в занятии Минихом Перекопа и, командуя десятитысячным отрядом, овладел Кинбурном. В 1737 г. он был назначен губернатором в Киев, а в 1741 г. ему подчинена вся Украина. Леонтьев умер в 1753 г. в чине полного генерала.

[87] Когда Азов был уступлен в 1711 г., на основании Прутского мира, обратно Турции, то Петр Великий, для наблюдения за этой, в то время важной и сильной крепостью, приказал построить на левом берегу Дона, в семи верстах ниже города Черкасска, ретраншемент. В 1731 г. ретраншемент этот был значительно расширен, заселен жителями и назван в честь императрицы Анны Ивановны — крепостью Св. Анны; однако нездоровая местность, на которой было построено укрепление, побудила правительство упразднить его в начале царствования императрицы Елисаветы Петровны и перевести гарнизон и жителей во вновь построенную крепость Св. Димитрия Ростовского, что ныне город Ростов-на-Дону.

[88] Ульрих Сперрейтер, из дворян остзейских губерний, родился в 1677 г. в Ревеле, служил сперва в шведской артиллерии, а в 1696 г. принят в русскую с чином оберфейерверкермейстера. В 1704 г. произведен в поручики, в 1707 г. в капитаны, в 1709 г. в майоры, в 1727 г. в полковники и в 1730 г. в генерал-майоры. При начале турецкой войны в 1735 г. Сперрейтер просился в отставку, но Миних послал его в крепость Св. Анны, основываясь на том, «что искусство его было там нужно». В 1738 г. он снова просился в отставку, но был удержан «только на одну кампанию». С 1740 г. Сперрейтер находился в Ревеле, был произведен в 1744 г. в генерал-лейтенанты и вскоре затем умер.

[89] В 1734 г. Франция объявила войну Австрии и император Карл VI, на основании договора, заключенного им с Россией в 1726 г. (см. примеч. 49), потребовал от императрицы Анны присылки вспомогательного войска. Им-

пературица приказала генералу Ласси двинуться с 20-тысячным корпусом из Польши на помощь Австрии, но он дошел только до Рейна и не принимал участия в военных действиях, так как воюющие стороны заключили мир.

[90] Названия «столпа Российской империи» и «сокола», будто бы данные русским народом Миниху, сохранились только в его записках.

[91] Из числа татарских орд, населявших прежде нынешнюю южную Россию и Молдавию, самою хищною была Белгородская, или Буджакская. Бендерская и Белгородская крепости, находившиеся под управлением турецких пашей, составляли надежное прикрытие для этих двух орд. Белгородская орда не признавала над собою власти великой крымской орды, а только старшинство. Ни в какой стране Европы не было столь постоянной и жестокой борьбы, как в екатеринославских и херсонских степях, между русскими и татарами. Вследствие беспрерывных войн Белгородская, или Буджакская орда постепенно слабела, а с покорением занимаемых ею земель Россией мало-помалу исчезла совершенно.

[92] Известно, что четырехлетняя война с Турцией в царствование императрицы Анны Ивановны, стоившая государству огромных сумм и 100 000 человек, не принесла России никаких выгод и послужила в пользу только одному Миниху, который успел в течение ее выказать свои замечательные военные дарования и прославить свое имя.

[93] Постоянные неудачи и поражения, понесенные Австрией, вследствие неспособности ее генералов, в войне с турками, побудили императора Карла VI искать мира и обратиться с этою целью к посредничеству Франции, имевшей в то время влияние на Порту. Генерал Нейперг, получив полномочия вести, вместе с французским послом в Константинополе Вильневом, переговоры с великим визирем, окончил их в несколько дней и заключил так называемый Белградский мир, который не только унизил и опозорил Австрию, но лишил ее нескольких областей, лучшей стратегической границы и важнейшей ее крепости — Белграда. Мир этот был собственно делом ловкости и искусства французских дипломатов, желавших еще более ослабить Австрию и разорвать союз ее с Россией.

Впрочем, немаловажное влияние на ход переговоров имело также корыстолюбие австрийских государственных людей и генералов и хаотическая путаница в повелениях, одновременно посылавшихся из Вены и от кабинета, и от двора, и от императора, и от его дочери Марии Терезии, и противоречивших одно другому. Когда прелиминарные статьи Белградского договора сделались известными в Вене, все были поражены, и более всех сам император. Но позорнее даже этих статей было то, что Нейперг сдал туркам Белград тотчас, не дожидаясь ратификации договора, через что император нашелся вынужденным утвердить все условия, так как после сдачи Белграда нельзя уже было поправить дела отказом в ратификации. По случаю заключения Белградского мира, Карл VI разослал ко всем дворам замечательный циркуляр, в котором горько жаловался на своих собственных генералов и уполномоченных. Нейперг был арестован и посажен в тюрьму, но так как он имел большие связи при дворе, то вскоре получил свободу и снова занял все свои дожности.

[94] После неудачного вмешательства своего в пользу Станислава Лещинского (см. примеч. 80), Франция всячески старалась сблизиться с Россией и расторгнуть союз ее с Австрией, тем более что по смерти Карла VI должен был возникнуть весьма важный вопрос о наследстве австрийского престола. Поражения, испытанные Австрией в турецкую войну, дали Франции возможность достигнуть своей цели. Россия считала выгодным для себя союз с Австрией именно ввиду того, чтобы воевать соединенными силами против турок, но Австрия вела эту войну так, что вынудила Россию искать посредничества Франции, которая с радостью воспользовалась случаем войти в прямые сношения с нашим двором. В мае 1738 г. Остерман уведомил Вильнева, что императрица, согласно предложению французского короля и желанию австрийского императора, дает ему полную мочь для заключения прелиминарного трактата с Турцией, причем вполне полагается на его искусство и благоразумие.

[95] Ложье, в сочинении своем «Histoire des negotiations pour la paix conclue à Belgrad» (с. 86—93), уверяет, что Каньони имел от Остермана большие полномочия и решился подписать от имени России предварительные статьи мир-

ного договора с Турцией, вследствие внушений Вильнева. Шлоссер же (История XVIII столетия. Ч. I, с. 299) говорит прямо, что Каньони подписал этот договор потому, что был подкуплен французами.

При производстве в 1742 г. следственного дела над Остерманом ему, между прочим, был предложен следующий вопрос: «Для чего и с какого умысла ты к мирной с турками негоциации никого из российских национальных не употребил, но чужестранца Каньония послал, который пред тем ни в каких важных делах не был употреблен и российских интересов знать не мог? А через такое пренебрежение оного Каньония многое в исполнении мирного трактата затруднение и посылками от обеих сторон торжественных посольств великий российскому государству причинил убыток. Оного же Каньония за что знатною денежною суммою наградил?» Остерман отвечал: «Каньоний для того к тому употреблен, что я его к тому признал за весьма способного. Что же я к тому делу никого из российских национальных не употребил, в том признаваюсь виновным и прошу прощения. Оному же Каньонию награждение дано за его в том деле труд, а торжественное посольство учреждено для славы Российской империи, о чем и послам на конгрессе стараться было велено».

[96] Подлинный текст трактата, заключенного между Россией и Турцией в лагере при Белграде, 18 сентября 1739 г., и дополнительная конвенция к этому трактату, подписанная 28 декабря того же года в Ниссе, напечатаны в книге г. Юзефовича «Договоры России с Востоком» (СПб., 1869, с. 15—23) и сочинении г. Кайданова «Дипломатия российского двора» (СПб., 1833, с. 141—155). Миних излагает сущность трактата не совсем согласно с подлинным текстом. Так, между прочим, он говорит, будто вопрос о Таганроге и русском флоте на Черном море был искусно обойден, тогда как в 3-м пункте трактата сказано положительно, что Россия, по срытии Азова, может построить крепость поблизости донского острова Черкасска «с такою однакож кондициею, чтоб бывшая крепость Таганрог, которая уже разорена, вновь возобновлена не была и чтоб Российская держава ни на Азовском море, ни на Черном море, никакой корабельный флот, ниже иных кораблей, иметь и построить не могла». Кроме того, в пункте 9 прибавлено: «Что же касается до российской коммерции по Черному

морю, и сия отправлена быть имеет на судах, турецким подданным принадлежащих».

[97] Дондук-Омбо, хан волжских калмыков, по своей предприимчивости был весьма опасен для России, и потому наше правительство старалось всеми мерами привлечь его к себе. В 1737 г. он был сделан наместником Калмыцкого ханства, при чем получил от императрицы жалованную грамоту и богатые подарки. Удовлетворенный в своем честолюбии, Дондук-Омбо с этих пор верно служил России и в турецкую войну прислал в армию Миниха своего сына с 10 000 человек, а сам ходил против кубанцев, разорил их и таким образом воспрепятствовал им помогать туркам.

[98] Шетарди, донося своему двору о кончине императрицы, следующим образом объясняет ее болезнь: «По вскрытии тела царицы, увидели, что она скончалась от той же болезни, от которой умерли и две сестры ее. У нее в правой почке,— я это узнал от самого графа Остермана,— образовался камень, более и длиннее большого пальца, в виде ветки кораллов. В том же боку было множество небольших камней; два в левой почке по величине были между этими средними. Первый, отделившись от почек, запер мочевой канал (le canal de vessie), что произвело антонов огонь, окончивший болезнь» (Маркиз Шетарди в России, с. 151).

Когда Бирон впоследствии был арестован и судим, то придирчивые следователи ставили ему, между прочим, в вину небрежение о здоровье императрицы. Против этих обвинений Бирон отвечал: «О высочайшем ее императорского величества, блаженные памяти, здоровье по прилежной своей должности всегда пристойное попечение имел, а что у е. и. в. каменная болезнь, того он до последней е. и. в. скорби не знал и как от архиатера, так и от прочих докторов, до того не слыхивал и оные де доктора про то заподлинно не знали, в чем ссылается на португальского доктора (Рибейро Санчеса), который ему при бароне Менгдене, при объявлении последней болезни е. и. в., сам говорил, что по прошествии четырех дней еще заподлинно объявиться может, что е. и. в. каменною ли или другою какою-нибудь болезнью одержима. И по вопросу его, герцога, отчего в урине е. и. в. кровь показывается, ответствовали помянутые доктора, что де то происходит от малейших жил, которые напружились. К тому ж и е. и. в. оную свою болезнь сама всегда изволила таить и разве ближние комнатные

служительницы про то ведали. Да два года тому назад, как в урине е. и. в., тако ж кровь оказалась, и тогда она урин свой через комнатную девицу Авдотью Андрееву изволила послать к обретающемуся тогда в Петербурге больному придворному доктору Листениусу, который, высмотря тот урин, сказал, чтоб е. и. в. от того не изволила иметь никакого опасения и пользовалась бы только красным порошком доктора Шталя. Они же, доктора, е. и. в. прошлое лето во всю бытность в Петербурге лечили, почему им надлежало больше видеть, какою болезнью е. и. в. одержима и какие на то способы употребить? А сколько раз он ни спрашивал, что у е. и. в. за болезнь и от чего они, доктора, е. и. в. пользуют, то они всегда на то ответствовали, что де стараются только о том, чтоб кровь чистить, и ежели б они, доктора, усмотрели, что е. и. в. такою опасною болезнью одержима, которой им бы лечить невозможно, то б надлежало им заблаговременно о том самим объявить и требовать, чтоб другие доктора призваны были, а ему самому собою, без е. и. в. воли и, не зная опасности ее болезни, других докторов призывать было невозможно». (Исторические бумаги; собр. Арсеньевым. С. 163—164).

[99] Миних везде называет духовным завещанием императрицы сочиненный Остерманом манифест о наследии престола и назначении Бирона регентом, на время малолетства императора Ивана Антоновича.

[100] Известно, что Миних принимал близкое и деятельное участие в доставлении регентства Бирону, и потому, весьма естественно, умалчивает о многих обстоятельствах и старается выставить дело не в настоящем свете. Вообще все лица, прикосновенные к этому событию, оставили о нем самые разноречивые и запутанные показания, сличение и критический разбор которых не может иметь места в наших примечаниях. Мы ограничимся здесь лишь указанием на те источники и сочинения, где события, происходившие при дворе во время болезни императрицы Анны Ивановны и после ее кончины, изложены довольно подробно и обстоятельно: 1) Дело о Бироне //Чтения в Имп. о-ве истории и древностей рос. 1862. Кн. 1; 2) Ист. бумаги, собр. Арсеньевым и издан. Пекарским. СПб., 1872. С. 161—331; 3) Собственноручная записка Бирона, напечатанная в IX томе Бюшингова «Magazin fur die neue Historie und Geographie» под заглавием «Motifs de la disgrace d'Ernest-Jean Biron, duc de

Courlande» и переведенная М.Д. Хмыровым в журнале «Время». 1861. № 12.; 4) Записки графа Миниха, сына фельдмаршала. СПб., 1817. С. 161—175; 5) Депеши французского посланника маркиза де ла Шетарди; изд. Пекарским. СПб., 1861. С. 115—130; 6) История России С.М. Соловьева. Т. 20. С. 447—451; 7) Значение бироновщины в русской истории. Е.П. Карновича // Отеч. зап. 1873. № II. С. 100—109; 8) События в Петербурге в 1740—1741 годах. И.И. Шишкина// Отеч. зап. 1858. № 5. С. 284—291; 9) Hermann. Geschichte des Russischen Staats. Hamburg. 1849. Т. 4. Перевод в «Русском архиве» 1866. С. 1517—1534; 10) La cour de Russie il y a cent ans. Berlin, 1860. С. 62—65.

[101] Характеристики Анны Ивановны, сделанные испанским послом герцогом де Лирия, Манштейном, графом Минихом-сыном и леди Рондо, приведены нами в 1-м томе «Записок иностранцев о России в XVIII столетии» (Письма леди Рондо) на с. 64, 175—178.

[102] Новосильцев Василий Яковлевич, с 1722 по 1730 г. был президентом Мануфактур-коллегии, в 1736 г. назначен директором криг-комиссариата и президентом Коммерц-коллегии, в 1738 г. сделан сенатором, с производством в тайные советники, а 14 февраля 1740 г. награжден орденом Св. Александра Невского. Новосильцев был преданнейшим слугою Бирона и потому, после ареста последнего, был сослан правительницею в деревню, где и умер в 1743 г.

[103] Сукин Семен Иванович; о нем мы имеем только следующие сведения: в 1728 г. он, находясь в чине генерал-майора, исполнял должность генерал-провиантмейстера, и по повелению Верховного тайного совета прибыл из Симбирска в Москву, с отчетом о своих делах в низовых губерниях, причем письменно просил у Миниха протекции. В 1730 г. пожалован александровским орденом и назначен новгородским губернатором; с февраля 1736 г. был губернатором в Киеве; умер в 1738 г.

[104] В манифесте, или уставе о регентстве, между прочим, было сказано: «Неизменно уповаем, что оный определенный от нас регент, по имеющей чрез многие годы к нам верной ревности, оставшей нашей императорской фамилии достойное и должное попечение показывать и по их достоинству о содержании оных попечение иметь будет».

Бирон сделался врагом принца и принцессы Брауншвейгских с той минуты, как Анна Леопольдовна отказалась выйти замуж за его старшего сына Петра. Беспрерывные оскорбления, которым регент подвергал родителей императора, подробно перечислены в следственном деле о нем и в указе о его ссылке. Весьма возможно, что Бирон в душе таил намерение принудить принца и принцессу Брауншвейгских оставить Россию и затем, женив своего сына на цесаревне Елисавете Петровне, возвести ее на престол.

[105] Пункт этот в манифесте был изложен следующим образом: «Ежели б паче чаяния по воле божеской случиться могло, что вышеупомянутые наследники, как великий князь Иоанн, так и братья его, преставятся, не оставя после себя законорожденных наследников, или предвидится иногда о ненадежном наследстве, тогда должен он регент заблаговременно с кабинет-министрами, и Сенатом, и генерал-фельдмаршалами и прочим генералитетом о установлении наследства крайнейшее попечение иметь и, по общему с ними согласию, в российскую империю сукцессора избрать и утвердить, и по такому согласному определению имеет оный российской империи сукцессор в такой силе быть, якобы по нашей самодержавной власти от нас самих избран был».

[106] Отзывы о Бироне леди Рондо, герцога де Лириа, Манштейна, графа Миниха-сына и короля прусского Фридриха II, приведены в 1-м томе «Записок иностранцев о России» (Письма леди Рондо) на с. 107, 108, 111, 112, 176, 195—197.

[107] Ушаков Андрей Иванович, впоследствии граф, известный начальник Тайной канцелярии. Он был сделан подполковником Семеновского полка в 1733 г. и носил это звание до самой кончины своей, последовавшей в 1747 г.

[108] Ливен Юрий Григорьевич, никогда не был фельдмаршалом. Он служил в лейб-гвардии Конном полку с самого его основания и командовал им в звании подполковника с 1740 до 1763 г., когда был уволен от команды следующим указом императрицы Екатерины II: «Нашего генерал-аншефа и кавалера Юрия Ливена всемилостивейше повелеваем из оного лейб-гвардии нашего конного полка из подполковников выключить». Он умер в 1794 г.

[109] Все подробности заговора, составившегося против Бирона, в первые же дни его регентства, изложены в книге П. П. Пекарского: «Маркиз Шетарди в России» на с. 154—181, где приведены в подлиннике показания, данные в Тайной канцелярии Граматиным и другими участниками этого дела. По низложении Бирона, Граматин, произведенный в полковники, сделался директором канцелярии принца Брауншвейгского, а по воцарении Елисаветы Петровны был снова предан суду, обвинен «в братии взяток за повышения», лишен чинов, но отпущен «в дом с запрещением однакож поступать вновь на службу», понеже до сего был «в катских руках.», т. е. пытан через палача.

[110] Известно, что через два года после этого Пелым сделался местом двадцатилетнего заточения Миниха.

[111] М. Б. ссылается в своем примечании на книгу Паули потому, что в то время записки самого Манштейна еще не были напечатаны.

[112] Полный список наград, пожалованных Анной Леопольдовной в день принятия ею правления, напечатан в тогдашних «С.-Петербургских ведомостях» (1741. № 92). Приводим его как дополнение к перечню, сделанному Минихом:

Принц Антон-Ульрих назначен генералиссимусом и подполковником лейб-гвардии Семеновского и Конного полков.

Фельдмаршал граф Миних — первым министром «в его императорского величества консилиях», а супруга его «первою дамою», не выключая и супруг невладеющих принцев, служащих в России.

Вице-канцлер граф Остерман — генерал-адмиралом и оставаться членом кабинета.

Действительный тайный советник князь Черкасский — великим канцлером и оставаться членом кабинета.

Действительный тайный советник граф Головкин — вице-канцлером и кабинет-министром.

Фельдмаршалу князю Ивану Юрьевичу Трубецкому — прощено 10 т. казенного долга и назначена ежегодная пенсия.

Обер-гофмаршалу графу Левенвольде и действительному тайному советнику графу Миниху (брату фельдмаршала) — даны «знатные суммы».

Генерал-аншефу Ушакову, адмиралу графу Головину и обер-шталмейстеру князю Куракину — орден Св. Андрея Первозванного.

Тайный советник Нарышкин — в действительные тайные советники; гофмейстер и камергер граф Миних (сын) — в обер-гофмейстеры; действительный статский советник фон Бреверн — в тайные советники.

Президенту Коммерц-коллегии, камергеру барону Менгдену, московскому губернатору Стрешневу — орден Св. Александра Невского.

Гофмаршалу Шепелеву и генерал-майору Апраксину — «маетности».

Камергер ее высочества Пушкин — в камергеры его величества и 6 т. рублей.

Генеральс-адьютант фельдмаршала графа Миниха, подполковник Манштейн — в полковники Астраханского пехотного полка.

Для разъяснения некоторых из поименованных наград, считаем нелишним привести здесь рассказ графа Минихасына о причинах их пожалования:

«Утром, весьма рано (после арестования Бирона) приказал отец мой позвать к себе меня, купно с президентом бароном Менгденом, и предложил, чтобы мы кого считаем достойным к пожалованию или к награждению, представили ему и притом с показанием нашего мнения, чем и как кто наилучше награжден быть может. Мы исполнили сие тут же, после чего приказал он мне взять перо и писать, что он мне говорить станет. Первое было, чтобы ее высочество великая княгиня и регентша благоволила возложить на себя орден Св. Андрея, и второе, генерал-фельдмаршала графа Миниха, за оказанную им услугу, пожаловать в генералиссимусы. Окончив сие, представил я ему, что хотя он по всем правам и заслугам сего требовать может, однако, я думаю, что, статься может, принц Брауншвейгский для себя оное готовит, почему и нужно бы было пристойным образом о сем у него разведать; в каковом случае советовал я отцу моему испросить себе титул первого министра. На сие он согласился и, оставя прежде упомянутое достоинство, избрал для себя последнее. После сего спросил он меня и барона Менгдена, как же может граф Остерман над собою терпеть первого министра? Мы отвечали, что надлежало бы и ему назначить достоинство, которое с высшим чином сопряжено, нежели

каковой он по сие время имел. Отец мой вещал, что он вспомнил, как граф Остерман в 1732 г., работая над новым положением для флота, намекал, что он охотно желал бы быть великим адмиралом. Да кто же будет великим канцлером?— вопросил я. Видя, что на сие отец мой ничего не отвечает, сказал я, что хотя князь Черкасский за свои поступки больше наказания, нежели награждения заслуживает, однако я думаю, что в начале нового правления милосердием и великодушием скорее утвердиться можно, нежели чрез меру строгим исследованием и наказанием уличенных преступников; что в сходствие того, ее высочество великая княгиня не может убедительнейшего предъявить довода своего великодушия, как если упомянутого князя Черкасского на вакантное великого канцлера достоинство возвысит. Наконец, дабы знатнейшие достоинства оставались в руках паче у природных россиян, нежели у иностранцев, то предложил я графа Михаила Головкина в вице-канцлеры. Когда потом, как упомянутые, так и другие к повышению и награждению следующие особы расписаны, то приказал отец мой списать с того расписания копию, съездить во дворец и поднесть оное принцессе на утверждение. По прошествии нескольких часов, приехал он и сам и получил ее согласие на все изображенные в расписании статьи» (Записки графа Миниха-сына. М., 1817. С. 207—210).

[113] Анна Леопольдовна действительно имела намерение доставить герцогство Курляндское принцу Людвигу Брауншвейгскому и вместе с тем женить его на цесаревне Елисавете Петровне. Однако ни одно из этих предположений не осуществилось, вследствие скорого падения правительницы. По вступлении на престол Елисаветы Петровны, принц Людвиг тотчас же был выслан за границу.

[114] Биографические сведения об Адеркас и ее характеристика, приведены в 1-м т. «Записок иностранцев о России» (Письма леди Рондо) на с. 51, 127 и 208. Здесь мы напомним только, что Адеркас была выслана императрицею за границу, за старания свои сблизить Анну Леопольдовну с саксонским посланником графом Линаром.

[115] Граф Мориц-Карл Линар (род. в 1702 г.) занимал пост саксонско-польского посланника в Петербурге, с апреля 1733 г. по декабрь 1736 г. Он был очень красив собою, и

принцесса Анна Леопольдовна страстно влюбилась в него. Вследствие этого, по просьбе императрицы Анны Ивановны, саксонский двор отозвал Линара из России. Когда Анна Леопольдовна сделалась в 1741 г. правительницею, то саксонский курфюрст, зная слабость ее к Линару, послал его в Петербург с поручением действовать во всем согласно с австрийским посланником маркизом Боттой и убедить великую княгиню отступиться от трактата, заключенного с прусским королем (см. примеч. 119), и составить против последнего союз с дрезденским и венским дворами. Линар не только с успехом исполнил поручение, но и сделался самым близким лицом к правительнице. Чтобы удержать Линара постоянно при себе и беззаботно пользоваться его присутствием, Анна Леопольдовна решилась назначить его своим камергером и женить на своей фаворитке, фрейлине Юлиане Менгден (см. след. примеч.). Линар отправился в Дрезден хлопотать у курфюрста об отставке, которая и была дана ему легко, потому что в Дрездене льстили себя надеждою, что новый обер-камергер будет в состоянии оказать много услуг саксонскому двору. Линар поехал обратно в Петербург и уже доехал до Кенигсберга, как получил известие, что правительница арестована цесаревною Елисаветою Петровною, а последняя провозглашена императрицею. Он поспешил возвратиться в Дрезден и снова вступил в саксонскую службу, находясь на которой и умер в 1768 г.

[116] Юлиана Менгден, дочь лифляндского ландмаршала, родилась в 1719 г. Когда именно поступила она в придворный штат — с достоверностью неизвестно; но чрезвычайная привязанность к ней Анны Леопольдовны заставляет предполагать, что Юлиана была совоспитанницею принцессы и товарищем ее детских игр. По свержении Бирона и принятии Анною Леопольдовною правления, Юлиана Менгден была наименована первою статс-фрейлиной; чтобы прикрыть связь правительницы с графом Линаром, Юлиана, из дружбы к ней, решилась выйти замуж за красивого графа и была торжественно помолвлена с ним в августе 1740 г. Падение Анны Леопольдовны расстроило этот брак; разделяя участь правительницы, Юлиана была заключена вместе с нею, сперва в Риге, потом в Динамюнде и Раненбурге. Когда же, в 1744 г., брауншвейгская фамилия была перевезена в Холмогоры, то Юлиана, по осо-

бому повелению императрицы Елисаветы Петровны, была оставлена в Раненбурге и содержалась здесь под строгим караулом до вступления на престол Петра III, который возвратил ей свободу. Она поселилась после этого в Риге, где и умерла в 1786 г.

[117] Характеристики Анны Леопольдовны, сделанные леди Рондо, Манштейном, графом Минихом-сыном и английским посланником Финчем, приведены нами в 1-м томе «Записок иностранцев о России» (Письма леди Рондо) на с. 196—199.

[118] За разъяснением этого места записок Миниха мы обратились к директору Московского архива М-ва иностр. дел, гофмейстеру, барону Ф. А. Бюлеру, который, со свойственною ему обязательностью, сообщил нам следующую заметку:

«В 1741 г. был заключен в Дрездене трактат между Римскою империею и курфюрстом Саксонским о взаимной помощи против короля прусского, занявшего своими войсками Силезию. Для этого уполномочены были: со стороны Римской империи граф Вратислав, а со стороны Саксонии — граф Брюль. В конференциях, происходивших по этому предмету, как видно из донесений нашего посланника при польском дворе, барона Кейзерлинга, принимал весьма деятельное участие патер Гуарини, у которого уполномоченные с обеих сторон постоянно собирались для переговоров. Россия была приглашена приступить к этому трактату, и копия с него сообщена петербургскому кабинету послом Римской империи маркизом де Ботта. В хранящейся в делах архива копии, подписанной, впрочем, только уполномоченными со стороны Римской империи, графом Францискомъ Вратиславом и Иоанном Клевенгюллером, число заключения трактата обозначено 11-м днем апреля 1741 г.».

[119] Готовность правительницы содействовать Австрии в войне ее с Пруссией поставила Россию в неприязненное положение к союзнице прусского короля, Франции, имевшей притязания на часть австрийских владений. Французский посол в Петербурге, маркиз Шетарди, получил повеление помешать, во что бы то ни стало, нашим намерениям относительно Австрии и с этою целью стараться о низвержении правительницы и возведении на престол цесаревны Елисаветы Петровны, а французский посол в

Стокгольме — убедить шведское правительство начать войну против России, чтобы развлечь наши силы. Благодаря французскому золоту, Швеция объявила нам войну под самыми ничтожными предлогами, провозгласив, между прочим, что имеет в виду освободить Россию из-под гнета иноземцев и доставить корону цесаревне Елисавете Петровне. Война эта продолжалась около двух лет (1741—1743 гг.) и окончилась уже в царствование императрицы Елисаветы, довольно выгодным для нас Абоским миром.

[120] Фридрих II в «Histoire сие mou temps», по поводу заключения этого трактата, рассказывает следующее: «Бирон был арестован, потом сослан в Сибирь, а принцесса Мекленбургская овладела правлением. Такая перемена казалась благоприятною для Пруссии, потому что Бирон, враг ее, был изгнан, а муж правительницы, принц Антон Брауншвейгский, приходился шурином королю (т. е. Фридриху II, который говорит о себе в третьем лице). Принцесса Мекленбургская соединяла с умом все капризы и все недостатки дурно воспитанной женщины; муж ее,— слабый и ограниченный,— имел только одно достоинство — врожденную неустрашимость. Миних, виновник их возвышения, настоящий герой России, был в то время облечен всею государственною властью. Пользуясь этим переворотом, король послал барона Винтерфельда будто бы поздравить принца Брауншвейгского и его супругу со счастливым окончанием этого события; тайная же цель этой поездки заключалась в привлечении на сторону Пруссии Миниха, тестя Винтерфельда (Винтерфельд был женат на дочери Миниха от первого брака), который и достиг этого вполне. Между тем польский король отправил в Петербург красивого графа Линара. Этот министр нравился принцессе Мекленбургской, правительнице России, и так как сердечные страсти берут верх над внушениями рассудка, то принцесса Анна скоро вступила в союз с королем польским».

По словам Манштейна (Mémoires. T. 2, pg. 118), Фридрих II прислал с Винтерфельдом жене Миниха перстень в 6000 рублей, а сыну 15 000 талеров и, кроме того, подарил последнему имение Виген в Бранденбурге.

[121] Мыза Гостилицы, в настоящее время село Петербургской губернии, Петергофского уезда, в 40 верстах от Петербурга; после ссылки Миниха Гостилицы были подарены императрицей Елисаветой Петровной графу А.Г. Разумов-

скому, а в последнее время принадлежали действительному тайному советнику Потемкину, по кончине которого достались по наследству князю Голицыну.

[122] Гвардейский караул был приставлен к дому Миниха более для наблюдения за его действиями, нежели для почета. Фельдмаршал, предчувствуя грозу, намеревался навсегда удалиться из России в Пруссию, куда его приглашал Фридрих II; но внезапное восшествие на престол Елисаветы Петровны лишило его возможности привести в исполнение свое намерение, и вместо Берлина ему пришлось прожить двадцать лет в Пелыме.

[123] Брылкин Иван Онуфриевич, служил камер-юнкером при дворе императрицы Анны Ивановны. Манштейн (Mémoires. T. I, pg. 146) говорит, что он вместе с гувернанткою Анны Леопольдовны, Адеркас, старался о сближении принцессы с графом Линаром и за это был переименован в капитаны гарнизона и удален в Казань, где оставался до падения Бирона.

В правление Анны Леопольдовны Брылкин был назначен не сенатором, а обер-прокурором Сената.

[124] Смольный дом находился на месте нынешнего Смольного монастыря. Он был построен Петром Великим в 1720 г. для летнего местопребывания цесаревны Елисаветы Петровны. Дом этот получил название Смольного от лежавшей близ него деревни Смольной, в которой был устроен завод, снабжавший смолою петербургское Адмиралтейство.

[125] Дворец, в котором императрица Елисавета Петровна жила до вступления своего на престол, находился против Царицына луга, почти на том самом месте, где теперь казармы л.-г. Павловского полка.

[126] Мы находим излишним дополнить рассказ Миниха о восшествии на престол Елисаветы Петровны, так как событие это уже не раз было подробно описано. Укажем, между прочим, на статью М. Д. Хмырова: «Граф Лесток», напечатанную в «Отеч. зап.» 1860. № 3, 4, 5 и 6 и в издании его статей (СПб., 1873) на с. 67—240.

[127] Христиан-Фридрих Гросс, виртембергский уроженец, учился в Тюбингенском университете и в 1725 г. прибыл вместе с профессором Бильфингером в Петербург, где вскоре был определен в Академию наук «чрезвычайным

профессором философии нравоучительные» с жалованьем по 300 руб. в год. Кроме занятий по академии, Гросс с 1728 г. сделался домашним наставником детей вице-канцлера, графа Остермана. В 1731 г. Гросс выбыл из академии, получив место секретаря Брауншвейг-Вольфенбютельского посольства при петербургском дворе. Продолжая пользоваться доверием графа Остермана, он, по поручению его, писал иногда разные деловые бумаги, что и послужило причиною его трагической кончины. Когда Остерман был арестован, то следственная комиссия, наряженная над ним, потребовала к допросу и Гросса; устрашенный угрозами, сделанными ему комиссией, Гросс по возвращении домой застрелился.

[128] Мавра Егоровна Шепелева, род. в 1708 г., была назначена на одиннадцатом году своего возраста камер-юнгферой цесаревны Елисаветы Петровны и затем сделалась ее фрейлиной и другом. По восшествии своем на престол, Елисавета Петровна выдала Шепелеву в 1742 г. замуж за камер-юнкера Петра Ивановича Шувалова, впоследствии графа (см. примеч. 130), а в день коронования своего пожаловала ее своей статс-дамой. Шувалова, имевшая большое влияние и значение при Елисавете Петровне, умерла в 1759 г.

[129] При императрице Елисавете Петровне, между прочим, начат строением Зимний дворец и построены: Аничковский и Царскосельский дворцы и церкви: Смольного монастыря, Св. Николая Морского, Спаса Преображения, Преп. Сергия (на углу Литейной и Сергиевской), Св. Захария и Елисаветы и др.

[130] Шувалов Петр Иванович, впоследствии граф и генерал-фельдмаршал, происходил из небогатой дворянской фамилии и служил при дворе цесаревны Елисаветы Петровны сперва камер-пажом, а потом камер-юнкером. Своим возвышением он был обязан перевороту 24 ноября, в котором принимал деятельное участие. С 1741 г. по 1753 г. Шувалов с необыкновенною быстротою прошел служебное поприще, сделавшись из камер-юнкеров генерал-адьютантом, генерал-аншефом, генерал-фельдцейхмейстером, сенатором, конференц-министром, графом и кавалером всех российских орденов. Отличительным свойством его характера было корыстолюбие, тяжело отозвавшееся на тогдашней русской промышленности. Он выпросил себе исключи-

тельную монополию на торговлю салом в Архангельске и Коле, на добывание тюленьего сала, на промыслы трески, наконец, на все рыбные промыслы на берегах Белого и Каспийского морей. Но Шувалову всего этого было мало. Он беспрестанно подавал императрице разные проекты, клонившиеся под видом приумножения государственной казны к увеличению его собственного состояния, которое приносило ему более 400 000 р. годового дохода. Шувалов взял также на откуп знаменитые гороблагодатские заводы и выпросил себе не только все находившиеся при них еще не разработанные материалы, но и 100 000 пудов уже выделанного железа. Чтобы заставить рабочее население Пермской губернии обратиться от соляных промыслов к работам на его заводах, он убедил правительство пустить в продажу экономическую соль. Он выхлопотал винным откупщикам многие льготы и, совершив с ними выгодную сделку, сам вступил в подряды. Он был виновником отмены внутренних пошлин, стеснявших нашу торговлю, но сделал это не из видов государственной пользы, а, во-первых, потому, что, сосредоточив в своих руках все рыбные промыслы и железные заводы, сам сделался одним из главнейших торговцев и, следовательно, платился наряду с другими; во-вторых, по его внушениям, купцы поднесли ему в благодарность за это дорогой цены бриллиантовую звезду и крест ордена Св. Андрея Первозванного. Сверх того, приняв на себя звание директора комиссии о переделе медной монеты, он действовал самостоятельно и не отдавал отчета даже Сенату, раздавая частным образом деньги под проценты дворянам и извлекая из этого огромные барыши. По должности генерал-фельдцейхмейстера Шувалов оказал довольно важные услуги русской артиллерии разными усовершенствованиями и изобретениями. Он был крайне мстителен, но, при неоспоримом уме и даре изложения, мог бы быть полезным для России, если б не устремлял всех своих способностей только к одной цели — обогащению и не разорял бы государство для своих личных выгод.

[131] В дополнение к характеристике Елисаветы Петровны, сделанной Минихом, приведем отзыв о ней современника ее, князя М. М. Щербатова: «Сия государыня из женского пола в младости своей была отменной красоты, набожна, милосердна, сострадательна и щедра; от природы одарена довольным разумом, но никакого просвещения не

имела, так что меня уверял Д. В. Волков, бывший конференц-секретарь, что она не знала, что Великобритания есть остров; с природы веселого нрава и жадно ищущая веселий; чувствовала свою красоту и страстна умножать ее разными украшениями; ленива и недокучлива ко всякому, требующему некоего прилежания к делу, так что за леностью ее не токмо внутренние дела государственные многие иногда лета без подписания ее лежали, но даже и внешние государственные дела, яко трактаты, по несколько месяцев, за леностью ее подписать ее имя, у нее лежали; роскошна и... дающая многую поверенность своим любимцам, но, однако, такова, что всегда над ними власть монаршу сохранила. Хотя она при шествии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса Нерукотворенного, обещалась, что если взойдет на родительский престол, то все царствование свое повелением ее никто смертной казни предан не будет, однако, приняв престол, многих из вельмож повелела судить, в чем? В том, что они к царствующим тогда государям были привязаны и что не почитали ее наследницею престола, но, опасаясь имя ее родителя и рождение ее, давали сходственные с пользою тех государей предосудительные ей советы, и оные были осуждены на смерть, приведены к эшафоту и хотя свобождение от казни получили, но были в ссылки разосланы» (О повреждении нравов в России //Рус. старина. 1870. Т. 2. С. 99).

[132] Императрица, тотчас же по вступлении своем на престол, уничтожила «кабинет» и восстановила во всей силе власть Сената в управлении внутренних государственных дел; хотя в последние годы ее царствования и была учреждена так называемая «конференция», в которой заседали лица, приближенные к государыне, однако, несмотря на это, обширные права Сената оставались почти неприкосновенными. Ни из указа об учреждении конференции, ни из образа действий самой конференции не видно намерения в чем-либо уменьшить власть Сената. В конференции, сколько можно судить по указам, вышедшим из нее, занимались больше всего иностранными сношениями, военными вопросами, формированием новых полков и т. п., относительно же внутреннего управления, равно как вопросов внешней и внутренней торговли, «конференция» ничего не разрешала сама собой, не спросив прежде мнения Сената.

[133] В донесении о болезни и кончине императрицы, представленном лейб-медиком Мунзеем, было сказано, что у государыни, еще с 1760 г., появились болезненные припадки в груди и опухоль в ногах (oedemapedum) и оказались признаки завалов в желудке. Простуда, полученная 17 ноября 1761 г., имела следствием лихорадочные припадки, которые пресеклись 1 декабря; но с 12-го числа того же месяца, в одиннадцать часов вечера, началась рвота с кровью, возобновившаяся с великою силою на другое утро в пять часов. Врачи сначала приняли болезнь эту за волнение крови, происходящее от геморроя (abnorme haemorrhoidal — congestionen), и весьма изумились, найдя при кровопускании воспаление в крови. На другой день больной было еще раз сделано кровопускание, но без всякой пользы; 22 декабря последовала новая и сильная рвота с кровью, а 25-го числа императрица скончалась.

[134] Намерение Петра III начать с Данией войну из-за интересов, совершенно чуждых России, возбудило всюду сильное неудовольствие и ропот; в особенности была недовольна гвардия, которая получила уже приказание выступить в поход. Обстоятельство это значительно увеличило число приверженцев Екатерины II и послужило одним из поводов к ускорению переворота 29 июня 1762 г., лишившего Петра престола.

[135] В дополнение к характеристике Петра III, сделанной Минихом, приводим еще два отзыва о нем, князя Щербатова и княгини Дашковой:

«Сей государь,— говорит Щербатов,— восшедши на всероссийский престол без основательного разума, без знания во всяких делах, восхотел поднять вольным обхождением воинский чин. Все офицеры его голштинские, которых он малый корпус имел, и офицеры гвардии часто имели честь быть при его столе, куда всегда и дамы приглашались. Какие сии были столы? Тут вздорные разговоры, смешанные с неумеренным питием были смешаны, тут после стола поставленный пунш и положенные трубки, продолжение пьянства и дым от курения табаку, представлял более какой трактир, нежели дом государский; коротко одетый и громко кричащий офицер выигрывал над прямо знающим свою должность. Похвала прусскому королю, тогда токмо преставшему быть нашим неприятелем, и унижение храбрости российских войск составляли достоинство приобре-

сти любление государево» (О повреждении нравов в России //Рус. старина. 1871. Ч. 3. С. 673 и 674).

«Являться каждое утро на парад — пишет Дашкова,— хорошо есть, пить бургонское, проводить вечера между шутами и женщинами и исполнять всякое приказание прусского короля — вот что было счастьем и славою Петра III. Самыми великими предприятиями его было отнять у датского короля клочок земли, который он считал своею собственностью; и с такой поспешностью действовал в этом деле, что даже не хотел отложить его до окончания своей коронации» (Записки княгини Дашковой. Лондон, 1859. С. 51).

[136] Петр III, по вступлении своем на престол, уничтожил «конференцию», объявив, «что отныне никакого особливого совета или конференции не будет», но вслед же за тем учредил при дворе «совет» под своим председательством, для того чтобы, как говорилось в указе, «многие наши к пользе и славе империи нашей и к благополучию верных подданных принятые намерения, наилучше и скорее в действо произведены быть могли». Этому совету были предоставлены права, уменьшавшие значение Сената, которому даже было запрещено издавать такие указы, «кои в некоторый закон или хотя в подтверждение прежних служат, не представя наперед нам и не получив на то апробацию». Порядок сношения совета с другими учреждениями империи напоминал даже «кабинет» императрицы Анны: «исходящие из сего места указы будем мы подписывать нашею рукою, но о делах меньшей важности будут они одни подписывать от нашего имени во все места, почему исполнять как по нашим собственным указам, а рапорты на то писать реляциями просто на наше имя, адресуя на конверте к нашему тайному секретарю Волкову». С низложением Петра окончилось и существование учрежденного им совета.

Слова Миниха о том, что Волков управлял умами всех членов совета и делал что хотел, подтверждаются свидетельствами других современников.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДНЕВНИК ГЕНЕРАЛА БУРХАРДТА ХРИСТОФА ФОН МЮННИХА,

НАЧИНАЯ С 1683 г. ПО 6 МАЯ 1727 г.

1683. Мая 9(20), я, Бурхард Христофор фон Мюнних родился в вотчине моих родителей Нейенгундорфте в графстве Ольденбургском.

Отец мой был Антон Гюнтер фон Мюнних, владетель вотчины Нейенгундорфта, княжеский остфризский тайный советник и дросте в Эзенсе, в нынешнем же году бывший... графств Ольденбурга и Дельменгорста в службе его королевского величества короля датского.

Мать моя была София Катерина фон Мюнних, урожденная фон Эткен.

О предках моих сведения можно получить из прилагаемой при сем генеалогической таблицы.

Таблица в том виде, в каком покойный отец велел написать ее и в каком ее можно найти с приложением семейных гербов в Нейенгундорфте. В таком же виде она была приготовлена для похорон моей бабушки, Елисаветы Евы фон Нуцгорн; боковые же ветви за недостатком места тут опущены*.

1700. Февраля 1-го, получил вместе с старшими братьями от их светлости князей ост-фрисландских паспорт на проезд через Голландию, Францию и пр.

1701. Августа 1-го, прибыл во Францию и, пробыв три месяца в Страсбурге, поехал в Дармштадт.

---

* См. таблицу эту в конце автобиографии.

1702. Февраля 15-го, получив из кабинета его светлости ландграфа гессен-дармштадтского патент на чин капитана инфантерии и кандидатство на командование 1-ю ротою, и снабженный паспортом от его княжеской светлости, в котором удостоверялось мое капитанское звание, я возвратился к своим родителям в Фрисландию.

1702. Марта 19-го, умер Вильгельм III, король английский.

1702. Мая 14-го, окончив благополучно поездку в Фрисландию, прибыл снова в Дармштадт, чтобы принять свою роту.

1702. Июля 17-го, получил патент на чин капитана в старом Шраутенбахском пехотном полку и на таком условии, чтобы военный оклад жалованья числился за мною уже с первого числа того месяца.

1703. Июня 29-го, обручился при дармштадтском дворе с гоф-дамою ее светлости ландграфини, с благородною фрейлиною Христиною Лукрециею фон Вицлебен.

1704. Января 8-го, умер шурин моей матушки, Даниил Сарнихгаузен.

1704. Мая 12-го, находился в карауле на Рейне со своею ротою; но так как опасения, что неприятель перейдет через Рейн, исчезли по приближении английских, гессенских и др. союзных войск, то получил приказание от генерал-майора фон Шраутенбаха оставить караул, занятый моею ротою.

Мая 15-го был отправлен дармштадтским ландграфом во Франкфурт к наследному принцу Гессен-Кассельскому, чтобы отдать честь его светлости и просить его снисхождения к дармштадтским владениям, через которые должны были проходить гессенские войска.

16-го возвратился из этой комиссии; в тот же день гессен-кассельский наследный принц проехал через Дармштадт, а дармштадтский ландграф отправился в Эмс на воды.

29-го, был командирован к княжескому охотничьему дому Егерсбургу, чтобы охранять его во время прохождения мимо его английских войск.

Июня 1-го, когда английские войска прошли, то получил приказание отступить и 2-го числа опять прибыл в Дармштадт.

1704. Октября...

1705. Января 1-го, прибыл в первый раз в Зост к своему шурину фон Ретбергу и к старшей сестре, которой не видал уже несколько лет; тут, не доезжая одной мили до Зоста, опрокинулся мой почтовый экипаж и выбросил меня в канаву, которая была очень глубока.

31-го, отправился из Зоста по почте через Минден к родителям в Фрисландию.

1705. Февраля 6-го, прибыл в Эссенс к дорогим родителям своим в полном здравии.

1705. Марта 4-го, получил от его светлости князя фрисландского назначение главным инженером помянутого княжества и принадлежащих к нему владений, на тот случай, если иностранная служба дозволила бы мне принять таковую должность.

9-го, выехал из Эссенса на собственных лошадях в сопровождении гг. Гланс и Болениус, которые хотели через Кассель и Дармштадт отправиться в армию; а два дня перед тем получил письмо от г. фон Штейнэкер, в котором какой-то барон Гент, живший при фрисландском дворе, запрашивал, не хочу ли я поступить подполковником в голландскую службу.

Марта 22-го, прибыл с прекрасным экипажем в Кассель.

28-го, кригсрат Клаути предложил мне от имени его светлости ландграфа командование ротой в гвардейской пехоте с чином майора, и когда я принял предложение, то 28-го числа получил патент.

Апреля 1-го, начал числиться майором в гессен-кассельской службе, вследствие чего я тотчас поехал в Дармштадт, чтобы уволиться из тамошней службы.

9-го, прибыл туда в своем экипаже.

13-го, подал в отставку, в чем вначале встретил отказ, но потом по ходатайству нескольких добрых приятелей и в уважении того, что дармштадтские войска в этот год не отправятся в поход, добился резолюции его светлости, в силу которой был всемилостивейше уволен.

Апреля 28-го, был обвенчан с дражайшею невестою своею Христиною Лукрециею фон Вицлебен, в то время гоф-фрейлиной при светлейшей ландграфине гессен-дармштадтской.

Она родилась 14 августа 1685 г. в пятницу, в 8-м часу утра, в Эйхенберге, дворянском поместье Альтенбургского княжества, принадлежавшем г. Гаррасу, от которого мой тесть взял его в аренду. Тут же дражайшая супруга моя окрещена 16 августа того же года магистром Силлингеном.

Отцом ее был Ганс Гейнрих фон Вицлебен, ...ландес-гауптман-оберст-вахтмистр княжества альтенбургского, бывший гувернером его светлости герцога Фридриха Готского и пользовавшийся за свою честность всеобщим уважением.

Мать же ее, Анна Деворра фон Вицлебен, родилась в Зебахе и была обер-гофмейстериною при разных княжеских дворах, в каковых должностях ознаменовала себя блестящими христианскими добродетелями.

Дед с отцовской стороны — Фридрих Эрнст фон Вицлебен; жена его Анна Агнеса фон Вицлебен, урожденная фон Эрффа. Дед с материнской стороны — Ганс Людвиг фон Зебах, женатый на Анне Лукреции фон Зебах, урожденной фон Вангенгейм, как значится в таблице.

Восприемниками ее были;

1) Светлейшая княгиня, герцогиня саксен-готская, урожденная марк-графиня баденская.

2) Высокоблагородная Анна Лукреция фон Зебах, урожденная фон Вангенгейм, вдовствующая владе-

тельница Шёневердена, приходившаяся ей бабушкой с материнской стороны.

По этим двум восприемницам ей были назначены имена Христина Лукреция.

3) Баронесса фон Потенган, урожденная фон Эрффа.

4) Г-жа Мария фон Глейхен, урожденная фон Вормсен.

5) Г-жа девица Перпетуа Елисавета Зебах, владетельница имения Годлау фон Гумбардо. В церковь несла ее девица фон Лангенфельд из Вейсенбурга.

6) Г. Фридманн Мельхиор фон Вицлебен, владетель Эльгерсбурга и Ангелроды.

7) В. Евстахий Гейнрих фон Гаррас, владетель Османштета и Эйхенберга, где, как выше упомянуто, совершены крестины.

Тесть мой умер еще в 1693 г. 7 июня, так что я не имел счастья знать его лично.

Теща же моя в то время, как я обвенчался, была обер-гофмейстериной у светлейшей ландграфини гессен-дармштадтской и присутствовала при церемонии.

Венчание происходило в аудиенц-зале ландграфского замка в Дармштадте, и было совершено с надлежащим церемониалом его светлости придворным священником и инспектором Клауде.

1705. Мая 8-го, умирает римский император Леопольд.

Июня 2-го, я выехал из Дармштадта в армию, которая стянулась к реке Мозелю, под начальством герцога Марльбругского, и оставил любезную жену свою в Дармштадте; второй брат ее, Альбрехт фон Вицлебен, бывший пажом у герцога готского, отправился со мною в качестве волонтера.

7-го числа, прибыл в армию, которая расположилась около Цирха, в 9 часах пути за Триром.

10-го, был определен его светлостью герцогом Иоанном Адольфом саксен-вейсенфельским, который был тогда подполковником в гессенской гвардейской

пехоте, командиром роты, находившейся прежде под начальством графа Данова.

Августа 28-го, был опасно ранен на дуэли с капитан-поручиком Вобезером, с которым я перед тем ни разу не говорил; я нанес ему царапину через грудь от одного сосца до другого, а он проткнул два раза правую руку, и в последний раз, когда я был утомлен потерею крови, попал в локотный сустав с такою силою, что шпага прошла насквозь до самого горла.

1707. Января 23-го, вечером, в 5 часов, родился на свет мой первый сын в Сончино, городе герцогства миланского, где я стоял тогда на зимней квартире, а в следующий день, 24-го, он был окрещен полковым священником и наречено ему имя Антон Гюнтер Вильгельм Эрнст.

Восприемниками были:

1) Мой отец Антон Гюнтер фон Мюнних.

2) Вильгельм Эрнст фон Шпигель, генерал от кавалерии и главнокомандующий гессен-кассельскими войсками.

3) Эрнст фон Вильке, генерал-лейтенант по гессен-кассельской пехоте, по каковым трем восприемникам младенец и получил имя.

4) Фон Милиц, гессен-дармштадтский тайный советник и обер-гофмейстер; это был мой особенный покровитель, который способствовал моему бракосочетанию.

5) Фон Бутлер, в то время мой подполковник, который принял младенца из купели.

6) Обер-гофмейстерша фон Вицлебен.

Любезная жена моя чувствовала себя так хорошо после этих первых родин своих, и оба мы были так рады счастливому рождению нашего сына, что я еще в тот вечер велел выстроиться своей роте перед моей квартирой и отсалютовать это событие несколькими залпами, а потом пригласил офицеров своего полка, равно как и главных представителей дворянства и магистрата, вместе с несколькими итальянскими да-

мами, и таким образом устроил порядочное угощение. Хотя женский пол в Италии в то время и не участвовал в обществах, особенно если в таковых присутствовали чужие офицеры, тем не менее хозяйка наша, у которой мы стояли на квартире, и другая благородная дама, пользовавшаяся большим почетом в городе, склонила прочих дам явиться на этот праздник, который был заключен танцами.

При этом случае я заметил, что лица обоего пола очень ловко танцуют итальянские форланы, но в то же время что и женский пол в Италии, так как он мало бывает в обществе, сначала очень дичится и почти не хочет вступать в разговоры; потом же, особливо за танцами, он делается таким развязным и необузданным, что, судя по этому, нет ничего удивительного, если мужья и отцы в Италии держат своих жен и дочерей под таким строгим присмотром. При этом случае я невольно вспомнил об этих стихах, которые г. Гоберг перевел из эклоги Фирсис, древнего поэта Феокрита.

Вы, козы, перестаньте танцевать!
С козлом иначе вам несдобровать,

как об увещании, которое бы очень пригодилось для тогдашних гостей моих.

Как редко тогда можно было встретить итальянских дам в обществе иностранных офицеров, видно из того, что упомянутая сходка была первым и последним случаем, в которой я встречался с ними, несмотря на то, что я простоял в Италии на зимних квартирах всю эту зиму и часть последующей, что любезная жена моя постоянно была со мною и что я сам достаточно мог изъясняться по-итальянски, чтобы принимать участие в разговоре.

1707. Февраля 22-го, скончался в Пиццигитоне, вечером, при закате солнца, наш сын, родившийся за 4 недели перед этим. Он умер от конвульсий, без всякого признака другой болезни. Вследствие этого

неожиданного случая, постигшего нас на пути в Милан, мы воротились в нашу квартиру и похоронили младенца под ретраншементом.

1709. Февраля 10-го, около часу пополудни, родилась на свет моя старшая дочь, а следующего 11-го числа, ее окрестил один брауншвейг-люнебургский полковой священник и нарек ей имена София-Анна-Луиза. Местом рождения же был город Мехельн в Брабанте, а восприемниками были:

1) Бабушка с материнской стороны, София-Катерина фон Мюнних, урожденная фон Эткен.

2) Бабушка с материнской же стороны, Анна-Деворра фон Вицлебен, урожденная фон Зебах.

3) Генеральша Луиза фон Зейбельдсдорф, урожденная фон Шпигель, каковые восприемницы одни были налицо и приняли младенца из купели.

4) Тетка с материнской стороны, тайная советница Анна-София фон Вурмб, урожденная фон Зебах.

5) Дядя Иоганн-Фридрих фон Мюнних, наследственный владетель Броктейха и Нутцорна.

6) Дядя же Иоганн-Вильгельм фон Зебах, владетель Шеневерда.

7) Г-жа фон Шверцельн, урожденная фон Экстерн.

Даруй Боже младенцу христианскую добродетель и дай ему возрасти на славу Твою.

Это случилось во время жесточайшей стужи в тогдашнюю холодную зиму. Живучи в квартире, которая по голландскому обычаю имела большие камины, я тратил в день не менее одного талера на топливо (что составляло часть моего жалованья). Несмотря на это, однакож не нагревалась ни одна комната, так что родильница и новорожденная кое-как только могли согреваться в постели, пока не прошла жестокая стужа.

Так как дрова, которые я покупал, не отличались слишком большою сухостью, то я мог наблюдать у камина, как горел один конец поленьев, а на другом замерзала влага, выкипавшая из них.

Когда мне нужно было писать, чернильница моя стояла у огня на горящих угольях. Но лишь только я успевал написать 4 или 5 слов этими горячими чернилами, как они уже примерзали к перу. А так как у меня была оловянная чернильница, то она наконец и расплавилась от жара.

1721. Января 8-го, отправил из Варшавы доверенность к моему брату, тайному советнику, чтобы он, в случае кончины отца, заступил мое место при разделе наследства.

Старшая же моя сестра, г-жа фон Ретберг, прибыла в Гунторфт 8 марта и лично присутствовала при этом разделе.

18 марта скончались покойные родители мои, отец Антон-Гунтер фон Мюнних и мать София-Катерина фон Мюнних, урожденная фон Вактерн, и схоронены в наследственном имении Нейенгундорфте в тамошнем фамильном склепе.

21 марта приступили к разделу, а 23-го к распродаже излишней утвари и мебели.

Февраля 21-го, пустился в дорогу в С.-Петербург, сопровождаемый обер-аудитором Шумахером и прислугою, из которой никто не знал, куда шел путь наш. Семейство мое оставалось в Варшаве, а я держался следующего тракта и, велев подложить под карету полозья, так как была санная дорога, быстро прибыл означенного

21	февраля	из	Варшавы	в	Блонье	4 мили
«	«				Жохачев	4 «
«	«				Гомбен	5 «
«	«				Гостин	3 «
22	февраля	«	«	«	Коваль	4 «
«	«				Бржез Куявский	3 «
23	«	«	«	«	Торн	7 «
24	«	«	«	«	Грауденц	8 «
25	«	«	«	«	Гавензе	2 «
«	«				Ризенбург	3 «
«	«				Прейш-Маркт	3 «

26 февраля	«	«	«	Прейш-Голланд	4 мили
«	«			Мюльгаузен	2 «
«	«			Фраунберг	2 «
«	«			Браунсберг	4 «
27 февраля	«	«	«	Гейльгенбейль	1 «
«	«			Кенигсберг	7 «
28 «	«	«	«	Кунц	9 «
1 марта из Варшавы в				Шмельц и через Гаф	$8^1/_2$ мили
2 «	«	«	«	Мемель	$^1/_2$ «
«	«			Полангen	3 «
«	«			Бондендиск. гост.	$2^1/_2$ «
3 «	«	«	«	Обербарте	6 «
«	«			Асситтен	5 «
4 «	«	«	«	Эссерск. корчму	3 «
«	«			Эссерн	2 «
5 «				Ревель	4 «
в 13 дней					$166^1/_2$ мили.

Ночь с 5-го на 6-е я оставался в Ревеле у моего свояка, г. фон Вильдемана, и у младшей сестры моей, которую я не видел уже несколько лет.

6 марта прибыл в	Митаву		7 миль
6 «	Шульценскую корчму		3 «
	Ригу		3 «
10 «	Дерпт	224 в.	40 «
12 «	Нарву	197 «	35 «
14 «	С.-Петербург	146 «	25 «

которого достиг утром в 8 часов в добром здравии,

с 5-го по 14-е 9 дней	миль 113
транспорт 13	106
Итого 22 дня	$219^1/_2$ мили.

NB. От Риги до Петербурга почта считается не по милям, а по российским верстам, коих на милю идет от 5 до 6 в. Каждая верста имеет 500 саженей.

Марта 23-го я отправился с его царским величеством по его всемилостивейшему приказанию в придворном экипаже на мызу Стрельну, в Петергоф,

Ораниенбаум и Кронштадт, куда мы при хорошей санной дороге прибыли в тот же вечер. Во время этого путешествия был при нас барон фон Вальдекер, посланник трирского курфюрста.

Его царское величество показал мне и барону фон Вальдекеру все, что в Стрельне и Петергофе было достопримечательного, а 24-го, его царское величество сам показал нам гавань, флот, лучшие корабли его, большой канал, начатые доки и укрепления старого и нового Кроншлота, над которыми, несмотря на зимнее время, в то время сильно работали; также лежавшее на берегу французское судно, которое недавно погибло, потому что оно не следовало настоящему фарватеру, идущему мимо укреплений. Тут его величество взял топор и собственноручно отрубил кусок сваи, принадлежавшей к старым укреплениям, которые прежде были выстроены на том месте, чтобы показать нам, как мало тут подгнило дерев; потом показал нам фрегаты, отнятые у шведского флота и проч., и проч. Наконец мы в свите его величества вернулись в С.-Петербург, куда прибыли вечером того же дня.

Известие об этом путешествии было напечатано в газетах, и таким образом польский двор впервые узнал, что я в Петербурге.

Его величество, король польский, который до тех пор хранил большую благосклонность ко мне, по этому случаю послал своего камер-инженера майора Яуха к моей жене, чтобы ей сказать, что если она не знает, где я, то его величество извещает ее, что я в Петербурге. В ответ на это жена моя униженно извинилась, говоря, что не знает моего местопребывания. Газеты же его королевское величество отправил к фельдмаршалу графу фон Флеммингу с запросом, правдиво ли известие обо мне, на что граф отвечал, что считает это известие такою же ложью, как и многое другое, что печатается в газетах.

Так как в это время происходили переговоры о мире между Россиею и Швециею, то его величество

с целью подвинуть переговоры приготовился к поездке в Ригу, но когда был спущен корабль.....то он не поехал.

Посланник Долгорукий, который в Варшаве предложил мне от имени его царского величества вступить в русскую службу и обещал мне большие выгоды, находился в Петербурге и участвовал в нашей поездке в Кронштадт, но несмотря на то, что я торопил как его, так и генерал-фельдмаршала князя Меншикова, чтобы получить резолюцию насчет моего определения, я добился, однакож, ничего иного, как царского приказа следовать за его величеством в Ригу.

Апреля. Не добившись в Петербурге резолюции насчет моего определения и получив из Кронштота приказ его величества следовать за ним в Ригу, куда он выехал числа, я отправился обратно из Петербурга по почте 2-го числа нового стиля и

5-го	прибыл	в	Нарву	25	миль
8-го	«	«	Дерпт	35	«
11-го	«	«	Ригу	40	«

Это путешествие было очень тягостно, потому что наступила весна, и я несколько дней, в местах, где не было снега, должен был ехать на колесах, в других — на полозьях, так что приходилось постоянно то снимать колеса с своего экипажа, то снова надевать их.

Май, июнь.

Его царское величество был частью так занят заключением мира между Швецией и Россией, о котором тогда трактовали, частью так недоступен вследствие приключившейся болезни, что я в течение нескольких недель не мог получить резолюции, пока, наконец, 22 мая (2 июня), в то время, когда его царское величество хотел поехать из Риги в С.-Петербург, тайный советник граф Толстой и генерал-майор Ягужинский объявили мне резолюцию, что в силу универсала, изданного год тому назад, все иностранные офицеры, поступив в русскую службу, должны по крайней мере

год прослужить в прежнем чине, и что на этом основании его величество соизволил принять меня в свою службу с чином генерал-лейтенанта.

Вследствие сего мне тогда же выдали патент, за собственноручною подписью его величества, числом следующего года, следующего содержания:

Божиею милостию, Мы Петр Первый Царь и Самодержец всея России и проч. и проч.

Объявляем сим всем и каждому, что приняли на свою службу генерал-майора Мюнниха и за рекомендованную нам его опытность и ревность определили его генерал-лейтенантом нашей армии; сим же мы повелеваем всем Нашим подданным признавать и уважать означенного генерал-майора, как подобает, нашим генерал-лейтенантом. За сие Мы уповаем, что он в жалованном ему всемилостивейше чине будет служить Нам верою и правдою, как следует доброму и верному офицеру и слуге. В засвидетельствование чего мы сие скрепили собственноручною подписью и приложением Нашей военной печати. Дано 22-го Мая 1722 г.

ПЕТР

1721. А так как по случаю смерти моего отца я должен был отправиться домой для раздела имения с братьями и сестрами и для того, чтобы вступить во владение своею частью, то я тотчас взял отпуск для этой поездки. Его величество же, пригласив меня перед своим отъездом к обеду и удостоив чести быть допущенным к целованию руки, выехали 2 июня из Риги в С.-Петербург. Но так как мне нельзя было оставить Ригу без паспорта, то к генерал-губернатору князю Репнину было послано письменное приказание снабдить меня таковым паспортом.

Июня. Перед тем я однакож должен был доставить г. тайному советнику графу Толстому письменный реверс, в котором обещал возвратиться на службу е. ц. в. при первой возможности. Вслед за тем я отправился:

5-го	июня	из	Риги.	
6-го	«	в	Ревель	14
11-го	«	«	Мемель	24
12-го	«	«	Кенигсберг	18
13-го	вечером	на	судне в Данциг	36
16-го	прибыл	в	Данциг	
17-го	«	«	Денемор	$4^1/_2$
18-го	«	«	Вуцкау	$4^1/_2$
«	«	«	Капау	2
«	«	«	Штольпен	3
«	«	«	Славе	8
«	«	«	Кеслин	5
19-го	«	«	Кеслин	3
«	«	«	Пиннау	4
«	«	«	Нейгард	4
«	«	«	Старгард	4
20-го	«	«	Штетин	5
«	«	«	Фалькенвальде	2
«	«	«	Анклам	4
«	«	«	Укермюнде	5
21-го	«	«	Деммин	5
«	«	«	Гистров	7
22-го	«	«	Шверин	7
«	«	«	Виттенберг	4
«	«	«	Лестекруг	3
23-го	«	«	Бергедорфт	5
«	«	«	Гамбург	2

В Ревеле я оставался у сестры до 8-го числа. 18-го его к. в. король прусский обозревал конный и пехотный полки, стоявшие в Кенигсберге. Я был на смотру, но чтобы не замешкаться, не представлялся е. в. 17-го числа я писал в Варшаву к г. генерал-фельдмаршалу, графу Флеммингу, потребовал увольнения из польской и саксонской службы и донес ему, что поступил в русскую службу, а из Данцига я отправил морем в Любек обер-аудитора Шумахера с моим камердинером и частью моего багажа.

В Гамбурге я оставался частью для того, чтобы отдохнуть от дороги, частью для того, чтобы увидеться с родственниками, которых давно не видал уже. Отсюда же я известил братьев о своем прибытии.

1721. Июля 1-го я выехал из Гамбурга и прибыл

	в Бланкенезе	2	мили
там переправился через Эльбу	в Буксгегуде	1	«
	« Клостер Севен	4	«
2-го выехал	« Оттерсберг	3	«
	« Бремен,		
где навестил своих теток		3	«
3-го водою	в Эльсфлет	3	«

«

Здесь я посетил старшего брата и осмотрел свой дом в Мюнхенавском имении.

Затем	в Гунторфт	1	милю.

Тут встретил младшего брата с его женою, занятого разделом имения и выжидавшего меня, так как я дал ему со своей стороны полномочие для раздела. Несколько дней спустя прибыли в Гунторфт обер-аудитор Шумахер и люди, отправленные вместе с моими вещами морем.

Так как я решился возвратиться в Петербург как можно скорее, чтобы начать службу, то я вместе с младшим братом употребил все усилия, чтобы ускорить раздел с остальными и приготовиться к отъезду.

На этот конец мы три брата назначили окончательное совещание в Эльсфлете на 12 июля и, хотя старший брат мой был очень недоволен тем, что отец назначил меня, среднего, главным наследником всех имений, и потому много спорил, мы согласились все-таки 12-го числа, особенно потому, что я всячески старался уступить ему, где уступки не были прямо противны воле отца. Таким образом, я уступил ему дом в Эльсфлете с принадлежностью за $666^{2}/_{3}$ талера, чтобы не оставить его недовольным или еще вызвать процесс между братьями. 13 июля как я, так и

оба брата подписали рецесс, коим раздел наследства был покончен.

14 июля к нам прибыл и муж старшей сестры нашей, г. фон Ретберг, с которым также все было покончено того же числа, так что в следующий день, когда мы вместе с ним поехали в Гунторфт, мы вручили друг другу обоюдные квитанции.

Так как мой брат, тайный советник, имел полномочие и от младшей сестры и сверх того прибыл еще поверенный ее, адвокат Куне, то ее часть успели выделить, к общему удовольствию. Весь раздел между нами, братьями и сестрами, достиг, таким образом, желанного конца, как значится в раздельном рецессе и в приложенных к нему ликвидациях. Не имея в Гунторфте хозяйства, я, после отъезда младшего брата в восточную Фрисландию, где служебные дела требовали его присутствия, отправился вместе с ним и его женою в восточную Фрисландию, а зять мой г. фон Ретберг возвратился в Вестфалию.

Это случилось 16 июля, и мы в тот же день приехали в Бакорн. 3 мили.

17-го в Эссен 4 «

В Эссене я остался у своих братьев до середины августа, устроил с ними все, что касалось управления двумя моими имениями, Гунторфтом и Эльсфлетом, и условился так, что старший брат принял на себя управление Эльсфлетом, а младший Гунторфтом.

Также я совершил несколько поездок в Аурих и Норден к депутатам земских сословий и к его светлости князю восточной Фрисландии, чтобы получить уплату некоторых долгов в несколько тысяч или же обеспечение за них. Упомянутые сословия на этот конец отправили ко мне депутацию и после некоторых переговоров выдали мне облигацию в ....., которая впоследствии и была уплачена.

Август. Успев в получении наследства и вступив во владение имений, и имея полную возможность в рассуждении управления их положиться на своего

брата, тайного советника, даже во время отсутствия моего, я в середине августа пустился в обратный путь, причем названный брат и жена его проводили меня до Бремена; но прежде чем мы достигли этого города, мы провели еще несколько дней в Гунторфте, где находились вещи моей покойной мачехи. На эти вещи претендовали ее наследники Валтеры, в лице своего полномочного королевско-датского советника Гоудена. И с ними все было покончено полюбовно и вещи им выданы.

22-го числа я оставил Бремен.

23-го прибыл в Гамбург — 13 миль. Желая познакомиться с матерью моей свояченицы, г. тайною советницею фон Витцендорф и с ее семейством, я выбрал тракт через Ратцебург, где она живет, но не застал ее, а только ее второго сына. Вследствие этого я не хотел остановиться и навестил его под именем капитана Ретберга, передал ему письмо к его матери.

Из Ратцебурга я отправил 27 августа, через почтодержателя Бергмана, 100 тал. в Ганновер, к адвокату Альберти, как к своему поверенному, для получения инвеституры за ленное имение Гунторфт.

Как сказано, я прибыл в Ратцебург 26-го
в Любтен 27-го*.

* Пробелы означают места, оставленные такими в автографе.

		Burcliard Christoff v. Münnich, General, geboren den 9/20 May 1683.	Christina Lucretia v. Witzleben auf Elgeisburg, geboren den 14/25 August 1685.		
Johann Diedrich v. Münnich, Herr zum Nutzhorn, Königl. Dänisclier Graf.	Lucretia Sophia v. Münnich.	Anthon Günther v. Münnich, Herr zu Neuenhuntorft u. Elsfleht, Fürstl. Ost-Friessisclier geh. Rath u. Droste. Nat. 9 Juny 1650.	Sophia Catharina v. Oetken, geboren den 22 Juny 1659.		
Diedrich v. Münnich, Ober-Vorsteher des Klosters Blankenburg, starb ohne Erben.		Rudolf v. Münnichen, Erbherr zu Nutzhorn u. Neuenhuntorft, gräfl. Oldenburgischer Landvoigt in der Wüstenländer Yogtey.	Elisabeth Eva v. Nutzhorn, Erb-Tochter zum Nutzhorn, die letzte lhrer Familie.		
Hermann v. Münnich Ober-Vorsteher des Klosters Blankenburg, starb ohne Erben.		Johann v. Münnichen, Erbgesessen zum Brocktein, gräfl. Oldenburgischer Landvoigt in der Wüstenländer Vogtey.	Lucretia von Damm.		
Clemens v. Münnich, erschlagen im Bauern-Kriege 1526.		Hermann v. Münnich, Lieutenant in Königl. Spanischem Dienste.	Gertruda von Schniieden.	Christoff v. Münnichen, Hauptmann in Dänischen Diensten unter Friederico II 1562.	
Clemens v. Münnichen, Herr zu Ramspauer, Chur-Bayerscher Rath in München.	Auer von Göbst.	Hermann v. Münnich, H. zu Ramspaueru. Mansfeld, 1526 im Bauern-Krieg vertrieben.	Catharina von Harras.	Johannes v. Münnichen jung gestorben.	
von Schölhames. von Tettenbach.	von Len Eisen. Auer von Winckel.	Johann v. Münnich, H. zu Ramspauer in Bayern.	Annake von Einsiedel.	von Marchwitz v. Görlitz.	von Miltiz. v. Riedt.

ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРСТВО ГРАФА МИНИХА*

(1729—1735)

Характеристический эпизод из истории русской артиллерии, по документам

> Dans le département de l'artillerie, je ne puis non plus servir, n'en sachant pas le détail**
>
> *Из собственноручной записки графа Миниха****

Бурхард Христофор фон Миних (Münnich), впоследствии граф, принадлежал к семье, происходившей от крестьян ольденбургской деревни Брокдейх, и родился 9 мая 1683 г., близ Ольденбурга, в поместье Нейен-Гунторфт, которым тогда владел его отец, Антон-Гюнтер Миних, отставной подполковник датской кавалерии, женатый на дочери датского советника,

---

* Период фельдцейхмейстерской деятельности графа Миниха, в биографиях знаменитого фельдмаршала, и то не во всех, только обозначаемый, не обозревается ни в одной даже поверхностно. Посвящая подробному исследованию этого периода настоящую статью, надеюсь, с одной стороны, восполнить пробел в жизнеописании одного из заметных деятелей на поприще русской истории, а с другой — показать черты служебной и бытовой характеристики образованнейшей части русского войска, в один из самых переходных моментов развития всего русского общества.— *М. Д. Х.*

** Перевод: по артиллерии равномерно не могу служить, не зная ее в подробности.

*** Записка эта подана Минихом, при вступлении его в русскую службу в 1721 г. Текст ее напечатан в «Русском вестнике». 1841. № 1. С. 135—139.

Софии-Екатерине фон Эткен (Oetken), и начальствовавший всеми плотинами и шлюзами в графствах Ольденбургском и Дельменгордтском*. Получив от короля датского Христиана V, в 1686 г. дворянское достоинство**, Миних-отец тем тщательнее занялся образованием своих детей, сам учил их всему, что знал, пригласил к ним преподавателя латинского, французского, итальянского языков,— и скоро же заметил во втором сыне своем, Бурхарде, положительную склонность к занятиям гидравлическим, в роде Минихов потомственным*** Обрадованный этим открытием, Миних-отец стал исподволь посвящать сына в свою специальность, а для лучшего успеха поручил Бурхарду перебеливать свой труд 1692 г: *Описание плотин и шлюзов графства Олденбургского* — и 9-летний Бурхард, охотно принявшись за работу, не только списал всю книгу, но, с помощью весьма посредственного инструмента, купленного им на собственные деньги в Курляндии****, снял все чертежи, принадлежащие к книге. Домашнее воспитание Бурхарда в Нейен-Гунторфте продолжалось до 1699 г., в котором Миних-отец оставил датскую службу и, приняв место княжеского ост-фрисландского воеводы Эзена и Стедесдорфа, с чином тайного советника, переселился в Эзенский округ***** Здесь, под ближайшим наблюдением отца, Бурхард Миних довершил свое образование, по тому времени блистательное,

---

* Lebensgeschiclite Burchard Christophe von Münnich etc. Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. Anton Friderich Büsching. 1769. 1. III. 6. 390—391. Жизнь графа Миниха, императорского российского генерал-фельдмаршала. Соч. Галема /пер. с нем. В. Тимковского. 1806. Ч. II. С. 96.

** Российская родословная книга. Изд. кн. П. Долгоруким. 1855. Ч. II. С. 140.

*** Прадед и дед Бурхарда Миниха, главные начальники округа Вистенландского в Ольденбурге, были известны своими заслугами по части гидравлики. См: Галем. Ч. I. С. 7.

**** Бурхард Миних провожал в Курляндию сестру свою, Доротею-Елизавету, выходившую тогда за барона Вильдемана.

***** Büsching, S. 390 — Галем. Ч. II. С. 11.

и отсюда, в 1700 г., был отправлен отцом в Париж, тогда, как и теперь, средоточие европейской цивилизации, но тогда более, чем теперь, позорище «правительственной системы,—говорит Шлоссер,— которая угнетала народ, между тем как двор и правительство блистали»* При этом дворе, руководимом, за дряхлостью Людовика XIV, ханжою Мэнтенон, управляемою, в свою очередь, плутоватыми патерами, было нетрудно каждому новому явлению привлечь к себе праздное внимание толпы дюшесс и маршалов, раболепно, но без личных выгод, помогавшей своему королю с его фавориткой грабить Францию и морочить Европу. Молодому, красивому и образованному немчику, каким был тогда 17-летний Бурхард Миних, не могло не посчастливиться в Париже, где он, кроме способов утвердиться в знании французского языка, не замедлил найти и предложение: занять должность инженера в Эльзасской дивизии французских войск. Приняв это предложение с удовольствием, Миних поспешил явиться в Страсбург. Но так как тогда, по смерти Карла II, короля испанского (в ноябре 1700 г.) на всем юго-западе разгорелась война за испанское наследство и маршал Вилльруа уже снаряжал эльзасскую дивизию в поход на Империю, то Бурхард Миних, «не хотя служить против своего отечества»**, оставил Францию и возвратился на родину.

Целью молодого Миниха, уже жаждавшего славы, было теперь пристроиться к одной из армий, начинавших собираться в разных пунктах Германии, которая, «к великому несчастью своему, замечает историк ее Кольрауш, со времен Вестфальского мира, вовлекалась во все распри европейских народов, нередко совершенно для нее посторонние, и почти по-

---

* Шлоссер Ф. К. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи. 1858. Ч. I. С. 10.

** Челобитная Миниха императрице Екатерине II в 1767 г. См.: Дела Гос. арх. Бумаги Козмина. VIII, ст. 2. Связка № 1.

стоянно служила театром военных действий»* Чуя и на этот раз неизбежность войны, Бурхард Миних в 1701 г. вступил в гессен-дармштадтскую службу капитаном, а в 1702 г., когда подвиги Евгения Савойского и Марльборо, знаменитых противников Людовика XIV, приободрили германцев, капитан Миних вместе со всеми соотечественниками — кроме баварцев, союзных Людовику XIV,— сочувствовал формальному объявлению германскою империею войны Франции на том основании, что, как гласит само объявление, «Франция пользовалась всяким случаем, чтобы срамить и уничтожать немецкий народ, и тем успешнее достигнуть давнишней своей цели — владычества»** Вслед за объявлением войны, корпус германских войск, под предводительством Людвига, маркграфа баденского, двинулся на Рейн, к крепости Ландау, куда прибыл и сын императора, римский король Иосиф, сопровождаемый свитою, в 63 каретах, столь пышною, что в числе ее, не считая множество чинов придворных, с званиями, одно другого сложнее, находились и чины забавные, вроде: «4-х столонакрывателей (Zusätzer), 4-х блюдоносителей (Träger), 3-х блюдочистильщиков (Kesselreiber), наконец 8-ми ординарных и 3-х экстраординарных мальчишек»*** Очевидец этого неуместного великолепия, капитан Миних, в том же 1702 г., был участником обложения и взятия Ландау, которые, однако, не принесли союзникам большой пользы, потому что диверсия баварского курфюрста в тылу земляков и движение французского корпуса Вильяра на соединение с баварцами — побудили баденского маркграфа отступить от Ландау и, укрепившись в штолльгофенских линиях, ограничиться наблюдением неприятеля. Между тем дармштадтский контингент возвратился восвояси — и капитан Миних, скучая бездействием в Дармштадте, принял, по

* История Германии с древнейших времен до 1851 г. Соч. Кольрауша. Пер. с нем. П. Бартенева. 1860. Ч. II. С. 184.

** Там же. С. 188.

*** Шлоссер. Ч. I. С. 41.

совету своего отца, должность главного инженера в Ост-Фрисландии, князь которой, Эбергард Христиан, снабдил капитана Миниха инструкциею новых его обязанностей, поскольку выполнение последних было возможно офицеру, продолжавшему оставаться в дармштадтской службе*. Занятый таким образом службою двум разным правительствам, капитан Миних в 1705 г., имея всего 22 года, женился на 20-летней гоф-даме дармштадтского двора, Христине Лукреции Ф. Витцлебен, и через это сделался родственником рейнского пфальцграфа Иоганна-Карла, за которым была двоюродная сестра молодого Миниха, Мария-Эсфирь Ф. Витцлебен. Но, вскоре после свадьбы Миниха, германские контингенты начали опять собираться, на этот раз в Италию под знамена принца Евгения, недавнего сокрушителя французской армии при Гохштеде (1704),— и капитан Миних, воодушевясь воинственным жаром, в том же 1705 г. вступил, с чином майора пешей гвардии, в гессен-кассельский контингент**, состоявший на англо-голландском жалованье. С этим контингентом, под предводительством наследного принца гессен-кассельского Фридриха (впоследствии шведский король Фридрих I), майор Миних в 1706 г. прошел через Альпы в Ломбардию, был в несчастном для союзников бою при Кастильйоне, потом, когда принц Евгений, разгромив французов у Турина, поспешил на помощь наследному принцу гессен-кассельскому, майор Миних под знаменами Евгения участвовал в покорении Пиччигетоне, Милана, Кремоны и очищении от французов всей Ломбардии со средней Италией, наконец, с июня по сентябрь 1707 г., находился в неудавшемся походе Евгения к Тулону и при взятии Сузы в Провансе, после чего, «украшенный — по выражению одного из своих биографов — славою и

* Büsching. XVI, 404.

** Челобитная Миниха, поданная в 1767 г.

обогащенный великими опытами», Миних возвратился на родину, в Ольденбург* Открытие кампании следующего 1707 г., театром которой, по совещанию союзных полководцев в Гаге, предполагались Нидерланды, снова вызвало майора Миниха на поле брани. Отправившись к войску с женою, желавшею по тогдашнему обычаю сопровождать своего мужа во всех походах**, майор Миних участвовал в сражении 30 июня (11 июля) 1708 г. при Уденарде, в восточной Фландрии, где Марльборо и Евгений нанесли большой урон герцогу Бургундскому и маршалу Вандому, а потом был при 4-месячной осаде Лилля, обратившей на себя внимание всей Европы,— как доблестною защитою города маршалом Буффлером, так и участием, которое приняли в этой осаде многие личности, тогда или впоследствии замечательные, например, Август II, король польский; побочный сын его, 12-летний Мориц Саксонский, убежавший в имперский лагерь от своего гувернера; Карл, владетельный ландграф гессен-кассельский; гр. Шверин, известный прусский генерал, убитый в Семилетнюю войну под Прагою, и др.*** По сдаче Лилля, последовавшей 30 ноября (11 декабря) 1708 г., войска германского контингента находились при сдаче Брюгге, Гента и затем расположились на винтер-квартирах в Швабии, где, так же, как и на всем западе Европы, стояла тогда такая суровая зима, что, по свидетельству одного немецкого историка, «звери мерзли в лесах и птицы падали на землю мертвые; виноградники и плодовые деревья совершенно пропали; жители, и без того обнищавшие от войны, доходили и до отчаяния»**** Дру-

---

* Миних, российский генерал-фельдмаршал. См.: Пантеон славных российских мужей. 1816. Январь. № II. С. 104.

** Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писанные им для детей своих. Изд. 1817. С. 5.

*** Военный энциклопедический лексикон. Изд. 1855. Т. VIII, статья: Лилль.— Тут же ошибочно замечено, что Миних под Лиллем начал свое военное поприще.

**** Кольрауш. Ч. II. С. 195.

гой немецкий историк, описывая тогдашнее состояние германских контингентов, почти не получавших содержания от своего сейма, говорит: «Уважение к немецкой нации исчезло в целой Европе, и все смеялись над совещаниями сейма. Не только медлительность и неподвижность сейма, но и торговля здоровьем и жизнью подданных, которую вели князья, была горько осмеиваема во всех английских и голландских газетах и памфлетах, и в нотах голландских уполномоченных к имперскому конвенту самым жестким и суровым образом высказывалось, что немецкие князья больше любят деньги, нежели собственную честь и благо вверенных им народов»* При таких обстоятельствах, между союзниками и Францией начались было мирные переговоры, которые, вследствие неуместных требований немецкого сейма, излагавшихся в длиннейших «дедукциях», кончились ничем, и майор Миних, за день до нового 1709 г., обрадованный рождением ему, на швабских квартирах, сына Иоганна-Эрнста, автора известных «Записок», с открытием кампании 1709 г. участвовал в осаде и взятии Турнэ, потом 31 августа (11 сентября) находился в сражении с французами при Мальплаке (Malplaquet), кровопролитнейшем из всех сражений XVIII века**; тут, за храбрость, произведен в подполковники*** и довершил свои подвиги в этом году участием в осаде и взятии Монса. В обе следующие кампании — 1710 г., ознаменованного для Миниха смертью его матери, 1711 г., когда смерть императора Иосифа I извратила всю политику воюющих держав,— германский контингент, почти забытый своим чересчур расчетливым

* Шлоссер. Т. I. С. 68.

** Убитыми при Мальплаке, с обеих сторон, считают, 42 тыс. чел. В строю находилось: у союзников — 129 батал., 252 эскадр. и 101 орудие; у французов — 130 батал., 260 эскадр. и 80 орудий. Союзною армиею командовали пр. Евгений и герц. Марльборо; французскою — маршалы Вильяр (раненый в этом сражении) и Буффлер. Победителями остались союзники. Но защита французами их лагеря считается славнее победы.

*** Челобитная Миниха, поданная в 1767 г.

сеймом, а потому, говоря словами Шлоссера, «жалкий и оборванный»*, бездейственно стоял на верхнем Рейне, где и подполковнику Миниху, кажется, не довелось участвовать ни в одной из редких встреч союзников с французами. Зато в 1712 г., когда мирные переговоры уже происходили в Утрехте и англичане, стакнувшись с Людовиком XIV, начинали уходить из лагерей союзников, подполковнику Миниху не очень посчастливилось: 13 (24) июля немецкий контингент, стоявший под командою голландского генерала гр. Эбёрмёрля при Донене, для прикрытия магазинов и запасов принца Евгения, занятого осадою Кеноа (Quesnoi) и Ландреси, подвергся нападению французских корпусов Вильяра и Монтескью, которые, пользуясь отступлением английского корпуса герцога Ормандо, внезапно ударили на немцев, разбили их, овладели магазинами и захватили в плен, как Эбёрмёрля с несколькими генералами, так и подполковника Миниха, раненного при этом случае кинжалом в грудь** Отведенный во Францию, в город Камбре, Миних дружески сошелся с тамошним архиепископом, известным Фенелоном, и по подписании Утрехтского мира, 31 марта (11 апреля) 1713 г., получил свободу, а по возвращении своем в Гессен-Кассель — чин полковника*** Прослужив ландграфу еще три года, посвященные Минихом сооружению канала между реками Димелем и Везером, близ м. Сибурга (ныне Карлсгавен), славолюбивый и честолюбивый Миних задумал искать себе иную карьеру,— «в уважение, как объясняет сын его, медлительного производства в службе незнатных владельцев» и «для показания своих заслуг и способностей»**** Взоры Миниха обратились на короля Августа II, курфюрста саксонского, шатко сидевшего на престоле Польши, которую раз-

---

* Шлоссер. Т. I. С. 81.

** Миних-сын. С. 6.

*** Челобитная Миниха, поданная в 1767 г. Миних-сын. С. 6—7.

дирали тогда усобицы Тарноградской конфедерации. Замышляя против свободы польской республики нарушениями условий *pacta conventa* и разоряя своих природных подданных, саксонцев, тяжкими поборами на пиры и фавориток, Август II в польском вопросе искал посредничества русского царя Петра, с которым и съехался в 1716 г. в Данциге, где Петр выдавал тогда свою племянницу, царевну Екатерину Ивановну, за мекленбургского герцога Карла Леопольда. Сюда же, в Данциг, явился и полковник Миних, с предложением своих услуг Августу II, который, не отвергнув этого предложения, принял Миниха в польско-саксонскую службу полковником и поручил ему стараться о безопасности перемирного сеймика, собиравшегося, при вооруженном посредничестве Петра, в Люблине* Когда же люблинский сейм, благодаря усилиям русского посла кн. Григ. Федор. Долгорукого и грозе 18 тыс. русского войска, введенного в Польшу, окончился миром между королем и конфедератами, подписанным 23 октября (3 ноября) 1716 г. в Люблине и утвержденным 9 (20) января 1717 г. на большом сейме в Варшаве, Август II произвел Миниха в генерал-майоры с назначением устроить на новых основаниях пешую коронную гвардию. Этот род войска, заведенный в Польше с 1580 г. Стефаном Баторием и преобразованный в 1676 г. Яном Собеским, долженствовал, в силу люблинского варшавского трактата 1716—1717 гг., узаконившего разделение польских войск на разряды (antoramenta) национальный и чужестранный, содержаться на счет кварты с королевских доходов, т. е. *кварцяным*, но комплектоваться иноземцами, иметь команду, а также вести переписку на немецком языке и состоять под главным начальством коронного гетмана Сенявского** Ед-

---

* Büsching. III, 393.

** Польский летописец с 964 по 1764 г. Пер. с фр. Ив. Одинцова. 1782. С. 342—345; Карнович Е. О ратном деле и старинной Польше //Военный сборник. 1858. № 4; Рехневский Ю. Август II

ва-едва успел Миних сформировать и укомплектовать три батальона коронной гвардии*, в каждом три компании, или роты, по 186 человек**, как главное начальствование этою гвардиею было самовольно сдано гетманом Сенявским саксонскому фельдмаршалу и любимцу Августа II гр. Флеммингу, в котором Миних не замедлил найти себе сначала врага, а потом гонителя. Это последнее обстоятельство побудило Миниха, несмотря на благосклонность к нему самого Августа II и 14 тыс. рейхсталеров годового содержания***, высматривать себе другую службу, более обеспеченную от влияния партий, неистовствовавших при великолепном, но глубоко развращенном дворе Августа II — и в Варшаве, и в Дрездене. Теперь взоры Миниха обратились на Швецию, тем более что министр Карла XII, известный Герц, прибыв тогда в Варшаву с разными поручениями и предложениями своего короля, чудачившего в Бендерах, по старинному знакомству, остановился и гостил в миниховом доме. У Герца с Минихом дело о переходе последнего в шведскую службу уже налаживалось, когда смерть Карла XII (декабрь 1718 г.), стоившая головы Герцу, разрушила задуманное намерение Миниха. Но Миних не переставал помышлять об удалении своем из Польши, потому что придирки Флеммингa, ненавидимого и всеми поляками, становились невыносимы. Наконец, дошло до того, что Флемминг, если верить Миниху-сыну, научил офицеров коронной гвардии выразить формальным доносом их неудовольствие на полковые распоряжения Миниха**** Следствием этого или других оскорблений была дуэль Миниха с полковником Бонафу, о которой сам Миних так известил своего старика отца: «Меня довели до такой край-

---

Фридрих //Энцикл. слов., сост. рус. учеными и литераторами. 1861. Т. I. С. 197—210.

* Челобитная Миниха, поданная в 1767 г.

** Карнович. С. 325.

*** Büsching. III. 393.

**** Миних-сын. С. 12.

ности, что я вынужден был стреляться, и, на формальном поединке, прострелил из пистолета грудь (ниже правой руки) начальнику французской части коронной гвардии, так что жизнь его, по отпуске этого письма, находится в опасности... Я первый явился на месте и отбросил камни с дороги, по которой надобно было идти моему противнику. Когда он был от меня не далее, как в 30-ти шагах, я сказал ему: Государь мой! Вот случай показать на опыте, что мы храбрые и честные люди! Тут мы, взведя курки, подступили друг к другу на 12 шагов. Прицелившись, я спустил курок — и мой враг мгновенно повергся на землю»* В ожидании того, какой исход будет иметь рана Бонафу, Миних, по свидетельству его сына, счел за благо скрыться в одном монастыре, где и таился до выздоровления своего соперника, но с ведома Августа II, который, пожелав как-то обозреть Уяздовский канал, сооружавшийся тогда Минихом, подъехал к убежищу невольного отшельника, взял его в свою карету и, после обозрения канала, высадил опять у монастыря** Со всем тем, Флемминг всячески старался сжить с рук Миниха и указать ему тот путь, которым уже оставили службу Августа II многие весьма известные генералы, как, например, гр. Шуленбург, гр. Секендорф, гр. Шметтау, наконец, собственный сын Августа II, Мориц Саксонский,— все одинаково презиравшие гордость королевского любимца. Старания Флемминга относительно Миниха увенчались успехом, когда Флемминг за что-то объявил Миниху домовый арест, а гетман Сенявский, считавший такое распоряжение оскорбительным для своих прав над коронной гвардией, в тот же день велел освободить Миниха, который, однако, уже решил покинуть Польшу и, вняв лестным предложениям кн. Григ. Фед. Долгорукого, русского посла при польском дворе, собрался в Россию. Что этот кн. Долгорукий

* Büsching. XVI. С. 409.

** Миних-сын. С. 13.

был главным виновником переселения Миниха именно в Россию,— доказывает следующий рассказ царского денщика Нартова, выдаваемый им за истинный:

«Его величество (Петр I), показывая мне чертеж нового укрепления Кронштадта, выдуманный генерал-поручиком Минихом, и хваля его к обороне догадки, говорил: спасибо Долгорукову — он доставил мне сего искусного инженера и генерала. Когда саксонцы и поляки не умели в службе своей держать, так я покажу им, что умею достойных и знающих генералов награждать»* Представив Августу II о болезни и смерти своего отца, случившейся, действительно, в исходе 1720 г.**, Миних исходатайствовал себе месячный отпуск в Ольденбург, но, вместо того, уехал тайком в Кенигсберг, оттуда прибыл в Ригу и в феврале 1721 г. явился в Петербург, где был обласкан Петром и принят в русскую службу, но не прямо генерал-поручиком, как обещал ему князь Долгорукий, а с заслужением года в чине генерал-майора. Виною этого обстоятельства, по рассказу Бюшинга, писавшего с Миниховых слов, была чрезвычайная моложавость Миниха, который тогда, несмотря на свои 37 лет, выглядывал мальчиком, особенно в сравнении с русскими генерал-майорами, отслужившими всю шведскую войну***

Как бы то ни было, Миних, прежде всякого назначения, счел долгом представить Петру записку (на французском языке) о своей службе и занятиях,— документ любопытный, содержащий в себе сначала — исчисление предметов, вовсе неизвестных Миниху, потом — мало ему знакомых и, наконец, тех, в которых он считал себя специалистом. К первой категории Миних относил морскую часть и кавалерийскую службу; ко второй — артиллерию и

---

* Достопамятные повествования и речи императора Петра Великого //Сын Отечества. 1819. № LII. С. 241.

** Так, по Миниху-сыну (с. 14), а у кн. Долгорукого смерть Минихова-отца отнесена к 1721 г. (Рос. родослов. кн. Ч. II. С. 138).

*** Büsching. III. С. 395.

гражданскую архитектуру, к третьей — пехотный строй, военную архитектуру, с атакою и обороною крепостей, и преподавание великому князю, внуку Петра I (будущий имп. Петр II) математики, фортификации и военного искусства. О сведениях Миниха в артиллерии, его «записка» гласит так: «Dans le departement de l'artillerie, je ne puis non plus servir, n'en sachant pas le détail, mais seulement comment il faut s'en servir pour attaquer et défendre une place, et dans une bataille»* В «записке» находилось и следующее уверение: «Je m'engageray pour le service de sa Maj. Czarienne non pas pour trois ou quatre ans. mais pour tout le reste de ma vie et pour preuve de cela j'établiray dans les états de sa Maj. une familie assez nombreuse, dont le bon Dieu m'a confié le soin»** «Записка» заключалась фразою «Je remêts cependant le tout à la grâce et volonté de sa Maj. et l'assure très humblement que je mets toute ma félicité à servir le reste de mes jours un aussi grand prince»*** Получив тогда же «из дражайших рук его величества» патент на чин генерал-поручика, но с условием не пользоваться им до истечения годового срока, Миних немедленно принялся за проект укрепления Кронштадта и Рогервика (Балтийский порт), окончил эту работу к совершенному удовольствию царя****, потом был свидетелем торжествования в Петербурге Нейштадтского мира и накануне торжества обедал у герцога Голштинско-

---

* Перевод: По артиллерии равномерно не могу служить, не зная ее в подробности и умея распоряжаться ею только при атаке и обороне крепостей и в сражениях.

** Перевод: Определяюсь в службу его царского величества не на три или четыре года, но на всю остальную жизнь мою, и, в свидетельство сего, поселю в государстве его величества довольно многочисленное семейство, которое всемилосердный Бог поручил на мое попечение.

*** Перевод: Все сие, однако, повергаю на всемилостивейшее благоусмотрение его величества и всенижайше уверяю его, что за единственное счастье почитаю посвятить всю жизнь мою службе столь великого государя. См.: Записка, поданная Минихом, пред вступлением в русскую службу //Рус. вестн. 1841. № 1. С. 135—139.

**** Челобитная Миниха, поданная в 1767 г.

го*, а девять дней спустя уже представил царю свои «кондиции», на которых он соглашался продолжать службу в России — не до смерти своей, как гласила его же первая «записка», но только 5 или 6 лет. Каковы бы ни были причины такой перемены мыслей и намерений Миниха, «кондиции» его, изложенные в 16 пунктах, посвященных преимущественно предметам административного характера, заключали в себе, между прочим, и следующие требования: «п. 8) когда мне притом повелено будет проект сделать об укреплении Кронштлота или какого иного при Балтийском море лежащего места, и мне повелено будет у той работы быть, чтоб тогда в переездах издержанные денги такожде за квартиры и дрова, заплачены были; п. 10) чтоб дело, к которому я определен буду, токмо в провинциях при Балтийском море лежащих распространилось; п. 16) и понеже я тако Его Императорскому Величеству с верностию и ревностию служить истинно себе обязую, того ради уповаю, что Его Величество, по известной и в свете славной милости за мою работу и искусство, или поденных денег, или годовой оклад, в равенство тому, что я в иной службе, для ревности к службе Его Величества оставил, мне определит и высочайшею своею цесарскою милостью и протекциею меня не оставит»**

В какой именно силе царь Петр опробовал эти «кондиции» будущего русского фельдцейхмейстера, неизвестно, но, без сомнения, не к неудовольствию Миниха, который с того времени, по крайней мере, до смерти Петра уже не помышлял об отъезде из России и ревностно выполнял все возлагаемые на него поручения. Так, в 1722 г., когда Петр ходил войною в пределы Персии, Миних строил по невскому берегу бичевник и, окончив этой береговой работы

---

* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России, в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 г. /пер. с нем. Ив. Аммон. 1858. Ч. I, с. 193.

** Дела Гос. арх. Каб. П. В. Отд. II. № 56. Л. 24—236.

30 верст, начал копать канал и сооружать шлюзы под невскими порогами*. В 1723 г. Петр велел Миниху осмотреть работы Ладожского канала и представить о них свое донесение. Миних более и более входил в доверенность к Петру, короче знакомился с герцогом Голштинским, уже начинавшим посещать Минихов дом**, связывался узами дружбы с вице-канцлером Остерманом, преемником только что разжалованного Шафирова, и весело участвовал в целонедельном уличном маскараде 30 августа — 6 сентября 1723 г., причем Миних и Ласси, одетые старинными крыжаками, составляли № 6-й маскарадного шествия*** С наступлением 1724 г. Минихово положение в России упрочилось; 13 января Петр, выслушав в зимнем доме докладные пункты Миниха о сооружении Ладожского канала, приказал: «Канальное дело в управление поручить ему, генерал-лейтенанту Миниху, и с ним быть полковнику Виттверу»; жалованье производить Миниху по табели 1720 г., «как и прочим его братье»; «за канальной труд, усмотря по прилежным его трудам, по 100 рубл. на месяц дано будет». Кроме того, Миниху назначены: адъютант по рангу, шлюпка для осмотра работ, 1000 ч. рабочих в зимнее время и 16000 ч. с марта месяца. «И ежели, говорилось далее, он, генерал-лейтенант, тем всем доволен будет и канальное дело на себя возьмет, тоб письменно обязался, что больше того требовать и доношениями своими утруждать Его Величество не будет». По объявлении Минихом согласия на все эти пункты, Сенат определил: «Ему, генерал-лейтенанту, будучи при том деле, во всем чинить по своему в том деле искусству, усматривая лутча способа и что к Его Импе-

---

* Челобитная Миниха, поданная в 1767 г.

** Первое такое посещение было 5 мая 1728 г. Герцог, увлеченный умом и любовностью жены и дочери Миниха, просидел у них несколько часов. (Дневник Берхгольца. III, 94).

*** Деяния Петра Великого и проч. Соч. Ив. Голикова. Изд. (2-е) 1839 г. Ч. IX. С. 515.

раторского Величества интересу принадлежит»* Еще через месяц Миних представил герцогу Голштинскому своего 15-летнего сына, ехавшего доучиваться в Женеву**, отправился, со всей семьей, на Ладожский канал, куда, тем же летом, после торжеств коронования имп. Екатерины в Москве, поджидался и сам Петр, который, однако, вместо себя, прислал Миниху следующую собственноручную записку: «Господин генерал-лейтнант. Желали вы, чтоб я работу видел и так ли видена (т. е. ведена); чего и я зело желая, и ежели б хотя часа 4 ранее приехал, конечно б поехал. Но понеже имею нужду поспет завтра в Питербурх, того для прямо поеду. А в августе месеце паки буду Шлютелбурх, чего для велите для того у Шлютелбурха на неколко сажен зделат берега, так как ныне у вас обделаны, чтоб мне видет. А в актебре и всю работу везде осмотрю. А междо тем надеюсь на ваше искуство, что вы инако не зделаете, как надлежит. Из Ладоги в 24 июня 1724 г. час пополудни»***

Сооружение Ладожского канала, разумеется, сильно интересовало Петра, который, постепенно увеличивая число рабочих при канале, доходившее, наконец, до 25 тыс. чел.****, дал Миниху средства, к осени того же 1724 г., докончить отделкою почти 12 верст канального протяжения. Со своей стороны, Миних, предвкушавший собственное торжество, готовился показать царю товар лицом и, не выполняя собственноручной записки Петра, от 15 октября, из Ладоги: «Господин г. лейтнант. Когда поспеет перемычка, как сам сказывал, дней в 10, тогда, не дожидаясь нас, пусти воду»***** — ждал царя. Приехав, согласно своему обещанию, на канал, Петр собственными глазами удостоверился в добросовестном ведении этого великого дела и, довольный всем виденным, ночевал у Миниха,

---

* Полн. собр. законов Рос. империи. Изд. 1830. Т. VII. № 4428.

** Берхгольц. IV. С. 22.

*** Дела Гос. арх. Каб. П. В. Отд. Т. № 57. Л. 338.

**** Полн. собр. законов. Т. VII. № 4542, 4559.

***** Дела Гос. арх. Каб. П. В. Отд. I. № 57. Л. 379.

которому велел ехать за собою в Петербург*, где, еще до возвращения государя, уже знали о происходившем в Ладоге, и камер-юнкер Берхгольц отметил в «Дневнике» своем, под 19 октября: «Об императоре получено известие, что он остался чрезвычайно доволен работами при большом канале и одобрил все, что там было сделано генералом Минихом. Его Величество, говорят, был с ним необыкновенно ласков и на будущее время все предоставил в его распоряжение, несмотря на то, что есть много лиц, которые очень преследовали генерала Миниха, представив на него государю немало ложных и неосновательных доносов»** Так же и Голиков, записывавший, большею частью со слов очевидцев, повествует, что Петр, уже начинавший тогда серьезно недомогать, по возвращении своем с канала, весело говорил императрице: «Работа Миниха сделала меня здоровым, я надеюсь, со временем, вместе с ним ехать водою из Петербурга и в Головином саду при р. Яузе в Москве, встать»,— а, по прибытии в Петербург самого Миниха, Петр, представляя его Сенату, изъяснился так: «В Минихе нашел я такого человека, который скоро приведет к окончанию Ладожский канал. Я еще не имел ни одного чужестранца в своей службе, который бы так, как сей, умел предпринимать и совершать великие дела. Помогайте ему во всем, чего он пожелает»*** Наконец, сам Миних свидетельствует, что Петр тогда же поручил ему Ладожский канал «в полную дирекциею», с таким, в присутствии Сената императорским обнадеживанием, что он, Миних, «скоро пожалован будет генерал-фелтьцейхмейстером» (на место просившего тогда об увольнении, за старостью, гр. Брюса)**** и

---

* Миних-сын. С. 20.

** Берхгольц. IV, 98.

*** Голиков: Деяния В. П. Ч. X. С. 87.

**** Слич. с текстом нашей статьи: «2-й генер. фельдц. гр. Як. Вил. Брюс» (Артил. журн. 1866. № 4. С. 262).

назначится «над всеми казенными и гражданскими строениями генерал-директором»*

Успев, таким образом, упрочить за собою значение чужеземца полезного и почти необходимого русскому государству, Миних уже не мог терять ничего со смертью Петра, последовавшею ровно через три месяца, 28 января 1725 г.,— не мог потому что, во-первых, новая самодержица Екатерина I, как известно, крепко держалась мнений и взглядов своего предшественника на троне, а, во-вторых, кн. Меншиков давил своим железным влиянием только людей ему не покорствовавших и не трогал, даже поощрял таких, которые, подобно Миниху, или не имели никакого собственного придворного веса, или благоразумно преклонялись пред всемогуществом кн. Ижорского. Безучастный к треволнениям, сопровождавшим самое воцарение Екатерины I, Миних, в течение всего февраля, спокойно приводил к присяге новому правительству тысячи рабочих на Ладожском канале, а 10 марта, в день погребения тела почившего императора, также спокойно нес перед гробом Петра корону сибирского царства**, хотя он, Миних, как человек бывалый, быть может, и предугадывал, что с новым порядком вещей в России наступает время, когда, по справедливому замечанию одного исследователя русской старины, «каждое мало-мальски значительное лицо сочтет благоразумным, в видах собственного самосохранения, следовать правилу: губи других, иначе эти другие тебя погубят»*** Это мудрое правило, действительно, было в большом ходу при дворе Екатерины I, краткое двухлетнее царствование которой, именуемое кое-какими панегиристами продолжением царствования Петра I, характеризуется всего лучше одним из указов самой императрицы, изображающим

---

* Челобитная Миниха, поданная в 1767 г.

** Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского. Соч. Феофана Прокоповича. Изд. 1831.

*** Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Изд. 1862. Т. 1. С. 482.

тогдашнюю русскую администрацию так: «крестьяне от великой подати и разных многих непорядков, в великой нужде обретаются, и от подушного сбору многая недоимка запускается, и от того происходит: 1) что армия в великой неисправности; 2) запасных магазейнов нигде не имеется; 3) казенного денежного капитала никакого нет»* И — как бы в вящее доказательство того, чем неминуемо долженствовала разрешаться подобная администрация,— рядом с вышеприведенным указом, в Полн. собр. законов помещен другой, гласящий, что, в то время, не только в городах и уездах, но «в селах и деревнях являлись многие злодеи в непристойных и противных словах против персон блаженной и вечнодостойной памяти Его Императорского Величества, также и ныне благополучно владеющей Ее Императорского Величества и их высокой фамилии»** Даже между придворными Екатерины I людьми, по большей части суетными и ничтожными, выискивались смельчаки, решавшиеся в порыве откровенности указывать императрице на тогдашнюю административную неурядицу,— а один из них, Пав. Ив. Ягужинский, пошел далее, представив Екатерине I любопытную «Записку о состоянии России», замечательную, в особенности, следующим мнением ее автора: «Я бы за лучшее в государстве направление почитать имел, чтоб на подданных положить то, что понести могут, от чего и дела государственные без препятствия и народного отягощения правиться и успевать могут»*** Но Миниху было еще далеко до Ягужинского, по крайней мере, относительно значения каждого из них при дворе. Не высказывая пока никаких мнений о предметах, не касавшихся Ладожского канала, Миних работал втихомолку, но работал, и 6 января 1726 г., по ходатайству своего

---

* Полн. собр. законов. Т. VII. № 5003.

** Там же. № 5004.

*** Чтения в Имп. О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. 1860. Кн. IV. Смесь. С. 271.

друга Остермана, получил александровскую ленту*, а к 3 августа того же 1726 г. уже сам выхлопотал следующий «указ комиссару Богданову, обретающемуся при канцелярии ладожской канальной работы: Бил челом нам генерал-лейтенант наш господин фон Миних, чтоб за труды ево в строении Ладожского канала, и что он учинил в казну нашу у разных подрядов и откупов при том канале немалые прибыли, наградить, дабы он чем мог оплатить долги свои, которые нажил в частых разъездках в смотрении того канала, пожаловали мы ему, фон Миниху, из наличных денег, какие ныне при канальной канцелярии имеются, пять тысяч рублев. В то число выдать ему ныне половину, а другую тогда, когда прибылные денги с каких откупов будут взборе. Екатерина»** Но так как, между тем, срок служения русскому государству, определенный миниховскими кондициями, 1726 г., истекал, а самое служение в русском государстве не было, да и не обещало быть невыгодным для Миниха, то Миних, в качестве иноземца, далеко не чуждого корыстных видов, нашел удобным, со своей стороны, предложить новые «кондиции», на основании которых он изъявлял готовность «Ее Императорскому Величеству и Ее императорской высокой фамилии десять лет, и именно до 1 Генваря 1737 г., верно, честно, по крайней силе своей, служить во всяких Ее Императорскому Величеству и ее высокому императорскому дому угодных случаях, не щадя тела и живота своего». В этих новых «кондициях», представленных императрице с наступлением 1727 г., рельефно изобразился Миних, каким он был действительно,— немец, в полнейшем значении этого понятия, умный, гибкий, вкрадчивый, набожный, самоуверенный, алчный к почестям и прибытку. Не приводя здесь,

---

* Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов, с самого учреждения оных до установления в 1797 г. орденского капитула, заимствованное из архивских документов Дм. Бантыш-Каменским. Изд. 1814. С. 176.

** Дела Гос. арх. Каб. П. В. Отд. I. № 63. Л. 934.

за недостатком места, дословного изложения всех 10 пунктов Миниховых «кондиций» 1727 г.*, скажем только, что 1-м из этих пунктов Миних оставляет за собою право, по истечении 10-летнего срока, отъехать в свое отечество; 2-м изъявляет желание воспитать своих детей вне России; 3-м и 4-м — требует себе чинов и почестей, о чем скажем ниже; 5-м просит старшинство с 1721 г.; 6-м просит предоставить в его пользу «прибыльные» деньги с продажи вина, табаку и содержания кабаков на Ладожском канале, а также по 5 копеек с каждой кубической сажени земли, вынимаемой при рытье канала; 7-м просит себе гаков** в Лифляндии; 8-м требует, чтоб русское правительство гарантировало ему безопасность его поместий в датских и великобританских владениях, а в случае разрыва с этими державами определило бы ему такие же поместья в России; 9-м просит отдать в его временное владение, «пока работу канала управлять будет, малый остров на Неве реке при Шлителбурхе, деревенку Ледново, которая посреди канала лежит и старой дворец в Ладоге»; наконец, 10-м просит подарить ему дом в Петербурге, «к вечной памяти мне — пишет проситель — и моим потомкам». О благородстве убеждений и чистоте намерений Миниха — как иноземца, посвящающего себя новому отечеству, России — можно судить по одному тому, что Миних, не далее как в 1721 г. признававший несостоятельность свою для службы артиллерийской, в 1727 г. не задумался включить в свои «кондиции» пункты такого содержания***: «3) когда Ее Императорского Величества всемилостивейшая воля есть мне чин генерал-фелцейхмейстера поручить, то приемлю оной в покорнейшем надеянии, что оной знатной чин без умаления

---

* Дословные редакции Миниховых «Кондиций»: 1721 — по списку Гос. арх., а 1727 по списку Артил. арх., препровождены нами для напечатания в «Русском архиве», изд. Г. Бартеневым в Москве при Чертковской библиотеке.

** Гак.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 79. Л. 44—46.

власти и надлежащего преимущества мне дан будет, дабы я оной к высокому Ее Императорского Величества интересу толь беспрепятственнее отправлять мог; 4) чтоб мне к сему чину надлежащее жалованье и дусеры (douceurs) и иные чести и различности, как господин граф Брюс оные имел и в Ее Императорского Величества регламентах и военном штате определено, во всем даны были»* То есть Миних, совершенно чуждый артиллерийскому делу, подкапывался под Гинтера, который был артиллеристом чуть не с колыбели, всю 20-летнюю шведскую войну отслужил при русских пушках и мортирах, а теперь, в 1727 г., ведал русскую артиллерию как ее генерал-шеф** Однако, на этот раз, макиавеллизм Минихов не удался. Имп. Екатерина I скончалась, не успев рассмотреть поданные ей Минихом «кондиции», а преемник Екатерины, имп. Петр II, хотя и пожаловал Миниху, в самый день своего воцарения, 7 мая 1727 г., чин полного генерала,*** но 23-го того же мая — только и не опробовал пунктов 3 да 4 Миниховых «кондиций», против которых тогда**** положена такая резолюция: на п. 3, о фельдцейхмейстерстве,— «Его Императорское Величество жалует ево, господина фон Миниха в полные генералы, и, притом, соизволяет иметь ему чин над фортификациями всей Россиискои империи обер-директора, и для того в ево команде содержаны быть имеют все инженеры, и быть ему под ведением Военной коллегии»; на п. 4, о содержании и проч.,— «жалованье ему давано быть имеет против других генералов иноземцов»*****

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 79. Л. 44 на об. и л. 45.

** См. нашу статью: «3-й генерал-фельдцейхмейстер, Иван Яковлевич Гинтер» (Артил. журн. 1866. № 5).

*** Протоколы Верховного тайного совета 1726—1730 гг. (Чтения в О-ве истории и древностей рос. 1838. Кн. III. Отд. II (Материалы отечественные). С. 46.

**** Дела Артил. арх. Кн. № 74. Л. I.

***** Там же. Кн. № 79. Л. 44 на об. и л. 45.— Добавим для любопытных, что резолюция пункта 10, которым Миних выпрашивал себе потомственно дом в Петербурге, заключена в таких терминах: «отдать

Съев, таким образом, гриб относительно генерал-фельдцейхмейстерства, Миних все-таки видел себя во главе особой, важной отрасли государственного управления и мог считать свое служебное положение в России упроченным тем вернее, что русский престол занимал тогда Петр II — ребенок, хотя и руководимый то Меншиковым, то Долгорукими, но также внимавший внушениям своего воспитателя Остермана, друга Минихова. Довольный пока и этим, Миних, до времени, затаил неприязненное чувство к Гинтеру и ревностно принялся сочинять «аншталь» инженерному ведомству, который и был утвержден 23 июня 1727 г. По силе этого «аншталь», вся инженерная часть долженствовала выделиться из артиллерийского ведомства и составить отдельное, самостоятельное управление под начальством Миниха. Но каково же было удивление и негодование Миниха, когда в инженерных табелях, присланных из артиллерийской канцелярии к нему на Ладожский канал, не оказалось всей минерной роты, обозначенной Минихом в его «аншталь» и, вероятно, по недоразумению пропущенной при составлении табелей. Пропуск этот, сам по себе очевидный, дал, однако, Миниху повод вступить в открытую борьбу с Гинтером — и Миних начал ее «всепокорнейшим донесением» Военной коллегии, в заключении которого он, после неоспоримых доказательств принадлежности минерной роты к инженерному ведомству, а не артиллерийскому, писал: «А понеже я в будущее время, яко обер-директор всея фортификации Российской империи, в том ответствовать должен, чтоб минерная рота не токмо в крепостях потребные мины и галлереи надлежащие строила, тож, когда неприятельскую крепость атаковать надлежит, должность и службу их в з(с)апировании и минеровании исправляли, от чего доброе последствие атаке зависит, и того для от меня и мне

двор Петра Толстова (бывшего графа, тогда наказанного кнутом и сосланного), который в Никольской улице».

подданных инженеров, с нынешнего времени обучены быть надлежат»* Для того же, чтоб дело о минерной роте решилось скорее, Миних не счел лишним письменно отнестись с ним и к клиенту всемогущего тогда кн. Меншикова, ген.-лейт. Волкову, «высокоумному рассуждению» которого он тут же предлагал «некоторые пункты» к сочиняемой Военною коллегиею «Инструкции обер-директору», со следующим заявлением: «Такая инструкция мне зело надобна, дабы я мог Его Императорскому Величеству в том важном чину ползователные услуги показать и инженерной корпус во всем, что им знат принадлежит, а паче россиских молодых людей, как наилутчше обучать» — и, в постскриптуме письма, добавлял: «Ежели вашему высокоблагородию несколькими бочками здешними (с Ладожского канала) сигами для росходу в дом ваш, или протчими какими к строению материалами, отсюды служить могу, прошу меня о том уведомить»** Это письмо к Волкову и доношение Военной коллегии были отправлены Минихом 13 июля, а 2 августа уже состоялся указ о передаче минерной роты из ведомства Гинтера в ведомство Миниха***, в «диспозицию» которого, еще две недели спустя, отданы и таможенно-кабацкие сборы на Ладожском канале, «понеже», говорилось в Указе 18 августа, «за нескорыми присылками из Москвы и из прочих губерний на тот канал денежной казны, бывает в деле того канала остановка и в даче работным людям заработанных денег задержание»**** При таких выгодных для Миниха обстоятельствах, 8 сентября, совершилось падение кн. Меншикова, повлекшее за собою и опалу Волкова, но Миних опять не потерял ничего, даже выиграл: 11 сентября его назначили членом Военной коллегии*****, вице-президентом которой, в тот же

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 74. Л. 9—0.

** Там же. Л. 12—14.

*** Там же. Кн. № 73. Л. 32.

**** Полн. собр. законов. Т. VII. № 5140.

***** Дела Артил. арх. Кн. № 74. Л. 53.

день, сделан Гинтер* Чинно заседая в одном и том же присутствии, враги, однако, продолжали упорную борьбу по своим ведомствам — и 28 сентября Гинтер выгнал инженерную школу из ее помещения в артиллерийской слободе**, а 13 октября Миних не остановился донести Военной коллегии, что по указу его величества, не только 30 или сколько возможно, но «*нисколько* кондукторов и инженерных учеников, для определения в артиллерию, послать невозможно, потому что их очень мало»*** Вслед за тем Миних уехал осматривать Кронштадт, по возвращении откуда он, 1 ноября, предписал инженер-лейтенанту де Кулону сочинить фортификационную карту России****; 7 ноября донес Военной коллегии о необходимости отобрать у вдовы генерала Галларта оставшиеся после мужа ее разные крепостные планы, которых «из государства отпускать не надлежит»*****, а указом 30 декабря уполномочен принять от казны 125 тыс. руб. на отделку по своему проекту берегов Ладожского канала, с правом требовать рабочих «по конъюнктурам»****** Вообще Миних не мог бы жаловаться на выгодное для него те-

---

* Списки замечательных лиц русских, сост. П.Ф. Карабановым и доп. кн. П.В. Долгоруким. 1860. С. II.

** Дела Артил. арх. № 73. Л. 200.

*** Там же. Кн. № 74. Л. 80.

**** Там же. Л. 94. Вот подлинная редакция этого любопытного документа: «Высокоблагородный и превосходительный господин генерал-лейтенант. Изволите ваше превосходительство приказать всему Российскому государству учинить ланкарт таким образом, как уже я с вашим превосходительством словесно о том говорил; и во оном означить все границы и главнейшие провинции, реки и моря, тож в которых местах лежат все крепости Российской империи, которые состоят в дирекции нашей, и учиня оной, прислать ко мне. А прочие места, в которых не сделано крепостей, таких не означивать, разве которые знатные города. И крепости означивать красною краскою, а города черною. Вашего превосходительства охотный слуга фон Миних. Ноября 1 дня 1727 году. S. P. B.».

***** Там же. Л. 103.

****** Полн. собр. законов. Т. VII. № 5216.

чение 1727 г., если б он, тогда же, не потерял жену, достойную женщину, мать 14 человек детей*.

Так наступил 1728 г., в самые первые дни которого Миних получил назначение, лестное для чужеземца как он, прослужившего в России всего 7 лет: имп. Петр II, перед отъездом своим в Москву для коронования, вверил Миниху главное начальство в Петербурге, Ингерманландии, Карелии и Финляндии с управлением всеми войсками, расположенными в этих местах. Проводив 9 января государя и двор, Миних 29 января принял в свое ведение петербургскую губернаментскую канцелярию**; 25 февраля, в день коронования Петра II, был возведен в графское Российской империи достоинство*** и потом первенствовал на всех коронационных торжествах в Петербурге, из которых главнейшее, 3 марта, сопровождалось блистательным обедом в его доме для всей знати и членов академии на 90 кувертов. «При оном банкете,— гласит тогдашнее газетное известие,— отправлялось все зело преславно»****, а секретарь академии, Шумахер, описывая этот банкет в своем донесении президенту Блюментросту от 4 марта, между прочим сообщал: «Могу вас уверить, что господин генерал (Миних) всеми способами отличал академию. Он часто вспоминал о вас и выпил большой бокал за ваше здоровье»***** После коронационных празднеств в Петербурге, Миних ежедневно экзерцировал полки и занимался отстройкою С.-Петербургской крепости******, причем он из Указа 5 апреля узнал об утверждении предложенной им формы обмундирования пехотных офицеров*******, а 1 июня имел удовольствие, в присут-

---

* Büsching. III. 392—404. Кн. Долгорукий показывает у Миниха только 1 сына и 3 дочерей. См.: Рос. родосл. книги. Ч. II. С. 138—139.

** С.-Петерб. ведом. 1728. № 9.

*** Протоколы Верхов. тайн. совета. С. 74.

**** С.-Петерб. ведом. № 19.

***** Дополнительные известия для биографии Ломоносова. П. Пекарского (Записки Имп. Академии наук. 1866. Т. VIII. С. 9).

****** С.-Петерб. ведом. 1728. № 22.

******* Дела Артил. арх. Кн. № 122. (Листы не нумерованы).

ствии цесарского посла, гр. Вратислава, ехавшего тогда в Москву, открыть судоплаванию Ладожский канал* С известием об этом событии, торжественном для Миниха и важном для русской торговой промышленности, был отправлен в Москву Минихов адъютант Ламб, которого Петр II тогда же поздравил капитаном, повелев Верховному тайному совету изготовить Миниху благодарственный адрес, полученный Минихом уже в июле** Итак, Миниху везло,— везло даже в его семейных обстоятельствах, которые, так сказать, просветлели, когда Миних, вдовец еще нестарый, 18 сентября 1728 г., вступил во 2-й брак с Варварою-Элеонорою Салтыковою, рожденною Мальцан***, обер-гофмейстериною цесаревны Елисаветы Петровны, богатою вдовою средних лет. В то же время Миних был утешен и в служебном отношении — уравнением прав его, как обер-директора, с правами Гинтера, как генерал-фельдцейхмейстера, о чем Ст. Лук. Игнатьев, член Военной коллегии, писал к Миниху 10 октября из Москвы так: «Вашему графскому сиятельству на милостивое писание доношу. На присланные от вашего графского сиятелства доношении, в военной Колегии учинена резолюция минувшего сентября 16 дня, дабы изо всех губерний и провинцей и от команд в ынженерную Кантору писать так, как и во артилерию. А что как именоватьца Ынженерной канторе, Главною или Генералною фортофикационною Канторою, о том положили подать в Верховный Тайный Совет доношение. О положенной сумме на инженерный корпус учинили резолюцию: послать в Камер-колегию промеморию, чтоб оную положенную сумму в артилерию с 1729 году не отсылать, а отсылать в ынженерной Корпус. Вашего графского сиятелства, премилостнового государя моего

* С.-Петерб. ведом. 1728 г. № 44.
** Там же. № 58.
*** Там же. № 75. Büsching. III. 404.

(собственноручно:) покорной раб Степан Игнатьев»* Таких «рабов», как Игнатьев, у Миниха тогда уже было много, потому что все они имели в петербургских войсках сыновей, братьев, племянников и других ближних и дальних родичей, чинопроизводство которых, не говоря уже об отпуске в домы, зависело единственно и исключительно от Миниха. По этой же причине, кроме «рабов», подобных Игнатьеву, к Миниху весьма нередко относились с просьбами и ходатайством не только самые влиятельные лица того времени, но даже члены императорской фамилии. А так как двор Петра II, отбыв в Москву для коронации, уже не возвращался в Петербург при жизни этого ребенка-государя, то просьб и ходатайств к Миниху, по разным делам и отношениям, набралась целая, довольно увесистая книга, доныне хранящаяся в архиве Главного артиллерийского управления (в Петербурге). Перелистывая эту любопытную книгу, встречаем собственноручные письма всех разностепенных русских известностей 1728 —1729 гг.,— письмена, живо характеризующие придворные нравы, военный быт, канцелярские порядки, наконец, общежительные отношения людей той эпохи, причем нередко выказывается обратная сторона медали, так называемого доброго старого времени. В самом деле, от безвестных мастеров, комиссаров и комендантов до генералов, теперь забытых, и знаменитостей, доныне живущих в истории России XVIII в.,— всё, более или менее, нуждалось в Минихе, все корреспондировало с ним. «Благородный Господин Генерал Аншефт,— писала к Миниху цесаревна Елисавета,— прошу вас о подпоручике Ингермоландского (sic) пехотного полку Александре Римском-Корсакове, чтоб приказали дать ему сроку до первого числа генваря будущаго 1729 г., понеже оной объявлял нам крайние свои нужды. И в надежде склонного вашего в том исполнения пребываем (собственноручно:) Елисавета 24 дня мая 1728 г.

* Дела Артил. арх. Кн. № 79. Л. 319.

Москва»* «Господин генерал Миних, — отзывалась со своей стороны, цесаревна Екатерина Ивановна.— В команде вашей Санкт-Питербурского драгунского полку капитан Иван Гвоздев. Чего для просим вас онаго Гвоздева от полку уволить в дом свои, для всеконечных ево нужд, сроком на коликое число изволите, для нашеи прозьбы, за что и мы вас охотно благодарить будем (собственноручно:) царевна Екатерина. Август 23 дня 1728 году. Москва»** «Высокородный граф, превосходителный и высокопочтенный господин генерал и ордена Святаго Александра кавалер,— писал к Миниху известный фельдмаршал, кн. Вас. Влад. Долгорукий — Вашего превосходителства пущенное писмо от 23 Сентября я получил, которым о себе объявит изволили о вступлении в супружество з бывшею гоф-мейстериною Салтыковою. Чего ради чрез сие ваше превосходителство охотно поздравляю и желаю вам долговременные вкупе продолжить лета. Что же изволите рекомендовать себя в мою протекцию, и я с моей стороны, как прежде был, так и ныне всегда вашему превосходителству и всей фамилии вашей охотный слуга. Что же подлежит по приложенной от супруги вашей челобитной, простиратца к пользе вашей, по возможности моей, буду, в чем изволите быть благонадежны. При том же вашего превосходителства прошу: в моих нуждах, о чем будет просить адъютант мой Щербинин, не оставить. Впротчем, пребываю вашего превосходителства всегдашный слуга (собственноручно:) Князь В. Долгорукой. Октября 31 дня 1728 году. Москва»*** Так-то в то время, подобно нынешнему, обделывали свои де-

---

* Дела Артил. арх. Л. 241. Другое письмо цесаревны Елизаветы к Миниху, от 12 апр. 1729 (с просьбой произвести поручика кн. Якова Шаховского в капитаны лейб-регимента). Л. 449.

** Там же. Л. 322.

*** Там же. Л. 323. Всех писем фельдмаршала к Миниху в кн. № 79 двенадцать. В одном из них кн. Долгорукий, племянница которого уже сделалась тогда императорской невестой, благодарит Миниха за присланные им «убои (обои) в пакете». Л. 645.

лишки великие мира сего, на что в особенности был мастероват Миних, благоразумно имевший при себе флигель-адъютантом некоего Маслова, отец которого, старый подьячий петровских времен, занимал тогда важную должность секретаря Верховного тайного совета и, следовательно, мог пакостить кому хотел, но в отношении к Миниху, ближайшему начальнику его сына, являлся «нижайшим слугою»* Наконец,— были у Миниха и «всепокорнейшие слуги», например, Степан Буженинов, некогда петровский бомбардир, который в Бранденбургии, «не учась грамоте гиометрию получил»**, а теперь, в 1728 г., полковник и комендант Шлиссельбурга, стало быть, человек все-таки нужный Миниху и, разумеется, ласкаемый Минихом до фамильярности, явствующей из следующего письмеца: «Высокоблагородный и высокопревосходительный господин, господин генерал-аншефт и над фортофикациями обор директор и ордина святаго Александра ковалер граф фон Миних, милосердый государь мой. При сем послал до вашего высокопревосходителства уху рыбы, да теленочка. Со всепокорностию моею прошу принять и во здравие кушать. Да при сем же послал до вашего высокопревосходителства сиш(ж)ов подпарных. Вашего высокопревосходителства всепокорнейшии слуга (собственноручно:) Степан Буженинов. Шлютелбурх. Марта 30 дня 1728 году»***

Закончив 1728 год торжественным воздaнием последних почестей телу голштинской герцогини и русской цесаревны Анны Петровны, привезенному из Киля в Петербург, Миних, в январе 1729 г., отправил жену с дочерьми за границу, в Германию, и сам проводил их до Дудергофа****, а в феврале, по письмам из Москвы, узнал, что там, после кратко-

---

* Дела Артил. арх. Письма к Миниху Анисима Маслова, всех тринадцать. Л. 98, 110, 112 и т. д.

** См. нашу статью: «Артиллерия и артиллеристы на Руси в единодержавие Петра Первого» //Артил. журн. 1865. № 11. С. 14.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 79. Л. 128.

**** С.-Петерб. ведом. 1729. № 8.

временной болезни, умер его недруг, генерал-фельдцейхмейстер Гинтер, смерть которого немедленно разбудила уже уснувшие надежды Миниха — стать во главе русской артиллерии. Да и как было не проснуться этим надеждам, когда 11 февраля, всего через два дня по смерти Гинтера, некто Соковнин, один из «всепокорнейших слуг» Миниха, находившихся в Москве, писал к своему патрону в Петербург: «Премилосердый государь и отец, гравское сиятельство и генерал фон Миних. Прошу в вине своей прощения, что укоснел до вас, премилосерьда отца, писат. Ныне доношу вам: генерал фелцехместер Гинтер в Москве скончался, а в знатных особах есть слова, что быть генералом фелцехместером вашему сиятелству. И надеюсь, ежели вы изволите того пожелать, то всеконечно зделаетца. При сем всепокорный ваш подполковник Петр Соковнин»* А неделю спустя, другой «всепокорнейший слуга» и подчиненный Миниха, петербургский обер-комендант кн. Урусов, случившийся тогда в Москве, между благодарностями Миниху за его рекомендацию к Остерману, в письме своем от 18 февраля, включал: «Токмо, государь, желаю моим сердцем, чтоб вас от меня не отлучили из Санкт питербурха, понеже я слышу, не токмо кто другой, но и сам Его Императорское Величество изволит о вас всемилостивейши напоминать и удостаивать вас в фелцейхместеры»** С таким ручательством Миних, конечно, мог надеяться всего, тем более что он же, по смерти Гинтера, занял место вице-президента Военной коллегии*** Довольный пока и этим назначением, Миних 24 февраля весело первенствовал в торжественном собрании Академии наук, где профессоры Лейтман и Мейер, в силу избитой академической рутины, произносили тяжелые, высокопарные речи, и все присутствующие особенно «удивлялись о ис-

* Дела Артил. арх. Кн. № 79. Л. 380.
** Там же. Л. 391.
*** Карабанов П. Списки замечательных лиц русских. С. 11.

кусно граненом полиедре, понеже в оном вместо написанного в середине доски Российского Орла, персону Е. И. В. Петра II видели, которая из многих, меж другими фигурами разделенных частей паки совершенно соединялась и оную зело ясно видеть возможно было»*, а в марте Миних с помощью Игнатьева, на всякий случай, перетягивал в свое инженерное ведомство артиллерийского канцеляриста Шмаевского**, между тем как его флигель-адъютант Маслов, пребывая в Москве, наблюдал под руководством своего родителя ход дела о награждении Миниха деревнями из описных поместьев Меншикова — дело, затеянное Минихом, по совету Маслова-отца еще в 1728 г.*** Но вскоре же перетягивание канцеляриста Шмаевского, из одного ведомства в другое, оказалось не нужным, потому что, едва успел Миних 7 мая торжественно произвести в Петербургской крепости закладку нового болверка «Петр II»****, как состоялся следующий высочайший указ: «Божиею милостию, мы, Петр II, император и самодержец всероссийский, и проч., и проч. и проч., Нашей Военной Коллегии. Прошедшего апреля 28 дня сего 1729 г. указали мы артиллерию ведать нашему генералу фон Миниху и быть ему при том деле главным. И повелеваем нашей Военной Коллегии учинить о том по сему нашему указу. Дан в нашем Верховном Таиной совете. Маия 19 дня 1729 году*****

Таким образом, Миних становится во главе еще одного важного управления, а русская артиллерия приобретала в Минихе «главного», который имел в виду только выгоды и преимущества этого звания, не думая о пользах русского артиллерийского дела, ему вверяемого, но почти незнакомого. В силу такого выбора русскому артиллерийскому делу предстояло

---

* С.-Петерб. ведом. 1729. № 16.

** Дела Артил. арх. Кн. № 79. Л. 413.

*** Там же. Л. 99, 432.

**** С.-Петерб. ведом. 1729. № 36.

***** Дела Артил. арх. Кн. № 79, л. 475.

сосредоточиться преимущественно на многописании, «мунстрованиях», фейерверках — и долго не выходить из застоя, в котором долженствовали задерживать его: сначала малоспособность именно к этому делу самого Миниха, хотя вообще даровитого, даже в иных отношениях гениального, и еще более,— совершенная бездарность безземельного ландграфа гессен-гомбургского, ближайшего преемника Минихова в звании генерал-фельдцейхмейстера. Нося не одно это звание, Миних, отвлекаемый многими другими служебными обязанностями, не имел времени изучать артиллерийское дело, и если занимался им, то отрывочно, как бы мимоходом, следы чего видны и в сохранившихся томах документов Минихова управления русскою артиллериею, лишенных не только внутренней связи, но и многих необходимых сведений. Потому и настоящий очерк, в дальнейшем изложении, не представит желаемой полноты.

В момент назначения Миниха «главным» над русскою артиллериею, личный и материальный состав последней с ее управлением, поскольку можно видеть из уцелевших ведомостей, был следующий:

1) *Артиллерийский генеральный штаб:* генерал-лейтенант 1 (де Геннин); генерал-майор 1 (Виттвер); обер-кригс-комиссар 1 (Унковский); обер-аудитор 1 (Эмме); штаб-лекарь 1 (Гакман). При генералитете и штабе: адъютантов 2; флигель-адъютантов 1; канцеляристов 2; подканцеляристов 2; копиист 1; писарей 4.

2) *Управление артиллерийской канцелярии в Москве:* Казначей 1 (Арсеньев); секретарей 3*; протоколист 1; регистратор 1; канцеляристов 7**; подканцеляристов 6; копиистов 19; писарей 8; счетчиков 4; вахмистр 1; рассыльных 11***

3) *Управление артиллерийской конторы в С.-Петербурге:* обер-контролер 1 (Кошелев.); канцеля-

---

* Один из них, Лаврецкий, правит асессорскую должность.

** Один из них за бухгалтера.

*** Назывались и «денщиками», определенными для рассылки с делами.

ристов 2; подканцеляристов 4; копиистов 7; писарей 4; счетчиков 2; рассыльных 5; сторожей 2.

4) *Полевая артиллерия* (полковое управление и орудия в Москве, а чины в разных командированиях): штаб-офицеров 3; обер-офицеров 3*; священник 1; лекарь 1; лекарских учеников 2; вагенмейстер 1; цейхшрейбер I; цейхдинеров 4; писарей 8; литаврщик 1; гобоистов 8**; урядников 65***; бомбардиров 22; гандлангегеров 51; канониров 183; фузелеров 533; барабанщиков 13****; нестроевых 102*****; мастеровых 40. Орудия: пушек медн. 12 ф. 3, 8 ф. 12, 6 ф. 6, 3 ф. 6; мортир медн. 2 пуд. 1, 1 пуд. 2; гаубиц медн. 1 пуд. 4; $^1/_2$ пуд. 3; мортирцов железн. 6 ф. 12; понтонов 25. Кроме того, «числились» принадлежащими к полевой артиллерии медные пушки: 24 ф. 6 и 18 ф. 4 в Киеве, да 24 ф. 2 и 18 ф. 6 в Астрахани.

5) *Большая или осадная артиллерия* (полковое управление в С.-Петербурге, чины в разных командированиях, а орудия в Павловске на Осереде): штаб-офицеров 2; обер-офицеров 18******; священник 1, пономарь 1; лекарь 1; цейхдинеров 2; писарей 10*******; урядников 28; бомбардиров 19; гандлангеров 11; канониров 28; фузелеров 202; барабанщиков 4; нестроевых 19; мастеровых 18.— Орудия: пушек медн. 24 ф. 37, 18 ф. 33; мортир медн. 9 пуд. 2, 5 пуд. 28; мортирцов железн. 6 ф. 200. Из этих орудий предполагалось перевезти в Брянск, когда отстроятся там сараи: пушек медн. 24 ф. 17, 18 ф. 13; мортир медн. 5 пуд. 12; мортирцов железн. 6 ф. 100.

6) *Гарнизонная артиллерия* — в С.-Петербурге, Кронштадте, Выборге, Кексгольме, Шлиссельбурге,

---

* В том числе: цейхвартер, аудитор, комиссар и провиантмейстер, тогда назначавшиеся из строевых офицеров.

** В том числе подмастерье над гобоистами.

*** Т. е. сержантов, фурьеров, капралов и ефрейторов.

**** В том числе «над барабанщиками староста» 1.

***** Сюда принадлежали: цирюльники, профосы, пушкарские дети, денщики и рекруты.

****** В том числе: провиантмейстер и комиссар.

******* В том числе: полковой 1 и комиссарский 1.

Нарве, Ревеле, Риге с Динаминдом и Перновом, Смоленске, Киеве, Архангельске, Великих Луках, Чернигове, Переволочне, Переяславле, Брянске, Павловске, Царицыне, Астрахани. Казани, Уфе, Сибирской губернии с пригородами, Новгороде и Пскове: — штаб-офицеров 5; обер-офицеров 50*; священник 1; лекарь 1; цейхшрейбер 1; писарей 29; гобоистов 3; урядников 142; бомбардиров 153; канониров 888; гандлангеров 27; фузелеров 643; пушкарей 46**; барабанщиков 13; нестроевых 78; мастеровых 194.— Орудий (по сохранившимся ведомостям) в гарнизонах: 1) Рижском: пушек медн. 3 ф. 6, 2 ф. 1; чугун. 24 ф. 26; 18 ф. 41; 16 ф. 1, 12 ф. 82, 9 ф. 2; 8 ф. 11, 7 ф. 7, 6 ф. 39, 5 ф. 57, 4 ф. 16, 3 ф. 53, $2^1/_2$ ф. 1; гаубиц чугун. 16 ф. 2; мортир медн. 5 пуд. 1, 132 ф. 1, 70 ф. 3, 45 ф. 1, чугун. 170 ф. 4, 110 ф. 2, 105 ф. 4, 87 ф. 6, 80 ф. 5, 70 ф. 1, 60 ф. 5, 45 ф. 1, 40 ф. 2, 8 ф. 3; нового литья 70 ф. 12; эльбингских 85 ф. 3, 80 ф. 1, 65 ф. 2, 60 ф. 1, 40 ф. 3, 30 ф. 2***; 2) Динаминдском: пушек чугун. 24 ф. 19, 18 ф. 22, 15 ф. 2, 2 ф. 38, 10 ф. 3, 9 ф. 6, 8 ф. 19, 7 ф. 10, 6 ф. 36, 5 ф. 7, 4 ф. 19, 3 ф. 25; гаубиц чугун. 16 ф. 2; мортир чугун. 4 пуд. 1, $2^1/_2$ пуд. 1, 85 ф. 4, 8 ф. 1; дробовиков чугун. 24 ф. 3, 20 ф. 5, 8 ф. 4****; 3) Перновском: пушек чугун. 24 ф. 6, 18 ф. (*) 10, 12 ф. 47, 6 ф. 46, 3 ф. 107; гаубиц чугун. 16 ф. 4; мортир чугун. 85 ф. 8, $1^1/_2$ пуд. 5, 1 пуд. 2, 30 ф. 1, $22^1/_2$ ф. 1*****; 4) Выборгском: пушек чугун. 24 ф. 24, 18 ф. 42, 12 ф. 55, 8 ф. 2, 6 ф. 42, 4 ф. 9, 3 ф. 20; гаубиц медн. 20 ф. 2, чугун. 16 ф. 2; мортир. медн. 70 ф. 3, чугун. 2 пуд. 1, $1^1/_2$ пуд. 5, 1 пуд. 2; мортирцов медн. 8 ф. 10, чугун. 8 ф. 12; дробовиков чугун. 4 ф. 2; басов чугун. 2 ф. 5, $1^1/_2$ ф. 1; 5) Кексгольмском: пушек медн. 24 ф. 2, 3 ф. 5; чугун. 24 ф. 9, 18 ф. 25, 12 ф. 12, 6 ф. 3,

---

* В том числе: цейхвартеров 5, комиссар 1.

** Состояли при старинных орудиях, именование и калибр которых показаны ниже, в перечнях их ведомостей.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 80. Л. 68.

**** Там же. Л. 72.

***** Там же. Л. 79.

4 ф. 4, $3^1/_2$ ф. 6; гаубиц медн. 1 пуд. 2; мортир медн. 5 пуд. 3, 1 пуд. 1, чугун. 4 пуд. 2; мортирцов чугун. 8 ф. 15; дробовиков медн. 30 ф. 3, 8 ф. 1, чугун. 4 ф. 14; фальконетов медн. $^1/_2$ ф. 8*; 6) Брянском: пушек медн. 6 ф. 2, 5 ф. 2, 4 ф. 3, 3 ф. 11, 2 ф. 15, $^1/_2$ ф. 2; чугун. 6 ф 1, 3 ф. 1, 2 ф. 14; мортир мед. 2 пуд. 2, $^1/_2$ пуд. 1, чугун. 2 пуд. 1**; 7) Смоленском: пушек медн. 1 пуд. 1 («Онагр»), 32 ф. 1, 14 ф. 1, 4 ф. 2, 3 ф. 8, чугун. 8 ф. 25, 7 ф. 39, 6 ф. 4, 5 ф. 5, 4 ф. 3, 3 ф. 1; гаубиц чугун. 1 пуд. 1; мортир чугун. 2 пуд. 2; мортирцов чугун. 6 ф. 1; дробовиков медн. 10 ф. 1, 8 ф. 1, 6 ф. 1; измаговниц чугун. 8 ф. 2, 2 ф. 5, $^1/_2$ ф. 1; петард медн. $2^1/_2$ пуд. 2, чугун. 1 пуд. 1***

7) *Фурманское при артиллерии правление* — в Москве, С.-Петербурге, Туле, Брянске и Белгороде — шталмейстер 1 (Марков.); обер-офицеров 8, писарей 3****; урядников***** 73; фурлейтов 737; коновалов с учениками 6; денщиков 6.

8) *Арсеналы и пороховые заводы* — в Москве, С.-Петербурге и на Охте: — обер-офицеров 12******; лекарь 1 (в Москве); цейхшрейбер 1 (в С.-Петербурге); цейхдинеров 11; писарей 7; урядников 9; бомбардиров 2; канониров 27; гандлангеров 4; фузелеров 22; солдат 11; вахтеров 2; фурманских служителей 6*******; нестроевых 7; мастеровых 528********

9) *Артиллерийская школа в Москве:* учителей 3; учеников геометрии 10; учеников арифметики 29; учеников словесного и письменного класса 60*********

---

* Дела Артил. арх.. Л. 338.

** Там же. Л. 273.

*** Там же. Л. 377.

**** В том числе эширшрейбер.

***** Т. е. фурмейстеров и унтер-фурмейстеров.

****** В том числе цейхвахтеров 2, комиссаров 6.

******* А именно: фурмейстеров 3, фурлейтов 2, унтер-вагенмейстер 1.

******** В том числе пушечных: мастеров 2, подмастерьев 4, учеников 58; пороховых: *мастерица* 1, мастеров 3, подмастерьев 3, учеников 106; селитряных: мастеров 3, подмастерье 1, учеников 32, колокольный мастер 1.

********* Дела Артил. арх. Кн. № 80. Л. 5—12.

В своем целом, тогдашняя русская артиллерия уже потому не могла похвалиться процветанием, что ежегодная сумма на ее довольствие и снабжение, определенная Указом 22 мая 1721 г. в 300 тыс. руб.*, отпускалась Камер-коллегиею весьма неисправно и с большими недоимками, количество которых, к июню 1729 г., возросло до 630 821 р. $82^{3}/_{4}$ к.** Кроме того, всякие представления артиллерийского начальства, как и всех других, благодаря неистовому порсканью вельмож, губивших этою забавою здоровье ребенка-государя, по месяцам гуляли из коллегии в коллегию и по годам залеживались в Верховном тайном совете без всякого решения***, которое, однако, в большей части случаев, требовалось немедленно и, не исходя свыше, останавливало течение дела. Такой порядок администрации оказывался особенно неудобным для артиллерии, новый «аншталь» которой в то самое время был уже сочинен и представлен на утверждение, но, пропав, по обыкновению, в Верховном тайном совете, только связал собою артиллерийское управление, недоумевавшее — производить ли ему разные заготовки на старых основаниях или придерживаться новых. Наконец, со смертью Гинтера, в Москве, центре тогдашнего артиллерийского управления, поселился раздор между членами артиллерийской канцелярии, с одной, и подполковником полевой артиллерии Беренсом, с другой стороны,— раздор, возникший из-за назначения артиллерийскою канцеляриею, помимо Беренса, в командировку на Царицынскую линию капитана Плимике, свояка Беренсова, помогавшего Беренсу в фейерверочных работах — главном тогда артиллерийском занятии, по крайней мере в Москве и Петербурге. Ожесточась враждою, обе стороны писали друг на друга доношения в Военную коллегию,

---

* Полн. собр. законов. Т. VII. № 4512.

** Дела Артил. арх. Кн. № 80. Л. 294.

*** Например: представление об асессорстве Лаврецкого. См. нашу статью: «3-й генерал-фельдцейхмейстер Ив. Як. Гинтер» в «Артил. журн.». 1866. № 5.

а Беренс, в досаде на отнятие у него артиллерийской канцелярии, вопреки распоряжению Гинтерову, заведования Московским арсеналом, при одном случае поимки корчемников в Пушкарской слободе, тоже ведения Беренсова, до того простер свое негодование, что гласно грозил «ободрать кошками» арсенального капрала Дулина*. Скандалы, подобные этому, разумеется, не заслуживали бы упоминания, если б они, происходя в Москве и в период междуфельдцейхмейстерства, не зарекомендовали артиллерийского управления, действительно, «непокровенною храминою», как выразился обер-кригс-комиссар Унковский в своем поздравительном письме к Миниху от 26 мая, обрисовывавшем тогдашнее состояние этого управления так: «Артилерия начатым исправлением (о чем небезизвесны и ваше сиятелство, что поданные аншталты не оконфермованы) еще не окончилась и обстоятелного положения, как оную содержать и какая на содержание имеет быть денежная сумма, определения не учинено; и хотя из артилерии многократно о том от Военной калегии требовано, однакож доднесь не совершилось. Да и которая денежная сумма, например, до подлинного положения, в артилерию с 1724 г. по триста тысещ рублев определена, токмо и в тое сумму с того 1724 году по сие время в артилерию от Камор калегии более штисот тысещ рублев недослано. И от такова необстоятелного положения, к тому ж от недосылки денежной казны, претерпевает артилерия многие неисправления и нестроения. А в Калегии и в знатные коммисии требуют многих ведомостей порознь о разных вещах со обстоятелством, которых, за необстоятелным положением, с ясным показанием сочинить невозможно, в чем великое затруднение Канцелярия имеет и претерпевает немалые выговоры, иногда и с гневом, яко непокровенная храмина»**

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 80. Л. 185.

** Там же. Кн. № 79. Л. 477.

Помочь всему этому Миних, в новом качестве «главного» над артиллерией, конечно, не мог, да и не сумел бы. Начав свое управление вызовом 29 мая всех артиллерийских гобоистов и литаврщика из Москвы в Петербург, новый «главный» в тот же день «усмотрел мортиру, лежит за городом, против ворот, которые имеются в кронверхе возле куртины; а в крепости имеющихся мортир и гаубицы лежат в непорядке» — и 30 мая распек за это начальника петербургской артиллерии, полковника Шпаррейтера, а 4 июня уже заботливо предписывал Беренсу в Москву, готовить для фейерверка 29 июня «как ракиты, так и к плану фитили; а в каком обстоятелстве тот план учинен быть имеет,— присовокуплял Миних,— изволите ваше благородие сделать чертеж и объявить Остерману, а потом прислать для разсмотрения ко мне чрез первую почту неотложно»* Эти три первые распоряжения на поприще «главенства» в артиллерии характеризовали, быть может, случайно, но совершенно верно, всю будущую фельдцейхмейстерскую деятельность Миниха, который, как человек крайне суетный и тщеславный, любил всякий парад и блеск, а как немец, полагал существенно важным и единственно необходимым соблюдение во всей строгости только внешнего порядка, и, наконец, как русский генерал из немцев, всеусердно подчинялся господствующему вкусу, насквозь проникаясь всемерными заботами о том, чтоб каждый фейерверк, по собственному выражению Миниха, «к величайшему Его Императорского Величества и всего двора увеселению порядочно репрезентован быть мог»** Этим же самым стремлением руководился Миних, когда он, сведав из донесений, о распре между членами артиллерийской канцелярии и Беренсом, взял сторону последнего, жаловавшегося на умышленную медленность в отпуске ему фейерверочных припа-

* Дела Артил. арх.. Кн. № 83. Л. I—3.

** Там же. Л. 6.

сов, и 19 июня, не без волнения, писал Унковскому: «Сие мне весма удивително есть, что вы в том чините остановку, причем Его Императорское Величество сам и весь двор присудствовать будут. Или, может быть, ради того, дабы тем, ежели оное непорядочно и худо произойдет, нанести мне каковую либо досаду? Однакож я такова мнения от вас не уповаю»* Тем не менее, Миних, для успокоения себя со стороны внешнего порядка, в тот же день письменно просил кн. Вас. Влад. Долгорукого о наряде суда над членами артиллерийской канцелярии и Беренсом, «чтоб, не допущая далее, все доселе бывшие непристойности сократить»** Последнее, действительно, было необходимо, потому что в то самое время, указом из Верховного тайного совета в Военную коллегию, от 18 июня, повелевалось готовить армию и крепости на случай разрыва с Турцией, о возможности которого предупреждал русский резидент в Константинополе, Неплюев. Замечательно, что артиллерийская часть этих приготовлений — по справедливому ли соображению новости и «необыклости» Миниха в начальствовании артиллериею, просто ли по отвычке высших правительственных сфер от всего военного — не обдумывалась вновь, а заимствовалась целиком из одного старого указа Петра I, от 11 апреля 1723 г., об осмотре и надлежащем артиллерийском снабжении «ближайших к турецким границам» пунктов — а именно: Брянска, Киева, Чернигова, Полтавы, Переволочны, Переяслава, Транжамента***, Таврова, Хоперской и Бахмутской крепостей,— с немедленною пригонкою снарядов по кружалам: к 24 ф. и 18 ф. орудиям по 500, к прочим по 300 бомб; к мортирам по 300 же, картечи к полевым орудиям по 50, к настенным гарнизонной артиллерии по 70 выстрелов.

---

* Дела Артил. арх. Л. 8.

** Там же. Л. 6.

*** Так именовалось тогда укрепление на р. Дон, в 1761 г. названное крепостью Св. Димитрия, которая теперь упразднена.

Вся разница между силою этого указа в 1723 г. и его выполнением в 1729 г. заключалась в том, что тогда осмотр и снабжение означенных пунктов предписывалось произвести полковнику Шпаррейтеру, а теперь то же поручение возлагалось на генерал-майора Виттвера, с которым и командированы в южную Россию 3 обер-офицера, 1 унтер-офицер и несколько рядовых из брянской артиллерийской команды*. Да и это последнее распоряжение принадлежало членам артиллерийской канцелярии в Москве, а не Миниху, который только тогда, уже после личного осмотра пороховых заводов в Петербурге**, вздумал, 29 июня, потребовать от Унковского сведений о состоянии всех отраслей артиллерийского управления, содержании артиллерийских служителей, «имеется ль гошпиталь» и проч.***, сведений, хотя прежде всего необходимых «главному» в артиллерии, особенно никогда не бывавшему артиллеристом, но, как видно, излишних для Миниха в течение всего первого месяца его управления артиллериею. Настолько равнодушный к части, ему вверенной, Миних, однако, не мог не находить заочные сношения с артиллерийской канцелярией для себя неудобными, в силу чего он, без всякого внимания к тому, что, по тогдашним условиям государственной администрации, хозяйства и самого обихода артиллерийской службы, пребывание центра артиллерийского управления в Москве, относительно ближайшей к пунктам расположения и источникам снабжения артиллерии, более соответствовало пользе артиллерийского дела,— не преминул сочинить и, 30 июня, препроводить прямо к государю следующее «Всенижайшее представление, каковых ради притчин Артиллерийской Канцелярии надлежит быть при нем», Минихе, в Петербурге:

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 80. Л. 160—167.

** Осмотр этот происходил 20 июня. Миних приказал заводское строение исправить, а число пороховых мельниц увеличить. См. С.-Петерб. ведом. 1729 г. № 50.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 83. Л. 12.

1) Оная канцелярия — писал Миних — не таковыми членами снабдена, от которых бы по указам исправление и скорое произведение происходило; но, более, во всех делах сумнение и, по неимеющейся у них доволной власти, болшая остановка и напрасное продолжение времени, отчего служба вашего Императорского величества никаковые ползы иметь не может и неимеет, разве одной конфузии, которая уже чрез так краткое время и доволно оказалась. 2) Никакова важного дела не токмо сама собою, но хотя б и по указам, без моего повеления и опробации предвосприять и чинить неможет и недолжна, но во всем том чрез писма отменя будет ожидать конфермации, и оттого дела, которые не терпят времени, могут остановится, а вдругих и конечное забвение учинится. 3) Мне же самому, яко главному, над артиллериею именующемуся, никакова определения, ради имеющихся во оной канцелярии всех прежних указов и генералных от нее определений, и других всех нуждней ших документов, каковых здесь во артиллерии не обретается, учинить невозможно. 4) По всем и изовсех мест вашего Императорского величества указом надлежит наискорейшее отправление чинить в главном правителстве, а не в подчиненных местах: и тако и дондеже ответствие и взыскание требовано будет отменя, а не от подчиненных моих. 5) Между тем, пока я здесь пробуду в Москве при артиллерии учредится контора, которой должность будет о всех, тамо происходящих нуждных делах, також ипопосылаемым отсюда Указом, воисполнении иметь старание. 6) Ежелиж повелено будет высоким вашего Императорского величества Указом мне быть в Москве, то оному совсяким усердием повинуюсь, однакож по моей ревности и по должности верного вашего императорского величества слуги, что от самого сердца и по чистой моей совести храню, имею немалое соболезнование о так многих и важных мне порученных делах, то есть: о исправлении всех ост-

зейских крепостей и в них потребнои артиллерии, которые той необходимо и продолжително требуют; також инженерная команда, купно с ее канцеляриею, ивней нужднейшими делами, которая и поныне еще не в состоянии, но отвремени до времени в надлежащей порядок приводится; пачеже всего великое оное иважное Ладожского канала строение, которое все во отбытие мое весма невтаком порядке и прилежности происходить будет. Иежели помянутое с одною толко артиллерискою канцеляриею сверстать, при которой здесь такожде ничего упущено не будет, то оная никогда вашему Императорскому величеству ползы, яко вышеписанные исправления своею остановкою вреда приключить могут. 7) Ежелиже артиллериская канцелярия представлять будет, якобы в укладывании и в перевозе дел произойдут великия и напрасныя убытки, також и продолжение времени, но и втом нималой остановки быть неможет, ибо оная, снужнейшими делами, повышней мере, в две недели прибудет; ктомуж и артиллериские аншталты, в которых такожде болшая нужда зависила, уже ко мне присланы, и ныне оных в надлежащей порядок воотбытие оной канцелярии привести невозможно. И тако на сие все отвашего Императорского величества ожидать буду высокомилостиваго указу»* Другими словами, Миних выставлял только себя и, заметно принижая важность артиллерии в сравнении с важностью инженерного дела и строения Ладожского канала, думал только о себе, да еще, впрочем, о московском фейерверке 29 июня, событии, в тревожном неведении результатов которого, Миних, одновременно со своим «Всенижайшим представлением» государю, начальнически писал к Беренсу: «Благородный и почтенный господин подполковник. По получении сего, изволите прислать ко мне репорт немедленно: вчерашняго числа, то есть в день Петра и Павла, фейерверк каковым образом отправлен был,

* Дела Артил. арх. Кн. № 83. Л. 12.

и не произошлоль между тем какова безпорядка, и отчего. Також, на котором месте оной репрезентован и его Императорское величество и весь двор имели ль от того каковое увеселение или нет, и о протчем всем, притом бывшей учините порядочное описание. А о преждебывших всех фейерверках, при которых ваше благородие в Москве обретались, прислать ко мне чертежи, с описанием величества и всех фигур, при том имевшихся. Впрочем остаюсь вашего благородия ко услугам готовый фон Миних»* Но еще до получения ответа Беренсова, Миних, опять же в видах одного личного честолюбия, поднял дело о том: почему артиллерийская канцелярия сносится с Военною коллегиею *доношениями*, а не *промемориями*, как водилось до смерти Гинтера? «Сию привилегию,— объяснял Миних в запросе своем Унковскому от 3 июля,— артиллерия еще из начала состояния Колегей без отъятия имела и впред всегда иметь должна, ибо когда при прежних генералех-фельдцейхмейстерах безспорно содержала, то и я не иначе каким образом требую, токмо как против прежнего. Ибо еще поныне

* Дела Артил. арх. Л. 14.— «Сим доношу,— отвечал на это Беренс от 7 июля,— феэрверк на день прошедшего торжества тезоименитства Его Императорского Величества репрезентован был при слободском Его Императорского Величества доме в саду, за Яузой, а как был учрежден и в каких вещах, о том послан до вашего графского сиятелства чертеж. А хотя и все феэрверочные вещи были хороши, токмо плам не так явственно горел, как было гореть ему надлежало; а учинилос то от случившегося при подъеме пламя дождя, також от худых и в замедлении и в отпуске припасов. А Его Императорское Величество доволен или недоволен был, о том я донести вашему высоко графскому сиятелству за необъявлением не могу. Но токмо я, нижаишии, в том виности своей не признаваю, ибо я с моею ревностию и усердием о том трудился и смотрил, а то нещастие сделалось не от меня, как и выше показано. А был величеством онои сорока одного аршина высотою и тридцати осми шириною. А протчие феэрверки, которые сочинялись при животе покойного генерала фелтцейхмейстера, о тех чертежеи у меня неимеется, а по смерти его отданы в канцелярию, которых требовать буду и ежели оныя можно послат до вашего графского сиятелства, то пошлю немедленно; а ежели ветхи, переделав, немедленно ж отправлю». (Там же. Кн. № 80. Л. 208).

власть над артиллериею ее главных генералов ничем не нарушена, то и в сих, також и в протчих делах, никаковых отмен чинить не надлежит, кроме Его Императорского Величества или Верховного тайного совета, особливых указов»*— «дабы, добавлял Миних в письме своем, по поводу того же «прерогатива», к членам Военной коллегии Игнатьеву и кн. Юсупову, сваливая на этот раз с больной головы на здоровую,— дабы ныне под командою моею состоящия артиллерийския офицеры не могли имет притчин в том меня порицать, яко бы сие моим упущением к общему безславию артиллерии учинилось, чего при прежних генералах неделывалось»** В чаянии благоприятного решения всех этих и других представлений и требований, Миних продолжал производить генеральные экзерциции полкам Петербургского округа, начатые им с 27 июня***, а 14 июля, когда судебное разбирательство между членами артиллерийской канцелярии и Беренсом кончилось и, вероятно, в пользу последнего,— Миних уже предписывал артиллерийской канцелярии не только исполнять все по требованию Беренса, особенно в деле заготовления фейерверков, но без его ведома не распоряжаться его подчиненными, наконец, по его представлению, завести в Москве артиллерийский лазарет «и поныне бывшия ссоры — гласило предписание — прекратить и всем обще со всякою ревностию дела Его Величества отправлять; то и от меня, грандиозно присовокуплял Миних, всякую благодарность получите или, в противном случае, привлечете к суду, но тогда уже поздно будет о своих просмотрах сожалеть, чего для я вас ныне о том заблаговременно увещеваю и конечно хочю, дабы вы сим моим представлениям последовали»****

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 83. Л. 17.

** Там же. Л. 18.

*** С.-Петерб. ведом. 1729. №№ 51, 53.

**** Дела Артил. арх. Кн. № 83. Л. 21.

Таковы были действия Миниха в первые два месяца его главноначальствования артиллериею, действия, казавшиеся, кому следовало, «многими излишними против протчих службами», за которые, Указом 18 июля, положено Миниху, сверх прежнего жалованья, еще по 2016 руб. в год*, что с прежними 3000 р. составило 5016 р., т. е. оклад, получавшийся гр. Брюсом и еще в 1727 г. требованный «кондициями» Миниха. Вслед за этим указом, конечно, приятным корыстолюбивому Миниху, состоялся 28 июля другой, которым изменялось официальное именование Главного артиллерийского управления и, вместе, устранялись, к удовольствию Миниха, все сомнения касательно «доношений» и «промеморий»: «понеже — говорилось в Указе 28 июля — ныне как артиллерии, так и инженерного корпуса правление в одном ведомстве состоит нашего генерала графа ф. Миниха, того ради указали мы то правление именовать *канцелярию от артиллерии и от фортификации*, и куда надлежит промемории или указы**, как об артиллерии, так и об инженерных делах, отправлять из той канцелярии обще»*** Около того же времени, присутствие собственно артиллерийской канцелярии в Москве, по просьбе Миниха, переведено в Петербург, чему наиболее содействовал Остерман, который взял на себя доложить государю «Всенижайшее представление» своего друга, без труда получил желаемую резолюцию и 10 июля лично приказал Унковскому с канцелярию ехать к Миниху, а в Москве оставить одного члена с надлежащим числом служителей, что подтверждено и указом Военной коллегии от 14 июля, усвоивавшим остающемуся в Москве артиллерийскому присутствию из одного члена — именование *ар-*

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 79. Л. 526; Кн. № 83. Л. 27.

** Присутственные места, по достоинству равные, сносились между собою *промеморіями*, а учреждениям нижайших степеней посылали указы, на которые ответствовалось *доношениями*.

*** В Полн. собр. законов этот указ отнесен к 31 июля. См. Т. VIII. № 5454.

тиллерийской конторы[*]. Наконец, когда почти вся артиллерийская канцелярия была уже в Петербурге, Унковский, еще задерживаемый в Москве упаковкою (в бочки) и отправкою канцелярских дел, спешил рассеять последние сомнения честолюбивого Миниха, который, спрашивая, с какого времени гарнизонная артиллерия и ее служители, вопреки указам Петра I, отданы в ведомство губернаторов и комендантов, заботливо допытывался: «и артиллерия от того имет себе похвалу может ли или нет»[**] На что Унковский доношением 22 июля, отвечал, что «указу блаженныя памяти императора Петра Первого премены никакой учинено, но наивящую хвалу от того иметь может, ибо губернаторы, обер-коменданты, коменданты и воеводы наипаче под команду Главной артиллерии подвержаны, а в делах Его Императорского Величества к артиллерии принадлежащих (ежели правилно поступать будут) не малой способ быть может». В доказательство же истины этого, Унковской прилагал к своему доношению «Пункты, учиненныя в главной артиллерии (27 февраля 1729 г.), каким образом в губерниях генералом губернатором, губернатором и вице-губернатором, а в городех Камендантом и воеводам над артиллериею и артиллерискими служителями смотрение иметь надлежит», всего 8 пунктов, из которых в первых 5-ти излагался общий порядок управления, а в последних 3-х, действительно, значилось: в 6-м — «О приходе и о расходе всякаго звания припасов и материалов артиллерискиx и о денежнои казне *репорты* присылать изовсех городов в главную артиллерию во все месяцы; а годовыя щеты, освидетельствовав и подписав в губернской или в гарнизоннои канцелярии[***], по указом и адмиралтейскому регламенту, по прошествии года, в генваре ме-

[*] Дела Артил. арх. Кн. № 80. Л. 261—262.

[**] Там же. Кн. № 83. Л. 19.

[***] *Гарнизонными канцеляриями* назывались тогда комендантские управления.

сяце, неотложно отсылать прямо ис тех канцелярий в ревизион Коллегию с обстоятелством*, а таковые ж точные копии для ведома, в главную артиллерию присылать. А что в приходах и расходах учинено будет неправилно, и в том оные Канцелярии ответствовать должны»; в 7-м — «Губернатором и вице-губернатором, обер-Камендантом и Камендантом и протчим командующим в гарнизонах и городех, по требованиям и представлениям артиллериских командиров, что надлежит ко артиллерии, чинить надлежащее разсмотрение и исправлять не о важных делах, не описываясь в главную артиллерию, а именно: о починке и о деле вновь батарей и к наличным пушкам и мартирам станков и колес и протчаго, приуготовляя припасы заблаговремянно, с прилежанием смотря, чтоб Его Императорского Величества интерес во всем содержан был невредимо»; в 8-м — «о важных же делах, а имянно: буде случитца что надлежит к артиллерии прибавить или убавить, или артиллериских служителей и мастеровых людей приверстать в комплет, или вновь прибавить, или отставить, или переменою чина наградить, и о протчих сему подобных делах, к артиллерии принадлежащих, и о том *доносить* с обстоятелством в главную артиллерию, объявляя резоны и мнения, и требовать о том *указа*. А без указу главной артиллерии ничего того не чинить, ибо, по военному уставу, генерал-фельтцейхмейстер вышний и глава артиллерии нарицается, и обыкновенно артиллериею един командует, и должен во всех местах артиллерию учреждать, по намерению своего Государя и пропорции крепости, и искусных служителей содержать»** А пока доношение Унковского следовало к месту назначения, Миних, уже достаточно обставленный всеми, как вытребованными, так и испрошенными им «прерогативами» своего главноначальствования артиллериею, 25 июля, впер-

* Т. е. во всех подробностях.

** Дела Артил. арх. Кн. № 80. Л. 284—290.

вые посетил артиллерийский лагерь, где не только смотрел практическую стрельбу из пушек, мортир и ружей, но, приняв в ней личное участие, сам «палил» в мишень* и, потом, со всею петербургскою знатью, обедал у полковника Шпаррейтера** Вскоре затем Миних получил доношение Унковского, прочел приложенные к этому доношению «Пункты» и, сугубо довольный, поехал с инж. г. м. Люберихом, обозревать «фортификации» выборгскую, кексгольмскую и нарвскую, причем, осматривая последнюю, он, как пишет сам, «обретающуюся на оной артиллерию, також и цейхгаусы артиллерийские и в них положенное, в великом безпорядке застал, так что почти все пушки заросли мохом и травою, и гнилых ради под ними батарейных мостов, опустились в землю, иные же лежат в непристойных местах, яко бомбы и ядры, и некоторые пушки разбросаны по рвам, болотам, которых во время нужды и собрать будет невозможно, от чего интересу Его Императорского Величества великой ущерб чинится»*** Вымыв за это голову началь-

---

* На чертеже этой мишени, сохранившемся в делах Артил. арх., три выстрела Миниховы, попавшие в №№ 2-й (у самого сердца), 3-й и 14-й, помечены особыми значками, с объяснительною внизу припискою: «Палил его высокографское сиятелство». Там же помещена следующая любопытная заметка о результатах практического ученья 25 июля, собственноручно подписанная Шпаррейтером.

	Число выстрелов
Палено 3 батареи из пушек в мишень	72
На каждой выстрел пороху пушечного по одному фунту с половиною; а на 72 выстрела вышло пороху пушечного два пуда двадцать восемь фунтов.	
Метали из мортир бомбами	16
В том числе шингел 3 гранаты один. И на оные шеснатцать зарядов вышло пороху пушечного дватцат один фунт 24 золотника.	
Из ружья палили пошереношно (sic) и поплатонно (от peloton, взвод), зарядов.	528
Из ружья палили в мишень пулями.....	48
В пяти минутах выстрелено из четырех пушек с приступом и отступом скорострельною палбой	340

Дела Артил. арх. Кн. № 8. Л 399.

** С.-Петерб. вестн.. 1729. № 39.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 83. Л. 28.

нику Нарвского артиллерийского гарнизона капитану Гипаррейтеру, Миних возвратился в Петербург, где был встречен новоназначенным к нему с 26 августа третьим адъютантом, капитаном Фермором*, и 2 сентября сам встречал свое семейство, прибывшее к нему из Германии**, а 3 сентября уже «уповал» в письме к Беренсу, «что нынешней фейерверк, старанием его благородия, лутче прежнего удастся»*** Речь шла о фейерверке, по обыкновению готовившемся в Москве к дню рождения государя 12 октября и, по обыкновению же, занимавшем Миниха настолько, что он 15 сентября спешил известить Беренса о посылке Остерману, в двух последних почтах, нескольких «эмблематов» для фейерверочных «девизов», из которых выбор учинит Остерман, а Беренс избранные срисует — «чисто и бес конфузии» — и один «абрис», «для известия», препроводит к Миниху. Но так как государь с 4 сентября отбыл из Москвы на охоту и 25 сентября в Москву еще не возвращался, то 25 сентября Миних снова корреспондировал Беренсу, предписывая: если Остермана в Москве нет, съездить к его превосходительству «где он обретается» и показать ему «эмблематы» с требованием резолюции****, — предписание, выполнить которое для Беренса было гораздо труднее, нежели рисовать «чисто и бес конфузии», потому что царская охота производилась без всякого заранее определенного маршрута — и его превосходительство г. Остерман мог «обретаться» невесть где. Дело, однако, кончилось тем, что фейерверк, изготовленный в Москве ко дню 12 октября, за продолжавшимся отсутствием государя, был отложен, и Миних, принявшись на досуге сводить артиллерийские недочеты, 23 октября предписывал капи-

---

* Впоследствии — известный главнокомандующий русских войск в Пруссии в Семилетнюю войну и победитель Фридриха II при Цорндорфе в 1758 г.

** С.-Петерб. ведом. 1729. № 71.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 83. Л. 30.

**** Там же. Л. 32—33.

тану Инехову, главе артиллерийской конторы в Москве, чтоб он «всемерно» хлопотал о получении денег из Камер-коллегии, которая, кроме большой недоимки за многие прежние годы, и в 1729 г. выдала не более $^1/_6$ суммы, положенной на артиллерию, а с 40 тысячами, еще ассигнованными к отпуску, «не токмо все недостатки при артиллерии и фортификации исправить,— писал Миних,— но и начало оным учинить невозможно»* В то же время Миних любопытствовал знать, как производится постройка артиллерийского цейхгауза** в Москве,— и Беренс удовлетворил любопытству своего «главного» следующим «нижайшим рапортом» от 16 октября: «По силе вашего высокографского сиятелства высокоповелительному ордеру (sic), я, нижайший, архитектора Конрада призывал и о строющемся цейхгаузе чертежа требовал, и сколко того цейхгауса еще строить осталось, и каким поспешением онои ныне строится, и не имеется ль в чем каковой остановки и помешательства, спрашивал. На что он мне объявил: чертеж, *отыскав*, к нынешнему воскресенью хотел прислать ко мне, для отсылки к вашему высокографскому сиятелству; а строится — де оной (цейхгаус) весма непоспешно; материалы, которые к тому строению отдадут, паки отбирают к другим делам; определенных работников отнимая, определяют к другим работам. И объявляет, ежели другое к лутчему определение будет, то можно оной цейхгаус в три года отделать; а ежели так будет строитца, как ныне, то и на десять лет онои работы будет. А при послании до вашего высокографского сиятелства об оном цейхгаусе чертежа буду обо всем доносить яснее. Вашего высокографского сиятелства всепокорный и нижаиший слуга. A. Berrens»*** Видя, таким образом, даже в капитальнейших частях артиллерийского управления, доступных пониманию

---

* Дела Артил. арх. Л. 41—42.

** Это нынешний Арсенал в Московском Кремле.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 80. Л. 590.

каждого, отсутствие всякой системы и порядка, Миних, не терпевший ничего подобного, призвал на помощь всю свою даровитость и составил проект, который, по его мнению, должен был разом водворить и систему, и порядок не только в артиллерийском, но и в связанном с ним инженерном управлении. Проект этот, тогда же доверенный Минихом просмотру и обсуждению Унковского, а впоследствии, благодаря возросшему влиянию самого Миниха, большею частью введенный в действительную силу, затрагивал и, так или иначе, решал следующие вопросы: 1) Окладные деньги на артиллерию и инженеров сбирать в губерниях через артиллерийских и инженерных офицеров, чтобы с камер-коллегией никакого дела не иметь*; 2) Доимку с камер-коллегии получить и долги, сделанные артиллериею, уплатить, причем иметь в виду, что «почти ни в которой крепости единого магазейна и цейхгауса в состоянии не находится, но везде оные вновь строить надлежит»; 3) Недоимок впредь избавиться; 4) Учредить «особливые суммы» на содержание и достройку остзейских крепостей; 5) Всю крепостную сумму получать разом, а не порознь, для каждой крепости, «отчего часто случится, что работное время пройдет»; 6) Сохранить неприкосновенными «власть и авторитет» канцелярии главной артиллерии, существующие от начала пушкарского приказа, «дабы оные не умолялись и чрез то интерес Его Императорского Величества не поврежден быть мог»; 7) Разъяснить и устроить отношения между губернскими властями и артиллерийскими, также инженерными офицерами, таким образом, чтоб губернаторы, коменданты и проч. «на инженеров и артиллерийских офицеров, в нынешнее мирное время в том твердое намерение полагали, без которых они крепость, во время атаки, пристойным образом оборонять не могут»; 8) В летнее время, губернаторам и комендантам производить с артиллерийскими и инженерными

* Этого ни Миниху, ни кому другому достигнуть никогда не удалось.

офицерами осмотр магазинов и проч., проектируя необходимые поправки к весне следующего года; 9) Учредить, чтобы в каждой крепости артиллерийские и инженерные офицеры не были в одних классах и рангах, но чтоб один от другого «депендовал»; 10) Определить власть шефа артиллерии в производстве офицеров «не так как при армии, по старшинству, но по их наукам и искусству»; 11) Комплектовать артиллерию и инженерный корпус выбранными из полевых полков «свежими, здоровыми и сильными людьми», принимая рекрутов только в фурлейты; 12) Уравнять заработную плату солдатам в крепостях: остзейских — по 2, российских — по 1 к. в день, вместо производимых в Петербурге и на царицынской линии 3 к., а в Риге и больше того; причем особо платить урядникам, которых наряжается по 2 унт. офиц. и по 4 капрала к каждым 100 чел. рядовых; 13) Устроить наилучше заводскую часть; 14) Уяснить, нет ли от частных заводов какого артиллерии «предосуждения»; 15) Взять селитряные и серные заводы из берг-коллегии, по-прежнему, в ведомство главной артиллерии; 16) Приумножить доходы артиллерии дарованием ей монополии торговать порохом и свинцом, а не как в остзейских провинциях, где «каждой крестьянин порох делать и оным торговать может»; 17) Усовершить артиллерийскую «экзерцицию»; 18) Улучшить образование в артиллерийской и инженерной школах, а при мастерах воспитывать учеников, чтобы из-за моря мастеров не выписывать*

Между тем государь 4 ноября возвратился из отъезжего поля в Москву, где он 19 ноября сговорил жениться на княжне Ек. Ал. Долгорукой, и 30 ноября торжественно праздновал свое с нею обручение, по случаю которого Беренс, для производства салютационной пальбы — из 31 пушки перед слободским дворцом по 3, да из 51 пушки с Кремля по 3 же вы-

* Дела Артил. арх. Кн. № 83. Л. 46—50.

стрела,— должен был не только сменить всех артиллерийских караульных армейскими, но и призанять канониров в Преображенском и Семеновском полках*, а вечером — сбывать с рук фейерверк, окончившийся не совсем благополучно. О последнем обстоятельстве, узнанном Минихом из слухов, разумеется, преувеличенных, свидетельствует сам Беренс, который, в ответ на предписание Миниха о фейерверках вообще и запрос его же о несчастии при фейерверке 30 ноября, «репортовал» следующее: «Сим всенижайше доношу: 1) Впред о фейерверках, на которые дни или торжества повелено будет сочинит, о том требоват буду повеления от его высокопревосходителства (вице-канцлера Остермана) и что на оное получю, до вашего высокографского сиятелства репортоват буду немедленно; 2) потребныя припасы, материалы и вещи заготавливаю к тем феэрверкам с малолюдством и, сколко возможно, денно и ночно труждаюся; 3) об малолюдстви при Москве людми прежде сего вашему высокографскому сиятелству доносил, а об росходе людей репорт на предбудущей почте отправлю немедленно; токмо излишества на караулех, у дел и в отлучках людеи не имеется, но во многия места надлежит и прибавить, и где имет надлежит регулярнои караул, тут содержится воротниками и извощиками, как впред ис присланного репорта ваше высокографское сиятелство усмотреть соизволите. О бывшем феэрверке изволили ваше высокографское сиятелство чрез партикулярные писма известитца, что будто, при спуске пламных досок, некоторых плотников и матросов побило. И на то доношу: как на помянутом щиту фитил выгорел, то начали загоратца и доски, которые я приказал спустит; и при отвязывании канатов, одного плотника здернуло вверх, сажени з две, и оттуда збросило на землю, от чего был болен дни стри, а ныне здоров. И болше сего ни-

* Дела Артил. арх. Кн. № 80, Л. 651.

какого несчастия, за помощию божиею, не было»* Что касается малолюдства «при Москве людеи», с такою горечью выставляемого Беренсом, оно, в самом деле, было ощутительно и, не соответствуя даже числу лошадей московской артиллерии — из которых, перед государевым отъездом 4 сентября, Беренс мог сдать в гренадерскую роту Преображенского полка всего 105, для употребления их под охотничьи фурманы царского обоза**, — малолюдство это долженствовало еще усилиться с 30 декабря 1729 г., когда состоялся указ о том, чтобы $^1/_3$ офицеров и нижних чинов, «кои из шляхетства и имеют свои деревни», всегда находилась в отпуску, сменяясь погодно, с вычетом жалованья*** Но Беренсово горе по поводу малолюдства «при Москве людеи» не могло быть понятно Миниху, который, как «главный» в артиллерии, принимал к сердцу — по крайней мере, в царствование Петра II — разве только впечатление того или другого фейерверка на государя и его двор, зорче всего остального следя за неумалением своих артиллерийских «прерогативов», разумеется, не свыше, а со стороны других ведомств. Так, оскорбленный действиями рижского магистрата, который, в силу прав и привилегий города Риги, определил к своей «цитадельской» артиллерии одного артиллерийского поручика (Саломона), с производством его в капитаны****,— Миних, жалуясь на такое, по его мнению, самоуправство рижан и сочувствие к

---

* Дела Артил. арх. Л. 659.

** Там же. Л. 438.

*** Полн. собр. законов. Т. VIII. № 5492.

**** Указом 22 сентября 1728 г. для «артиллерных» офицеров города Риги установлена даже особая форма присяги, в таких выражениях: «Я, имярек, обещаюсь и клянусь, что хочу и должен своему природному, истинному Государю, Всепресветлейшему, Державнейшему Петру II, Императору и Самодержцу Всероссийскому и проч., и проч. и проч. верным, добрым и послушным рабом быть, и врученное мне дело от представленных надо мною по указам Его Императорского Величества начальников и благошляхетного Рата города Риги во всем исправно исполнять, как верному и подданному Его Императорского Величества рабу принадлежит, в чем да поможет мне Господь Бог». Там же. № 5331.

ним рижских губернаторов: прежнего — Чернышева и настоящего — Ласси, все это в докладе своем государю от 17 ноября 1729 г. истолковывал так: «Из вышеписанного всего разумеется, что оной магистрат из города Риги республику, а из их коменданта протектора учинить, а фортификацию и артиллерию из под нашей команды вовсе отлучить желают, ссылаясь на прежние привилегии шведского владения (sic). А оные, во время шведских королей Карлов Первого надесять и второго надесять, под самым деспотическим самодержавственным владением состояли, при которых они, без воли и определения Короны, действовать ничего не могли. А ежели бы таковых коронных офицеров, якоже ныне с поручиком Соломоном учинено, чинами переменять дерзнули, то б за оное магистрат в великой штраф впасть мог»* Так же точно, из одного пустого самолюбия, Миних 1 декабря 1729 г. представил государю доклад, чтоб артиллерии генерал-лейтенанта де Геннина, который, ведая сибирские заводы Берг-коллегии, артиллерийской службы не несет, от тех заводов отрешить** Со всем тем, Миних, настолько неукротимый в заявлении своих прав посторонним ведомствам, был кроток и смирен сердцем относительно высших управлений, вследствие чего он, считая «как бы протестациею» представлять Военной коллегии о перемене делаемых ею назначений***, молчал, когда грузинского царевича Бакара, 30 ноября 1729 г., сделали прямо артилле-

* Дела Артил. арх. Кн. № 83. Л. 44—45.

** Там же. Л. 52. В 1730 г. де Геннинг действительно вызван в Петербург, где сенатским указом 22 мая ему повелено сочинить вместе с Берг-коллегиею ведомости о состоянии заводов, количестве металлов и числе заводских людей. См.: «Жизнеописание генер.-лейтен. Вил. Ив. Геннина» в «Горн. журн.» 1826. № 5 (окончание). С. 93.

*** Под этим предлогом, Миних 3 июля 1729 г., несмотря на просьбы Унковского, отказался ходатайствовать об оставлении в артиллерии — «ради их искусства» — капитанов Пестрикова и Фермора, бывших флигель-адъютантов Гинтера, написанных Военною коллегиею в «инфантерские» полки (Дела Артил. арх. Кн. № 83. Л. 17).

рии генерал-лейтенантом* — и не пикнул ни слова, когда артиллерии майора Гербера, 5 января 1780 г., «за оказанные от него Его Императорскому Величеству в Персии многие службы», произвели *через чин* в полковники** — обстоятельство, которого никак бы не пропустил зря, например, один из предместников Миниха, благородно гордый Брюс***, хотя тоже немец, как и Миних.

Ровно через две недели по производстве Гербера — царствование Петра II кончилось: 19 января 1730 г., в день, назначенный для высочайшей свадьбы, император-жених, после 12-дневной оспы, умер на руках своего наставника и обер-гофмейстера Остермана, не достигнув 15-летнего возраста. События, сопровождавшие эту смерть и избрание на русский престол вдовствовавшей герцогини Курляндской Анны Ивановны,— слишком известны, чтобы распространяться о них в настоящем очерке. Скажем только, что Миних, переживавший уже третью перемену правительства на Руси, благоразумно сосредоточился на выполнении своих обязанностей в Петербурге и, подобно хитрому Остерману, ни словом, ни делом не

---

* Вот письмо, которым царевич Бакар счел нужным рекомендовать себя благорасположению своего нового начальника: Сиятельнешний граф, высокоповеренный господин генерал от армии и артиллерии аншефт, над фортификациями Всероссийской империи обер-директор и кавалер, милостивой Государь мой. Прежде сего, хотя имел (я) честь видет ваше высокографское сиятелство, токмо короткого случаю не имел. А ныне, указом Его Императорского Величества, всемилостивейше пожалован я в генерал-лейтенанты при росийской артиллерии и состою под высокой командою вашего высокографского сиятелства. И всепокорнейше прошу ныне меня не оставить и содержат в своей милости, притом же, по силе указа и по моему чину, определит меня к команде и чем надлежит снабдить. Чего с надеждою ожидат буду, что сего моего всенижайшего прошения оставить не изволите и, сим прекратя, остаюсь вашего высокографского сиятелства, моего государя, покорный слуга (собственноручно:), царевич грузинскии Бакар. (Далее та же подпись по-грузински). (Дела Артил. арх. Кн. № 79. Л. 696).

** С.-Петерб. ведом. 1730. № 4.

*** Слич. нашу статью: «2-й генерал-фельдцейхмейстер гр. Як. Вил. Брюс» (Артил. журн. 1865. № 11. (Окончание). С. 289).

принимал участия ни в покушениях «верховников», т. е. членов Верховного тайного совета, ограничить самодержавие, ни в вельможеских и дворянских противоборствованиях верховникам, совершавшихся тогда в Москве. Вместо всего этого Миних 9 февраля, как «главный» в артиллерии, назначал поручика Саломона* с 1 унтер-офицером и 6 бомбардирами к опытам прусской артиллерии подполковника Засса,— нового выходца в Россию, вызывавшегося показать дотоле невиданную пробу «сементованного» чугуна**; 7 марта, как вице-президент и председательствующий Военной коллегии, объявлял по всему военному ведомству состоявшийся в этот день указ о присылке ежегодно, с 1 июня по 1 сентября, в ближайшие артиллерийские гарнизоны армейских солдат, назначаемых к обучению канонерскому делу***, наконец, 9 марта, как начальник Петербурга,— он, в Троицкой церкви приводил полки к присяге новоизбранной *самодержавной* императрице**** Вынужденный затем уступить председательство в Военной коллегии фельдмаршалу кн. Мих. Мих. Голицыну, объявленному ее президентом 10 марта*****, Миних отнюдь не отчаивался в своем дальнейшем преуспеянии на поприще честей и, 28 апреля, в день коронования императрицы Анны, показал Петербургу блистательный фейерверк, приготовленный полковником Шпаррейтером и описанный в тогдашних «С.-Петербургских ведомостях» следующим образом: «В средине стоял главный щит, а по обеим сторонам оного два другие. На среднем щите изображена была Ея Имп. Вел. в Имп. одеянии, скипетр пред собою преклоненный в

---

* Следовательно, Минихово представление о самоуправстве рижского магистрата не пропало втуне — и Саломон, взятый из Риги, остался по-прежнему поручиком. 28 апреля он, однако, произведен в обер-цейхвартеры С.-Петербургского арсенала.

** Дела Артил. арх. Кн. № 98. Л. 27.

*** Там же. Кн. № 87. Л. 201, 224.

**** С.-Петерб. ведом. 1730. № 20.

***** Карабанов П. Списки замечательных лиц русских. С. 11.

правои, а Державу в левои руке держащая. Подле Ея Имп. Вел. лежал на пидестале рог корников, из к-го короны, скипетры, венцы, меркуриевы жезлы, медалии, фрукты и разные листы к ногам Ея Имп. Вел. на землю падали. Вверху была простертая из облак рука, над главою Ея Имп. Вел. Имп. корону держащая, и оную на Ея Имп. В-во возглашающая. Над Ея Имп. Вел. изображены были яко с неба протязающиеся лучи Божества, а над оными была след. надпись на россиис. языке: *Венчанна* и *благословенна*. Внизу: *Совершенное России благополучие*. На щите, по правую сторону стоящем, изображено было Ея Имп. В-ва вензельное имя, к-ое с одну сторону пальмовою, а с другую сторону лавровою ветвиями украшено было. Над оным имянем была Имп. корона, а над оною сия надпись: *Царствия утверждение*. На щите, по левую сторону стоящем, изображен был Российск. Госуд. герб, т. е. двуглавый венчанный орел, с государствен. короною над оным, на к-м ордин Св. апостола Андрея Первозв. был с обыкновенным щитом, на к-м победоносец св. Георгий изображен. Над оным гербом была сия надпись: *Держава твоя буди непременна*. Во время горения оных щитов, на к-х лазоревые и белые огни горели, бросаны были из мортир разные начиненные бомбы, при пускании верховых и земляных ракет, играющих пумповых огней, при выпалении салвов и горении многих и разных видов огней, к-ыи разными цветами воздух, землю и воду наполнили. Между щитами и по краям стояли 6 изрядно иллуминованных статуи, а имянно по обеим сторонам среднего щита: 1) Вера, с сею надписью: *В Бозе от него же вся*. 2) Любовь *ко всему народу*. В другом расстоянии: 3) Правда, с сею надписью: *Всем нелицемерно*. 4) Бог брани, с надписью: *К защищению подданных*. В последнем разстоянии: 5) Бог моря Нептун, с сею надписью: *Польза и защита*. 6) Посланник богов Меркурий, коммерцию знаменующий, с надписью: *К пользе всенародной*. Сии стояли статуи

в изрядных зеленых и разных цветов огнями иллюминованных дугах, подле к-х, такожде и по сторонам оных, разные пирамиды поставлены были, и оные все во всю ночь горели»* Усладив петербургских жителей таким великолепным зрелищем, Миних сам был услажден Сенатским указом 25 июня — о сломании строений Берг-коллегии в Петербурге, между пушечным двором и арсеналом, с выводом берг-коллегских служителей и взятия места, очищенного таким образом, в ведение артиллерии**, а на другой день, 26 июня, состоялся указ и в Военной коллегии, которым, к совершенному удовольствию Миниха, велено: «ис губерний и ис провинцей положенные деньги на артиллерию, где сколко на прошлые годы в зборе есть и впредь в зборе будут, *отдавать прямо куда по указом от артиллерии повелено будет*»*** Само собою разумеется, что оба эти распоряжения тешили Миниха гораздо более как Миниха, нежели как «главного» в артиллерии, который все свои другие ведения предпочитал артиллерийскому и выражал это на самом деле, приказывая, например, передать имевшийся при артиллерии ватерпас в «инженерство», где он нужнее «для практики инженерам»****, или сменить минерный караул при одном описном доме артиллерийским, потому только, что тогда наступило осеннее время, а минеры были плохо обмундированы***** Зато, если Миниху хотелось щегольнуть перед Петербургом или, при случае, напустить пыли в глаза заезжему иностранцу, (а Миних до того и другого был великий охотник), на это употреблялась преимущественно артиллерия, практические ученья которой, хотя бы домашние, привлекали в ту пору толпы любопытных и, становясь действительно зрелищами, как зрелища описывались в газетах. Этим путем мы

---

* С.-Петерб. ведом. 1730. 35.

** Дела Артил. арх. Кн. № 98. Л. 71.

*** Там же. Л. 80.

**** Там же. Кн. № 83. Л. 9.

***** Там же. Кн. № 98. Л. 74.

узнаем, например, что голландскому резиденту де Дие, проезжавшему в июле 1730 г. через Петербург к Москве, были показаны в Петербурге, между прочим, военные экзерциции, причем общее внимание обратила на себя скорая стрельба полевой артиллерии, «понеже из 3 пушек в 7 минут 270 раз выпалено»*; а месяца два спустя, во время двухнедельного пребывания в Петербурге, на возвратном пути из Москвы, инфанта португальского Эммануила — известного искателя руки имп. Анны, а еще более приключений — для него, 10 сентября 1730 г., было устроено в Кронштадте, на батарее св. Иоанна, нарочное «метание бомб»** Наконец в том же источнике встречаем и такое известие «*Из Выборга от 21 дня июлия 1730 г.* Здешний артиллерийский майор, господин Штокс, екзерцировал на прошедшей неделе имеющихся под его командою канониров не токмо бросанием бомб, но такожде и стрелянием в цель, причем оные особливо искусство показали. Нечто зело примечания достойного было притом сие, что в одну минуту 15 раз из однои пушки подлинно выстрелено, чему все при том присутствующие немало удивлялись»*** Во всяком случае, артиллерия, видимо интересовавшая толпу, не теряла и от Миниховых хлопот будто бы в ее пользу,— не теряла, по крайней мере, в денежном отношении, как видно это из указов 11 августа и 22 сентября 1730 г., которыми повелевалось немедленно отпустить на ее надобности: первым — 100 000 руб. из Камер-коллегии, в счет ожидаемых по указу 26 июня (см. выше); вторым — 75 566 руб. $52^1/_2$ к. из наличных, уже доставленных губерниями и провинциями**** Отпуск таких кушей, особенно после постоянной недоимки,— исчисленной за два последние года, 1728—1729, уже в 379 919 руб.

---

* С.-Петерб. ведом. 1730. № 54.

** Там же. № 60.

*** Там же. № 74.

**** Дела Артил. арх. Кн. № 98. Л. 80 и 90.

$52^1/_2$ к.*, разумеется, был для артиллерии существенно полезнее, нежели, например, Минихово доношение в Сенат от 23 сентября о необходимости подчинить артиллерийскому ведению Рижскую крепость, состоящую в ведении местного магистрата**, доношение, подсказанное «главному» в артиллерии его мстительным себялюбием и только навязавшее артиллерийскому управлению лишние хлопоты. А управление это и без того было обременено разными обязанностями, о сложности и трудности которых — последнее, особенно, при безденежье — можно судить по следующему перечислению ординарных и экстраординарных расходов артиллерии, представленному Унковским Миниху, при доношении от 22 июля 1729 г. «1) Ординарные положенныя росходы, — писал Унковский,— артиллерискими служителем выдача жалования и за рационы; приуготовление провианта, а на артиллериских лошадеи фуража; исправления артиллерии, то есть пушек, мортир, гаубиц, с их станками и роспусками и протчими потребными вещами, також амуниции, разных материалов и припасов и инструментов, могазеиных и лобраторных, на полевую артиллерию и на армию*** на одну компанию,

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 98. Л. 82.

** Там же. Кн. № 87. Л. 26.

*** В то время все вообще войска снабжались оружием, порохом и свинцом от артиллерийского ведомства. Что касается тогдашней полковой артиллерии, с ее состоянием знакомят ведомости, например, поданная 26 июня 1730 г. от Галицкого пехотного полка и представляющая артиллерийскую часть при этом полку в таком виде: медн. 3 ф. пушек 2 (срок 15 лет); железн. 6 ф. мортирцев 2 (срок 10 л.); к ним вся принадлежность, как то: станки с передками, шуфлы медн., трещотки, пыжовники, банники с забойниками, покрышки свинцовые, кожи юфтовые, каната 20 саж., в 2 пуда весом,— все в 2 экземплярах (срок всему 6 л.); ящиков пушечн. 4, ядер 132, картечи 60, пороху: пушечн. 11 п. 10 ф., ручн. «на засыпку» $6^1/_4$ ф; пеньки на пыжи 1 пуд; картузов жестяных 256; трубок тростяных «нарядных» 250; фитиля $^1/_2$ пуд.; рогож цыновочн. 4; да к мортирцам, по расчету 10 выстрел. на каждый: гранат 20, трубок деревянных 20, пороха мушкет. 20 ф. (срок всему 3 года); седел 6, хомутов 12, узд. 12 (срока не показано); лошадей нет; канониров 2; фузелеров 3, фурлейтов нет (Дела Артил. арх. Кн. № 98. Л. 66).

а на болшую — на одну ж атаку (осаду); також и в гарнизонех, что до артиллерии принадлежит, смотря по нуждам, починкою и вновь строением исправляетца. 2) Экстраординарные расходы — по требованиям от дому Его Императорского Величества починка ружью, отпуск пороха и дроби для охоты Его ж Императорского Величества и протчия разных званиев поделки*, наем и подряд подвод и судов под артиллерию, амуницию и припасы, которые отправляемы бывают из Москвы и из Санкт-Питербурха в разные гарнизоны, и несколько прагонных денег посылающимся за оными для охранения в пути, которым рационных денег не производитца; також кормовые поденные денги бывающим при артиллерискиx разных работах** и протчия, тому подобные, неокладные росходы»*** Но все это мало интересовало Миниха, который, проводив португальского инфанта, любившего пожить на чужой счет и уже начинавшего становиться петербургским магнатам в копейку, спешил к своему любимому делу — на Ладожский канал, куда он ездил вообще довольно часто; этот же раз отправлялся с целью, в самом деле для него привлекательною, а именно: 11 октября 1730 г. Миних собственноручно открыл еще один новосделанный шлюз и спустил воду на последние 7 верст Ладожского канала, который таким образом был вполне окончен**** Восхищенный благополучным довершением этого, действитель-

---

* Так в декабре 1731 г. на Тульском оружейном заводе велено изготовить «6 дюжин железных каноор» для кухни Ее Величества; в марте 1732 г. шталмейстер Кошелев просил петербургскую артиллерию оковать (конюшенным железом) три придворные «линеи», по три стана колес к ним сделать из артиллерийского леса и проч. (Там же. Кн. № 87. Л. 430 и Кн. № 91. Л. 80).

** Таких денег уходило больше на фейерверки, при устройстве которых платилось: сторонним плотникам — за установку лесов; адмиралтейским и иноземным малярам — за живописное дело; академическому профессору или, как именовали его в деловых бумагах «поэту при Академии»,— Юнкеру за его труды в «учинении дивизий» (девизов) и проч.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 80. Л. 296.

**** С.-Петерб. ведом. 1730 г. № 82.

но, великого дела, Миних возвратился в Петербург как нельзя более в духе, и 21 октября, присутствовал на опытах прусского подполковника Засса, который «оказал пробу сементованных чугунных пушек» с таким успехом, что Миних, 3 декабря, представил Сенату о принятии Засса в русскую артиллерию тем же подполковничьим рангом*. И пока во всех концах России сочувственно читались обнародованные 6 ноября публикации «о свободном в будущем лете чрез Ладожский канал проезде»**, Миниху, именным указом 21 и 26 декабря, поручено смотреть, чтобы в строении Петербурга «никакой худобы не было»***, о чем домовладельцам (и особенно помещикам) объявить лично или письменно, под страхом штрафа и гнева ее императорского величества****; а из Указа 22 декабря Миних не без удовольствия узнал, что «за презрение прежних указов», предоставлявших право торговли порохом и поставки его в артиллерию исключительно «пороховым уговорщикам»*****, все пороховые заводы повелевается отписать на ее императорское величество, с тем, чтобы торговым людям, не далее как в семидневный срок, объявить имеющийся у них порох: в Петербурге и Москве — артиллерийским, по городам — местным управлениям, которыми, на этот раз, за порох будут уплочены деньги, впредь же «купецким людям» порохом не торговать, под страхом лишения всего имущества и ссылки на галеры; да и из артиллерии свыше 10 ф. пороха в одни руки не продавать, наблюдая, чтобы все селитряные заводчики обязательно, «под жестоким страхом, сбывали свою селитру только в артиллерию»****** Как ни был жесток этот указ сам по себе, он, однако, вызывался насто-

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 178.

** Полн. собр. законов. Т. VIII. № 5642.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 99. Л. 398.

**** Там же. Кн. № 98. Л. 134.

***** Так назывались лица, заключавшие с артиллериею контракты на поставку пороха.

****** Полн. собр. законов. Т. VIII. № 5661.

ятельною необходимостью положить предел злоупотреблениям в русском пороховом производстве, до того беспорядочном и недостаточном, что даже Рутхер, исправнейший из пороховых заводчиков того времени, обязанный контрактом 1726 г. ставить в артиллерию ежегодно 8 тыс. пуд. пороха, летом 1729 г. просил дать ему, для помоги, на 3 месяца, с его содержанием, 13 чел. артиллерийских служителей, из воротников и извощиков*,— в чем, однако, заметим кстати, Миних велел Рутхеру отказать, «ибо он так со свойственною ему жестокостью,— отвечал Миних Унковскому,— на то не взирает, что люди после его работы здоровы или дряхлы останутся»**

Заключив 1730 год письменным пожеланием царевичу Бакару получить за фейерверк наступающего 1 января — который, как после оказалось, «Ея Величество с начала до конца смотреть изволила»*** — высочайшую благодарность****, Миних, в самые первые дни 1731 г. был извещен о своем назначении председательствующим в Военной коллегии, на место умершего (30 декабря 1730 г.) ее президента фельд-маршала кн. Мих. Мих. Голицына*****, а 22 января он уже явил всем, кому о том ведать надлежало, новый и, по его мнению, прочный залог своей ревности к внешнему порядку, какого бы то ни было рода. На этот раз залогом, о котором речь, был тогда же препровожденный Минихом в канцелярию главной артиллерии и фортификации «Регистр Мундиру, каким образом ар-

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 80. Л. 170. Что у Рутхера, действительно, недоставало тогда рук,— видно из следующего: когда, в июле 1730 г., нужно было освидетельствовать нововылитые на меллеровских заводах лежни с бегунами и артиллерийское начальство просило Рутхера прислать со своих заводов «одного, в жерновах силу знающего человека», Рутхер отозвался, что такого человека на его заводах нет, а смотрит за всем он сам. (Там же. Кн. № 89. Л. 81).

** Там же. Кн. № 83. Л. 16.

*** С.-Петерб. ведом. 1731. № 3.

**** Дела Артил. арх.

***** Карабанов: Списки замечательных русских лиц. С. 11.

тиллерискиим инженерным и фурманского правления штап и обер-офицерам определено строить. А имянно: Кафтаны суконные алые с отворотами; обшлага французские, круглые, и подбои черные бархатные. Камзолы суконные, на лосинной цвет; по борту и около подолу, до боковых пол, позумент золотой, прорезной, с городками; подбой тафтяной, белой; штаны аглинские, алые, суконныеж; подбой холстинной или какой другой, кто похочет. Пуговицы, как на кафтанах, так на камзолах и штанах, медные золоченые; токмо на кафтане гнездами, по две пуговицы. А у инженерного генералитета, штап и обер-офицеров мундир таким же манером, токмо пуговицы серебреные и на камзолах позумент серебряной. Нижния же обер-офицерские чины, якоже штык-юнкеры артиллерискии, а фурманского правления и инженерные прапорщики и кондукторы, вместо бархату черного, могут подбить кафтаны трипом черным, самым добрым, а кроме кондукторов, позваляется и бархатом. Штифлеты черные, крашенинные, самым добрым и чистым мастерством, с пуговицами средними, костяными, черными. Шляпы пуховые, черные, с позументом прорезным: у артиллерискиих и фурманских офицеров — золотым, а у инженерных — серебреным. А каким быть на кафтанех и камзолех пуговицам, при сем сообщается (sic) две пуговицы медные, золоченые, для обрасца; а у инженерных, против оных же, серебреные»*

Внутренне довольный таким важным шагом на поприще усовершенствования вверенных ему ведомств, Миних, поручив главноначальствование в Петербурге ген.-лейт. Гохмуту, сам с женою, 28 января, отбыл в Москву**, куда его привлекали и близость дня именин императрицы, и дела по воинской комиссии, органи-

* Дела Артил. арх. Кн. № 99. Л. 11.

** С.-Петерб. ведом. 1731. № 9.

зованной Указом 1 июня 1730 г.*, и кое-какие собственные делишки, больше же всего — начинавшееся при московском дворе преобладание немецкой партии, под очевидным предводительством друга Минихова, вице-канцлера Остермана. 1 февраля граф и графиня Миних представились в Москве государыне, которою были милостиво допущены к руке; 3 февраля супруги, вместе со всем двором, отпраздновали день высочайшего тезоименитства, а 7 февраля — супруг уже видел первый опыт благосклонного внимания к нему императрицы: в этот день гр. Миних официально объявлен генерал-фельдцейхмейстером, причем сын его, находившийся при русском посольстве в Париже, сделан камер-юнкером.** Желая, со своей стороны, как бы отблагодарить за новую милость,— хотя последняя доставляла получившему ее только громкое титло, без всяких существенных или других выгод,— Миних, не далее как 10 февраля, предъявил «высокоправительствующему Сенату покорное доношение», в котором он, трактуя о разных предметах ведений генерал-фельдцейхмейстера и обер-директора над фортификациями, из 14 пунктов, составлявших все «доношение», посвящал артиллерийскому делу только *два* пункта, изложенные так: «п. 12) Понеже многие неискусные офицеры для определения в артилерию присылаются, которые либо за старостью, а другие *грамоте не умеющии*, того ради дабы оные впред без свидетелства (или экземинации) во артилерию присланы не были, ибо при артилерии и фортификации обретающияся офицеры определяются к важным отправлениям, а которые не искусны, тех, нетак как при инфантерии, между протчих к де-

* Полн. собр. законов. Т. VIII. № 5571. В пункте 13 этого указа, касательно ведомств артиллерийского и инженерного, значится: «По разсмотрении и определении всех вышеописанных пунктов, разсмотреть в оной же комиссии штат артиллерии и фортификации, и в том таким же порядком и такими же градусами поступать, как выше сего при армейских и полковых делах».

** С.-Петерб. ведом. 1731. № 13.

лам и определять невозможно, понеже от того во отправлениях упущение чинитца может; п. 13) Понеже при артилерии бомбардиром и гатлангером, по их исправлениям, надлежит быть людям весьма видным, и силным, и вразумителным, того ради всеподданнейше представляю, дабы впред не ис рекрут, но ис полевых и гарнизонных полков, по выбору артилерискаго генералитета или штап-офицеров, артилерия, хотя некоторою частью, салдатами укомплектована была. А ежелиж которые салдаты охотою ис полков пожелают, чтоб оные отпущены были. А иногда же хотя и из рекрут, токмо б не из оставших от полков, но первых выбирать в артилерию, ибо оных не великое число в артилерию всегда требуется»* Нельзя не видеть, что пункты эти, хотя замаскированные пользами артиллерийской службы и, пожалуй, небезвыгодные для внешности артиллерийского строя, вытекали, главным образом, все-таки из себялюбивых воззрений Миниха, который между тем неутомимо подвизался на поприще московских придворных увеселений**, и продолжая под шумок обделывать свои делишки,

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 28.

** Придворным увеселениям был посвящен весь февраль 1731 г., как видно это из следующего перечня самых увеселений: 7 февраля, маскарад у императрицы, разделенный на кадрили: персидскую, швейцарскую и две венецианские; 9 февр., повторение того же при дворе герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны, сестры императрицы; 11 февр., маскарад у царевны Прасковьи Ивановны, другой сестры императрицы; 13 февр., маскарад у императрицы, из кадрилей: испанской, парламентской, венецианской и турецкой,— в последней весь генералитет; 16 февр., маскарад у цесаревны Елизаветы Петровны; 18 февр., то же у ген. прокурора Пав. Ив. Ягужинского; 21 февр., маскарад у великого канцлера гр. Гавр. Ив. Головкина; 25 февр., бал и маскарад у вице-канцлера гр. Остермана; 26 февр., итальянские оперные артисты, прибывшие в Москву; 18 февр. «отправляли *первую* комедию при пении, с великим всех удовольствием, к чему театр в большой зале в новом императорском дворце (Анненгофе), нарочно приготовлен был»; 27 февр., маскарад у цесарского посла гр. Вратислава, к которому все гости, и сама императрица, приехали в нарочно сделанных больших санях, «зело изрядных и украшенных». Все эти увеселения происходили в присутствии китайского посольства, пребывавшего в Москве с 13 января по 8 марта 1731 г.

именным указом 19 февраля, последовавшим на его же доклад, сделан главнозаведующим полицеймейстерскою канцеляриею в Петербурге — относительно всего того, «что достроения и починки, чистоты и безопасности города принадлежит», с повелением Комерц и Камер-коллегиям, ратуше, портовой таможне и всем департаментам «строить и содержать регулярно по его, генерал-фельцейхмейстера, показанию»* Приняв потом из рук императрицы патент на звание генерал-фельдцейхмейстера, подписанный 26 февраля**, Миних 3 марта получил Сенатское решение на свои «Пункты» и, не совсем довольный, как оставлением рижскому магистрату прежних прав выбирать служителей к тамошней городовой артиллерии, так и распоряжением, чтоб артиллерия впредь комплектовалась рекрутами не выборными из всех, но сряду, по спискам***, он, в тот же день, 3 марта, подал в Военную коллегию, которой сам был председательствующим, «покорное доношение» о понуждении московской губернской канцелярии немедленно представить по крайней мере тех рекрутов, какие уже назначены в артиллерию: «ни одного человека не прислали, писал Миних, да и о присылке тех рекрут от оной губернии надежды не имеетца»**** Однако и это «доношение» оставалось без всяких последствий еще пять дней, вследствие чего Миних 8 марта вторично просил Военную коллегию о скорейшей доставке рекрутов, «понеже ныне, писал он, по усмотрению моему, в Москве как на пушечном, так и на полевом артиллерискиx дворах и в протчих местах, артиллерия и артиллериския припасы лежат весма не в сохранении и, бес прикрытия, многия гинет (sic), ис чего приключается немалая трата. А то упущение чинитца

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 99. Л. 398. В Полн. собр. законов. этот указ отнесен к 13 марта 1731 г. См. Т. VIII. № 5713.

** Немецкий перевод этого патента напечатан Бюшингом. См. Büsching's Magazin. III. 405.

*** Полн. собр. законов. Т. VIII. №. 5708.

**** Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 66.

за малолюдством артиллерисских служителей, которыми не токмо можно артиллерию по надлежащему порядку разобрать и исправит, но и караулов содержать и феиерверочных работ исправить неможно»* Следовательно, и Миних, хотя не из тех побуждений, какими руководился некогда Беренс, но так же, как Беренс, уже начинал, в свою очередь, быть неравнодушным к малолюдству «при Москве людей» — обстоятельство, заставившее Миниха ближе вникнуть в «представление» царевича Бакара, которое, быв тогда же подано генерал-фельдцейхмейстеру, между прочим, доводило до его сведения: 1) что деревянных и кузнечных работ, «за умалением в Москве работных людей и за неимением лесных при здешнем арзенале припасов», производить полевой артиллерии некем и нечем; 2) что хотя в московских слободах артиллерийского ведомства «постороннего постою ставить и ничем полиции ведать не надлежит, так как Преображенскую, Семеновскую, Бутырскую, Лафортовскую (т. е. Лефортовскую) слободы, как то было и прежде сего, а ныне посторонней постой ставится и артиллерийских служителей утесняют»; — наконец, 3) что «в реченных слободах ведомства артиллерискаго имеется много купецких и протчих посторонних домов на белой артиллериской земле, а служители артиллериские, как обер и ундер-офицеры и рядовые, земель под строение просят, а давать не ис чего, и дабы повелено было указом посторонним в наших слободах не быть и впред подавать чужим запретить, кроме своих»** Но не успел еще Миних хорошенько обдумать средства к устранению этих и других нужд полевой артиллерии в Москве, как уже состоялся 4 марта следующий любопытный

«Указ нашему генеральт Фельцеихместеру Графу Фон миннихуу. Известно нам, что тулские оружеиные заводы втаком состоянии, что едва армию доволным

* Дела Арт. арх. Кн. № 87. Л. 66.
** Там же. Кн. № 99. Л. 40.

числом ружьем снабдить можно и ружье при армии некоторое недоволной доброты. А понеже надлежит нашу армию нетокмо добрым ружьем удоволить, но и запасного для армии в цехгаузах содержать, такожде вкрепостях, для их обороны, фузеи, пистолеты, штуцеры, валроры*, дубелгаки и протчее иметь, того ради повелеваем вам: все оружеиные заводы в свое прилежное смотрение и доброе учреждение оных взять, и чтоб при оных определены были достоиные мастера, камисары и офицеры. А ружье делать по преждеучиненным и отнас опробованным обрасцам и моделям, как стволы, замки, так иложи, наилутчим образом, одного калибра, ипритом смотреть, чтоб взапас имелось, по указом нашим, вцеихгаузах доволное число. И ежели, кроме имеющих заводов, доволного числа запасного ружья изготовить неможно, а надлежит ктому вприбавок вспособных местах завести другие такиеж заводы, отом подать нам для учинения указу проэкт, авсенат указ наш о том послан»** За этим указом, Миних, 8 марта, принял изустное повеление императрицы: «начатой в Москве цейхгауз, как скоро возможно достроивать»*** и, в тот же день, получил еще следующий, особенно любопытный своим заключением, высочайший указ: «Сего Марта 4 дня указали Мы вам оружейные заводы наши в добром состоянии содержать и старание иметь, чтоб оные умножены быть могли. Ныне же паки о том подтверждаем, и понеже королевское величество прусской к таким заводам искусных мастеров и оружие доброе имеет, того ради повелеваем вам от того двора выписать к таким оружейным заводам добрых и искусных мастеров, також всякого доброго оружия. А в замену сего нам услужения, от команды вашей выбрать вам четырех человек великанов и

---

* Название ручного оружия, буквально взятое с немецких терминов: Wahl, выбор и Rohl ружье.

** Дела Артил. арх. Кн. № 99. Л. 49.

*** Там же.

отослать ко двору его величества короля прусского. И о сем наш указ в военную Колегию послан»* Довольный или нет таким небезубыточным для внешней красоты артиллерийского строя — угождением исторически известной странности короля Фридриха Вильгельма прусского, сам Миних, в качестве земляка московских придворных немцев, да еще друга Остерманова, конечно, не мог оставаться в накладе за время пребывания своего в Москве — и, расставаясь с нею, получил на прощанье лестное назначение председательствовать в воинской комиссии, переведенной по этому случаю в Петербург, а 9 марта он уже откланивался императрице, которая «как за его государству поныне верно показанные зело полезныя заслуги, так и особливо ради щастливого окончания ладожского канала, его превосходительство не токмо зело изрядными вотчинами, но такожде и знатною суммою наличных денег пожаловать изволила»**

По возвращении своем, 14 марта, в Петербург, Миних прежде всех других распоряжений по части артиллерийской принялся за литейное дело, в его управление артиллериею, как кажется, еще не бывалое. Но и тут, оставаясь верным себе, Миних затевал литье не в силу встретившейся необходимости и не для пользы самого дела, а вот по каким побуждениям и каким образом: «Сего марта 24 дня, пишет он, в бытность мою в Петергофе, усмотрел я, что пред полатами ея императорского величества имеются более тритцати медных пушек разного калибра, на лафетах разных маниров, *что зело непристоино есть*. Того ради, канцелярии главной артиллерии и фортификации командировать немедленно одного офицера и велеть оную артиллерию тамо осмотреть. И что по репорту явитца годных и *однокалиберных* пушек, то

* Дела Артил. арх. Кн. № 99. Л. 50.

** С.-Петерб. ведом. 1731. № 21. За окончание Ладожского канала императрица Анна пожаловала Миниху, между прочим, «мызу Гостилицу». См.: Челобитная Миниха, поданная в 1767 г.

оное оставить попрежнему; а прочие перевести сюда в Санктпетербурх и велеть негодные пушки перелить, а лафеты переделать по надлежащему, дабы вся тамошняя артилерия *одного калибру* в добром состоянии обреталась»* Как перелить, отчего та́к, а не иначе, что такое лафеты «по надлежащему» — никаких данных на это нет, да, вероятно, и не было. Требовался один внешний порядок, с которым все, что угодно, казалось Миниху «зело пристойным». И любопытно, что, порешив таким непонятным образом с петергофскою артиллериею, Миних в тот же самый день предписал царевичу Бакару: на орудиях «делфины делать в образ орла, а не делфинов», к чему присовокупил «чертеж», по которому — значилось в предписании царевичу — «изволите ваша светлость приказать впредь на чертежах, которые к литию сочиняться будут, делфины, как к пушкам, так к мортирам и гаубицам, употреблять, и о том для ведома, от себя куда надлежит сообщить»** Этим начались и кончились все личные распоряжения Миниха по литью, распоряжения, самая отрывочность которых почти позволяет разуметь не более как остатками впечатления, произведенного на генерал-фельдцейхмейстера литьем Царя-колокола, которое уже производилось тогда в Москве, под надзором артиллерии полковника Гербера*** Как бы то ни было, от распоряжений по литью Миних непосредственно перешел к выполнению высочайшего указа от 8 марта и в апреле командировал в Берлин артиллерии подполковника Фукса, разумеется, немца, вслед за которым был и живой подарок «королевскому величеству прусскому» — четыре русских артиллериста — отправленные на чужую сторону как арестанты, под конвоем, с дачею последнему прогонов на оба пути из артиллерийских сумм, «понеже — значилось в миниховом

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 105.

** Там же. Л. 104.

*** Там же. Л. 202.

распоряжении по этому случаю — оная посылка великанов, взамен мастеров, ко артиллерискои ползе»* Затем, вспомнив о своих собственных московских доношениях в Военную коллегию, хотя и внушенных тогда уже минувшим теперь впечатлением малолюдства «при Москве людей», Миних снова начал требовать и, как председатель воинской комиссии**, сотнями определять в артиллерию солдатов: полевых полков — бомбардирами и канонирами, а гарнизонных — гандлангерами и фузелерами*** Миниховы занятия укомплектованием артиллерии, в самом деле, были своевременны, потому что, в апреле 1731 г., наличность рядовых и нестроевых артиллерийских чинов представлялась следующими цифрами:

В Артиллериях

Полевой			Осадной
Бомбардиров	25		39
Канониров	143		96
Гандлангеров**** бомбардирских	59		100
канонирских	347		246
Барабанщиков	10		9
Писарей	10		9
Цирюльников	10		7
Профосов	4		—
Итого	608	Итого	506
Всего	1114*****		

И эти, как все другие труды Миниха, вознаграждались немедленно: 28 апреля 1731 г. императрица

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 140.

** Первое заседание воинской комиссии в Петербурге происходило 29 марта 1731 г. под председательством генерал-фельдцейхмейстера гр. Миниха и в полном присутствии всех членов, которыми тогда были: ген.-лейт. Карл. *Гохмут*; ген.-майоры: Мих. *Леонтьев*, инженер Ив. Ф. *Люберас*, кронштадтский комендант Григ. *Есипов*, артиллерии обер-кригскомиссар Ив. *Унковский* и Ладожского (Минихова) пехотного полка подполковник Мих. *Философов*.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 190.

**** С ними вместе показаны в ведомости и фузелеры.

***** Дела Артил. арх. Кн. № 94. Дело № 19. (Листы не нумерованы).

пожаловала Миниху андреевскую ленту*, а 15 мая ее величество, по представлению генерал-фельдцейхмейстера, указала: прусского подполковника фон Засса, «который показал искусство во умяхчении чюгуна, для лутчего усмотрения его искуства, принять вслужбу на год и определить ево к команде или к делу по разсмотрению». Последнее было представлено, разумеется, Миниху же, который, 28 мая, предписал канцелярии главной артиллерии и фортификации: подполковника фон Засса «отправить на пушечные заводы Нарышкина, Демидова или Мелперовы, куда оная канцелярия разсудит, и там, для сементования чюгунных пушек, зделать, по ево показанию, печь, и искупить всякия принадлежащие к тому инструменты и материалы, и приказать ему потребные ко артиллерии чюгунные пушки там сементовать и оказывать свое искуство наилутчим образом, к государственной ползе; и как несколко оных зделано будет, то каким искуством оные деланы, и какая ис того будет государственная полза, и какой еще секрет он, подполковник, имеет, которой он обещал к ползе государственной оказать по принятии ево в россискую службу, требовать от него известия и для разсмотрения — величаво заключал Миних — подать мне»** А так как тогда уже наступило лето — пора строительных работ, преимущественно любимых Минихом и хорошо знакомых ему во всей подробности,— то Миних, распорядив, с удовольствием любителя, все нужное для сооружения нового литейного двора в Петербурге*** и заложения нового же полигона в Выборге****, 20 июня, лично произвел церемониальную закладку в Петербургской крепости равелина «со фланки и контргарды», названного в честь

---

* Списки кавалерам российских орденов до воцарения имп. Павла I. С. 85.

** Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 179—180.

*** Там же. Кн. № 98. Л. 103.

**** Там же. Кн. № 87. Л. 215.

отца императрицы Анны, Иоанновским*; 26 июня осматривал Нарву, при чем объявил начальнику тамошней артиллерии выговор за невыбеленный и, где следует, неокрашенный артиллерийский цейхгауз**, а по возвращении своем в Петербург, предписывал от 28 июня царевичу Бакару, чтобы он артиллерийским рекрутам, употребляемым при постройке московского артиллерийского цейхгауза, заработанных денег не выдавал, «понеже оная работа не другая какая, но настоящая артиллерискаяя»*** Но когда Миних «усмотрел» из присланных к нему рапортов, что тех «рекрут посылаетца на работу к цейхгаусу весма мало и непорядочно», он не замедлил, 5 июля. отнестись к царевичу Бакару с приличным случаю понуждением, в заключении которого: «я уповаю, что ваша светлость попечителное свое старание и труд, по силе высочайшаго ея императорского величества намерения и указа, к скорейшему цейхгаусов окончанию, приложить изволите, и что к лутшей ползе надлежит, вашею светлостию упущено не будет»****; а спустя всего две недели, в течение которых при постройке цейхгауза не могло произойти никаких особенно важных улучшений, Миних, как немец тонкий, переменил тон со своим светлейшим подчиненным и 19 июля писал к тому же царевичу Бакару: «Об определенных к строению цеихгауза артиллериских рекрутах, и что ваша светлость в том свое всегдашнее надсматривание иметь изволите, я известен и таковыми прилежными трудами зело доволен, и уповаю, что и впред прилежным и попечителным вашей светлости старанием оной цейхгауз свое окончание вскоре получит»***** В доказательство же своего начальническое внимания к представлениям царевича, доносившего, между прочим, что ему, за малолюдством,

---

* С.-Петерб. ведом. 1731. № 49.

** Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 232.

*** Там же. Л. 239.

**** Там же. Л. 243.

***** Там же. Л. 268.

«в лагир вывесть некого»*, Миних, 20 июля, велел отправить в Москву «сколко можно» артиллеристов из Петербурга и 9 августа разрешил царевичу: пересмотрев детей артиллерийских служителей, проживающих на Москве, писать, оказавшихся годными, в полевую артиллерию, так как те дети «ни в какую службу не определены и живут праздно... к томуж из оных несколко в другие корпусы в службу, також в колегии и канцелярии к писменным делам определяютца, а другие и в купечество выходят** Одновременно с этими специально артиллерийскими распоряжениями, Миних предлагал канцелярии от строений, о сооружении триумфальных ворот для будущего торжественного «вшествия» ея величества в С.-Петербург; принимал в Петербурге и отправлял в Тулу 9 человек оружейных мастеров, присланных из Берлина подполковником Фуксом; наконец, был заочно одним из главных распорядителей работ по отлитию московского Царь-колокола, которое, со времени командирования полковника Гербера в Астрахань и до прибытия подполковника Фукса из Берлина, производил в Москве инженер капитан-лейтенант Рух, под высшим наблюдением и руководством канцлера гр. Головкина*** В любопытных предписаниях Миниха этому Руху, кроме всей процедуры создания одного из московских чудес — задуманного в Москве, проектированного в Париже, но переиначенного с французских чертежей в Петербурге, где отливались и три пробные колокола****, видно также искусство Минихово

---

* Дела Артил. арх. Кн. 87. Л. 266.

** Там же. Л. 287.

*** Там же. Л. 202.

**** Там же. Л. 271. Между корреспонденцией по литейным работам московского Царь-колокола особенно любопытно следующее предписание Миниха инженеру капитан-лейтенанту Броску в Петербурге, от 18 августа 1731 г.: «Благородный господин инженер капитан-лейтенант. При сем посылаю до вашего благородия профил колоколу, присланному из Франции, и при том выкладку профессора Лейтмана десятитысячному пуд колоколу ж. Того ради, ваше благородие изволите оной профил с выкладкою поверить, что как пропорциею так и

соединять служебные отношения с заискиванием в лицах влиятельных, хоть бы в гр. Головкине, уважавшемся императрицею и, уже по одному этому, всеми придворными ее величества, особенно немцами. В этом последнем качестве генерал-фельдцейхмейстер тоже, если не мытьем, то катаньем, желал нравиться канцлеру — и, например, извещая Руха от 16 июля 1731 г., что по чертежу колокола, присланному из Франции, сочиняется в Петербурге другой, Миних писал в заключении: «А вашему благородию при том порученном деле иметь прилежное старание, *дабы вашими трудами его сиятелство* (канцлер) *доволен быть мог, в чем я на вас надежен есмь и в особливое ваше смотрение поручаю*»*

Но нравиться канцлеру заглазно — не было достаточно для Миниха, особенно когда соплеменники его в Москве, группируясь около ненавистного курляндца, искусным раболепством недалекому Бирону уже приобрели положительное преобладание при московском дворе, где делали что хотели. Разделить с соплеменниками выгоды их положения, т. е., явясь в гостеприимную Москву, изловить рыбу в мутной воде,— вот чего жаждал Миних, надежды которого в этом случае опирались и на благосклонность к нему императрицы, и на все его придворные связи, но преимущественно, на дружбу с ним Остермана. Найти же предлог к поездке в Москву, устроить себе официальное туда приглашение, разумеется, было нетрудно, особенно такому лицу, как генерал-фельдцейхмейстер, обер-директор и проч., и проч., и Миних, сам довольный собственными распоряжениями насчет постройки триумфальных ворот и приготовления фейерверка в Петербурге к ожидаемому «вшествию» императрицы, 21 сентября письменно предложил артиллерийской

впротчем во всем, по исчислению, своею выкладкою будет ли сходен. И поверя, при рапорте своем, оные паки прислат ко мне немедленно». Там же. Л. 304.

* Там же. Л. 254.

канцелярии, что в Петербургской крепости «имеются пушки чугунные выкрашены желтою краскою, что зело непристойно, ибо оные видом показываются яко сосновые; того ради... оные пушки, сверх той желтой, *вымазать* темною краскою»*, а 23 сентября он вместе со своим братом вторично пустился в Москву**, прибыв в которую 1 октября, братья, на другой же день, представились императрице и обедали при дворе***

Неизвестно, как подействовало на Миниха первое, так сказать, служебное впечатление Москвы, т. е. полученный здесь Минихом, 4 октября, Указ из Сената от 23 сентября — о том, чтоб артиллерийские приходо-расходные счеты, по освидетельствовании их в канцелярии главной артиллерии и фортификации, доставлялись впредь прямо в Ревизион-коллегию, мимо военной**** — указ, который, лаская самолюбие генерал-фельдцейхмейстера, должен был несколько задеть самолюбие председательствующего в Военной коллегии. Во всяком случае, Миних 6 октября, «в деньгах имея нужду», предписал московской артиллерийской конторе выдать ему, в счет жалованья, 1500 р.***** и 8 октября, по случаю неожиданной в этот день смерти царевны Прасковьи Ивановны, Миних, как человек придворный, принял печальную физиономию, с которою он, облеченный, как и все придворные, в глубокий траур, 17 октября официально предстал импера-

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 99. Л. 401. Рядом с этим можно поставить следующее предписание Миниха известному Трезину (по его факсимиле Trezzinij), от 14 августа 1731 г: «Высокоблагородныи и высокопочтенныи господин полковник и архитектор. Понеже усмотрел (я), что бруствер на Санкт-Петербургской крепости против болвер Невы реки (sic), *которои из палат Ее Императорского Величества видеть можно*, еще не отделано, того ради ваше высокоблагородие оной бруствер без всякого отлагателства изволите приказать доделат и заблаговременным летним временем *вымазать*. Вашего Высокоблагородия охотный слуга фон Минних». Там же. Кн. № 87. Л. 293.

** С.-Петерб. ведом. 1731. № 77.

*** Там же. № 81.

**** Полн. собр. законов. Т. VIII. № 5854. Тут этот указ отнесен к 17 сентября.

***** Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 347.

трице и, по правилам тогдашнего этикета, приносил ее величеству свой «сожалительный комплимент»* Впрочем, печальный вид физиономии Миниха скоро же изменился, действительно, в серьезный — по нескольким причинам. Во-первых, штатс-контора вместо 70 тыс. руб., ассигнованных на 1730 г. для починки крепостей, теперь, в октябре 1731 г., препровождала к Миниху только 11 418 р. $5^1/_2$ коп., за то, при длинной промемории, объяснявшей, что в таких-то и таких-то правительственных учреждениях на Москве «денежныя казны нет», а потому канцелярии главной артиллерии и фортификации надлежит *обождать*, пока такие-то и такие-то правительственные учреждения сведут между собою счеты** Во-вторых, сам Миних, опять «в денгах имея нужду», увидел себя в необходимости, 28 октября, снова предписать московской артиллерийской конторе о выдаче ему еще 5 тыс. руб. в счет ежегодно получаемых им за Ладожский канал*** В-третьих, и это самое главное, Миних, в качестве Остерманова друга и вельможи до того значительного, что императрица, в некоторых затруднительных случаях, «советовалась,— пишет сам Миних,— с обер-гофмаршалом гр. Левенвольдом и с его братом, впоследствии обер-шталмейстером, с Бироном и со мною»****,— Миних, говорим мы, уже обдумывал тогда вместе с Остерманом план и состав нового наивысшего правительственного учреждения, которое и было введено в силу под именем *кабинета* Указом 10 ноября 1731 г.***** О действиях своих при этом случае сам Миних, не без некоторого двусмыслия, свидетельствует так: «все важные дела находились в руках Остермана. *Он понял, что ему должно быть по-*

---

* С.-Петерб. ведом. 1731. № 85.

** Дела Артил. арх. Кн. № 94. Дело № 26.

*** Там же. Кн. № 87. Л. 361.

**** Русский перевод Минихова сочиненья: «Ebauche pour donner une idee de la forme du gouvernement de l'Empire do Russie» (Copengagae. 1764), в Рус. вестн. 1842. № 1. С. 101.

***** Полн. собр. законов. Т. II. № 5871.

средником между государыней и советом. Зная, что императрица имела ко мне большую доверенность, *он просил меня* предложить ей учредить кабинет, где решались бы самые важные государственные дела, давались указы Сенату и другим присутственным местам, и чтобы туда назначить его и кн. Черкасского, *которым надеялся он вполне управлять.* Я исполнил его *поручение.* Ее Величество одобрила, «но с условием», сказала она, «чтобы и я был членом кабинета»* Однако Миних, по свидетельству Бюшинга, писавшего с Миниховых слов, уклонился от чести заседать в кабинете, извиняясь недостаточным знанием внешних и внутренних отношений России**, и первым — не по значению, но по званию — лицом трехчленного кабинета сделался, как известно, канцлер гр. Головкин, уже одряхлевший «птенец гнезда Петрова», а гр. Миних, тогда и после, приглашался к совещаниям Кабинета министров только в тех случаях, когда решались вопросы по части военного дела*** Впрочем, Миних, добровольно — если верить ему с Бюшингом — отказавшийся от звания кабинет-министра, в сущности не только не терял ничего, но, напротив, выигрывал, потому что, с одной стороны, он при том же доверии к нему императрицы оставался тем же другом Остермана, из-за которого мог значить в кабинете заочно гораздо более, нежели значили там на деле старый Головкин и ничтожный Черкасский, а с другой — в руках Миниха, официально признанного как бы специалистом военного дела вообще, неминуемо долженствовали сосредоточиться все отрасли военного управления или, другими словами, все средства приобресть и упрочить за собою самое выгодное из значений — человека, положительно необходимого правительству. И так как «всемерное» пользование

---

* Рус. пер. «Ebauche» etc. С. 101—102.

** Büsching's Magazin. III. 405.

*** Там же — и «Царствование Анны Иоанновны», пер. из т. IV соч. Эрнста Германа: Geschichte des Russischen Staats (Hamburg. 1849), в Рус. арх. 1867. № 1. С. 20.

этими средствами Миних предполагал развивать не в Москве, где он считал себя гостем, а в Петербурге, где немцы, подобные Миниху, всегда хозяйничали привольнее, то ретивейшим сторонником Остерманових доводов императрице о необходимости возможно скорее переселить двор в Петербург, являлся он же, Миних. Наконец, когда, благодаря таким ходатаям, дело о переселении двора в Петербург было решено положительно, Миних, в видах ускорения впредь письменно-служебных сношений своих с Москвою, без которой, в то время, петербургские управления обходиться еще не могли, прислал в канцелярию главной артиллерии и фортификации следующее предписание от 19 ноября 1731 г.:

«Известно мне есть, что в московскои канцелярии главнои артиллерии и фортификации конторе дела управляются медленно и весма непорядочно, о чем отменя объявлено было той конторы членам, от которых представлено, что то чинитца занеимением добрых канцеляриских служителей, о чемде из оной конторы представлено было в канцелярию главнои артиллерии и фортификации не одно кратно. А понеже онои канцелярии должно смотреть и попечение иметь, чтоб во всех подчиненных местах дела происходили добро порядошно и немедленно, того ради онои канцелярии разсмотреть и снабдит ту контору добрыми служители, дабы впред дела правились добро порядошно и скоро, анепорядков бы и жалоб никаких непроисходило»*

Затем, предписав, 30 ноября, той же канцелярии рассмотреть просьбу порохового уговорщика Рухтера о прибавке цены на порох, «ради возвышения у селитряных подрядчиков за селитру цены», а московской артиллерийской конторе — приобрести у гостинодворца Томилина в запас 3 тыс. пуд фитиля с убавкою цены по гривне на пуд и обязательством продавца, если фитиль испортится в течение 10 лет,

* Дела Артил. арх. Кн. № 99. Л. 471.

переварить его на свой счет*,— Миних, хотя озабоченный отпуском ему 2 декабря ста тысяч рублей на учреждение кирасирского полка**, нетерпеливо ждал донесений о фейерверочных приготовлениях в Петербурге и, не получая оттуда ничего, 6 декабря сам отписал к генерал-майору Шпаррейтеру, что такая неизвестность о деле столь важном ему, генерал-фельдцейхмейстеру, «не без удивления есть»*** А для споспешествования, с своей стороны, столь важному делу, Миних старался выпроводить из Москвы, прежде всего, бомбардирскую роту, чины которой, поголовно и специально обученные лабораторному делу, были нужнее других к фейерверочным приготовлениям в Петербурге, куда и отправились, по возможности, «без далних убытков», т. е. конвойными при министерских, посланничьих и других багажах, следовавших до Петербурга, разумеется, на иждивении своих владельцев**** И только 12 декабря, когда все московские бомбардиры, в числе 64 челов. при 1 подпоручике и 1 штык-юнкере*****, были уже на пути к Петербургу, Миних нашел время объявить своим ведомствам, что «по Высокой Ея Императорского на пункты воинской комисии опробации», нижним воинским чинам, уволенным от службы свыше 4 лет и не «за французскими болезньми», велено выдавать при отставке: мундир, шпагу с портупеей, по 1 р. денег и провианта на 1 месяц******. После этого объявления Миних откланялся императрице и, вслед за бомбардирами, выехал из Москвы, предписав, однако, Шпаррейтеру строгое побуждение спешить приготовлением фейерверков и иллюминаций, «а чертежи иллуминациям,

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 407—408.

** Там же. Л. 413.

*** Там же. Л. 416.

**** Там же. Л. 411. Кн. № 99, дело № 29, из которого видно, что, например, к багажу Остермана дано 3 бомбардирских гантлангера и столько же прислано к багажу датского посланника Вестфалена и проч.

***** Там же.

****** Там же. Кн. № 87. Л. 427.

присовокуплял Миних, по прибытии моем в Санкт-Питербурх *сам сочиню* и выдам»* По прибытии же своем в Петербург, Миних, 24 декабря, препроводил в канцелярию главной артиллерии и фортификации утвержденный им, в качестве председателя воинской комиссии, чертеж нового офицерского эспонтона с предписанием сделать таких эспонтонов два**, и, затем сосредоточился исключительно на приготовлениях фейерверка и иллюминации, для вящего успеха которых он или требовал, или просил: из Москвы — всех артиллерийских офицеров, «которые прежде сего при феэрверках и иллюминациях бывали», с приказанием выслать их в Петербург немедленно, на почтовых; из Нарвы — 2 капралов и 50 рядовых тамошней артиллерии; из полков Петербургского гарнизона — по 400 плотников «самых добрых» на день; из канцелярии от строений — лесов и других материалов; из адмиралтейства — маляров; от александро-невского архимандрита — монастырских живописцев, причем собственно к иллюминации, имевшей заключать в себе одних сальных плошек от 20 до 30 тыс., велено купить у торговых людей сала говяжьего 5 тыс. пуд., да квашенинного (?) 200 пуд., и приобрести в ведомстве гоф-интенданта Мошкова: слюды крашеной, красной, зеленой и белой 4 тыс. кусков по 9 р. тысяча, фонарей стеклянных треугольных 325, по 20 коп; фонарей жестяных четырехугольных 125, по 25 коп; лампочек таких же 4030, по 25 коп.***

Между тем двор, со всею своею обстановкою, уже переселился в Петербург, куда, кроме многих других, менее известных смертных, один за другим прибывали: 28 декабря — обер-гофмаршал граф Левенвольд; 30 декабря — герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна; 3 января — дочь герцогини, принцесса Анна Леопольдовна; наконец, 5 января — цесаревна

---

* Дела Артил. арх. Кн. 87. Л. 433.

** Там же. Л. 435.

*** Там же. Л. 440—446. Кн. № 91. Л. 339.

Елисавета Петровна. Встретив цесаревну, Миних в тот же день распорядился очисткою и отопкою Брюсова дома, назначенного для первого ночлега императрицы в Петербурге; 13 января велел выставить перед дворцом, на Неве, все наличные полковые 3 ф. пушки, счетом годных 18, и, с грехом пополам, до 30*, а также все артиллерийские того же калибра с 3 холостыми зарядами при каждой, и 15 января сам выехал навстречу императрице и проводил ее величество в Брюсов дом у Литейного двора**

После сего, 16 января 1732 г., в день торжественного въезда императрицы в Петербург и высочайшего шествия ко дворцу троими, нарочно выстроенными по пути, триумфальными воротами, Миних командовал всем парадом войск, в котором артиллерийские строевые чины занимали три различные пункта: генералитет (т. е. один генерал-майор Шпаррейтер), штаб- и обер-офицеры — стояли вне первых ворот; гобоисты и литаврщик — играли наверху этих же ворот; канониры и фузелеры, под командою подполковника Фукса, находились при 45 орудиях на Неве***

Вслед за въездом императрицы в Петербург, надежды, взлелеянные Минихом в Москве, уже начинали осуществляться: 19 января императрица именовала гр. Миниха президентом Военной коллегии****, которой он до сих пор был только председательствующим, а 21 января ее величество, с первейшими чинами двора, ужинала у нового президента*****, который, в восторге от этих знаков высочайшего к нему внимания, разрешил подполковнику Фуксу, заправлявшему огненными потехами, требовать для фейервер-

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 5.

** С.-Петерб. ведом. 1732. № 5.

*** «Диспозиция к пришествию Ее Императорского Величества в Санкт-Петербург. Генваря (16) дня 1732 году», в Делах Артил. арх. Кн. № 100. Л. 23—29. Полные редакции как этой Диспозиции, так и принадлежащей к ней «Церемонии» самого шествия, препровождены нами для напечатания в «Русском архиве».

**** С.-Петерб. ведом. 1732. № 7.

***** Там же.

ка 28 января «хотя до тысячи человек» из полков Петербургского гарнизона*, а к 3 февраля устроил такую иллюминацию, что восхищенная ею императрица изъявила желание и впредь видеть повторение того же великолепного зрелища** Это изъявление высочайшей воли побудило догадливого Миниха не только выдать денежные награды (в 200, 50 и 15 р.) трем малярам-иноземцам, работавшим к иллюминации 3 февраля, но и предписать канцелярии главной артиллерии и фортификации вместо плошек и фонарей, употребленных при той же иллюминации и возвращенных в канцелярию от строений, откуда они были заняты, изготовить точно такие же, «а о сале, откуда оное покупать,— заботливо присовокуплял генерал-фельдцейхмейстер, обер-директор и президент,— буду я старание иметь, где надлежит»*** И пока это «старание о сале» главным образом заботило генерал-фельдцейхмейстера, обер-директора и президента, он, почти не глядя, утвердил поданный ему чертеж 3 ф. пушек для Петергофа****, но с сердечным умилением читал высочайший указ 16 февраля, которым 8-летний Петр Бирон, старший сын уже страшного России обер-камергера, зачислялся в Минихов кирасирский полк ротмистром. Понятно, что в этом случае выбор полка для 8-летнего ротмистра, сделанный или отцом последнего, или самою императрицею, служил Миниху новым, верным ручательством в сбыточности его честолюбивых надежд, пожалуй, мог даже считаться предвестием и его собственного повышения,— которое, действительно, не замедлило: высочайшим Указом 25 февраля 1732 г. генерал-

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 11.

** Там же. Кн. № 100. Л. 92.

*** Там же. Л. 102.

**** Там же. № 91. Л. 31. До отлития новых орудий, Миних предусмотрительно приказывал перевести в Петергоф, из имеющихся при артиллерии в Петербурге 15 полковых пушек, «дабы в прибытие Ея Императорского Величества в Питергоф из оных пушек могла отправляться стрельба».

фельдцейхмейстер гр. Миних, «за превеликия его заслуги», был пожалован в генерал-фельдмаршалы, с оставлением во всех носимых им званиях.

А так как этих званий у Миниха собралось немало — именно же: генерал-фельдцейхмейстер, над фортификациями обер-директор, Военной коллегии президент, пехотного (Ладожского) и кирасирского (первого имени своего) полков полковник, кадетского корпуса «аншеф», наконец, воинской комиссии председатель и обоих российских орденов кавалер,— то нельзя не согласиться, что новый фельдмаршал, приятель Бирона и друг Остермана, смело мог считать себя значительнейшим после них лицом в России и уже тогда, в феврале 1732 г., выглядывал деятелем, в необходимости которого государству были положительно убеждены все, кого это касалось, а более всех, разумеется,— сам Миних.

Однако новый фельдмаршал, как немец умный и пока осторожный, не только не спешил играть роль политическую, тогда ему легко доступную, но, напротив, он еще теснее заключался в обширный круг своих военных обязанностей и, 2 марта, в качестве генерал-фельдцейхмейстера, уже подписывал о заготовлении к фейерверку 28 апреля, между прочим, «водяных огней», причем Минихово неведение лабораторного дела, не совсем приличное генерал-фельдцейхмейстеру, обнаруживалось заключительным повелением: «а какие оные водяные огни имеют быть деланы, о том определенным к тому офицером меня репортовать»* Затем, 6 марта, Миних в том же качестве генерал-фельдцейхмейстера и, вместе, шефа кирасирского полка, командировал артиллерийского обер-вагенмейстера Рейера в Германию, для покупки кирасирам лошадей**, а 23 марта Миних, как генерал-фельдцейхмейстер, представлял на смотр императрице полки Астраханский, Ингерманланд-

* Дела Артил. арх. Кн. № 100. Л. 182.

** Там же. Кн. № 91. Л. 53.

ский и Ладожский «вымунстрованные» по новому строевому уставу воинской комиссии, о чем, добавляет газетное известие, «всемилостивейшая наша Монархиня все высочайше удовольствие показать изволила»* Это последнее обстоятельство взманило Миниха устремить и свою фельдцейхмейстерскую деятельность также на «мунстрование», по поводу которого Миних,— еще в декабре 1731 г., т. е. до введения «мунстрования» в моду, уже относившийся к артиллерийской канцелярии с запросом: «о мунстровании артиллериских служителей какое определение во онои Канцелярии имеется ль, и было ль то мунстрование, и каким образом»**, теперь, в марте 1732 г., когда «мунстрование» пошло в ход,— тем естественнее чувствовал потребность разнообразить избитые побуждения царевичу Бакару, чтоб московский цейхгауз «как скоро можно был окончен»***, побуждениями более свежими — чтоб артиллерийские служители «без экзерцирования оставлены не были»**** Для примера же, царевичу, как должно поступать в настоящем случае, Миних, 24 марта, объявил по петербургскому военному ведомству, что впредь всех своих подчиненных он будет *смотреть ежемесячно*, таким порядком: одну треть — в начале, другую — в половине, третью — в исходе месяца***** Первый из таких смотров чинам полевой и осадной артиллерий в Петербурге происходил 28 марта и имел своим результатом следующее, на другой же день объявленное сообщение генерал-фельдцейхмейстера в канцелярию главной артиллерии и фортификации: «Я уповаю, что оная канцелярия, кроме устава и регламента, указы, в каком состоянии совершать артиллерию в мундире и амуниции и как поступать во экзерциции и прочих воинских поступках, име-

* С.-Петерб. ведом. 1732. № 25.
** Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 412.
*** Там же. Кн. № 91. Л. 68.
**** Там же. Л. 87.
***** Там же. Л. 90.

ет. Но, как видно, все то пренебрежено и отпущено было. Будущие (sic) в параде вчерашняго дня обер- и ундер-офицеры, как при параде и в марше поступать и надлежащую кому честь отдават, и протчих воинских поступок, почти ничего не знают; а рядовые имеют такой мундир, что хотя оная (артиллерия) пред полевыми полками имеет и первенство, токмо тем мундиром и воинскими поступками находитца плоше полевых полков, что чинитца не смотрением канцелярии главной артиллерии и фортификации и артиллерийских штап и обер-офицеров. Того ради канцелярии главной артиллерии и фортификации сообщить ко мне известие: чего для, имея указы, не так поступают, и оныя пренебрежены и оставлены. А впред — иметь прилежное старание, чтоб всем артиллерииским служителем мундир был зделан, и ружьем и аммуницией удоволствованы были, к майю месяцу сего года неотменно, наилутчим образом. Генералитету ж и штап и обер-офицером подтвердить во все команды, чтоб еженедельно осматривали всех своих подкомандных артиллерийских служителеи и, что надлежит, поправляли, и обучали экзерциции, и во всем поступали по прежним указом, регламентом и воинскому уставу, дабы впред таких непорядков быт не могло, в чем, ежели усмотрено будет, то оной канцелярии члены, за неприлежное о мундире и протчем старание, а генералитет и штап и обер-офицеры, за нестарание и необучение экзерциции и протчих воинских поступок, могут дат тяжкой ответ. А какие указы и ордеры о том от преждебывших на артиллерию (sic) главных командиров имеются, выписав экстрактом, доложить мне немедленно»* Отозвавшись так невыгодно о чинах полевой и осадной артиллерий в Петербурге, Миних 31 марта смотрел петербургскую гарнизонную артиллерию и нашел ее — «в такои же великои неисправности, а имянно: 1) офицеры не толко б подчиненных своих экзерци-

* Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 101—102.

ции могли обучать и в протчих воинских поступках исправлять, но и сами чести своему генералитету отдать неумеют; 2) у капралов некоторых на обшлагах и позументу ненашито; 3) у подпоручика, при том смотре, башмаки были востроносыя, а не тупоносыя, и шляпа весма велика и не в такую пропорцию, как офицеру имет надлежит*; 4) на некоторых шпаги купленые из собственных денег, а объявляют, что государевых им не дано; а на протчих шпаги железные, а объявили, что уже требование в канцелярии главной артиллерии и фортификации давно имеетца; 5) багинеты много не в надлежащих местах носят; 6) на некоторых портупеи и протчая амуниция такая, которой уже давно сроки минули и о том требование есть же; 7) ундер-офицеры и рядовые кос не имеют, как при полевои и осаднои (артиллериях),— что мне не без малого удивления есть, заключал генерал-фельдцейхмейстер, что так в слабости же и необучении артиллерииские служители находятся»** Все найденное Минихом при первых артиллериских смотрах, в самом деле, не рекомендовало выгодно внешность русской артиллерии того времени, по крайней мере, в Петербурге и, разумеется, кололо глаза такому любителю внешности, каким был Миних, который, на этот раз, все артиллерийские непорядки принимал к сердцу тем ближе, что — как сам он изъяснял канцелярии главной артиллерии и фортификации, в предписании от 30 марта,— «*Ея Императорское Величество непрестанно изволит спрашивать о всей артиллерии, в каком оная состоянии и исправности находитца*»*** Неспособный даже понимать, не

---

* Заметим кстати, что 28 марта 1732 г., за два дня до первого артиллерийского смотра, генерал-фельдцейхмейстер гр. Миних приказал носить на шляпах артиллерийским офицерам: плюмаж красный и позумент золотой, инженерным — плюмаж белый и позумент серебряный, «дабы была отличность»,— которая в цветах прибора сохранилась и до сих пор.

** Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 111.

*** Там же. Л. 104.

только двигать вперед действительную суть артиллерийского дела, Миних, однако, порывался выставляться этим делом по своему крайнему разумению, вследствие чего он, заручившись строгими наказами касательно «мунстрования» артиллеристов «экзерциями», 5 апреля командировал инженер-поручика Цвингера с артиллерийским капралом Шпекманом и бомбардиром Нитцером в Берлин, для закупки там мундирных и амуничных вещей на артиллерию и кирасиров*, а 6 апреля озабоченно просил ведомство городской партикулярной верфи прислать в артиллерию маляров и столяров для изготовления ко дню 28 апреля обычной иллюминации «понеже тоя иллюменацея — внушительно писал Миних начальнику верфи, Потемкину,— делается ради увеселения Ея Императорского Величества, в чем всякому по должности своей надлежит вспоможение чинить»** Вслед за тем, Миних, в качестве председателя воинской комиссии, составил и 25 апреля подписал «табель Ея Императорского Величества регулярной армии»,— табель, по которой в числе 242182 чел. всех войск в военное и 232432 чел. в мирное время, полагалось иметь и в военное, и в мирное время — артиллерийского и инженерного корпусов:

Полевой и осадной артиллерии, с фурштатами	4800
Гарнизонной артиллерии.	5200
Инженеров	570
Минеров	211
Итого —	10961***

Когда же иллюминация 28 апреля зажглась — к удовольствию Миниха и всего Петербурга — три вечера кряду****, сгорела благополучно, генерал-фельдцейхмейстер, в неостывающем рвении заниматься

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 100. Л. 321.

** Там же. Кн. № 91. Л. 118.

*** Сев. арх. 1825. № XXII. С. 202.

**** Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 148.

артиллерийским делом по своему крайнему разумению, 14 мая, приказал разобрать артиллерию в Кронштадте, Шлиссельбурге, Нарве, Выборге, Кексгольме, Ревеле, Риге, Пернове, Динаминде, и лишние орудия свезти в Петербург*; 16 мая велел окрасить деревянные хоромы, служившие помещением петербургской артиллерийской канцелярии с артиллерийскою школою**; 17 мая сделал распоряжение, чтобы в артиллерию, уже достаточно укомплектованную, принимать впредь из полевых полков не всех желающих, как это делалось прежде, а разве «будет человек весьма видный и ради какова мастерства при артиллерии быть способный»***; наконец, 20 мая, генерал-фельдцейхмейстер отписал в полицеймейстерскую канцелярию, что артиллерийские служители в Петербурге, всего *558 чел.*, разбросаны по квартирам весьма неудобно для сбора в случае нужды**** и, 21 мая уехал за императрицею на Ладожский канал, где находился при ее величестве до 24 мая***** По возвращении с ее же величеством в Петербург, Миних, 26 мая, произвел новый смотр чинам полевой и осадной артиллерий, смотр, хотя — по собственному выражению Миниха — «конфузный», но который дал повод генерал-фельдцейхмейстеру на другой же день ввести еще некоторые, по его мнению, существенно полезные артиллерийскому делу улучшения. Так, Миниховым распоряжением 27 мая велено: 1) бомбардирам носить не шляпы, а гренадерские шапки, «сочинение» которых поручалось изобретательности членов артиллерийской канцелярии; 2) в бомбардирских ротах******, кроме барабанщиков, быть «фейфером

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 158.

** Там же. Кн. № 100. Л. 459.

*** Там же. Кн. № 91. Л. 163.

**** Там же. Л. 168.

***** С.-Петерб. ведом. 1732. № 41.

****** Этих бомбардирских рот, состоявших: одна в полевой, другая в осадной артиллерии, не должно смешивать с бомбардирскою ротою Преображенского полка, которая, послужив зерном европейского образования русской артиллерии при Петре I, продолжала существо-

(флейщикам), и для обучения отдать к обер-фейферу потребное число людей молодых от 15 до 20 лет»; 3) бомбардирским барабанщикам «бить в барабан другой поход, которой,— пояснял Миних,— от меня показан будет, а не так, как бьют ныне»; 4) всем артиллерийским офицерам иметь впредь, вместо фузей, эспонтоны*. Затем, 12 июня, в день объявления указа о передаче Сестрорецких заводов из ведомства адмиралтейского в артиллерийское — потому что «от содержания оных заводов и пристойных при том служителей, ежегодно исходит великая сумма денег, и весьма больше, нежели оный порох, который на флот употребляется, по цене стоит»** — Миних, к своему особенному удовольствию, крестил с женою Бирона у одного из придворных остзейцев***, а 14 июня, он, как фельдмаршал и фельдцейхмейстер, испытал два самых разнообразных ощущения: утром — наслаждение удачною «экзерциciею» Ладожского пехотного полка****, вечером же большую неловкость перед императрицею, по следующему обстоятельству: ее величество вдруг спросила у Миниха несколько ракет, швермеров и мордшломов, за которыми генерал-фельдцейхмейстер тотчас послал к подполковнику Фуксу, но, по какому-то недоразумению, не исследованному и после, не получил ни требованных государынею снарядов, ни даже ответа***** Расстроенный на некоторое время этою, в самом деле, несчастною случайностью, Миних, однако, не терял энергии в фельцейхмейстерствовании по своему крайнему разумению — и, подтвердив, 4 июля, о неукоснительном представлении артиллерийских служителей ему, ге-

---

вать на некоторых особых правах и в 1732 г., и после того, но ведалась не генерал-фельдцейхмейстером, а своим полковым начальством.

* Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 174.

** Полн. собр. законов. Т. VIII. № 6093.

*** Именно у гр. Кейзерлинга, тогда вице-президента Юстиц-коллегии. См. С.-Петерб. ведом. 1732. № 47.

**** Там же.

***** Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 199.

нерал-фельдцейхмейстеру, на смотр ежемесячно, писал, 7 июля, к главному противнику таких смотров, ген.-майору Виттверу, между прочим, следующее: «Изволили, ваше превосходительство, представлять, яко артиллериских служителеи к смотру мне представлять (sic), за раскомандированием по караулам и в протчие места, разделя на три части, невозможно. И то изволите представлять напрасно, ибо на один ден полевых осадными сменить можно. Того ради, изволте чинить о том по силе прежняго моего предложения и определения канцелярии главной артиллерии и фортификации неотменно, непредставляя никаких отговорок»* В том же июле, Миних неустанно предписывал ведомству петербургской артиллерии, как самой пока́зной, о разных «исправлениях», как то: подгнившие срубы под орудиями Петербургской крепости переделать; безстаночные пушки разобрать; разстрелянные мишени заменить новыми, на случай, если «ея императорское величество соизволит оной экзерциции смотреть»; маиорам и адъютантам «конской убор иметь доброй», под опасением ответа; всем офицерам лагерные палатки, вместо дырявых, завести «хорошие» и проч.**; а 5 августа — генерал-фельдцейхмейстер грозно обрушивался на петербургское артиллерийское управление жестоким выговором, который, после вступительной фразы такого рода: «хотя и без моих предложений канцелярия главной артиллерии и фортификации должна прилежно всегда того смотреть, что ко оной, по ея должности принадлежит, дабы все в добром порядке было содержано и во исправности, токмо нетолико оное исполняется без моих предложенеи, но и по неоднократно посланным от меня предложениям не успевает»,— содержал в себе перечисление кое-каких мелочных «неисправлений» — между прочим, неокраску перил иллюминационного «театрума» — и заключался из-

* Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 219.
** Там же. Л. 234.

битым напоминанием об «ответствовании»* Но этот, можно сказать, напускной артиллеризм Миниха был легко забыт его высокографским сиятельством, когда он, высокосиятельный граф, 22 августа, отправился на Ладожский канал, куда ожидалась и императрица, которая, прибыв, 23 августа, сухим путем в Шлиссельбург, 24 августа, собственноручно колотила въездный в канал шлюз, а 25 августа, в сопровождении Миниха и избранной части двора, торжественно проехала всеми 104 в. канала, при пальбе из орудий, заблаговременно расставленных Минихом по пути высочайшего следования каналом** Завершив, таким образом, важнейшую из заслуг своих России, Миних, 27 августа, возвратился с канала в Петербург***, и тут, в качестве президента Военной коллегии, 2 сентября подписал «инструкцию» принцу Гессен-Гомбургскому,— отправлявшемуся тогда командовать низовым корпусом, т. е войсками, расположенными в Закавказье, близ пределов Персии, инструкцию, из 22 пунктов которой касались артиллерийской части следующие два: «П. 4) Понеже гилянская провинция по трактату**** уступлена в персидское владение и обретающиеся тамо артиллерия и артиллерийские припасы, також и артиллерийские и инженерные служители, оттуда взяты в тамошние ж провинции российского владения, и может быть, что артиллерии и артиллерийских и инженерных служителей не без излишества, того ради как в крепостях, так и при тамошнем корпусе, оставить артиллерии и служителей потребное число, а досталную артиллерию с принадлежностями отправить в Астрахань и велеть содержать в добром охранении, а артиллерийских и инженерных служителей лишних, буде явятся, отправить в Россию. А ежели артиллерии и артиллерийских и ин-

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 244.

** С.-Петерб. ведом. 1732. № 68;. Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 259.

*** Там же. 1732. № 69.

**** Заключен 21 января 1732 г.: с русской стороны — ген. Левашовым, с персидской — министром Мирзой Ибрагимом.

женерных служителей не доволно, требовать из канцелярии от артиллерии и фортификации. П. 5) Для обучения канонирской должности, выбрать солдат от каждого полку по осми человек, молодых, здоровых и крепких и, обучив, содержать при полках, и когда будет в канонирах нужда, тогда им отправлять канонирскую, а в протчие времена салдатскую должность, токмо от полков, где обретатся будут полковыя пушки, в другие места их не командировать (sic)»* За инструкциею принцу Гессен-Гомбургскому, касавшеюся артиллерии только отчасти, Миних снова должен был прикинуться артиллеристом, потому что предстоял высочайший смотр командам петербургской артиллерии, который и совершился 11 сентября, за литейным двором.

К сожалению, мы не имели под рукою полного описания этого любопытного смотра, которое в единственном, известном нам, экземпляре «С.-Петербургских ведомостей» 1732 г.** искажено урезками переплетчиков и сохранилось в следующем виде: «Обещанное не давно особливое известие о тех военных экзерциях, которые 11 дня сего месяца артиллерийский корпус делал, есть... упомянутаго числа к определенному к экзерциям месту подъежжать стала (императрица), то оное войско, которое на батарии откомандировано небыло, стало прямо против Ея Императорского Величества галлерии, с которои Ея Императорское Величество вышеозначенныя экзерциии всемилостивейше смотреть изволила, а которому на батариях быть велено, то вне оных с ружьем в линии и шеренги поставлено было. По прибытии Ея Императорского Величества к помянутой галлереи, отдана ружьем честь и барабанщики били в поход. А как Ея Императорское Величество из своей кареты на галлерию взойти и на онои против определенного к экзерциям места стать изволила, то отдана Ея Импера-

* Дела Артил. арх. Кн. № 103. Л. 23.

** Этот экземпляр принадлежит Имп. Публичной библиотеке.

торскому Величеству от штаб и обер-офицеров честь. Между тем, подле Ея Императорского Величества галлерии так долго на литаврах били и на трубах играли, как долго барабанщики в поход били, и прежде не перестали, пока от майора на то шпагою знак дан не был, а потом положено ружье на плечо. Между тем, одна рота гренадиров стояла за батериею перед лагером, так что она не видна была. Как о начатии экзерциции всемилостивейше повеление получено, то учинено оное следующим образом: откоммандированные к батерии солдаты пошли на левую сторону, на батерии; а от того корпуса, которои к батерии откоммандирован не был, пошла одна часть, сколько к скорои пальбе потребно, на правую, а другая на левую сторону, так что первая часть перед тем... скорои пальбе в готовности содержаны были, а другая в ровном разстоянии против первой напереди стала. Потом началась пальба из пушек в цель, которыя так скоро, как можно, заряжалися. После трех пушечных выстрелов бросили по одной бомбе, однакож только тогда, когда усмотрено было, в котором месте последнии пушечныи выстрел в цель попал, которыя экзерциции с хорошие полчаса продолжалися. По окончании оных, били на литаврах и играли на трубах, а между тем временем свезены с батерии пушки к скорои пальбе и все войско, в изрядном порядке и возможнои скорости, к определенному к экзерциям месту пошло. Правое крыло назначенных к скорои пальбе пушек поставлено было против Ея Императорского Величества галлерии, прочие артиллеристы в 100 шагах против пушек, а гренадирская рота перед батериею за пушками в ровном разстоянии. Потом экзерциции скорой пальбы следующим образом отправлялися: 1) Выдвинута была одна пушка перед другими от одного до десяти шагов, из которои от искуснейших людеи, для пробы, в 1 минуту 15 раз выпалено. 2) По прошествии сей минуты, выпалено, стоя на одном месте, из 10 пушек скорою стрельбою

по 5 раз. 3) Сия скорая пальба и при приступе продолжалась, при чем фузелерной корпус, приступая и отступая, по артиллеристскому корпусу по шеренгам и по-плутонно* палил, а напоследок и гранаты бросал. 4) Потом сделала артиллерия четверть поворота налево, при котором она задом против Ея Императорского Величества становилась... начала гренадирская рота приступая палить, а артиллерия зделала налево четверть поворота и выстрелила по гренадирской роте из каждои пушки по 5 раз, которая потом гранаты бросала. После того зделала одна половина пушек половину поворота, и палила из сей одной половины сзади и спереди по фузелерному корпусу, а из другои по гренадирской роты не сходя с места; напротив того фузелеры и гренадиры до 50 шагов к пушкам с непрестанною пальбою приступали и опять назад отступали. И как сзади и спереди из каждои пушки по 5 раз выпалено, то фузелерная и гренадирская рота опять гранаты бросала. По окончании сего били на литаврах и играли на трубах, а между тем каждои корпус в парад стал. Потом пошли с обеих сторон все обыкновенным образом к атаке ради сих экзерциции построенной крепости. Сия атака чинилась с непрестанною пушечною и фузеиною стрельбою, напротив чего так же и с крепости очень часто палили; как скоро оная крепость штурмом взята была, то из онои все люди так далеко направо и налево выступили, что оных бомбами достать не можно было. А как напоследок помянутая крепость зажжена, то, при радостном восклицании вивата, еще 5 или 6 бомб во оную брошено было. В окончание сих увеселительных экзерциции зажжен был феиэрверк, при котором все очень поспешно отправлялось. По окончании сего феиэрверка и всех прочих действий, опять на трубах играть и на литаврах бить стали, и так сии увеселительные экзерциции...»**

---

* Т. е. повзводно,— от плутони, взвод.

** С.-Петерб. ведом. 1732. № 78. Прибавление.

Сбыв с рук этот смотр, Миних сбросил с себя маску артиллериста и 15 сентября, почти с пренебрежением к делу, писал в канцелярию главной артиллерии и фортификации: «Понеже оной канцелярии члены представляли мне, что де в нынешнем году надлежит еще вылить *несколько пушек*, того ради канцелярии главной артиллерии и фортификации приказать оныя пушки в нынешнем году выливать немедленно»*,— и только: ни слова о том, какие это «пушки» и как их «выливать». Не менее лаконичен, но более понятен был ответ Миниха на просьбу царевича Бакара о присылке в Москву, для караулов, бомбардирской роты полевой артиллерии — ответ с отказом, «понеже — писал Миних от 19 сентября — здесь (в Петербурге), *ради присутствия Ея Императорского Величества* в артиллерийских служителях обстоит нужда и для того той роты отпустить невозможно»**,— хотя, собственно говоря, бомбардиры были нужны вовсе не ее императорскому величеству, а самому Миниху для фейерверков и иллюминаций. Эта-то надобность побудила Миниха, вместо отпуска московских бомбардиров в Москву, 28 сентября, требовать им, заодно с петербургскими бомбардирами, квартир подле лаборатории,— на том же Васильевском острове, где, по новому требованию Миниха, от 20 октября, были отведены квартиры и находящимся у построения фейерверочного «театрума»: обер-офицеру 1-му, урядникам 5-ти, фузелерам 10-ти, столярам и плотникам 40-ка, кузнецам 12-ти чел.*** Хлопоча о построении этого театрума гораздо более, нежели, например, о сохранении артиллерийских запасов и материалов,— которых, по донесению Виттвера от 13 октября, лежало много на пушечном дворе и пороховых заводах «без убранства и не в удобных местах», даже под дождем****

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 272.

** Там же. Л. 277.

*** Там же. Л. 279, 308.

**** Там же. Л. 303.

Миних, как нарочно, понес неудачу 29 октября, когда, по собственному выражению его высокографского сиятельства, «в ильлюменации, ради плохих красок, никакова хорошева виду не было»* И чтобы несколько развлечься от этого неприятного впечатления в сфере своей фельдцейхмейстерской деятельности, Миних, как обер-директор над фортификациями, 1 ноября поднес императрице план С.-Петербургской крепости «как онои со всем строением во окончании быть надлежит»**, и 17 ноября потребовал от канцелярии главной артиллерии и фортификации отчетов за все инженерные работы в 1732 г.***, а 6 декабря он, в качестве генерал-фельдцейхмейстера, уже соображал новое, высочайше утвержденное, расписание фейерверков на 1733 г., и к приготовлению которых тогда же был определен полковник Беренс, получивший в свое распоряжение: 13 декабря — 400 чел. рабочих из полков Петербургского гарнизона, и 20 декабря — столько пушек и мортир из Петербургской крепости, сколько недостанет к имеющимся в арсенале**** Так заключился 1732 г., небезвыгодный для Миниха особенно потому, что в течение этого года его высокографское сиятельство успел, с одной стороны, уступить казне за 16 тыс. рублей — деньги, тогда огромные,— свой дом на Петербургском острове, тогда же взятый под инженерную школу*****, а с другой — получить от монарших щедрот в вечное и потомственное владение прекрасный дом в Кронштадте, отписанный в 1727 г. у опального кн. Меншикова******

С наступлением 1733 г. фельцейхмейстерская деятельность Миниха едва успела выразиться объявлением высочайшего указа 11 января, о дозволении артиллерийским служителям всякого чина строиться

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 317.
** Там же. Л. 315.
*** Там же. Л. 322.
**** Там же. Л. 346.
***** Там же. Л. 144. Кн. № 94. Дело № 39.
****** Там же. Кн. № 91. Л. 308.

в Петербурге не на одном Васильевском острове, а также на Московской стороне*, и личным распоряжением генерал-фельдцейхмейстера от 12 января, чтобы сделаны были на заводах в самой скорости «некоторые лампады подлежащие к иллюменации, новой моды, выдуманные господином Юнкером»**, как известие о смерти польского короля Августа II, полученное русским двором 1 февраля, разом поставило на ноги всех петербургских поляков и, для Миниха, отодвинуло артиллерию далее, чем на второй план. Призванный тогда, в качестве специалиста по военной части, к кабинетским совещаниям, Миних, уже сосредоточивший в своих руках, как замечает Герман, почти всю исполнительную власть***, вдруг увидел себя на поприще, совершенно для него новом,— и, к общему изумлению, явился политическим противником своего старого друга, Остермана. Дело в том, что Миних по личным ли воспоминаниям о Франции 1701 г., по другим ли более уважительным соображениям, склонялся на сторону французского двора, который, за поддержку кандидатуры на польский престол данным-давно низложенного с того же престола Станислава Лещинского, тестя короля Людовика XV, предлагал русскому двору союз, защиту русских интересов при Оттоманской Порте, гарантию всех завоеванных русскими провинций, особенно остзейских, признание за русскими государями императорского титула и проч., между тем как Остерман доказывал и успел доказать положительно, что союз с Францией принесет России гораздо более вреда, нежели пользы****

На этот раз мнение опытного вице-канцлера одержало верх — и противник его, вынуждаемый пока ограничиться выполнением своих прямых обязанно-

---

* Полн. собр. законов. Т. IX. № 6308.

** Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 26.

*** Царствование Анны Иоанновны. С. 20.

**** Герье В. Борьба за польский престол в 1733 г. 1862. С. 58.

стей, 26 февраля предписал канцелярии главной артиллерии и фортификации поспешить отправкою всего надлежащего, особенно эспонтонов, в полки, уже снаряжаемые к походу на польскую границу, под начальством генерала Ласси, а 8 марта обязал ту же канцелярию: о всех переменах в личном составе артиллерийских и инженерных чинов немедленно сообщать военно-походной канцелярии его высокографского сиятельства, куда «о том — писал Миних — никогда известиев несообщаетца, ис чего могут произоити во определениях оных чинов конфузии»* Но, усложняя, и по таким ничтожным причинам, без того огромную переписку артиллерийского управления, Миних не трудился стоять за артиллерийское ведомство, как следует начальнику, и не умел или не хотел возвышать подчиненных ему артиллеристов, ни в их собственном мнении, ни в глазах других. Иначе, допустил ли бы Миних при влиянии, каким он пользовался, состояться Указу 17 марта 1733 г. о немедленном выводе больных нижних чинов московской полевой артиллерии из 5 изб при Сухаревой башне на академическом дворе, с приказанием завести при московской артиллерии свой лазарет**; и чем, если не легкомысленным или, пожалуй, намеренным принижением артиллерийской чести, считать распоряжение самого Миниха, который 20 апреля того же года предписал избранному артиллерийской канцелярией *офицеру*, «доброму и способному», да еще из новгородских помещиков, перенять у *извощиков* Минихова кирасирского полка и доставить из Старой Руссы в Петербург от 30–40 тыс. пуд. кирасирского сена — потому только, что извозчики, командированные за тем сеном от своего полка, были «по рекам на судах ездить необычайны»*** При таком отношении Миниха к делу, по крайней мере артиллерийскому, и дело это

---

* Дела Арт. арх. Кн. 101. Л. 66.

** Полн. собр. законов. Т. IX. № 6356.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 89.

не могло спориться, и Миних оставался ему чужим до такой степени, что в самое горячее время сборов корпуса Ласси с частью артиллерии к походу, генерал-фельдцейхмейстер бомбардировал артиллерийское управление запросами, изумляющими своею наивностью. Так, например, 3 апреля 1733 г. генерал-фельдцейхмейстер интересовался знать: «1) командированые на полскую границу при полках артиллериские и инжерные служители *отправленъıлъ или еще отправляютца*, и когда и как надежда есть, что оные в надлежащие места прибыть могут; 2) *Всялъ армея и гарнизоны порохом и свинцом удоволствована* и сколко с 1727 г. пороху на заводах ежегодно сделано; 3) Медные пушки и мортиры ис Персии вывезеныль *и ныне тамо* артилерия в каком состоянии находитца*, и не надлежит ли еще онои отправить туда в добавку и сколко чего; 4) В сибирских гарнизонах в каком же состоянии оная артилерия находитца и по тамошним обстоятелствам *оная в состоянии лъ*; 5) В протчих гарнизонах, а особливо при остзее, по высокой Ея Императорского Величества резолюциии и по указу правительствующаго сената, состоявшемуся прошлаго 1731 году марта 4-го дня (т. е. 2 года назад), артилерия *разобраналъ* и в надлежащие места *перевезеналъ или еще перевозитца*»** На другой день, 4 апреля, генерал-фельдцейхмейстер допытывался об артиллерийском и инженерном состоянии Астрахани, а особливо в прошлом 732 году какие при онои работы происходили»*** 9 апреля требовал известия «коликое число на всю армию и гарнизоны и лант-милицию *положено ружъя* и, в то чис-

---

* На это частью отвечает принц Гессен-Гомбургский, который в донесении своем императрице, от 4 июля, из крепости Св. Креста, между прочим писал, что крепость эта, «за бывшею долгое время непочинкою, в худом состоянии и к обороне надлежащей способности не имеет, так что *ни единая пушка за полисады действовать не может, и доски и брусья на батареях все погнили, а в запас никаких неимеетца*. (Дела Артил. арх. Кн. № 109. Л. 23).

** Там же. Кн. № 101. Л. 106.

*** Там же. Л. 126.

ло, сколко на тулских оружейных заводах, по пропорции сроков, в год сделать надлежит; також, по разсуждению коммисии (которой сам же был председателем), *колико того оружия положено иметь запасного* по гарнизонам»* и проч. В неведении о таких и подобных им вещах, генерал-фельдцейхмейстер не забывал, однако, например, 11 мая подтвердить о представлении ему артиллерийских служителей на смотры,— что «давно уже — писал он — не исполняетца»** и не ранее, как 17 мая, он же, генерал-фельдцейхмейстер, из самолюбия или по необходимости, благоразумно предложил канцелярии главной артиллерии и фортификации к исполнению следующее: «Понеже со вступления моего в артиллерискую команду, о вылитии пушек, гаубиц, мартир и протчего, о строении литеиного двора, также пороховых и, в Туле, оружейных заводов и протчих строениях, опробованы мною *чертежи*, которые для вышеписанного обстоятелства впред весма потребно содержать в добром сохранении, а паче оные надлежит *сообщить в книгу*; того ради канцелярии главной артиллерии и фортификации со всех чертежеи о вылитии артиллерии и ко онои принадлежностях (sic), и о строениях заводов и протчих, по которым резолюции учинены и мною опробованы, приказать, скопировав копии, сообщить в одну книгу и впред, егда о чем таковые ж чертежи опробуютца, копии сообщать же в ту книгу, дабы всегда оные, для ведома и справок имелис при той книге»*** Вызвано же было это распоряжение, вероятно, случившимся в то время представлением на апробации ее величества зараз целой серии чертежей, а именно: 1) пушки 12 ф. 2) мортиры 1 пуд. 3) и 4) гаубиц 1 пуд. и $^1/_2$ пуд. 5) и 6) ящиков к мортирам 2 пуд. и 1 пуд. 7) тоже к гаубице 1 пуд. 8) тоже для возки ручных гранат,— наконец

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 134.

** Там же. Л. 177.

*** Там же. Л. 107.

9) «коляски под литавры». Во всяком случае по этим чертежам, а не другим, канцелярия главной артиллерии и фортификации, в силу Минихова предписания от 10 июня, должна была «вылить и зделать» и «неотменно» в течение 1733 г.— при полевой артиллерии в Москве: вместо негодных — пушек 12 ф. 3, мортир 1 пуд. 2, гаубиц: 1 пуд. 4, $^1/_2$ пуд. 3; да вновь ящиков: к мортирам 2 пуд. и 1 пуд. и к гаубицам 1 пуд. всего 32, для возки ручных гранат 80 — и коляску под литавры*. Но так как для выполнения Минихова предписания от 10 июня были нужны, прежде всего, деньги, то Миних весьма предусмотрительно выхлопотал Сенатский указ 31 мая — о неослабном смотрении, чтобы положенные на артиллерию сборы, четырехгривенный с государственных крестьян и сорокаалтынный с купечества, впредь поступали на штабные дворы (четырехгривенный) и в губернские канцелярии (сорокаалтынный) без упущения, и оттуда доставлялись бы в артиллерию или командированным от нее офицерам без задержания; Камер-коллегии же и штатс-конторе, в счет недосланной ими с 1724 г. артиллерийской суммы, 765708 р. 41 к., и сколько положенных на артиллерию, как с купечества, так и с государственных крестьян, денег ныне есть налицо, то все отдать *в самой скорости*; а ежели из тех артиллерийских денег что употреблено в расход, то оные из тех расходов, на которые издержаны, потому ж возвратя, отдать *немедленно*** И пока выхлопотанные, таким образом, деньги, по силе Минихова предписания от 10 июня, расходовались в Москве, царевич Бакар, занятый там же собственными хлопотами по отправлению части полевой артиллерии — под командою маиора кн. Дадиана — в Смоленск и далее к корпусу Ласси***, также, со своей сто-

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 232.

** Полн. собр. законов. Т. IX. № 6425.

*** Хотя этой части полевой артиллерии предписывалось выступать из Москвы «конечно» в 3 июня, но и 23 июня Миних еще делал запрос: выступила она или нет, если же нет, то которого числа, *на-*

роны, пожелал воспользоваться редким случаем прилива денег в артиллерийское управление. А потому, придравшись к полученному из канцелярии главной артиллерии и фортификации предложению: купить теперь же, собственно для похода 1100 лошадей, царевич Бакар, 1 августа, представил Миниху о необходимости иметь в полевой артиллерии, сверх определенного количества, 1100 лошадей, еще «несколько» запасных, причем дипломатически указывал и на подходящее время раниенбургской и свинской* конских ярмарок, и на удобство содержать более 1100 лошадей в дедиловских и старооскольских станциях**, «откуда, как востребуетца — пояснял царевич — могут пригнаны быть в Москву в самой скорости, к тому ж и государственного убытка не будет, как и ныне *полевая артиллерия отправлена в Смоленск с великим трудом, что едва нанять изыскали лошадей*, и то не малою ценою, из чего есть интересу не без убытка».*** Это представление царевича получилось Минихом как раз в то время, когда Миних, только что возвратившийся в Петербург из поездки на Ладожский канал, снова готовился ехать в Выборг и Кексгольм, куда он и отбыл 9 августа, оставив канцелярии главной артиллерии и фортификации, как представление царевича, так и собственное описание своих начальнических впечатлений в Шлиссельбурге, из которых тамошнею артиллерийскою частью произведено следующее: «в оной крепости, пушки, которые по бастионам стоят, весма в неисправности и нечистоте, а батареи и лафеты под оными почти все згнили; а артиллериские служители необмундирова-

---

дежда есть, оная отправлена будет» (Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 222, 246).

* У монастыря того же названия на р. Свине в Орловской губернии.

** В этих станциях летом 1731 г. находилось 498 артиллерийских лошадей при 124 фурлейтах (Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 226).

*** Там же. Кн. № 101. Л. 316.

ны и весма в плохом состоянии находятца».* По вторичном же возвращении Миниха в Петербург, канцелярия главной артиллерии и фортификации, еще не успев хорошенько обсудить прежде заданные ей вопросы, не замедлила вновь получить от генерал-фельдцейхмейстера, 19 августа, предложение об уступке части артиллерийского леса при Ревеле на строящиеся там кирасирские конюшни**, а 3 сентября — предписание о переделке батарей, банкетов и бруствера Петербургской крепости «по препорции»*** — и все это в такое время, когда петербургские артиллеристы, несмотря на 8 сентября, продолжали стоять в лагере, потому что полицеймейстерская канцелярия ссылала их на Охту, а в артиллерийских слободах у Литейной отводила квартиры полку конной гвардии.**** Что касается самого генерал-фельдцейхмейстера, он, по своему обычаю, думал всего менее именно об артиллеристах — и не будь доклада, поданного генералом Ласси, 14 сентября, и высочайше утвержденного десять дней спустя, артиллерийские чины, находившиеся тогда в походе к польским границам, не получили бы усиленного всем прочим чинам содержания*****, как не получали они, если числились русскими, высшего оклада, который до 1731 г. определялся всем иноземцам, а с тех пор, и — что всего любопытнее — по представлению того же Миниха, уравнен во всех русских войсках, *кроме артиллерии***** Но настолько равнодушный к подчиненным ему артиллеристам, Миних, как фельдцейхмейстер, не переставал постоянно и внимательно следить за внешним порядком во всех частях артиллерийского ведомства, а потому был главным виновником кабинетского указа 25 сентября о назначении

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 306.

** Там же. Л. 357.

*** Там же. Л. 375.

**** Там же. Л. 383.

***** Полн. собр. законов. Т. IX. № 6489.

****** Книга штатов, изд. при Полном собрании законов.

артиллерийских офицеров к разбору и освидетельствованию в губерниях разного оружия и воинских снарядов, с тем, чтоб дело это, быв поручено исполнителям, «которые в знании тех вещей искуство имеют», имело своим результатом составление верных инвентарей о том, «сколько в губернских ведомствах, кроме того что в полках, имеется на лицо какой артиллерии, ружья и аммуниции и прочих воинских всякого звания и артиллерийских припасов, как новой, так и старой, которая лежит от многих лет в магазейнах и в разных местах, також и отставной и отобранной от полков и взятой от неприятелей при баталиях и акциях и при взятье городов в магазейнах, с таким росписанием, что из оной к службе и починке годного и что негодного»* Впрочем, кабинетский указ 25 сентября, помимо стремлений Миниха к призраку внешнего порядка, был в тесной связи с именным указом 1 сентября, которым в перечне приготовлений для «воинского случая» к 1 марта 1734 г., относительно артиллерийской части повелевалось: «осадную и полевую артиллерию исправить немедленно и сколько к оным надлежит пушек и к оным пороху и ядер и прочих, принадлежащих к артиллерии припасов, иметь во всякой исправности; також и для войска нашего в Коротояке и в Павловске (на Осереде) и в других тамошних способных местах учредить от артиллерии же запасные магазины, удовольствуя оные порохом и свинцом и прочими принадлежащими к тому воинскими припасы немедленно же, дабы во время при войске какого недостатка из тех магазинов дополнить было можно. И для исправления всего того отправить в те места из артиллерийских добрых офицеров, на которых в том положиться можно»** Что же касается «воинского случая», полуобъявленного Указом 1 сентября, он, предвидясь совершенно уместно, долженствовал быть

* Полн. собр. законов. Т. IX. № 6491.

** Там же. № 6472.

неминуемым следствием русского вмешательства в польский вопрос об избрании преемника Августу II, вопрос, решение которого вооруженною силою — и в пользу саксонского принца, сына короля Августа II — принимала на себя, главным образом, императрица Анна, тем самым подававшая повод Франции, естественно расположенной в пользу своего кандидата на польский престол Станислава Лещинского, возбуждать против России Турцию, с зависевшими от последней крымскими татарами, искони враждебными всему русскому. И в самом деле, интриги представителей Франции в Константинополе были так заблаговременны и удачны, что еще в июне 1733 г. толпы крымцев, спешившие будто бы на помощь туркам против персиян, уже схватывались с войсками русского низового корпуса в Закавказье, а 1 августа кабинет-министры императрицы Анны в наказе главнокомандующему низовым корпусом, принцу Гессен-Гомбургскому, между прочим, предупредительно писали: «по всему виду и по продолжающимся татарским поступкам, едва ли явной войны с турками миновать будет возможно». Поэтому, когда на съезде 20 польских сенаторов и 4 тыс. шляхтичей, происходившем 5 октября 1733 г. в Грохове, кандидат императрицы Анны, принц саксонский, был, в виду штыков корпуса Ласси, объявлен королем польским, под именем Августа III, хотя за три недели до того, именно 12 сентября, 60 тыс. поляков, съехавшись в Варшаве, провозгласили своим королем Станислава Лещинского*,— Турция, с голоса Франции, высказалась яснее, заявив положительные требования на всю Кабарду. Тогда русский кабинет, не сомневаясь в близости «воинского случая» со стороны, противоположной Польше, решил принять меры к возможно верному обеспечению русских границ с юго-востока, и гр. Миних, в качестве специалиста военного дела,

* Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. С. 445—469. (Гл. XIII: Избрание двух королей).

начал и к 25 октября кончил работу, плодом которой была «спецификация, что потребно к экспедиции на Дон». В 45 статьях этой «спецификации», от целой флотилии мелких судов (всего 850 галер, будар, ботов) и массы инструментов разного рода (около 60 тыс. топоров, кирок, буравов и проч.) до сотен тысяч фашин и более чем миллиона кольев разной величины,— приводилось круглыми цифрами все, по мнению Миниха, необходимое для предположенной экспедиции; предметы же артиллерийской части исчислялись следующим образом: «1) Вся осадная артиллерия с принадлежностию, при которой потребно быть 70 пушкам и 30 большим мортирам и 200 ручным мортирцам. 2) Полевая и полковая артиллерия со всею ж к ним принадлежностию, состоящая во 141 пушке, в 3 мортирах, в 9 гаубицах, в 246 фунтовых мортирцах. 3) 30 понтонов со всеми ж принадлежностьми и к ним надлежащими мостами. 4) Ради строения баттарей на 140 пушек и 60 мортир надлежащее число бревен и досок. 5) 2 тыс. туров к баттареям вышиною в сажень, а толщиною в диаметре в половину сажени. 6) 3 тыс. туров же, вышиною в 2 арш., а толщиною в 1 арш.»* Но эта Минихова «спецификация», подобно многим деловым бумагам того времени, не терпевшим никакого отлагательства, более месяца лежала в Военной коллегии без всякой резолюции и, наконец, представленная нетерпеливым автором самой императрице, только 29 ноября удостоилась высочайшей апробации**, в ожидании которой, Миних, однако, не сидел сложа руки. Так, 31 октября, Миних, имея при себе только 6 денщиков вместо 10 положенных «генерал-инженеру», вошел в канцелярию главной артиллерии и фортификации с требованием о немедленном отпуске ему содержания «на достальные денщичьи 4 персоны» со времени его вступления в должность обер-директора над форти-

* Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 486—488.

** Полн. собр. законов. Т. IX. № 6512.

фикациями*; 19 ноября Миних, в тех же видах собственной пользы, вызвался и получил право осушить петербургские болота при Лиговском канале на пространстве от Аничковой слободы до Невского монастыря в одну сторону и от Литейной до Ямской в другую, с тем, чтобы «предприятелю сего дела» были даны заимообразно деньги на работу, кондукторы и капралы для надзирания за рабочими, весь артиллерийский и конногвардейский навоз, главное же, «чтоб предприятелю сего дела — писал Миних в своих кондициях — те болота, чрез следующия шесть лет, без всяких поборов и налогов, во владение отданы были и чтобы по прошествии тех шести лет, считая от 1 января 1734 г., 9 частей Вашему Императорскому Величеству взяты были, а 10-я часть предприятелю сего и его наследникам вечно оставлена была; и вольно бы ему было, оную, яко его собственную землю в наймы отдавать, продавать или по его соизволению с оною поступать, и чтобы та 10-я часть от всяких податей, яко квадратных денег и прочаго, увольнена была»** Приводя таким образом в порядок собственные дела, Миних не забывал и других порядков, в своеобразном стремлении к которым он, на том же досуге между сочинением и утверждением своей «спецификации», 23 ноября командировал одного из офицеров фурманского при артиллерии правления в Дерпт, смотреть за лошадьми кирасирского полка своего имени***, а 27 ноября предписал украсить новопостроенную в Петербурге артиллерийскую лабораторию шпицем — «для лутчаго виду, как оная лаблатория с приезду (в город) имеется»,— и на том шпице повесить колокол, «для битья на работу и с работы шабашу», причем, в самом предписании высказывалась мысль, что «хотя помянутой деревянной шпиц и будет зделан, но однакож, ради лутчей кра-

* Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 463.
** Полн. собр. законов. Т. IX. № 6509.
*** Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 500.

сы и прочности, и яко оное место суть с самаго в Петербург приезду, впредь надлежит зделать каменным зданием павилион»* В самый же день утверждения своей «спецификации», Миних, по отношению к артиллерийскому ведомству, едва ли не впервые оказал действительно полезную услугу подчиненным, обратив строгое внимание на артиллерийский лазарет, находившийся «весма в непорядочном состоянии и не в надлежащем доволствии и присмотре», что́ видно, как из этого отзыва самого Миниха, в его запросе канцелярии главной артиллерии и фортификации от 26 октября, о том, «какие для больных постели», так и в особенности из следующего, чрезвычайно любопытного предписания генерал-фельдцейхмейстера в ту же канцелярию от 29 ноября: «Хотя от меня онои канцелярии, как словесно, объявлено и приказано, так и писменно предложено, о удоволствии, по представлению доктора Нитша, артиллериского лазарета так, дабы болные никакой нужды и недостатка как в пище, так в постелях и в протчем не имели, а какое о том учинено будет определение велено сообщить известие, токмо такова известия, что учинено, и поныне мне не сообщено. А реченной доктор Нитш мне вчерашняго числа представлял, что в том лазарете никакова лутчаго для больных порядка и удоволства неучинено, и в таком недостатке находятся, что *некоторые* якобы *от голоду померли.* О чем канцелярия главной артиллерии и фортификации сама разсудить может и осмотрется, какое попечение о вышереченных болных, по силе моих предложений и представлений реченнаго доктора, оная имеет, и до того уже последовало, что те болные, как от реченнаго доктора представлено, от голоду помирают, за что может (!), кто в том виною состоит, ответствовать пред судом. Того ради, оной канцелярии возыметь, по силе прежних моих и сего предложеней, такое старание и учинить такие аншталты, дабы в том лазарете над болными смотрение было прилежное и пи-

* Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 515.

щею, и постелями, и протчим удоволствованы были без недостатка и нужды немедленно, и по удоволствии сообщить ко мне известие. А заподлинноль из оных болных померли некоторые якобы з голоду, о том в самой скорости, по указом и регулам исследовать и то следствие для разсмотрения представить»* В ожидании результатов этого следствия — к сожалению, добавим, не уцелевшего,— Миних, 17 декабря, заметил канцелярии главной артиллерии и фортификации, что на тульских заводах, с января по ноябрь, сделано клинков и эспонтонов «самое малое число», а именно: клинков «токмо» 662, эспонтонов же 334**, но утешился состоявшимся в тот же день, 17 декабря, высочайшим указом, который, содержа в себе расписание фейерверков и иллюминаций на 1734 г., повелевал: «в новый год, також в день рождения (28 января) и в день коронования нашего (28 апреля) быть фейерверкам и иллюминациям, а во днiж возшествия на престол (19 января) и тезоименитства (3 февраля) иллюминациям же и ракетам без фейерверков»*** Так заключилась фельдцейхмейстерская деятельность Миниха в 1733 г., ознаменованном новыми монаршими щедротами генерал-фельдцейхмейстеру, который в течение этого года получил в вечное, потомственное владение: в апреле — петербургский Крестовский остров****, в июне — приписанный к кадетскому корпусу, в Петербурге же, каменный дом, проданный в казну Остерманом*****

По наступлении нового 1734 г. Миних, щегольнув 1 января, как фельдцейхмейстер, указным фейерверком с такою же иллюминациею, 11 января, как

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 513, 514. Еще в 1729 г. от петербургской артиллерии наряжались особые посыльные «щипать» в лесу можжевеловые ягоды для артиллерийского лазарета (Там же. Кн. № 80. Л. 672)..

** Там же. Кн. № 101. Л. 545.

*** Полн. собр. законов. Т. IX. № 6517.

**** Дела Артил. арх. Кн. № 101. Л. 176

***** Там же. Кн. № 92. Л. 154.

президент Военной коллегии, получил высочайшую апробацию на поданное им мнение «о прикладывании печатей к допросам и приговорам военных судов презусу и ассессорам»*; 27 января, как один из первейших русских сановников, самодовольно видел свою карету употребленную при церемониальном въезде персидского посла в Петербург** и 28 января, как фельдцейхмейстер же, представил императрице и Петербургу новые фейерверк и иллюминацию. Об этих последних тогдашние газетчики не оставили напечатать следующее, для нас небезынтересное известие: «Сей день (28 января годовщина рождения императрицы Анны) есть начало всех последующих благополучных приключений, которыми промысл Божий нынешния наши времена учинил достопамятны, и сие хвально и праведно есть, что мы онои весьма особливым празднованием почитаем. Чего ради, для сей же причины делается, что ея императорскаго величества артиллерийскии корпус *по всякий год*, в вечер сего дня увеселительными и *от всех прочих разнствующими* огнями свое удовольствие о благополучии ея императорского величества изъявляет. И кажется, что он ныне тем основательнейшую вину к тому имеет, что ея императорское величество по сие время, как всю свою военную силу, так наипаче помянутой *артиллерийскои корпус в такое состояние привела, что он подлинно за совершеннейшии и изряднейшии во всей Европе может почестъся*»*** При таком панегирике «артиллерийскому корпусу», доказывающем, во всяком случае, высокое мнение тогдашней русской публики о современной ей русской артиллерии, конечно, могло бы казаться странным отсутствие лестного отзыва кстати и о генерал-фельдцейхмейстере, как главном начальнике этого корпуса. Но газетчики 1733—1734 гг., народ академи-

---

* Полн. собр. законов. Т. IX. № 6533.

** Примечания к С.-Петерб. ведом. 1734. Ч. XV. С. 58—59.

*** Там же. Ч. XI. С. 41—42.

ческий, по преимуществу немецкий и, следовательно, шустрый — остерегались даже кстати печатно восхвалять Миниха, чуя, что политическое значение его высокографского сиятельства при петербургском дворе и в петербургском кабинете 1733—1734 гг. было уже не то, каким по внешней обстановке оно могло еще казаться не академикам, не немцам и вообще людям не шустрым. Действительно, звезда Минихова уже не сияла тогда блеском 1731—1732 гг., и виновником этого был старый друг Миниха — Остерман. Столкнувшись с Минихом впервые на польском вопросе 1733 г., Остерман стал питать к старому другу некоторое недоверие, а со времени причисления Минихова брата, вопреки желанию Остермана, к Иностранной коллегии,— вице-канцлер не стеснялся оказывать фельдмаршалу зловещую холодность*, и руководимый теми же немецкими стремлениями, какие одушевляли Миниха, почувствовал необходимость умерить возраставшее могущество соперника, которого он не мог не видеть в своем бывшем друге. С этою целью Остерман начал исподволь возбуждать против Миниха щекотливую подозрительность всемогущего тогда Бирона — и, в этом случае, действовал не один, но вместе с наперсником Бирона, гр. Левенвольдом, который, в качестве командира новоучрежденного лейб-гвардии Измайловского полка, негодовал на Миниха за разные нововведения по военной части**, а в качестве остзейского немца и любимого генерал-адъютанта императрицы,— не сочувствовал ничьему возвышению. Усилия новых союзников привели к тому, что еще в 1732 г. Лефорт, саксонский посланник в Петербурге, между прочим, доносил своему двору: «хотя Миних еще раболепствует перед обер-камергером Бироном, но сей последний очень хорошо знает, как опасно согревать змею за пазухой, и недавно выразился, что весьма сожалеет о всем,

---

* Миних-сын. Записки. С. 65.

** Там же. С. 61-62.

что́ он сделал для этого хамелеона, который, вместо преданности, обнаруживает лишь лукавство»* Когда же Остерман нашел случай шепнуть Бирону, что Миних говорит о нем, Бироне, дурно,— обер-камергер окончательно надулся на фельдмаршала и, хотя общие их друзья, на этот раз, успели отвратить дальнейшие последствия размолвки, Бирон не замедлил, однако, представить императрице о необходимости и удобстве отдать казенный дом, где помещался Миних, принцессе Анне Леопольдовне, вследствие чего и был пожалован Миниху дом за Невою (бывший Остерманов), куда фельдмаршала принудили перебраться против воли и на смех** Но так как Миних и за Невою продолжал тревожить подозрительность Бирона, то изобретательный обер-камергер, придумывая средства отделаться от фельдмаршала, внушил императрице воспользоваться военными дарованиями Миниха, послав его командовать русскою армиею, которая, под начальством Ласси, облегала тогда Данциг — «это последнее убежище несчастного Станислава Лещинского на его родной стороне». И хотя честью командования армией Миних, несмотря на свое фельдмаршальство, был уже обойден в 1733 г., при самом назначении Ласси, и обойден не в знак особенной к нему милости,— теперь, в 1734 г., честь эта давалась фельдмаршалу Бироном «только в том предположении, говорит Герман, что будет не легко пожать лавры при долговременной осаде такой сильной крепости, как Данциг».***

---

* Царствование Анны Иоанновны. С. 23.

** Büsching's Magazin. III. 407.

*** Царствование Анны Иоанновны. С. 27 То же самое подтверждает и адъютант Миниха, Манштейн, говоря в своих мемуарах: «Le comte de Biron ne pouvant s'empêcher de soupçonner m. de Munich, et désirant fort de le voir éloigné de la cour, lui avoit fait donner le commandement général de toutes les troupes en Pologne, avec ordre d'agir vigoureusement pour x'êduire bientôt la ville do Dantzig; «maie l'intention (le Biron n'était pas qu'il y réussitu. Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, depuis l'année 1727 jusqu'à 1744, par lo général de Manstein. Leipzig. 1771. P. 93.

Самое отправление Миниха к армии было, так сказать, прикровенное. Извещая канцелярию главной артиллерии и фортификации, от 10 февраля, об отъезде своем, по высочайшему повелению, в Кронштадт, «для осмотра фортификационных работ», Миних, в том же извещении, загадочно прибавлял: «и понеже не имею ль я там за сочинением договоров и контрактов о работах замедлица, того ради в отсутствие мое о всем прямо представлять в военную коллегию»*; 22 февраля он, уже из Мемеля, предписывал немедленно отправить к армии в Польше офицера с несколькими кондукторами рижской инженерной команды**, и только 25 февраля, из Кенигсберга, Миних прямо объявил канцелярии главной артиллерии и фортификации, что Указом 10 февраля ему поручена команда, «состоящая в полском корпусе». Из Кенигсберга же Миних, конвоируемый прусским эскадроном, 5 марта прибыл в Главную квартиру Ласси, м. Пруст, в $^1/_2$ мили от Данцига по Диршауской дороге. Здесь, в Прусте, Ласси стоял с 8 февраля почти бездейственно, потому что не мог предпринять ничего решительного, имея в своем корпусе не более 12 тыс. чел., из которых, за раскомандированием на разные пункты разных отрядов, как для преграждения пути к Данцигу польским конфедератам, сторонникам Станислава, так и для сбора провианта с фуражом, оставалось налицо не более 9—10 тыс. чел. при 4 пушках и 2 гаубицах. Но Миних, отнюдь не останавливаясь таким положением вверенной ему осады, 6 марта, т. е. на другой же день по приезде своем к армии, созвал в Прусте военный совет, на котором генералы Ласси, кн. Барятинский и Волынский, известный впоследствии кабинет-министр, доказывали необходимость ждать прибытия к Данцигу подкрепления из Варшавы под начальством инженер-генерал-майора ф. Либераса, а Миних и Бирон,

* Дела Артил. арх. Кн. № 102. Л. 114.

** Там же. Л. 120.

старший брат регента, говорили в пользу немедленной атаки данцигских укреплений и, разумеется, одержали верх*. Тогда Миних, в намерении не предотвратить кровопролитие, которое его никогда не возмущало, а только замаскировать недостаточность своих средств, смелым тоном, 7 (18) марта, отправил в Данциг манифест от своего имени, изумивший Европу варварством угроз и выражений — между прочим, например, «в случае упорства, разорить город до основания и *преступление* (?) *отцов* мстить на чадах и на чадах чад»** Само собою разумеется, что этот угрожающий пафос не поколебал верности данцигских граждан их законному королю — и в ночь с 7 на 8 марта Миних велел занять высоту Цинкенберг, на которой немедленно выстроил два редута, а в следующую ночь были атакованы и взяты русскими ретраншементы, прикрывавшие городское предместье Ор, с 2 на них пушками и 2 мортирами. Из этих 4 орудий, как раз удвоивших собою первоначальную численность русской артиллерии под Данцигом, 2 пушки были ввезены на один из цинкенбергских редутов, где стояли уже 2 русские пушки, и с батареи, таким образом импровизированной, вечером 10 марта начались первые по городу выстрелы — не слишком вредоносные, если принять в соображение, что самые большие орудия импровизированной батареи, именно взятые в орском ретраншементе, не превышали 8 ф. калибра. Довольный пока и таким успехом собственных распоряжений, Миних, в ночь под 12 марта, возвел два новые редута на левом берегу Радоуны, против предместий Шотланда и Бишофсберга, в ночь под 14 марта овладел редутом осажденных у предместья Шильтиц, в тот же день перенес свою Главную квартиру из Пруста в Ор и, отправив довольно слабый отряд для овладения

* Бутурлин Д. Военная история походов россиян в XVIII столетии. 1823. Т. IV. 2-я половина. С. 46.

** Büsching's Magazin. III. 408.

соседним Эльбингом, а главное — находящеюся там артиллериею, 15 марта послал в Петербург следующее предписание: «Понеже для блокады и бомбардирования города Гданска (т. е. Данцига), за раскомандированием по постам в артиллериских и инженерных офицерах обстоит нужда, того ради канцелярии главнои артиллерии и фортификации, по получении сего, командировать артиллерии капитана 1, порутчика 1, подпорутчика 1, прапорщика 1 и отправить их сюда в самои скорости, и в пути велеть поспешать, как скоро возможно (приписка рукою Миниха:) *и более, ежели возможно*».* Вслед за тем к Данцигу прибыл из Риги артиллерии подполковник Фукс с тремя 5 пуд. мортирами, при которых находились рижской гарнизонной артиллерии: капитан 1, штык-юнкер 1, сержант 1, капрал 1, писарь 1, бомбардиров 8, гандлангеров 6, цейхдинер 1, плотник 1, фузелер за кузнеца 1**, в то же время подвезли сюда все эльбингские орудия, с 7 пушками, найденными в Мариенбурге, и Миних, получив возможность расширить круг осадных работ, немедленно заложил в траншеях против Бишофсберга три 4-пушечные батареи с четвертою из 3 мортир, и открыл новые траншеи к Газельбергу и оливским воротам, где заложены еще 2 батареи: одна из 3 мортир другая из 4 пушек. Стесняемые, таким образом, отвсюду, жители Данцига — еще с 14 марта, взятием шильтицкого редута, отрезанные от Фришгофа,— 17 марта увидели на левом берегу Вислы, близ корчмы Рейхенберг, новый русский редут, затруднявший последнее сообщение города с морем, и 19 марта решились на первую вылазку, которая, однако, была отбита с уроном, после чего Миних воз-

* Дела Артил. арх. Кн. № 102. Л. 121.

** Там же. Л. 106, 145. Фуксу предписывалось везти мортиры на артиллерийских лошадях до Митавы, откуда, возвратив этих лошадей и излишних фурлейтов в Ригу, следовать далее с мортирами и «пристойным числом фурлейтов» на лошадях, которых должен был доставить ему в Москве местный начальник, г. м. Бисмарк, зять обер-камергера Бирона.

намерился отнять у осажденных свободное плавание по Висле. С этою целью, в ночь на 22 марта, была заложена у Шельмиле, на левом же берегу Вислы, новая 10-пушечная батарея, которая заставила молчать артиллерию, высланную на плоту из Данцига, а 23 марта русские, овладев Винтершанцем, одним из постов соединительной цепи между Данцигом и Вейксельмюнде через остров Гольм, заперли город со всех сторон и на самом Винтершанце поставили 2 орудия. Наконец, в ночь на 24 марта, осажденные вытеснены из своего редута между Шидлицом и Гагельсбергом, и редут этот, увенчанный 10-орудийною русскою батареею, связан траншеями с цикомгенбергскою высотою, причем сзади его возведена еще батарея на 6 мортир, а 27 марта взят русскими большой люнет на контр-эскарпе Данцига, между нейгардскими и гагельсбергскими воротами. В то же время были не менее успешны и действия отдельных отрядов, высылаемых Минихом задерживать диверсии сторонников Станислава Лещинского, спешивших на выручку Данцига, или, по крайней мере, своего короля в Данциге. Так, один из этих сторонников, каштелян Черский, встретившись 24 марта близ Швеца с 3-тысячным отрядом ген.-лейт. Загряжского, потерпел от него почти поражение, а другой, гр. Тарло, принудивший было того же Загряжского заключить с ним перемирие и отступать к Данцигу, подвергся, в свою очередь, мужественному нападению ген. Ласси, который был послан на смену Загряжскому, не усомнился атаковать с $2^1/_2$ тыс. русских — и 9 апреля, при Вышечине, обратил в бегство 8 тыс. поляков гр. Тарло. Обеспеченный с этой стороны и усиленный подвозом осадной артиллерии из России*, а также присылкою

* Эта артиллерия была отправлена на эскадре адмирала Гордона и, после многих домогательств у прусского короля, затруднявшегося согласием, выгружена в Пилау, откуда сухим путем доставлена под Данциг.

по почте больших мортир из Саксонии*, Миних, в тот же день, 9 преля, построил 4-орудийный редут против крепостцы Вейксельмюнде; 16 апреля отписал в Петербург о скорейшем доставлении в армию под Данцигом офицерских эспонтонов; 9 апреля начал бомбардирование города; 24 апреля возвел против Вейксельмюнде новый редут о 4 орудиях; в ночь на 25 апреля взял приступом крепостцу Зоммершанц, с находившимися в ней 3 пушками и 1 мортирой; наконец, 27 апреля заложил линию ретраншементов на правом берегу Вислы, повыше города, и велел войскам изготовиться для приступа гагельсбергских укреплений, которому определил быть на другой же день вечером. К этой мере Миних побуждался как необходимостью предупредить прибытие к Данцигу французского вспомогательного корпуса, по слухам, весьма сильного и находившегося уже неподалеку, так и повелениями из Петербурга, где Миниху недоброжелательствовали многие, а письма Волынского из-под Данцига — об «изнурении войск работами» и о том, что «на Миниха надеяться нечего»,— читались многими же, хотя были адресуемы Волынским только кн. Черкасскому, да еще кн. Трубецкому** И надо полагать, что петербургские повеления — в самом деле часто посылаемые Миниху с нарочными курьерами — были внушительны, если Миних решил брать приступом гагельсбергские укрепления, не дожидаясь прибытия из Варшавы и Торна 4 русских полков, которые уже следовали к Данцигу р. Вислою, под начальством старшего по Люберасе генерала, между тем как сам Люберас, за нескорое выполнение приказаний выступить из Варшавы, был лишен Минихом

---

* Саксонские мортиры везлись в Данциг сухопутно и таинственно, под видом экипажей герцога Вейсенфельского, следовавшего к Данцигу с войсками Августа III.

** Записка об Артемии Волынском //Чтения в об-ве истории и древностей рос. 1858. Кн. II. С. 150.

команды и предан суду при армии*. Решив быть приступу, Миних разделил армию на три части: 3 тыс. чел., с фашинами и лестницами, долженствовали тремя колоннами устремиться на самые укрепления, 5 тыс. чел. отряжены в резерв, остальные $1^1/_2$ тыс. чел. определены для производства трех ложных атак — и 28 апреля, после целодневных приготовлений, войска в 10 ч. вечера тихо двинулись по назначению. В самую полночь, три главные колонны приблизились к Гагельсбергу, быстро перебежали ров, «со всевозможным мужеством» бросились на вал, тут мгновенно овладели 7-орудийною батареею, но тут же, увидев всех своих главных начальников и офицеров фельдмаршальского штаба убитыми или ранеными, смешались, потеряли дистанции, целые три часа стояли под убийственными выстрелами в каком-то отупении — и только увещаниями ген. Ласси, лично явившегося на вал, были соглашены к отступлению, с потерею 673 чел. убитыми и 1418 чел. ранеными, тогда как вся потеря неприятеля не превосходила 1000 чел.** Раздраженный этою неудачей, Миних послал 4 полкам, плывшим из Варшавы и Торна, повеление следовать к Данцигу возможно скорее, и сам ждал саксонцев тем нетерпеливее, что 29 апреля, на другой день приступа, французский вспомогательный корпус, переплывший Зунд, явился уже в виду данцигского рейда и в самых первых числах мая высадился в Вейксельмюнде, окрестности которого были заблаговременно выжжены по приказанию Миниха. Впрочем, и без этой меры, французы, высадившиеся в числе 1500 чел., видели себя помощью слишком сла-

* Для производства этого суда, Миних 1 июня требовал из канцелярии главной артиллерии и фортификации обстоятельного известия о всех указах, когда-либо посланных Люберасу, «ис которых по многим он, Люберас, исполнения не учинил, и те дела исполнением сверх указных сроков многое время продолжились, к томуж уповаетца некоторые и поныне не исполнены» (Дела Артил. арх. Кн. № 102. Л. 173).

** Бутурлин Д. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Т. IV. 2-я пол. С. 67.

бою, а потому они немедленно сели на свои суда и возвратились в Копенгаген. Уверенный, однако, что эти французы, раньше или позже, возвратятся к Данцигу, Миних считал нужным утвердиться на сообщении Данцига с Вейксельмюнде, и, велев в ночь под 6 мая выстроить на левом берегу Вислы, против Винтершанца, новый редут с батареею, он спешил расположить позади вейксельмюндских линий полки, с 3 по 9 мая прибывшие один за другим из Варшавы и Торна. В то же время Миних не только продолжал предлагать данцигскому магистрату вериться великодушию русской императрицы и признать своим королем Августа III, но 11 мая он, по просьбе магистрата, согласился даже прекратить бомбардирование на 48 часов с тем, чтобы, по истечении этого срока, магистрат дал решительный ответ. Когда же переговоры Миниха с магистратом, а магистрата с городскими чинами не привели ни к чему, Миних 13 мая снова открыл бомбардирование — и, в тот же день, эскадра из 6 военных кораблей и 5 транспортных судов высадила у Данцига 2400 французов, которые, под начальством гр. Плело, французского посланника при датском дворе, и бригадира Ламотт-Перуза, действительно, возвратились из Копенгагена, чем, говорят, заставили Миниха, глядя на их высадку, самонадеянно сказать: «Благодарю Бога. Россия нуждается в руках для извлечения руд»* К вящему удовольствию Миниха, 14 мая явились под Данциг давно ожидаемые саксонцы, которые, в числе от 5 до 6 тыс. чел., под начальством герцога Вейсенфельского, стали лагерем позади Лангфура и Нейшотланда, а 16 мая у русских с французами произошла под стенами Данцига первая схватка. В этот день, по словам одного современного и исторически верного сказания, «несколько тысяч французских военных людей учи-

* Письма леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе, в царствование императрицы Анны Иоанновны /пер. с англ. М. К. 1836. С. 74.

нили от Вексельминда на российскои ретранжамент, обретающеися при реке Висле, между города Гданска и Вексельминда, жестокое неприятельское нападение, а в самое то же время и из города сильная вылазка учинена была. Но, с Божиею помощью, оные французы от войска россиискаго мужественно, с великим с их французской стороны уроном, отбиты и до самого Вексельминда прогнаны, в которои акции, между другими французами, и посол французскои, бывшеи при датском дворе, граф Плело, которои оттуда на кораблях французских к Вексельминде приехал и помянутыми французами командовал, и хотел с ними в город Гданск продрается, и сверх того еще 28 человек офицеров французских и несколько сот солдат, убито, кроме раненых, а и те вышедшие из города неприятели, по некоторои по них из пушек учиненнои стрелбе, с немалым уроном в город ретироватся принуждены были»* Потеряв, при этом случае, только 8 чел. убитыми и 28 чел. ранеными, тогда как французских тел подобрано на месте до 600**, Миних продолжал бомбардирование города с такою деятельностью, что, наконец, снаряды у него истощились и, в ожидании подвоза новых***, он занялся, как выражается почтенный Бутурлин, «усовершенствованием траншей и батарей», при чем воздвигнута новая линия укреплений от озера Яспера до моря и совершенно загражден Висла, «дабы никакое неприятельское судно не могло прокрасться в крепость»**** 1 июня дали знать Миниху о приближении к Данци-

---

* Реляция о благополучном и славном происхождении оружия Ее Императорского Величества и о взятии и покорении города Гданска //Отеч. зап.. 1841. Январь. Отд. VII. С. 2—3.

** Бутурлин Д.. Указ. соч. Т. IV, полов. 2-я. С. 75.

*** Еще 24 февраля, из Кенигсберга, Миних предписывал канцелярии главной артиллерии и фортификации заготовить в Риге несколько сот бомб, причем командам полевой артиллерии в Москве, Петербурге и Ревеле изготовиться к походу: московской — сухим путем, а петербургской и ревельской водою (Дела Артил. арх. Кн. № 102. Л. 122).

**** Бутурлин Д. Указ. соч. Т. IV, пол. 2-я. С. 76.

гу русского флота из 10 линейных кораблей, 6 фрегатов и 7 бомбардирских судов, в силу чего французская эскадра, покинув высаженные войска на берегу, поспешила отплыть в Копенгаген, между тем как русские, по выгрузке привезенной артиллерии и снарядов, 3 июня возобновили бомбардирование, в две ночи, под 6 и 7 июня, докопались вместе с саксонцами до самого гласиса Вейксельмюнде и тут заложили батарею на 10 пушек при 4 мортирах, с которой, а также с бомбардирских судов, они так метко обстреливали Вейксельмюнде и французский лагерь на острове Лаплате, что 8 июня французы запросили трехдневного перемирия.— Согласясь на эту просьбу, Миних потребовал сдачи как крепостцы Вейксельмюнде, так и всего оружия французского вспомогательного корпуса, который будет посажен на суда и доставлен в одну из нейтральных гаваней Балтийского моря, по усмотрению русского правительства.

13 июня требования Миниха относительно Вейксельмюнде и французского вспомогательного корпуса были исполнены, а в ночь с 16 на 17 июня, при продолжающейся бомбардировке Данцига, несчастный король Станислав, переодетый в крестьянское платье, тайком, с величайшею опасностью быть узнанным, оставил город и скрылся в померанские владения короля прусского*. Тогда данцигский магистрат, справедливо считавший дальнейшее упорство бесцельным, в тот же день, 17 июня, выслал к Миниху депутацию для переговоров и сдачи города, и Ми-

* Покидая Данциг, Станислав Лещинский благодарил местных граждан следующею запискою: «Обыватели Данцига! Мне должно сейчас оставить вас, но я чувствительно тронут, что принужден расстаться с вами. Благодарю вас за оказанные мне любовь и беспримерную верность. Да ниспошлет на вас Господь всякое благополучие и отдалит от вас всякое бедствие! Я не забуду вашей любви и верности ко мне. Мысль, что отсутствием могу утвердить ваше благоденствие, будет служить мне немалым утешением в горести моей, и я всегда пребуду, как вы того заслуживаете, доброжелательным вам. Станислав король. 16 (27) июня 1734 г. (Бутурлин Д. Указ. соч. Т. IV, пол. 2-я. С. 81—82).

них, прекратив бомбардирование, объявил депутатам, что первым условием переговоров должна быть выдача ему короля Станислава, о бегстве которого в осадном лагере никто еще не знал. И можно себе представить изумление и досаду Миниха, когда на другой день, 18 июня, магистрат, через тех же депутатов почтительнейше сообщил, что о выдаче короля Станислава, за его отсутствием из Данцига, не может быть и речи. В первом порыве гнева на неудачу овладеть особой короля Станислава, Миних приказал забросать и сжечь Данциг бомбами, но 19 июня магистрат снова изъявил покорность и с ним опять начались переговоры, в течение которых Миних, получив 20 июня доношение канцелярии главной артиллерии и фотификации, «что в онои канцелярии имеется ныне фергеров и криксрехтов, содержанных в Санкт-Петербурге, в Москве и в разных гарнизонах над артилерискими и инженерными служители, многое число, по которым де многие *колодники* содержатся без решения, а за неимением де обер-аудитора ревизовать тех криксрехтов некому, отчего де в решении тех криксрехтов учинилась остановка», 21 июня предписывал той же канцелярии: «для определения в артиллерию обер-аудитора, к тому способного и исправного, *сыскивать* неотложно, и в том возыметь онои канцелярии прилежное старание, дабы те криксрехты без решения долговременно не были и подлежащие по ним колодники более не содержались»* А переговоры под Данцигом шли своим чередом и кончились не ранее 26 июня, когда между Минихом и герцогом Саксен-Вейсенфельским, с одной, и данцигским магистратом, с другой стороны, была заключена капитуляция в 21-м пункте, которою город Данциг, между прочим, обязывался: по п. 1 — признать своим королем Августа III, по п. 4 — сдать весь свой гарнизон как военнопленный; по п. 8 — «из трех чинов города Гданска торжественную депута-

* Дела Артил. арх. Кн. № 102. Л. 172.

цию в двух персонах каждого чина, и таких, которых ея российско-императорское величество сама всемилостивейше назначит, в С.-Петербург как наискорее, отправить, *где сия депутация о должном прощении просить имеет*; насупротив чего оные чины надежны быть могут, что никто из них никаким образом оскорблен быть не имеет»; по п. 9 — за «употребленные на одну гданскую осаду сухим путем и водою превеликие иждивения», выплатить контрибуцию в миллион ефимков, из которых 300 тыс. представить не позже 3-недельного срока, а остальную сумму в течение года; по п. 10 — «понеже его высокографское сиятельство российско-императорский господин генерал-фельдмаршал городу Гданску объявил, что колокола, ибо в оные, во время осады, в противность всякому военному обыкновению, звонили, тем в опале, того ради помянутому городу, российско-императорскому генералитету, *артиллерному и инженерному корпусу* 30 тыс. червонных заплатить»; по п. 15 — за попущение короля Станислава к побегу, заплатить другой миллион ефимков штрафа, «которая сумма однакож городу упущена быть имеет, ежели он его (короля Станислава) от сего числа в четыре недели поставит»; по п. 17 — степень виновности города в бегстве короля доверить определению генерал-аудиторлейтенантов русского и польско-саксонского, причем «люди из того двора, где Станислав жил, к розыску приведены быть имеют»; по п. 18 — привлечь к тому же розыску всех крестьян, которые на нижней стороне города, где земля затоплена, в то время, когда Станислав *будто* ушел, были или еще пребывают»; наконец, по п. 20 — выдать всех дезертиров и пленников, «какого б чина и звания не были, купно с их ружьем, мундиром и барабанами» *безденежно*[*]. Обратив эту капитуляцию в трактат, от своего имени, с герцогом Иоганом-Адольфом Саксен-Вейсенфельским, «яко командующим генералом королевско-

[*] Полн. собр. законов. Т. IX. № 6596.

польских и курфиршеско-саксонских войск»*, Миних победителем вступил в Данциг, где предоставил полную свободу всем бывшим сторонникам Станислава, кроме примаса Потоцкого, воеводы гр. Понятовского и французского маркиза Монти, которые, и особенно последний, как главные виновники бедственного сопротивления Данцига оружию ее российско-императорского величества, объявлены военнопленными и препровождены в Торн** Что касается французов, еще 13 июня отправленных морем из Вейксельмюнде, они вместо нейтральной гавани, были доставлены прямо в Кронштадт, где начальнику их, бригадиру Ламотту-Перузу, декларациею от 5 июля, объявлено, что он и все его подчиненные не будут отпущены до тех пор, пока Франция не возвратит захваченный ею русский фрегат «Митаву» с 2 галиотами, всем экипажем и имуществом***

Так, к славе Миниха, покончилась с лишком 4-месячная осада Данцига, стоившая русским до 8 тыс. убитыми и ранеными, а Данцигу, кроме контрибуции, громадных издержек: один из современников свидетельствует, что в осажденный Данциг брошено всего от 4 до 5 тыс. бомб, будто бы не произведших действия, какого следовало ожидать****, «а в ведомости из прусского Кролевца (Кенигсберга) — отмечает другой современник — сказано, что во время осады с лишком 2780 домов разрушено артиллериею и всех убытков полагают на 50 миллионов»*****

По сдаче Данцига, оканчивавшей, собственно говоря, данное Миниху поручение,— Миних оставался при походных войсках еще около двух месяцев, в течение которых он, как покоритель Данцига, получил от Августа III шпагу и трость, осыпанные

---

* Дела Арх. Воен.-топогр. департамента. Шк. 201. 42756.

** Manstein. Mémoires etc. P. 108.

*** Дела Арх. Воен.-топогр. департамента. Шк. 201. № 42976.

**** Manstein. Mémoires etc.. P 108.

***** Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича (1716—1766). Изд. 1859. Ч. I. С. 429.

драгоценными каменьями*, как главнокомандующий и специалист военного дела, предначертывал план будущих действий русской армии в Польше, а как генерал-фельдцейхмейстер,— или повышал чинами артиллерийских служителей, «за бытие их при атаке города Гданска, где поступали в своих должностях весма порядочно и исправно»**, или причислял в русскую артиллерию бывших в службе Станислава Лещинского и полоненных под Данцигом «разных художеств людей», как то: слесарей 3, кузнецов 5, столяра 1, токарей 2*** Когда же все эти и подобные им распоряжения были сделаны, Миних спешил уехать в Петербург, где, по свидетельству его биографов, завистники всячески старались очернить фельдмаршала в глазах императрицы**** и, с этой целью, «говорили о реках крови, пролитых при неудачном нападении на Гагельсберг, о легкомыслии Миниха, погубившем тысячи отборных воинов»***** и проч. Но прибытие ко двору самого Миниха, увенчанного свежими лаврами, положило предел наветам его завистников, тем более несвоевременным, что война с Турциею, тогда еще не объявленная, но уже предрешенная петербургским кабинетом, указывала в Минихе военачальника, особенно необходимого русскому правительству. И торжествующий Миних, втайне готовясь играть роль, им еще не игранную, невозмутимо продолжал вращаться в кругу своих многосторонних обязанностей, из которых генерал-фельдцейхмейстерская не замедлила выразиться личными распоряжениями Миниха: 4 ноября — об отпуске адмиралтейству в

---

* Бантыш-Каменский. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. I. С. 186.

** Дела Артил. арх. Кн. № 102. Л. 181.

*** Там же. Л. 222. Об этих людях Миних, 19 декабря, писал в канцелярию главной артиллерии, что некоторые из них «ходят по миру», хотя им даются жалованье с провиантом, и таким приказывал «учинить наказание», а их ближайшему командиру «объявить репреманд». Там же. Л. 320.

**** Büsching's Magazin. III. 414; Mansteit. Mémoires etc. P. 112.

***** Галем. Жизнь графа Миниха. Ч. I. С. 80—81.

Петербурге предназначенных к переливке медных пушек, всего 3985 пуд. 25 ф., с принятием от адмиралтейства в Павловске такого же количества металла, «для общего государству интереса»*; 6 ноября — о выдаче артиллерийским офицерам 1-го и 2-го томов, переведенного самим Минихом и напечатанного при Академии наук французского сочинения Сен-Реми: *Мемории или записки артиллерийския*, с тем, чтобы остальные экземпляры были продаваемы «охочим людям»**; и 15 ноября — о таком решении дела одной вдовы пушечного мастера, просившей вспомоществования, «чтоб оная вдова впредь жалобы не произносила»*** Когда же была высочайше опробована представленная Минихом, в качестве президента Военной коллегии, «Генералная о армии на 1735 год репортиция», которою повелевалось назначенные к главной армии полки — драгунских 21, пехотных 32, ландмилицких конных 10 и пеших 4 — «укомплектовать и всем снабдить» к 1 февраля 1735 г., Миних, как генерал-фельдцейхмейстер, 29 ноября, предписал канцелярии главной артиллерии и фортификации «иметь прилежное старание, дабы оные полки пушками, патронными ящиками, добрым оружием, порохом и свинцом к наличному в добавку и с прибавочными людми, артиллерискими служители и протчим принадлежащим, что зависит от артилерии, снабдены и удоволствованы были к назначенному термину неотложно»**** Но и среди всех этих распоряжений, не забывая по-прежнему рачить о внешнем порядке артиллерийской части даже за глазами, Миних, 18 февраля, предписал канцелярии главной артиллерии и фортификации: «1) Из росийских внутренных городов, пригородков и острогов, в которых артиллерии содержания имеет быть, медные пушки, марти-

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 102. Л. 238.

** Там же. Л. 246.

*** Там же. Л. 256.

**** Там же. Л. 264. Понтоны предписывалось перевезти в Киев секретно.

ры, дробовики, фалконеты перевести поблизости в те городы, где какия надлежит быть, а осталные, собрав, привесть все в Москву; 2) чугунныя пушки, мартиры, свинец, порох и другои к артиллерии принадлежащеи, снаряд и ружье, что еще годно, перевесть, отколь куда способно, в гарнизоны и городы ж, которыя надлежит содержать, и сообщить со артиллериею, которая в тех гарнизонах имеется; 3) чугунныя ж негодныя пушки и мартиры оставить и быть (им) в тех же местах, а протчия ж разных званей припасы, которыя не толко в починку, но и вовсе негодны, ис тех городов не перевозить, ибо оныя того не стоят, что на перевоз их потребно; и для того велеть тех городов воеводам и другим управителем оценить и, против оценки, охочим людем продать с наддачею и, по продаже, денги прислать во артиллерию; кои ж в оценку и в продажу негодны будут и никто их не купит, те вывесть за город и бросить или сжечь; 4) хотя сибирской губернии [кроме городов, которые в содержании имеют быть] в других многих городках и слободах по несколко пушек и припасов имеется, а содержать их по штатам неназначено, однакож для незванных набегов татарских, из них пушек и припасов, по мнению онои канцелярии, не вывозить, понеже де онои татарскои народ, которые (sic) в той губернии набеги чинят, страх имеют и на такия места, где слышат, что пушки есть, не так набегают; и такой ради безопасности, в тех острогах и слободах имеющия пушки чугунные и припасы и снабдение того должно возложить на губернатора той губернии и на воевод, и содержать их, как оные доныне там содержутся»* Наконец, Миних, как генерал-фельдцейхмейстер, 19 декабря, принял изустный указ императрицы о перелитии имеющихся при артиллерии колоколов в пушки и мортиры, с повелением, чтоб впредь в ведомстве артиллерийском «ни единого колокола не было»**; 21 декабря

* Дела Артил. арх. Л. 333.

** Там же. Л. 314.

приказал канцелярии главной артиллерии и фортификации, перед каждой указной иллюминацией, отпускать в кадетский корпус двух знающих людей и недостающее число фонариков*; 28 декабря передал той же канцелярии придворного конюшенного ведомства о покупке для полевой артиллерии лошадей с императорских заводов**,— и этим почти заключил свою фельдцейхмейстерскую деятельность, которая в наступившем 1735 г. успела выразиться только указными огненными потехами в дни 1 и 28 января. Призванный затем, согласно собственным желаниям и происках, к главноначальствованию русскими войсками в Польше, Миних, 20 февраля, с многочисленною свитой выехал из Петербурга в Варшаву***, а 28 марта — уже получил себе преемника по званию генерал-фельдцейхмейстера в лице принца Гессен-Гомбургского****

Само собою разумеется, что с назначением принца Гессен-Гомбургского, деятельность гр. Миниха, как генерал-фельдцейхмейстера, прекратилась — и настоящий очерк, посвященный главным образом указанию хода именно этой деятельности, неизвестной ни одному из биографов-панегиристов знаменитого фельдмаршала, вышел бы из пределов своей задачи, если б в нем так же подробно излагались события, случившиеся с Минихом после его фельдцейхмейстерства, как и те, влияние которых, так или иначе напечатлеваясь в самом Минихе, долженствовало так или иначе отражаться и на его фельдцейхмейстерской деятельности. Поэтому настоящий очерк, проследив шаг за шагом обстоятельства жизни и службы гр. Миниха до его фельдцейхмейстерства и одновременно с последним, только вкратце, единственно для внутренней связи и некоторой полноты изложения,

---

* Дела Артил. арх. Л. 324.

** Там же. Л. 331.

*** С.-Петерб. ведом. 1735. № 15.

**** Дела Артил. арх. Кн. № 104. Л. 19.

упоминает о дальнейших явлениях исторической карьеры 4-го генерал-фельдцейхмейстера, самая общеизвестность которой делает Миниха лицом, популярным не в одной России.

Эта карьера, упроченная, в главном отношении, взятием Данцига, не помрачалась, в том же отношении, и на поприще главнокомандования русскими войсками из-за стен Варшавы*, откуда Миних уже 10 апреля 1735 г., между прочим, доносил императрице, что «ныне неприятели в Польше совершенно покорены, партии станиславские разсеяны и спокойствие возстановлено»** Но на этом же поприще Миних сумел упрочить за собою и славу военачальника-администратора жестокого, славу, официально признанную за Минихом самою императрицею, которая, в высочайшем Указе от 29 августа 1735 г., принцу Гессен-Гомбургскому, преемнику Миниха и по званию главнокомандующего русскими войсками в Польше, между прочим, прямо говорила: «от нашего генерала-фелтьмаршала графа фон Миниха, перед отъездом его из Варшавы, для войска нашего такая репортиция контрибуциям учинена, которая к жестоким жалобам и тягостям правдивую основанную причину подает»*** Что касается Минихова отъезда из Варшавы, он последовал в силу высочайшего распоряжения от 23 июня, которым Миниху повелевалось, оставив в Польше при генерал-фельдцейхмейстере принце Гессен-Гомбургском 40 тыс. войска, самому спешить в Киев, откуда с 60 тыс. армией начать экспедицию к Азову, так как разрыв с Турцией был уже объявлен**** Получив 3 августа, в день именин Августа III, орден Белого Орла*****, Миних 9 августа выехал из Варшавы и, с дороги на Украину, самонадеянно

---

* Находясь в Варшаве, Миних занимал палаццо воеводы Мазовецкого (С.-Петерб. ведом. 1735. № 24).

** Дела Арх. Воен.-топогр. деп. Кн. № 32576. Л. 45.

*** Дела Артил. арх. Кн. № 104. Л. 45.

**** Дела Арх. Воен.-топогр. деп. Кн. № 32576. Л. 55.

***** С.-Петерб. ведом. 1735. Л. 65.

писал к Остерману о своих намерениях: 10 октября кончить выгрузку артиллерии под Азовом, к 25 октября начать «циркумвалационные линии» вокруг Азова и к 15 ноября взять Азов, несмотря на то, что тамошний 10-тысячный гарнизон усилился прибытием 2 тыс. спагов и 800 янычар* Но намерения Миниха, по крайней мере в 1735 г., не осуществились: известно, что 22-тысячный отряд, посланный к Азову с ген.-лейт. Леонтьевым, пройдя $^2/_3$ пути, возвратился от Конских Вод «за проливными дождями и умножением больных», вследствие чего Миних, в донесении своем императрице, предлагал: «по сей неудаче, разгласить, что россияне с тем только в Крым вступили, чтобы избавить запорожское войско от набегов ногайских татар, заставив движением своим крымского хана оставить Персию»** В ожидании, какой эффект произведет эта политическая утка, Миних собрался переехать из Полтавы в крепость Св. Анны, чтобы, как доносил он, обозревать все «своими глазами», но, по вестям о набегах мстительных татар под самый Бахмут, явился в Изюм, здесь 14 февраля 1736 г. держал военный совет и отсюда, 28 февраля, выехал в крепость Св. Анны, «дабы самому осмотреть все приготовления к азовской блокаде и учредить порядок оной»*** Из-под Азова, блокада которого была поручена генералу Левашову****, Миних возвратился в крепость Св. Анны и тут, в апреле, заболел сильною лихорадкою, но «едва свобождение получа, пишет сам он в доношении своем императрице, с охотою в крымский поход вступил, где, за приключившеюся болезнию, отнятием левого бока, почти чрез всю кампанию

---

* Дела Арх. Воен.-топогр. деп. Кн. № 32576. Л. 57.

** Там же. Л. 59.

*** Там же. Л. 4.

**** Левашов блокировал Азов с 26 марта по 4 мая, когда к блокадному корпусу прибыл с Рейна фельдмаршал Ласси, который, изменив, блокаду в осаду, принудил Азов к сдаче 20 июня.

с лошади меня снимать принуждены были»* Со всем тем, вступив в Крым, Миних взял приступом Перекоп (1 июля), занял Козлов (Евпаторию) и Бахчисарай, выжег Ахмечеть (Симферополь), вошел в Кинбурн, но, задержанный здесь недостатком воды и невыносимыми жарами, возвратился к Перекопу, взорвал его укрепления и стал на зимние квартиры в Украине. Первая кампания была кончена, половины армии не существовало, фельдмаршал получил богатые поместья в Украине и Лифляндии, но тою же осенью просил об увольнении от службы и на отказ императрицы с замечанием, что де «в других государствах того не слыхано, чтоб главный командир войск, во время войны и когда вятщия службы от него ожидаются, увольнен был», Миних, 9 ноября, отвечал указанием подобных случаев в новейшие времена,— как то: с гр. Монтекукули, гр. Шуленбургом, гр. Кенигсеком — и даже приводил следующий пример из древней истории: «Наидостопамятная виктория, которую греки над персиянами получили, приписывается благоразумному воздержанию генерала Аристидес в том, что он товарищу своему Мильтиадию команду уступил, которая им с некоторыми персонами обще поручена была, чрез что войска персидского до шести сот тысяч человек совершенно побито, и Греция от такого сильного неприятеля свободилась»** Впрочем, Миних, и на этот раз оставшись в службе, с наступлением 1737 г. предпринял второй поход, который ознаменовался взятием Очакова (2 июля) и сдачею Хотина. Третий, произведенный в 1738 г. к р. Днестру, не ознаменовался ничем, кроме передвижения армии по безводным степям, с чрезвычайною потерею людей от чумы, распространившейся и свирепствовавшей тогда на всем театре войны, однако не допущенной Минихом в Малороссию. Четвертый и последний

* Чтения в Об-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. 1862. Кн. 4. Смесь. С. 16.

** Там же. С. 16—17.

поход Миниха в 1739 г., громкий дешевою победою фельдмаршала над турками на полях ставучинских, сопровождался движением русской армии за Дунай, в Молдавию, и был неожиданно прерван Белградским миром союзных России австрийцев с турками, к которому, 7 сентября 1739 г., приступил и петербургский кабинет. В день мирного торжества, 14 февраля 1740 г., Миних сделан подполковником Преображенского полка, получил бриллиантовые знаки андреевского ордена, такую же шпагу и пенсию на службе в 5 тыс. руб. — Так кончились знаменитые турецкие походы Миниха, порожденные дворскими интригами, покрывшие русское оружие лаврами, стяжавшие русскому фельдмаршалу славу лучшего полководца в Европе, но существенно бесполезные для самой России, напрасно потратившей на них массы народа, денег и сил*. Когда же впечатление мирного торжества в Петербурге сменилось другими, сначала — известной распри Волынского с герцогом Бироном, а потом — пристрастного следствия и беззаконного суда над несчастным кабинет-министром, Миних, быть может, мстя Волынскому за его письма из-под Данцига, явился сторонником герцога, как это видно из того обстоятельства, что погибавший Волынский «тщетно обращался к фельдмаршалу Миниху», в надежде на его заступление у герцога** Затем, вынужденный обстоятельствами согласиться на устроенное придворными немцами регентство Бирона, Миних, 17 октября, в числе первейших сановников двора, стоял у постели умирающей императрицы, тут выслушал обращенные именно к нему последние слова Анны: «Прощай, фельдмаршал!», на другой же день присягнул младенцу императору Ивану V Антоновичу и регенту Бирону, смирно вел себя целые три не-

* Подробности турецких походов 1735—1740 гг., относящиеся к артиллерии, будут приведены в биографическом очерке 5-го генерал-фельдцейхмейстера, принца Гессен-Гомбургского.

** «Записка об Артемии Волынском» //Чтения в Об-ве истории и древностей рос. и проч. 1858. Кн. II. С. 141.

дели. 8 ноября дружелюбно отобедал у регента, где семейство его осталось и ужинать, но в ту же ночь пришел с преображенскими гренадерами к своему вчерашнему амфитриону, разбудил его, арестовал, привез в своей карете в Зимний дворец — и регентство окончилось. Новая правительница, мать императора, Анна Леопольдовна, 9 ноября объявила фельдмаршала Миниха первым министром, а 10 ноября пожаловала ему 100 тыс. руб., серебряной сервиз и вартенбергское поместье Бирона в Шлезии, купленное герцогом на деньги из данцигской контрибуции*. Никогда не был Миних в такой силе, как теперь, но это весьма не нравилось как Остерману, некогда другу, потом врагу Миниха, так и мужу правительницы, принцу Антону-Ульриху Брауншвейг-Беверн-Люненбургскому, генералиссимусу без права распоряжаться войсками, которое оставалось в руках фельдмаршала, он же первый министр. Правительственное недоразумение о том, Пруссии или Австрии, воевавшим между собою, следует оказать помощь, просимую обеими державами, еще более раздуло вражду вельмож, интриговавших при дворе правительницы. Остерман, в противность договора, уже заключенного с Пруссией, стоял за Австрию, а Миних, недовольный Белградским миром,— за Пруссию, король которой, Фридрих II, осыпая фельдмаршала и его семейство всевозможными любезностями, назначил Винтерфельда, зятя Миниховой жены, своим посланником к петербургскому двору** Это последнее обстоятельство дало повод интригам петербургского двора ославить голос Миниха за Пруссию пристрастным — и раздосадованный фельдмаршал, желая казаться обиженным, подал в отставку, которую, против своего ожидания, действительно получил 6 марта 1741 г., с пожизненной пенсией в 15 тыс. руб. Жестоко обманутый, таким образом, собственным мечтательным убежде-

* Царствование Анны Ивановны //Рус. арх. 1866. № 1. С. 28.
** Büscbing's Magazin. III. 503.

нием в своей необходимости России и ее правительству, Миних с тайным сожалением покинул министерское поприще и, как думают, должен был еще оставаться за это благодарным, потому что без заступничества родственной ему Юлианы Менгден, фаворитки правительницы, мог очень легко попасть в Сибирь — так были сильны внушения, поселенные в правительнице к невыгоде Миниха. Впрочем, почетная отставка в петербургской среде тоже не приходилась по сердцу честолюбивому фельдмаршалу, и он задумал окончательно оставить Россию, тем более что, по повелению прусского короля, все уже было готово к принятию Миниха в Кенигсберге. Но фельдмаршал не успел выехать из Петербурга до нового переворота, с которым в ночь на 25 ноября 1741 г., ознаменованную воцарением Елизаветы Петровны, он прямо с постели взят под арест и, потом, предан суду. Обвиненный в неслыханных жестокостях, как полководец, и в государственной измене, как министр*, Миних вместе с Остерманом, Левенвольдом, Головкиным и другими товарищами своего несчастья, 17 января 1742 г., был выведен на Сенатскую площадь, тут, в виду эшафота, щеголяя между всеми арестантами красным плащом и гладко выбритою бородою, он выслушал себе приговор и, вместо четвертования, в тот же день повезен на вечное житье в Пелым, куда добровольно последовала за ним его жена и один из верных друзей — пастор Мартенс. Приказание садиться в кибитку и ехать в ссылку Миних принял не просто, но с некоторою обстановкою, о чем кн. Я. П. Шаховский, обязанный отправкою из Петербурга всех вельмож-арестантов и «в смятенных размышлениях» пришедший с тем же к Миниху, добродушно повествует следующее: «как только в оную

* Исторические документы 1742 г: 1) экстракт из допросов бывшего фельдмаршала гр. Миниха. 2) Допрос бывшего фельдмаршала гр. Миниха 1 января 1742 г. на секретные пункты //Рус. арх. 1864. Изд. 2-е (1866). С. 235—262.

(Миниха) казарму двери передо мною отворены были, то он (Миних), стоя тогда у другой стены возле окна, ко входу спиною, в тот миг, поворотясь в смелом виде, с такими быстро растворенными глазами, с какими я его имел случай неоднократно в опасных с неприятелем сражениях порохом окуриваемого видеть, шел ко мне навстречу и, приближаясь, смело смотря на меня, ожидал, что я начну... Я сколько возмог, не переменяя своего вида, все подлежащее ему в пристойном виде объявил и довольно приметил, что он более досаду, нежели печаль и страх, на лице своем являл. По окончании моих слов, в набожном виде подняв руки и возведя взор свой к небу, громко сказал он: *Боже, благослови ея величество и государствование ея*»* В Пелыме бывший фельдмаршал, получая с женою по 2 руб. на день, обрабатывал свой огород, чертил фортификационные планы, сочинял различные проекты и, между прочим, изгнание турок из Европы, пугал донесениями и держал в страхе местные власти, желающих обучал грамоте, а состоявший при нем конвой — военной экзерциции, дважды в день слушал, со всеми служителями, чтение молитв пастора Мартенса, по смерти которого (1749) сам заступал его место; наконец, неутомимо писал и посылал к императрице иеремиады в таком вкусе: «N'entendez-Vous pas, très auguste Impératrice? Très gracieuse et très soigneuse Mère de la Patrie, n'entendez Vous pas? Tant de travaux, tant d'entreprises glorieuses de Pierre le Grand de glorieuse mémoire, Vous parlent à tout heure eu ma faveur, et s'écrient sans cesse: Pour quoy Elisabeth Petrowna? pour quoy n'ecoutez Vous pas Münnich? ce Münnich tant zélé pour la gloire de Pierre le Grand et si plein de désir à Vous marquer un coeur contri. C'est luy qui nous achèvera à faire Vos plaisirs, nous qui sommes à peine connûs de Vous, tant nous sommes cachéz; si nous solli-çitons pour Münnich,

* Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. Изд. 1810. Ч. I. С. 109—111.

nous solliçitons pour nous au nom de Pierre le Grand, jadis Père très chéri de Votre Majesté et du génie du quel nous sommes les productions et les marques glorieuses. B. de Münnich»* Так Миних прожил в Пелыме целые двадцать лет, до самой смерти императрицы Елизаветы, 25 декабря 1761 г. Император Петр III, вступив на престол, вызвал из ссылки все павшие величия предшествовавших царствований, а между ними Миниха, и, по всей дороге от Пелыма до Петербурга, местные чиновники добровольно спешили приветствовать различными почестями маститого полководца, навстречу которому за 20 в. от Петербурга выехали его дети и внуки. Указом 24 марта 1762 г. Петр III возвратил Миниху все чины, знаки отличий и подарил ему меблированный дом, а 9 июня наименовал фельдмаршала сибирским генерал-губернатором и главным директором Ладожского и Кронштадтского каналов с повелением присутствовать в Петербурге** Благодарный своему государю-избавителю, Миних был искренно предан Петру, беспрестанно являлся при дворе, встречаясь тут и с герцогом Бироном, тоже возвращенным из ссылки***, предлагал императору свои мнения, иногда прини-

* Перевод. «Внемлите ли, августейшая императрица? Всемилостивейшая и попечительнейшая мать отечества, внемлите ли? Столько трудов, столько славных предприятий славной памяти Петра Великого ежечасно свидетельствуют вам в мою пользу и непрестанно гласят: Зачем, Елизавета Петровна, зачем не слушаешь ты Миниха? Сего Миниха, столь ревностного к славе Петра Великого, столь желающего обнаружить пред тобою кающееся сердце? Он довершит нас, дабы доставить тебе удовольствие, нас, едва тебе известных: так мы от тебя скрыты. Прося о Минихе, мы просим за себя, во имя некогда возлюбленного родителя твоего величества, Петра Великого, коего гением мы произведены и о коем славно свидетельствуем! Б. де Миних» (Рус. арх. 1865. Изд. 2-е (1866). С. 365-378).

** Бантыш-Каменский. Ист. собр. списков кавалеров рос. орденов. С. 85.

*** Почти во всех жизнеописаниях Бирона и Миниха рассказывается, что имп. Петр III, желая примирить этих старых врагов, велел как-то подать себе и им по стакану вина, но в эту самую минуту был вызван в другую комнату и, возвратившись, нашел налитые стаканы нетронутыми, а старых врагов — не нашел вовсе.

мавшиеся холодно; состоял членом комиссии, учрежденной, под председательством самого императора, для разных улучшений, особенно по военной части; наконец, в исторический день, 28 июня 1762 г., находился при государе в Ораниенбауме, откуда сопровождал Петра в плавании к Кронштадту и обратно, а когда сам государь и все его приближенные потеряли голову, вызывался, на старости лет, стать во главе голштинского отряда и мужественно встретить петербургские полки, уже шедшие к Ораниенбауму, под личным предводительством самой государыни... По смерти Петра III, последовавшей 6 июля того же 1762 г., маститый сокрушитель турок и татар бестрепетно предстал торжествующей императрице. «Вы хотели сражаться со мною, фельдмаршал?»— любезно сказала Екатерина Миниху. «Я отдавал жизнь моему избавителю, теперь его нет, и я полагаю ее к вашим ногам»,— находчиво отвечал куртизан-старец*. Екатерина оставила заслуженного полководца главным директором каналов, присоединив к этому и главное директорство над гаванями ревельскою, нарвскою, рогервикскою (Балтийского порта), и Миних неусыпно трудился над вверенною ему частью еще четыре года, в течение которых он, пользуясь особенным расположением Екатерины, беспрерывно переписывался с императрицею, входил без доклада в ее кабинет, наконец, был избран государыней в главные судьи великолепного петербургского каруселя** и, спустя ровно четыре месяца после этого праздника, умер, 16 октября 1766 г., в Петербурге на 84-м году жизни, а погребен в своем поместье Лунии близ Дерпта.

---

* Галем. Жизнь графа Миниха. Ч. II. С. 40.

** Церемониальный камер-фурьерский журнал 1766 г.— Тут приведена речь, сказанная при этом случае главным судьею участникам каруселя — речь, в которой Миних, любезно обращаясь к фрейлине гр. Нат. Петр. Чернышевой, получившей из его рук первый приз (бриллиантовую «тресилу» — от tresse, тесьма), именовал себя «древним солдатом и старшим в Европе фельдмаршалом».

Фельдмаршал гр. Миних был роста высокого, собою статен; наружности весьма красивой; глаза его и все черты лица показывали остроумие, неустрашимость и твердость характера; «голос и осанка являли в нем героя», говорит один из русских жизнеописателей Миниха*, а леди Рондо, знавшая фельдмаршала лично, в 1730 г., т. е. когда ему было под 60 лет, свидетельствует, что «его движения благородны и приятны: он очень хорошо танцует и, по своим приемам, кажется больше молодым человеком, нежели стариком, а при дворе считается одним из самых услужливых кавалеров и более всех внимателен к дамам»; «находясь в кругу нашего пола, продолжает леди Рондо, он вдруг притворяется веселым и нежным, что, без сомнения, не может никому нравиться — это чистое притворство... Надобно сходить в поход с этим полководцем, обращающим в бегство тысячи и десятки тысяч неприятелей, чтобы видеть всю странность, когда этот же самый человек, послушный звукам голоса какой-нибудь дамы, подходит к ней с умирающим взором, вдруг схватывает у ней руку и в восторге осыпает поцелуями; но каково должно быть удивление, когда вы узнаете, что такие приемы он почитает необходимыми в обращении со всякою женщиною»** Так отзывается о Минихе современница, а вот как характеризует его современник же, дюк де Лириа, человек весьма правдивый и знавший Фельдмаршала хорошо: «граф Миних, немец, служил генералом от артиллерии; он очень хорошо знал всякое дело и был отличным инженером, но самолюбив до чрезвычайности, весьма тщеславен***, а честолюбие его выходило из пределов; он был лжив, двоедушен, казался каждому другом, а на деле не был ничьим:

---

* Бантыш-Каменский. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. I. С. 200.

** Письма леди Рондо. С. 73—74.

*** Миних был до того тщеславен, что даже на наружных стенах своего петербургского дома велел изобразить турок в оковах, знамена и проч.

внимателен и вежлив с посторонними, он был несносен в обращении со своими подчиненными»* Другой современник, Лефорт, саксонский посланник в Петербурге, еще в 1732 г. сообщал своему двору, что «с тех пор как Миних поднялся, его нельзя узнать: снисходительность его заменилась гордым обращением; утверждают также, что он хорошо умеет заботиться о своих выгодах**, хотя и не таким грязным образом, как его жена***; с офицерами он обращается сурово и сажает их под арест за самые ничтожные мелочи»**** Третий современник, гр. Альгаротти, относится о Минихе не лучше двух первых. «Миних,— говорит он,— купается в крови; солдаты его более боятся, нежели любят; он слишком предприимчив, не уважая предосторожностей, предписываемых благоразумным сомнением»***** Но надо отдать справедливость Миниху, что, жадный преимущественно к своей личной славе, а затем к прибытку, он был чрезвычайно трудолюбив, не знал усталости, мало спал, любил порядок и, подвизаясь на разнообразных поприщах государственной деятельности, всюду являлся одним из даровитейших и дельнейших чужеземцев, каких когда-нибудь принимала к себе Россия. Военные таланты Миниха не

---

*Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при имп. российском дворе в звании посла короля испанского, 1727—1730 гг. /пер. с фр. Д. Языкова. Изд. 1845. С. 125.

** 3 июня 1732 г. Лефорт писал в Дрезден о Минихе: On compte 60 mille roubles, qu'il a tiré depuis l'espace d'une année, 30 du canal, 16 de sa maison et 10 de son équipage, sans los gages qui vont haut. L'artillerie et les ingénieurs seuls se montaient a 11 mille. La nation, les trouppes, marchands, bourgeois tous crient crucifie». (Перевод: считают что Миних, в течение одного года, получил до 60 тыс.— 30 с канала, 16 из своего дома и 10 на разъезды — кроме жалованья, вообще высокого, так что артиллерийская и инженерная части одни дают 11 тыс. Народ, войско, купцы, граждане — все вопиет).

*** 13 мая 1732 г. тот же Лефорт писал в Дрезден о жене Миниха: «On appelle sa femme dame venale, aussy à;ce que l'on prétend, ne fait elle que gripper et mettre à contribution». (Перевод: «жену его называют продажной барыней, потому что, как говорят все, она только и знает взяточничать да брать поборы»).

**** Царствование Анны Ивановны //Рус. арх. 1866. № 1. Л. 23.

***** Письма леди Рондо. С. 73.

подлежат сомнению. Фридрих II называл Миниха «российским Евгением», а настоящий Евгений весьма благоволил к Миниху и любезно с ним переписывался*. Русская военная история всегда будет иметь в Минихе одно из своих украшений, хотя он, как тактик, лишил русскую армию прежней подвижности — введением собственно боевого порядка, по которому вся пехота строилась в один продолговатый каре, прикрывавшийся рогатками; кавалерия помещалась в средине, а артиллерия по углам фасов. Нельзя также признавать безусловною истиною громкую фразу Шлоссера, будто «Миних умел внушить новообразованному им русскому войску самоуверенность и чувство превосходства над врагом, единственные основы всякой победы»**,— нельзя потому, что это значило бы унижать достоинство заслуги русскому военному делу его истинного творца, Петра I, в царствование которого, при 20-летней войне со шведами, питомцами военной школы Густава-Адольфа и сотоварищами ратных подвигов Карла XII, русское войско уже в достаточной степени имело качества, приписываемые Шлоссером внушениям Миниха. Имея под рукою исключительно творения биографов-панегиристов Миниха и незнакомый с подлинными свидетельствами русских архивов, Шлоссер, при всей своей добросовестности и достоинствах едва ли не первого из современных исторических писателей, естественно должен был составить о Минихе понятие несколько пристрастное и разуметь его деятельность не совсем верно, что́ и видно в другом месте «Истории» Шлоссера, где автор, вынужденный очеркнуть состояние России по воцарении Анны, говорит: «истинным правителем России сделался теперь любимец Анны, Бирон, с титлом императорского обер-камергера. Но

* Büsching's Magazin. III. 406. Тут приведено французское письмо Евгения к Миниху, от 18 апреля 1732 г., из Праги, исполненное одобрительных комплиментов, введенным тогда, по предложению Миниха, новым штатам русской армии.

** Шлоссер. История восемнадцатого столетия и проч. Т. II. С. 33.

за этим бездарным и грубым фаворитом стоял человек безмерного честолюбия, а с тем вместе и великих дарований, генерал Миних. Он скоро сделался *генералиссимусом* (?) и *членом кабинета* (?). Миних *совершенно пересоздал русскую армию* (?), превосходно устроил военную часть и *военные школы* (?), как техник руководил построением каналов и дорог, наконец, *направил* (?) военное могущество России против Польши, татар и турок, на счет которых была с беспощадными пожертвованиями *обучена воинскому делу* и *приготовлена к европейской войне* (?) новая армия»* Во всяком случае, этот отзыв лучшего европейского историка служит выражением мнения, сложившегося в Европе насчет деятельности и заслуг гр. Миниха, которые гораздо беспристрастнее изображает один из русских современников-очевидцев, говоря: «от того (Минихова) времени переменены в армии бой барабанной и екзерциция, и учинены, для смотрения в армеи экзерциции и всяких добрых порядков и чтоб военные служители надлежащее получали в свое время, инспекторы, из генералитета выбранные... и с сего времени в армии наилучшее завелось во всем исправление»**

Как генерал-фельдцейхмейстер, гр. Миних не ознаменовал своей деятельности ничем таким, что могло бы заслуженно увековечить его имя в истории русской артиллерии. Посильный очерк этой деятельности, представляемый настоящим трудом по источникам преимущественно архивным, следовательно, современным и достоверным, как кажется, не должен оставлять никакого сомнения в том, что Миних-фельдцейхмейстер стоял неизмеримо ниже Миниха-инженера, Миниха-полководца, даже Миниха-министра. Почти не смысля артиллерийского дела, Миних, конечно, не мог ни улучшать его своими лич-

* Шлоссер. Указ. соч. Т. I. С. 269-270.

** Записки Василия Александровича Нащокина. Изд. 1842. С. 36—37.

ными средствами, ни справедливо оценивать чужие в нем усовершенствования и, тем самым, бессознательно тормозил ход этого дела, по крайней мере, в России. Нельзя, однако же, сказать, чтоб Минихово фельдцейхмейстерствование обошлось без кое-каких, более или менее заметных изменений в существовавших до него артиллерийских порядках, хотя бы технических: 10 декабря 1734 г. генерал-фельдцейхмейстер гр. Миних утвердил и отослал к исполнению в Москву чертеж 12 ф. пушки по прусскому образцу, весившей 112 пуд., т. е. 33 пуд. тяжелее 12 ф. пушки петровской конструкции 1706 г., а еще ранее, он же, генерал-фельдцейхмейстер гр. Миних, увеличив вес «свейных»*, т. е. 8 ф. пушек, до 72 пуд., исправил недосмотр своего предместника Гинтера, при котором 8 ф. пушки отливались в 50 пуд. весом, тогда как на 6 ф. орудие полагалось 56 пуд. металла. Но, по справедливому замечанию г. Ратча, «все эти изменения делались без всяких оснований, без всяких опытов; всякий иностранный чертеж пользовался у нас полным доверием, и на русской артиллерии отразились все разнообразные воззрения иностранных артиллеристов того времени на правила конструкции орудий»** Что же касается артиллерийских воззрений самого Миниха, во-первых, на теорию артиллерийского дела,— о поверхности их можно судить по следующему образчику: заводя сухопутный кадетский корпус, Миних, *3 февраля 1733 г.*, определил туда инженер-капитана де Гоннона майором, но с тем, чтобы ему, де Гоннону, до изучения им артиллерийской науки, для преподавания последней кадетам, произво-

* «Свейными», т. е. шведскими, 8 ф. пушки назывались потому, что первые образчики этих орудий Петр отнял у шведов вместе с Митавою. Но, употребив «свейные» пушки единственно по необходимости в кампании 1711 г., Петр вовсе не думал вводить их в постоянный калибр русской артиллерии,— что, без всякого основания, сделал Гинтер.

** Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии полковником Ратчем в 1858 г. Чтение I //Артил. журн. 1860. № IV. С. 187.

дить оклад инженер-майора, а по изучении — оклад кадетского майора, несколько больший первого, вследствие чего де Гоннон не оставил своевременно донести, что он «изучил» артиллерию еще *к маю того же* 1733 г., преподавать же ее кадетам начал с 28 июля только потому, что кадетов «по сие время еще никого не было по науке достойных»,— и Миних, очевидно, в убеждении, что артиллерия может быть «изучена» преподавательски с февраля по май, велел производить де Гоннону желанный последним оклад с мая 1733 г.* Не глубже этого были воззрения Миниха и на практическую сторону артиллерийского дела, всю суть которой он полагал в строгом соблюдении внешнего вида и порядка, в правильном ведении артиллерийским управлением переписки с местами и лицами, в «неотменных мунстрованиях» артиллерийских служителей, наконец, в измышлении и представлении возможно блистательных фейерверков и иллюминаций. Все остальные артиллерийские частности — интересовали Миниха мало или не интересовали вовсе. В груде Миниховых предписаний, замечаний, указаний и распоряжений по артиллерии встречаем две-три бумаги темного содержания о литье, один или два отчета о результате практической стрельбы, столько же намеков вскользь о существовании артиллерийских лошадей,— и почти не находим данных о том, как строилась артиллерия на учениях, как действовала она в бою, чем собственно отличался артиллерийский полк от прочей артиллерии и т. п. Понятно, что при таком характере управления частью, часть эта процветать не могла, и русская артиллерия при Минихе, несмотря на груды бумаг, сочиняемых или подписываемых генерал-фельдцейхмейстером, поотстала во многих отношениях от той, какою она была при Брюсе. Но сам Миних, разумеется, ничего подобного не подозревал и, со свойственной ему энергией, фельдцейхмейстерствовал по крайнему своему

* Дела Артил. арх. Кн. № 92. Л. 349.

разумению, которое, в настоящем случае, ограничивалось преследованием мелочей в ущерб главной цели дела и выражалось суровым, нередко жестоким обращением с подчиненными. Так, получив от г. м. Витвера, командированного для разбора артиллерии в крепостях, представление, что такой разбор им уже сделан, и «известие» о том в артиллерийскую канцелярию представлено, следовательно, ехать ему вторично за тем же делом было бы лишнее, Миних, тем не менее, велел Витверу отправиться по назначению — сделанному, очевидно, ошибкою — вторично, «ибо — резко приписывал генерал-фельдцейхмейстер — ежели б от вас такое известие имелось, то б и посылать не для чего»* У обер-цейхвахтера Опочинина, представившего фурлейтов на смотр «весьма в нечистоте и некоторых в лаптях», Миних велел удержать жалованье за 2 месяца**, а у артиллерийского архитектора Шумахера, за неподачу рапортов о ходе стройки московского цейхгауза,— вычесть месячное*** Капитана над мастеровыми Ладыгина, который заочно в доме своего родственника поносил фельдмаршала кн. Трубецкого, искательный Миних предал суду**** Но все эти меры, вполне приличные и духу того времени, и немецким стремлениям импровизированного генерал-фельдцейхмейстера, нисколько не подвигали вперед русского артиллерийского дела, способнейшие представители которого, при Минихе, держали себя нисколько не лучше самых неспособных. Так, полковник Беренс, не поладив с царевичем Бакаром, положительно объявил его светлости, «что он ево, яко командующего, слушать не будет», и за это предан суду*****, а подполковник Фукс открыто посылал своего денщика «красть государев лес и дикий камень», за

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 87. Л. 378.

** Там же. Кн. № 91. Л. 52.

*** Там же. Л. 332.

**** Там же. Л. 206.

***** Там же. Кн. № 102. Л. 191.

что, по суду же, разжалован в капитаны*. Образованнейшие из нижних артиллерийских чинов при Минихе же, в свою очередь, едва ли могли рассчитывать на благополучное достижение чинов высших,— как можно догадываться о том по следующим, взятым на выдержку, отметкам в одном артиллерийском списке, представленном генерал-фельдцейхмейстеру Миниху: «Писари. *Михаило Шишлаков* — пушкарской сын; часть арифметики знает; токмо шумен во время куража бывает. *Игнатей Толкачев* — из шляхетства; арифметики часть знает; токмо мот. *Михаило Малцов* — пушкарский сын; грамоте и по-латыни знает, токмо вор и пьяница»** Самые забавы артиллерийских офицеров времен Миниха отзывались временами гораздо древнейшими, что видно, например, из дела штык-юнкера Кальта, который был отдан под суд по челобитью копииста Егоцкого «в том, что он, Калт, когда девка его, Егоцкова, гнала из стада корову домой, которая стелна, и в то время оной Калт играл на улице городками, и разбежався, на ту корову сел и разломил еи спину, и во брани помянутой девки... и в битье ево, копеиста»*** Если же ввиду подобных нравов, Минихова суровость с подчиненными ему артиллеристами могла быть уместна и извинительна, то все другие отношения 4-го генерал-фельдцейхмейстера к русскому артиллерийскому делу были и остаются не заслуживающими того уважения, какое по праву принадлежит всей не артиллерийской деятельности Миниха, повторяем еще раз — одного из даровитейших и полезнейших чужеземцев, когда-либо служивших России.

М. Д. Хмыров.

---

* Дела Артил. арх. Кн. № 91. Л. 292.

** Там же. Кн. № 80. Л. 509.

*** Там же. Кн. № 98. Л. 72.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И СТАТЕЙ, В КОТОРЫХ НАХОДЯТСЯ СВЕДЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ ГРАФА МИНИХА

Accurate Nahricht fon der Russish und Sähsishen Belager und Bombardirung der Stadt Dantzig. Köln, 1735.

Algarotti comte. Lettres sur la Russie. Traduites de l'italien. Londres, 1769.

Blum C. Ludw. Ein russischer Staatsmann. Leipzig und Heidelberg. 4 Thl. 1857—1858.

Büsching Ant. Magazin für die neue Historie und Geographie. Hamburg. 18 Thl. 1768—1783. В т. 3 напечатано «Lebensgeschihte Munnichs», а в т. 9 записка Бирона под заглавием «Motifs de la disgrace d'Ernst-Jean Biron, duc de Courlande» и ответ на нее «Antwort auf diese Motifs etc.», приписываемый одними родственнику, а другими сыну Миниха. Записка Бирона была переведена и напечатана покойным М. Д. Хмыровым в журнале «Время» 1861 г. № 12, и вошла в его «Исторические статьи», изданные в 1873 г. книгопродавцем Печаткиным.

Eck W. H. Alss, J. E. Graff B. C. f. Münnich nach glücklih geendigter Belagerung der Staat Dantzig etc. Langfohr, 1734. (Стихотворение).

Frédéric le Grand. Oeuvre primitive. (Histoire de mon temps.) Amsterdam, 1790.

Halem, Gerh. Ant. Lebensbeschreibung des russich-kaiserlichen General-Feldmarschalls B. G. Grafen f. Munnicli. Oldenburg, 1803. Сочинение это первоначально было напечатано в ежемесячном издании Вольтмана «Geschihte und Politik». 1800. № 1—4, а в следующих двух книжках напечатаны поправки, сделанные к нему зятем Миниха, саксонским камергером графом Сольмсом. Книга Галема была переведена, с некоторыми пропусками, на русский

язык В. Тимковским, под заглавием «Жизнь графа Миниха императорского российского генерал-фельдмаршала». 2 части. М., 1806.

Harcksen. Zum Andenken S. Erl. des den 16 Oct. 1767 abgeschiedenen Grafen B. C. f. Münnich. Lubeck, 1767.

Hempel Crist. Leben, Thaten und betrübter Fall des russichen Grafens B. C. f. Münnich. Braunschweig und Leipzig, 1742. Idem. (2-е и 3-е изд.). Bremen, 1742 и 1743. Об этом сочинении см. напечатанные кн. М. А. Оболенским в № 7 «Библиографических записок». 1861 г. «Материалы для русского индекса».

Hermann Aug. Ludw. Beiträge zur Geschihte des Russ. Reichs. Leipzig, 1848.

Hermann Aug. Ludw. Geschihte des Russischen Staats. 4 Thl. Hamburg, 1849. 4-й т. заключает в себе, между прочим, царствование Анны Ивановны, регентство Бирона и правление принцессы Анны Леопольдовны. Отрывки из этого тома были переведены в «Русском архиве» 1866 г.

Heute mir, Morgen dir, oder Gespräche in dem Königreich Sibirien zwischen dem Grafen B. C. f. Münnich und dem Grafen Gust. f. Biron. Worinn beyder berühmten Generale Leben und Thaten erzehlet werden. Tobolsk, 1742.

Keralio. Histoire de la guerre des russes et des imperiaux contre les turcs en 1736—1739. 3 vlms. Paris, 1780.

La cour de Russie, il y a cent ans; 1725—1783. 3-e ed. Berlin, 1860.

Manstein. Memoires sur la Russie. 2 vlms. Paris, 1860. Примечания на записки Манштейна, приписываемые г. Щебальским графу Миниху-сыну, а г. Куником — графу И. А. Остерману, напечатаны в «Отечественных записках», изд. Свиньина: 1825. Ч. 21, 22 и 23.— 1826. Ч. 25.— 1828. Ч. 35 и 36.— 1829. Ч. 38 и 39.

Rulhière. Histoire, ou anecdotes sur la revolution de Russie en 1762. Paris, 1797.

Архив князя Воронцова. 6 ч. М., 1870—1873. В ч. 2 напечатаны: «Предложения, прошения и письма фельдмаршала графа Миниха».

Биографии российских генерал-фельдмаршалов. Бантыша-Каменского. 4 ч. СПб., 1840—1841. Биография Миниха помещена в 1-й части.

Военная история походов россиян в XVIII столетии Бутурлина. 4 ч. СПб., 1823. В 4-м т. находится описание польской войны 1733—1735 гг.

«**Временник**» и «**Чтения**» в Имп. о-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те. 1859. Кн. 19. Копия с реляции от генерал-фельдмаршала графа фон Миниха из Хотина от 20 августа 1739 г. о разбитии турок и взятии Хотина.— 1862. Кн. 1. Дело о курляндском герцоге Эрнсте-Иоанне Бироне.— 1862. Кн. 4. Рапорт Миниха о кадетском корпусе, 7 января 1736 г. Письмо графа Миниха к императрице Анне Ивановне 9 ноября, 1736 г.— 1863. Кн. 4. Письмо графа Миниха к князю Лобковичу, генералу австрийскому, на случай заключенного в 1739 г. между цесарцами и турками мира, писанное 22 сентября 1739 г.—1867. Кн. 3. О военных действиях под городом Гданьском в 1733 г.

Журнал М-ва путей сообщения. 1856. № 3. Описание Ладожского канала. Ст. Казнакова. 1859. Ч. 30. Проект графа Миниха о предохранении Петербурга от наводнения.

Записки В. А. Нащокина. СПб., 1842.

Записки графа Миниха, сына фельдмаршала. М., 1817.

История России. С. М. Соловьева. Т. 18—21.

Исторические бумаги К. К. Арсеньева, изд. Пекарским. СПб., 1872. Материалы, касающиеся суда над Бироном. Изложение вины графов Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы Петровны. Донесение графа Миниха императрице Анне Ивановне о состоянии армии и невыгодности и постыдности для России мира, заключенного с турками при посредстве французского министра, маркиза Вильнева, 23 сентября 1739 г.

Маркиз Шетарди в России 1740—1742 гг. Пекарского. СПб., 1862.

Маяк. 1842. № 4. Воспоминания пелымского старожила; из записок Найденова.

Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до восшествия на престол Елисаветы Петровны. Вейдемейера. 3 ч. СПб., 1832.

Осмнадцатый век; сб., изд. Бартеневым. 4 т. М., 1868—1869. В т. 2 помещена статья Хмырова «Густав Бирон», перепечатанная также и в издании его «Исторических статей».

Отечественные записки. Изд. Свиньина. 1820. Ч. 3. № 6. Письмо фельдмаршала графа Миниха к императрице Ека-

терине II о Балтийском порте, 18 июня, 1764—1821. Ч. 5. № 11. Доклад фельдмаршала графа Миниха о собрании и издании всех российских указов и регламентов, поданный 14 мая 1735 г. (Примеч. на записки Манштейна указаны выше).

Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны. СПб., 1873.

Полное собрание законов. Т. 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 37.

Раут; изд. Сушкова. 1852. Кн. 1. Всеподданнейший рапорт императрице Екатерине II генерал-фельдмаршала графа Миниха, 7 июня 1764 г.— 1854. Кн. 3. Сведение о дневнике Миниха, извлеченное для императрицы Екатерины II, Храповицким. Письмо к императрице Екатерине II графа Миниха и его прошение об отставке 29 января 1767 г. (Прошение это напечатано также в «Артиллерийском журнале». 1857. № 6).

Русский архив; изд. Бартеневым. 1864 г. Экстракт из допросов бывшего фельдмаршала графа Миниха, 1842 г.— 1865 г. Фельдмаршал Миних из Сибири.— 1866 г. Еще письмо Миниха из Сибири.— 1867 г. Миниховы кондиции с русским правительством в 1721 и 1727 гг.

Русский вестник. Издание Полевого: 1841. Кн. 1. Записка, поданная Минихом перед вступлением в русскую службу 14 (25) марта 1721 г. Изд. Каткова: 1858. № 7. Ладожский канал; ст. Воскобойникова.

Русский инвалид. 1856. № 12. Диспозиция боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками, поданная графом Минихом императрице Анне Ивановне в 1737 г. Ст. Лебедева.— 1856. № 128, 275 и 276. Русские фельдмаршалы-писатели; ст. Геннади.

Русские полководцы от времен императора Петра I до Николая I. Полевого. СПб., 1845.

Сборник Рус. ист. о-ва. Т. 3, 5 и 6. Дипломатические документы, относящиеся к истории России XVIII столетия.

Слободские казачьи полки. Головинского. СПб., 1865.

Словарь русских гравированных портретов. Ровинского. (На с. 93 перечислены гравированные портреты Миниха).

Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 гг. Журавского. СПб., 1859. (Это сочинение было напечатано также в «Военном сборнике». 1859. № 9—12).

Сын Отечества. 1818. Ч. 43. Известия графа Миниха о Ладожском канале, написанные им в 1765 г.

Северный архив. 1822. Ч. 1. № 3. Записка, поданная генерал-фельдмаршалом графом Минихом императрице Анне Ивановне 22 декабря 1737 г., о свойствах и характере генералов во вверенной ему армии. 1825. Ч. 18. № 22. Российская армия в 1732 г. (Табель о числе людей в регулярных армейских, инженерных, артиллерийских и гарнизонных полках за подписью Миниха).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Август II, король польский 73, 74, 80, 161, 174, 209, 222, 224—228, 317, 325
Август III, король польский 97, 98, 174, 325, 339, 342, 344, 349
Адеркас, гувернантка принцессы Анны Леопольдовны 114, 187, 191
Адриан, патриарх 133
Алексей Алексеевич, царевич 67
Алексей Михайлович, царь 66, 67, 135, 136
Альберти, адвокат 215
Альбрехт, капитан Преображенского полка 93, 111, 170
Альгаротти, граф, писатель 359, 366
Андреева Авдотья, комнатная девица императрицы Анны Ивановны 182
Анна, греческая царевна 71
Анна Ивановна, императрица 58, 62, 92—96, 100, 101, 104, 107—112, 113, 114, 151, 155, 159, 168, 171, 175—178, 181, 182, 191
Анна Леопольдовна, принцесса 58, 63, 109, 110, 112—118, 170, 184, 185, 187—191
Анна Петровна, цесаревна 85, 86, 88, 123, 156, 157, 164
Антон-Ульрих, принц Брауншвейгский 112, 114—116, 120, 184, 185, 190, 353
Апостол Даниил, гетман малороссийский 88, 163
Апраксин Степан Федорович 113, 186
Апраксин Феодор Матвеевич, граф 80, 89, 162, 164, 167
Аристид, греческий полководец 351
Арсеньев, артиллерийский казначей 249
Арсеньев Константин Константинович, писатель 182, 368

Бакар, царевич грузинский 272, 281, 286, 289, 292, 315, 321
Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич, писатель 367
Бартенев Петр Иванович, издатель «Рус. архива» 368, 369
Барятинский Иван Федорович, князь 333
Бассевич, граф, голштинский министр 86, 153, 154, 157
Бекетов, астраханский губернатор 133
Бергхольц, голштинский камер-юнкер 233
Беренс, артиллерийский подполковник 253, 255, 256, 259, 260, 266, 269—271, 286
Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, граф 109, 111
Бестужев-Рюмин Константин Николаевич, профессор русской истории 53, 55—65
Бидло, доктор 151, 168
Бирон Бенигна-Готлиб, герцогиня Курляндская 309
Бирон Густав, генерал-аншеф 111, 156, 333, 334

Бирон Иоганн-Эрнст, герцог Курляндский 109—112, 119, 171, 190, 331, 332
Бирон Петр, герцог Курляндский 109, 111, 184, 302
Блум, немецкий писатель 366
Блументрост, архиатер 151, 152, 161, 168
Боергаве, доктор 152
Бонафу, полковник польской службы 226, 227
Ботта, маркиз, австрийский посол 115—117, 189
Брандт, казанский губернатор 133
Бреверн, тайный советник 186
Броун Юрий Юрьевич, генерал-аншеф 100, 134
Брюль, граф, саксонский министр 116, 189
Брюль, иркутский губернатор 134
Брюс Яков Вилимович, граф 75, 140
Брылкин Иван Онуфриевич, обер-прокурор Сената 119, 191
Буженинов Степан, шлиссельбургский комендант 246
Бутлер, подполковник 204
Бутурлин, военный писатель 338
Бутурлин Иван Иванович 83
Буффлер, французский маршал 222
Бюлер Феодор Андреевич, барон 189
Бюшинг, писатель 225, 297, 366

Вальдекер, посланник курфюрста трирского 209
Вандом, французский маршал 222
Васильчиков, дворянин 68
Вегелин, член Одесского о-ва истории и древностей российских 53
Вейдемейер, писатель 368
Вейсбах Иоанн-Бернгард, граф, генерал-аншеф 98, 176
Вельяминов, бригадир 144
Вестфален, датский посланник 156
Вильбоа, генерал-фельдцейхмейстер 129
Вильгельм III, король английский 200
Вильдеман, свояк фельдмаршала гр. Миниха 208, 218
Вильдеман Софья-Доротея, сестра фельдмаршала гр. Миниха 218
Вильке, гессен-кассельский генерал 204
Вильнев, маркиз, французский посланник 100—102, 178, 179
Вильруа, французский маршал 219
Вильяр, французский маршал 224
Винтерфельд, барон, прусский уполномоченный 190, 353
Витвер, генерал-майор 249, 257, 310
Витцендорф, жена тайного советника 215
Вицлебен Альбрехт, брат жены фельдмаршала гр. Миниха 203
Вицлебен Анна-Агнеса, бабка жены фельдмаршала гр. Миниха 202
Вицлебен Анна-Девора, теща фельдмаршала гр. Миниха 202, 206

Вицлебен Ганс-Генрих, тесть фельдмаршала гр. Миниха 202
Вицлебен Мария-Эсфирь, сестра жены фельдмаршала гр. Миниха 221
Вицлебен Фридман-Мельхиор 203
Вицлебен Фридрих-Эрнст, дед жены фельдмаршала гр. Миниха 202
Владимир святой, великий князь 71
Вобезер, капитан-поручик 204
Воейков, киевский губернатор 133
Волков генерал-лейтенант 240
Волков, Дмитрий Васильевич 128, 129, 194, 196
Волынский Артемий Петрович 107, 111, 333, 337, 352
Вольтман, немецкий издатель 366
Воронцов Михаил Ларионович, граф 121, 122, 128
Воронцов Семен Михайлович, князь 367
Воскобойников, писатель 369
Вратислав, граф, австрийский министр 116, 189
Вурмб Анна-София, тетка фельдмаршала гр. Миниха 206

Гакман, лекарь 249
Галем, писатель 366
Гарксен, писатель 367
Гаррас Евстафий-Генрих 203
Гвоздев Иван, капитан 245
Гемпель, писатель 367
Геннади Григорий Николаевич, писатель 369
Геннин, генерал-лейтенант 249, 272
Георг I, король английский 73
Гербер, артиллерийский майор 273
Герман, историк 332, 367
Герц, шведский министр 226
Гинтер, генерал-фельдцейхмейстер 238—241, 247
Гиппаррейтер, артиллерийский капитан 266
Глейхен Мария, рожденная фон Вормсен 203
Голиков Иван Иванович, историограф Петра I 233
Голицын Василий Васильевич, князь, боярин 67—69, 135
Голицын Дмитрий Михайлович, князь, действительный тайный советник 81, 96, 167, 168
Голицын Михаил Михайлович, князь, фельдмаршал 75, 76, 141, 142, 168, 274
Голицын Михаил Михайлович-младший, князь, тайный советник 169
Голицыны, князья 107
Головин Автомон Михайлович 138
Головин Николай Феодорович, граф 105, 113, 186
Головинский, писатель 369
Головкин Гавриил Иванович, граф 77, 80, 96, 143, 167, 168
Головкин Михаил Гаврилович, граф 113, 116, 120, 160, 187
Головцын, архангельский губернатор 133
Голштейн-Бек, принц, эстляндский губернатор 134
Гоннон, инженер-майор 362, 363
Гордон Патрик Иванович 138

Горн, доктор 151
Гохмут, генерал-лейтенант 282, 290
Граматин, секретарь принца Брауншвейгского 112, 185
Гросс, профессор Академии наук 122, 191, 192
Гуарини, иезуит 189
Гудович, адъютант Петра III 129
Густав-Адольф, король шведский 360

Давыдов, белгородский губернатор 133
Дадиан, князь, артиллерийский майор 321
Дашкова Екатерина Романовна, княгиня 195, 196
Девьер Анна Даниловна, графиня 162
Девьер Антон Мануилович, граф 88, 123, 161, 162
Дедие, голландский резидент 277
Де Кулон, инженер-лейтенант 241
Долгорукая Екатерина Алексеевна, княжна 90, 166, 269
Долгорукие, князья 69, 90, 107, 108, 165, 166
Долгорукий Алексей Григорьевич, князь 165, 166, 168
Долгорукий Василий Владимирович, князь 165, 168, 245, 256
Долгорукий Василий Лукич, князь 92, 93, 165, 168
Долгорукий Григорий Феодорович, князь 210, 225, 227
Долгорукий Иван Алексеевич, князь 90, 165
Долгорукий Иван Григорьевич, князь 166
Долгорукий Михаил Владимирович, князь 165, 168
Долгорукий Сергей Григорьевич, князь 166
Дондук-Омбо, калмыцкий хан 103, 181
Дулин, капрал 254
Дюмарик, пастор 57

Евгений, принц савойский 220—222, 224
Егоцкий, копиист 365
Екатерина Ивановна, царевна 92, 114, 225, 245
Екатерина I, императрица 84, 85, 88, 123, 153, 154, 157—160, 166, 171
Екатерина II, императрица 59, 129, 155, 184, 195, 357
Ек, писатель 366
Елисавета Андреевна, нянька дочерей Петра I 123
Елисавета Петровна, императрица 88, 122—126, 157—159, 162, 170, 172, 177, 187, 189, 192—195

Журавский, писатель 369

Загряжский, генерал-лейтенант 336
Залусский, плоцкий епископ 96
Засс, подполковник 274, 280
Зебах Анна-Лукреция, бабка жены фельдмаршала гр. Миниха 202
Зебах Ганс-Людвиг, дед жены фельдмаршала гр. Миниха 202
Зебах Иоганн-Вильгельм, дядя жены фельдмаршала гр. Миниха 206
Зебах Перепетуя-Елисавета 203
Зейбельдсдорф Луиза, генеральша 206

Зейкин Иван Афанасьевич 89, 163, 164

Иван Алексеевич, царь 66, 67, 69, 92, 136, 169
Иван Антонович, император 105, 113, 120, 122, 182, 352
Иван Васильевич (Грозный), царь 66, 74
Игнатьев Степан Лукич, генерал 243, 244, 261
Измайлов, стольник 144
Ильинишна, нянька дочерей Петра I 123
Имеретинский царевич, Александр 140
Иоанн-Адольф, герцог Саксен-Вейсенфельский 203, 343
Иоанн-Карл, пфальцграф рейнский 221
Иосиф I, австрийский император 220, 223

Казнаков, инженер-подполковник 368
Кайданов, писатель 180
Кальт, штык-юнкер 365
Каньони, советник Коммерц-коллегии 101, 102, 179, 180
Карл-Фридрих, герцог Голштинский83, 85, 86, 123, 153, 159
Карл VI, австрийский император 85, 101, 160, 176, 177, 179
Карл-Леопольд, герцог Мекленбургский 92, 169, 225
Карл, ландграф Гессен-Кассельский 222
Карл XII, король шведский 74, 75, 153, 226, 360
Карнович Евгений Петрович, писатель 169, 183
Катков М. Н., писатель 369
Каховский, могилевский губернатор 134
Квашнин-Самарин, нижегородский губернатор 133
Кейзерлинг, барон, русский посланник в Польше 116, 189
Кенигсек, граф, австрийский генерал 351
Кералио, французский писатель 367
Клаути, дармштадтский военный советник 201
Клевенгюллер, австрийский уполномоченный 189
Конради, архитектор 267
Кошелев, обер-контролер 249
Кречетников, псковский губернатор 134
Крюков Валериан Степанович, художник 54
Куне, адвокат 214
Куник, академик 367
Куракин Александр Борисович, князь 105, 113, 186

Ладыгин, капитан 364
Ламб, адъютант фельдмаршала гр. Миниха 243
Ламот-Перуз, французский бригадир 174, 339, 344
Ласси Петр Петрович, граф, фельдмаршал 99, 100, 122, 174, 178, 323, 333, 336
Лебедев Петр Семенович, писатель 369
Левашов Василий Яковлевич, генерал-аншеф 350
Левенвольде Карл-Густав, граф 94, 296, 300, 354
Левенвольде Карл-Рейнгольд, граф 105, 120, 124, 126, 185, 331
Лейтман, профессор 247
Леонтьев Михаил Иванович, генерал-аншеф 176, 290

Леопольд I, император австрийский 203
Лесток Иоанн-Герман, граф 121, 122, 126
Лесток Мария-Аврора, графиня, рож. Менгден 126
Лефорт Франц Яковлевич 72, 138
Лефорт, саксонский посланник 163, 168, 331, 359
Ливен Юрий Григорьевич, генерал 112, 184
Линар, граф, саксонский посланник 115, 187, 188, 190, 191
Лириа, герцог, испанский посланник 142, 149, 184
Листениус, доктор 182
Лобкович, граф, австрийский генерал 368
Ложье, французский писатель 179, 180
Лонуа, гувернантка дочерей Петра I 123
Люберас, генерал-майор 290, 333, 337, 338
Людвиг, принц Брауншвейгский 110, 114, 187
Людвиг, принц Гессен-Гомбургский 98, 122, 312, 319, 348, 349
Людвиг, маркграф баденский 220
Людвиг XIV, король французский 219, 220, 224
Людвиг XV, король французский 174, 317

Маврин Семен Афанасьевич 89, 163
Маврина, рожденная кн. Лобанова 163
Мазепа, гетман 71, 77, 144
Мальборо, английский генерал 220, 222
Мальцев, артиллерийский писарь 365
Манштейн, адъютант фельдмаршала гр. Миниха 113, 142, 184, 186, 190, 191
Мария-Терезия, императрица австрийская 179
Мартенс, пастор 355
Маслов, адъютант фельдмаршала гр. Миниха 248
Маслов, воронежский губернатор 133
Мейер, профессор 247
Мельгунов, генерал-лейтенант 129
Менгден, барон, президент Коммерц-коллегии 120, 124, 126, 186
Менгден Юлия, фрейлина принцессы Анны Леопольдовны 115, 122, 188, 189, 354
Ментенон, фаворитка Людовика XIV 219
Меншиков Александр Александрович, князь 86, 155
Меншиков Александр Данилович, князь 81, 83—90, 123, 142, 148, 149, 154—157, 162—167
Меншикова Александра Александровна, княжна 155, 156
Меншикова Мария Александровна, княжна 86, 87, 89, 155, 156, 160
Милиц, тайный советник 204
Миллер Герард-Фридрих, профессор 70
Мильтиад, греческий полководец 351
Миних, барон, тайный советник 185, 214
Миних Антон-Гюнтер, отец фельдмаршала 204, 207 217, 218

Миних Антон-Гюнтер-Вильгельм, сын фельдмаршала 204, 205
Миних Варвара-Элеонора, графиня, вторая жена фельдмаршала 123, 190, 283, 354
Миних Иоганн-Фридрих, дед фельдмаршала 206
Миних Иоганн-Эрнст, граф, сын фельдмаршала 183, 186, 189, 190, 223, 283, 366
Миних Софья, дочь фельдмаршала 123, 206
Миних Софья-Катерина, мать фельдмаршала 206, 207, 218
Миних Христина-Лукреция, первая жена фельдмаршала 200, 202, 221
Монтекукули, австрийский генерал 351
Монтескью, французский генерал 224
Монти, маркиз, французский посланник 97, 344
Мориц, граф саксонский 222, 226, 227
Мошков, гоф-интендант 300
Мунзей, доктор 195

Найденов, пелымский старожил 368
Нарышкин Александр Александрович 163, 186
Наталья Алексеевна, великая княжна 91, 155, 166
Наталья Кирилловна, царица 176
Нащокин Василий Александрович 368
Нейперг, австрийский генерал 100, 178, 179
Неплюев Иван Иванович 175, 256
Николай I, император 369
Нитш, доктор 328
Нитцер, бомбардир 307
Новосильцев Василий Яковлевич 108, 183
Нуцгорн Елисавета, бабка фельдмаршала гр. Миниха 199

Оболенский Михаил Андреевич, князь 367
Опочинин, обер-цейхвахтер 364
Орбинский, член Одесского об-ва истории и древностей российских 53
Ормонд, герцог, английский генерал 224
Оссолинский, граф 96
Остерман Андрей Иванович, граф 76, 89, 94—96, 101, 102, 104—109, 113, 116, 118, 120, 124, 126, 142, 164, 167, 185—187, 192, 331
Остерман Иван Андреевич, граф 367

Паумбург, капитан 138
Пекарский Петр Петрович, писатель 183, 185, 368
Петр I, император 58—61, 68—82, 87, 94, 123, 125, 136, 139—153, 176, 177, 208—211, 228—234
Петр II, император 61, 83, 84, 87, 89—92, 160, 168, 171, 239, 248
Петр III, император 63, 122, 126—129, 153, 195, 196, 356, 357
Петр, принц Голштинский 128
Плело, граф, французский посланник 339, 340
Плимике, капитан 253
Полевой Николай Алексеевич, писатель 369

Понятовский, граф 96, 344
Попов Нил Александрович, писатель 168
Потемкин, начальник Петербургской верфи 307
Потенган, баронесса, рожд. фон Эрффа 203
Потоцкий, примас польского королевства 96, 344
Прасковья Ивановна, царевна 295
Прасковья Федоровна, царица 123
Пушкин, камергер 186

Рабутин, граф, австрийский посланник 156, 157
Разумовский Алексей Григорьевич, граф 190, 191
Рейер, обер-вагенмейстер 303
Рейнсдорп, оренбургский губернатор 133
Репнин, князь, рижский генерал-губернатор 211
Ретберг, сестра фельдмаршала гр. Миниха 207
Ретберг, шурин фельдмаршала гр. Миниха 201, 214
Рибейро Санчес, доктор 181
Римский-Корсаков, подпоручик 244
Рихтер, профессор медицины 151
Ровинский Дмитрий Александрович, писатель 369
Ромодановский Федор Юрьевич, князь 69
Рондо, английский резидент 143, 149
Рондо, жена английского резидента 143, 149, 173, 187, 358, 369
Румянцев Петр Александрович, граф 134
Рутхер, пороховой заводчик 281, 298
Рух, инженер-капитан 293
Рюльер, французский писатель 367

Салтыков Семен Андреевич 90
Салтыкова Юлия Михайловна, фрейлина 245
Сапега Ян, граф 86, 156
Сапега Петр, граф 156, 157
Сарнихгаузен Даниил, родственник фельдмаршала гр. Миниха 200
Свиньин Павел Петрович, издатель 367
Сиверс, новгородский губернатор 133
Силлинген, магистр богословия 202
Скавронская Софья Карловна, графиня 86, 156
Скорняков-Писарев, бригадир 150
Скоропадский, гетман 144
Соковнин, подполковник 247
Соколов, член Одесского обва истории и древностей российских 53
Соловьев Сергей Михайлович, профессор 168, 183
Соломон, артиллерийский поручик 274
Сольмс, граф, саксонский камергер 366
Софья Алексеевна, царевна 69, 136
Сенявский, польский коронный гетман 225
Сперрейтер (Шпаррейтер), генерал-майор 99, 177, 255, 257, 265, 274, 299, 301
Станислав Лещинский, король польский 96—98, 101, 174, 179, 325, 336, 341—344
Стефан Яворский, митрополит 147

Стефан Баторий, король польский 225
Стрешнев, московский губернатор 186
Сукин Семен Иванович 108, 183
Сушков Николай Васильевич, писатель 369

Тарло, граф 336
Текутьев, смоленский губернатор 133
Темирязев, действительный статский советник 120
Тимковский, переводчик 367
Толкачев, артиллерийский писарь 365
Толстой Петр Андреевич, граф 89, 164, 167, 210, 211
Томилин, гостинодворец 298
Трубецкой, князь, киевский губернатор 163, 164
Трубецкой Иван Юрьевич, князь 93, 170, 185, 364
Трубецкой Никита Юрьевич, князь 106, 108
Трубецкой Юрий Петрович, князь 170

Украинцев, думный советник 138
Ульрика-Элеонора, шведская королева 153
Унковский, обер-кригскомиссар 249, 257, 264, 265, 268, 272, 278
Урусов, князь, петербургский комендант 247
Ушаков, петербургский губернатор 133
Ушаков Андрей Иванович, граф 81, 113, 184, 186

Федор Алексеевич, царь 66, 68, 135, 136
Фенелон, французский ученый 224
Феофан Прокопович, архиепископ 78, 143, 146, 153
Фермор, адъютант фельдмаршала гр. Миниха 266
Финч, английский посланник 115, 118, 189
Флемминг, граф, саксонский фельдмаршал 209, 226, 227
Фридрих I, король прусский 72, 221
Фридрих II, король прусский 142, 184, 190, 353, 360
Фридрих, герцог Гессен-Кассельский 221
Фридрих, герцог Голштинский 153
Фукс, артиллерийский подполковник 293, 301, 309

Хмельницкий Богдан, гетман 66
Хмыров Михаил Дмитриевич, писатель 53, 183, 191, 366
Хованский, князь 69
Храповицкий Александр Васильевич 369
Христиан V, король датский 218

Цвингер, инженер-подполковник 307
Цинцендорф, граф, австрийский министр 101, 227

Чарторижский, князь 96
Чемесов, гравер 54
Чередеев, дьяк 138
Черкасский Алексей Михайлович, князь 93, 95, 104, 105, 107—109, 111, 116, 118, 185, 297
Чернышев, рижский генерал-губернатор 272

Чернышев Захар Григорьевич, граф 134
Черский, каштелян польский 336
Чичерин, сибирский губернатор 134

Шафиров Петр Павлович, барон 81, 94, 148, 164, 231
Шаховский Яков Петрович, князь 354, 355
Шверин, граф, прусский фельдмаршал 222
Шверцельн, рожд. фон Экстерн 206
Шепелев, гофмейстер 113, 186
Шереметев Петр Борисович, граф 71, 138
Шетарди, маркиз, французский посланник 121, 181, 185, 189, 368
Шишлаков, артиллерийский писарь 365
Шишкин Иакинф Иванович, писатель 183
Шлоссер, историк 180, 219, 360, 361
Шмаевскиий, канцелярист 248
Шметтау, граф, саксонский генерал 227
Шмидт Физельдек, писатель 168
Шпекман, капрал 307
Шпигель, генерал 204
Шраутенбах, генерал 200
Шталь, доктор 152, 182
Шувалов Петр Иванович, граф 123, 125, 192, 193
Шувалова (Шепелева) Мавра Егоровна, графиня 123, 192
Шуленбург, граф, саксонский генерал 227, 351
Шумахер, обер-аудитор 207, 212, 364
Шумахер, секретарь Академии наук 242

Щебальский Петр Карлович, писатель 169, 367
Щербатов Михаил Михайлович, князь, историк 193, 195
Щербинин, слободско-украинский губернатор 134
Щербинин, адъютант фельдмаршала кн. Долгорукого 245

Эбергард-Христиан, князь Ост-Фрисландский 221
Эбермерль, голландский генерал 224
Эммануил, инфант португальский 277
Эмме, обер-аудитор 249

Юзефович, писатель 180
Юсупов Григорий Дмитриевич, князь 81, 261
Юшков, московский губернатор 133
Юшкова, жена подполковника 106

Ягужинский Павел Иванович, граф 80, 81, 83, 171, 210, 235
Ян Казимир (Собеский), король польский 67, 135, 225
Яух, польский инженер 209

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие А. В. Сазанова и Т. Г. Бородинской
СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ШУБИНСКИЙ И ЕГО «ЗАПИСКИ ГРАФА МИНИХА». 3

ЗАПИСКИ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА МИНИХА

[ПРЕДИСЛОВИЕ С. Шубинского] 51
ПРЕДИСЛОВИЕ К. Бестужева-Рюмина 55
ОЧЕРК УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
1. 66
2. 66
3. 66
4. 67
5. 67
6. 68
7. 68
8. 69
9. 70
ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ЭТИХ ГОСУДАРЯХ
10. 70
11. 71
12. 71
13. 72
14. 72
15. 72
16. 73
17. 73
ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ АРМИИ ПРИ ПЕТРЕ I
18. 74
19. 75
20. 77
ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ
21. 77
22. 78
23. 80
24. 81
25. 83
ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ
26. 84
27. 85

28. 85
29. 85
30. 86
31. 87
ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ
32 88
ЦАРСТВОВАНИЕ ЮНОГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II
33. 89
34. 89
35. 90
36. 91
37. 92
ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИВАНОВНЫ
38. 92
39. 94
ВОЙНА В ПОЛЬШЕ И С ПОРТОЮ
40. 96
41. 97
42. 100
43. 102
44. 104
45. 106
ХАРАКТЕР ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ
46. 107
ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИВАНОВНЕ
47. 107
ПРАВЛЕНИЕ РЕГЕНТА, ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКОГО
48. 109
ХАРАКТЕР РЕГЕНТА, ГЕРЦОГА КУРЛЯНДСКОГО БИРОНА
49. 110
ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ РЕГЕНТЕ, ГЕРЦОГЕ БИРОНЕ
50. 111
ПРАВЛЕНИЕ ПРИНЦЕССЫ АННЫ МЕКЛЕНБУРГСКОЙ
51. 112
ХАРАКТЕР ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ И ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ ПРИНЦЕССЫ АННЫ
52. 114
ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ-ПРАВИТЕЛЬНИЦЕ ПРИНЦЕССЕ АННЕ
53. 118

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
54. 119
ХАРАКТЕР ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
55. 122
ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ
56. 125
ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III
57. 126
ХАРАКТЕР ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III
58. 127
ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ ПЕТРЕ III
59. 128
60. 129
61. 130
ПРИМЕЧАНИЯ МИНИХА 133
1. Духовные лица: 133
2. Гражданские лица: 133
Названия губерний русской империи и фамилии губернаторов в 1772 г. 133
ПРИМЕЧАНИЯ С. Н. Шубинского 135

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДНЕВНИК ГЕНЕРАЛА БУРХАРДТА ХРИСТОФА ФОН МЮННИХА, НАЧИНАЯ С 1683 г. ПО 6 МАЯ 1727 г. 199
РОДОСЛОВНАЯ ФОН МЮННИХОВ 216
М. Д. Хмыров. ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРСТВО ГРАФА МИНИХА. (1729—1735) 217
Характеристический эпизод из истории русской артиллерии, по документам 217
УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И СТАТЕЙ, В КОТОРЫХ НАХОДЯТСЯ СВЕДЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ ГРАФА МИНИХА 366
УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН 371

Иллюстрация на обложке:
Портрет графа Миниха Бурхарда Кристофа (худ. Генрих Бухгольц) и фрагмент гравюры «Зимний дворец в первой половине XVIII в.»

ISBN 978-5-85209-397-4

Подписано в печать 23.12.2016.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 500 экз.
Заказ № 15. Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная историческая библиотека России
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.

Фельдмаршал граф Б.Х. Миних (1683–1767) занимает одно из самых видных мест в ряду государственных деятелей XVIII в. Его записки впервые были изданы в 1744 г. в Копенгагене на французском языке под заглавием «Очерк, дающий понятие об образе правления Российской империи». В них описываются события с конца XVII в. до воцарения Петра III, характеры государей и их придворных. В русском переводе «Записки...» появились лишь спустя столетие, отдельной книгой изданы в 1874 г. и были дополнены материалами историков XIX в. В новое издание включены примечания и предисловие современных исследователей – доктора исторических наук А.В. Сазанова в соавторстве с Т.Г. Бородинской